

ISSN: 2411-7897
e-ISSN: 2500-3534

ВЕСТНИК

ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2022. Том 8. № 1 (29)

Журнал основан в 1998 г.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72158 выдано 29 декабря 2017 г.
(ранее: ПИ № ФС77-60412 от 29 декабря 2014 г.) Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Л. М. Симонова, д. э. н., проф.

Заместители главного редактора:

Е. В. Андрианова, к. с. н., доц.; *Л. В. Зайцева*, д. ю. н., доц.;

К. А. Баннова, к. э. н.

Контактная информация:

Издатель:
Центр научных периодических изданий

Адрес издателя и редакции:
625003, г. Тюмень,
ул. Перекопская, 15а
vestnik-social-r@utmn.ru
☎ +7 (3452) 59-74-32

Печатная версия журнала
распространяется по подписке:
Каталог Российской прессы
(индекс ПА249)

Журнал выходит 4 раза в год

Публикация статей для авторов
бесплатна. Прием статей:
vestnik-social-r@utmn.ru

Информация для авторов:
<http://vestnik.utmn.ru>

Электронный вариант журнала
находится в открытом доступе:
<http://www.e-library.ru>
<http://vestnik.utmn.ru>

Учредитель: ФГАОУ ВО «Тюменский
государственный университет»,
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6

© Вестник Тюменского государственного университета.
Социально-экономические и правовые исследования, 2022
(Вестник Тюменского государственного университета, 1998-2014)
<http://vak.ed.gov.ru/87>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Симонова Людмила Михайловна доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой мировой экономики и международного бизнеса ТюмГУ
- Андрианова Елена Владимировна кандидат социологических наук, доцент, заведущий кафедрой общей и экономической социологии ТюмГУ, старший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
- Давыденко Владимир Александрович доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента, маркетинга и логистики, начальник Научно-исследовательского центра ТюмГУ
- Акулич Мария Михайловна доктор социологических наук, профессор кафедры общей и экономической социологии ТюмГУ
- Акихиро Ишикава профессор университета Чуо (Токио, Япония)
- Казьмерчик Ежи кандидат экономических наук, PhD, Государственный экономический университет в Познани (Познань, Польша)
- Костко Наталья Анатольевна доктор социологических наук, профессор кафедры общей и экономической социологии ТюмГУ
- Ромашкина Гульнара Фатыховна доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой математических методов, информационных технологий и систем управления в экономике ТюмГУ
- Собкин Владимир Самуилович доктор психологических наук, профессор, академик РАО, директор Института социологии образования РАО
- Джунсо Сонг доктор наук, профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Хангук (Сеул, Южная Корея)
- Зайцева Лариса Владимировна доктор юридических наук, заведующая кафедрой трудового права и предпринимательства ТюмГУ
- Клеандров Михаил Иванович доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, судья Конституционного Суда Российской Федерации
- Комиссарова Елена Генриховна доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права ТюмГУ
- Смахтин Евгений Владимирович доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса ТюмГУ
- Чеботарев Геннадий Николаевич доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права ТюмГУ
- Ярвелейд Пеэтер доктор юриспруденции, профессор Таллиннского университета (Таллин, Эстония)
- Баннова Кристина Алексеевна кандидат экономических наук, заведующий кафедрой экономики и финансов, ТюмГУ
- Гамукин Валерий Владимирович кандидат экономических наук, профессор кафедры финансов, денежного обращения и кредита ТюмГУ
- Драшкович Веселин Душанович доктор экономических наук, профессор Университета Черногории (Котор, Черногория)
- Крайсинг Фолькмар доктор экономики, профессор, консультант Кенийского университета Таита Тавета
- Руденко Дмитрий Юрьевич кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Финансово-экономического института ТюмГУ
- Шилова Любовь Федоровна доктор экономических наук, профессор кафедры учета, анализа и аудита ТюмГУ
- Авдеев Дмитрий Александрович кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права ТюмГУ, ответственный секретарь

TYUMEN STATE UNIVERSITY

HERALD

SOCIAL, ECONOMIC, AND LAW RESEARCH

2022. Vol. 8. No. 1 (29)

The journal was founded in 1998

The certificate of registration PI No. FS77-72158 issued on 29 December 2017
(prev. PI No. FS77-60412 on 29 December 2014) by RF Press Committee

---

This journal is included in the list of leading peer-reviewed journals published
in the Russian Federation disseminating the most notable findings of postgraduate research

---

EDITOR-IN-CHIEF:

L. M. Simonova, Dr. Sci. (Econ.), Prof.

Deputy Editors-in-Chief:

E. V. Andrianova, Cand. Sci. (Soc.), Assoc. Prof.; *L. V. Zaytseva*, Dr. Sci. (Jur.), Assoc. Prof.;

K. A. Bannova, Cand. Sci. (Econ.)

EDITORIAL BOARD

M. M. Akulich, Dr. Sci. (Soc.), Prof.
E. V. Andrianova, Cand. Sci. (Soc.), Assoc. Prof.
V. A. Davydenko, Dr. Sci. (Soc.), Prof.
A. Ishikava, Prof. (Japan)
J. Kaźmierczyk, Cand. Sci. (Econ.), PhD (Poland)
N. A. Kostko, Dr. Sci. (Soc.), Prof.
G. F. Romashkina, Dr. Sci. (Soc.), Prof.
V. S. Sobkin, Dr. Sci. (Psychol.), Prof.,
academician (RAE)
J. Song, PhD in History, Prof.
M. I. Kleandrov, Dr. Sci. (Jur.), corr. member (RAS)
E. G. Komissarova, Dr. Sci. (Jur.), Prof.
Ye. V. Smakhtin, Dr. Sci. (Jur.), Prof.
G. N. Chebotaryov, Dr. Sci. (Jur.), Prof.
P. Järvelaid, Dr. of Jurisprudence, Prof.
V. V. Gamukin, Cand. Sci. (Econ.), Prof.
V. D. Drašković, Dr. Sci. (Econ.), Prof.
V. Kreising, Dr. of Economy, Prof.
D. Yu. Rudenko, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof.
L. F. Shilova, Dr. Sci. (Econ.), Prof.
D. A. Avdeev, Cand. Sci. (Jur.), Assoc. Prof. —
executive secretary

Contact information:

Publisher:

The Center for Research Periodicals

Publisher and editorial address:

**15a Perekopskya St.,
Tyumen, 625003, Russia
vestnik-social-r@utmn.ru
☎ +7 (3452) 59-74-32**

Subscription to the printed edition of the journal:
No. ПА249 in the Russian Post catalogue

The journal is released 4 times a year

No publication charges.

For article submission or any requests contact:
**vestnik-social-r@utmn.ru
http://vestnik.utmn.ru**

E-version of the journal can be accessed at:
**http://www.e-library.ru
http://vestnik.utmn.ru**

Founded by the University of Tyumen:
6 Volodarskogo St., Tyumen, 625003, Russia

© Tyumen State University Herald.
Social, Economic, and Law Research, 2022
(Tyumen State University Herald, 1998-2014)
<http://vak.ed.gov.ru/87>

В НОМЕРЕ:

СОЦИОЛОГИЯ

Ромашкина Г. Ф., Худякова М. В.
Восприятие кризиса: опыт пандемии
COVID-2019 8

Каргаполова Е. В., Лашук И. В.
Предпринимательский потенциал
жителей Беларуси, проживающих
на загрязненных радионуклидами
территориях 27

Андрианова Е. В., Давыденко В. А.,
Худякова Ю.
Парадоксы современного
институционального развития
крестьянских (фермерских)
хозяйств 51

Галкина Е. П., Кадничанская М. И.
Структура общественно-политических
ценностей молодежи в современном
российском обществе:
региональный аспект 102

Сухарькова М. П., Синг Н.
Волонтеры крупных спортивных
мероприятий в России и Индии 120

ПРАВО

Ким Ю. В.
А была ли реформа: к вопросу
о правовом значении поправок
к Конституции Российской
Федерации 2020 года 136

Гамирова А. С., Добрынин Н. М.
Государственно-территориальное
устройство Российской Федерации:
история и современное состояние 152

Руденко В. В.
Общероссийская гражданская
идентичность
как конституционно-правовая
категория в России 173

Иванова Е. Л., Петров А. А.
Регулирование предварительного
конституционного контроля
в постсоветских государствах
(сравнительно-правовой анализ
и оценка перспектив развития
в России) 189

Кутейников Д. Л., Ижаев О. А.,
Зенин С. С., Лебедев В. А.
Ключевые подходы к правовому
регулированию использования систем
искусственного интеллекта 209

Морозов В. И., Лосев С. Г.,
Чукреев А. А.
Эволюция понятия должностного
лица в отечественном законодательстве:
проблемы и перспективы 233

ЭКОНОМИКА

Токмакова Е. Г., Космачева А. Ю.
Дизайн системы аналитического
учета доходов и расходов
управляющей компании
в сфере ЖКХ 249

Булгакова И. Н., Александрова Т. В.,
Елохов А. М.
Разработка методики формирования
команды проекта в системе
HR-менеджмента организации 269

Попова Л. И. Таможенное администрирование внешнеторговых операций: основные направления и результаты	288
Трофимова Е. А., Кольцова Т. А., Бакунова Т. В., Заборовская А. Е. Современные тенденции в налогообложении	307
Овечкин Д. В., Болдырева Н. Б. Эконометрическая оценка риск-премий на российском рынке акций	331
Содержание за 2021 год	348

CONTENTS	Gamirova A. S., Dobrynin N. M. State-territorial structure of the Russian Federation: history and current status 152
SOCIOLOGY	Rudenko V. V. All-Russian civil identity as a constitutional and legal category in Russia 173
Romashkina G. F., Khudyakova M. V. Perception of the crisis: the experience of the COVID-2019 pandemic 8	Ivanova E. L., Petrov A. A. Regulation of preliminary constitutional review in the post-Soviet states (comparative legal analysis and evaluation of development prospects in Russia) 189
Kargapolova E. V., Lashuk I. V. Entrepreneurial potential of Belarus citizens living in areas contaminated by radionuclides 27	Kuteynikov D. L., Izhaev O. A., Zenin S. S., Lebedev V. A. Key approaches to the legal regulation of artificial intelligence 209
Andrianova E. V., Davydenko V. A., Khudyakova Yu. Paradoxes of modern institutional development of peasant (farmer) farms 51	Morozov V. I., Losev S. G., Chukreev A. A. Evolution of the concept of an “official” in the domestic law: problems and prospects 233
Galkina E. P., Kadnichanskaya M. I. The structure of socio-political values of the youth in modern Russian society: regional aspect 102	ECONOMICS
Sukharkova M. P., Singh N. Volunteers of sport mega-events in Russia and India 120	Tokmakova E. G., Kosmacheva A. Yu. Design of an analytical accounting system for income and expenses of a management company in the housing and utilities sector 249
LAW	Bulgakova I. N., Alexandrova T. V., Elokhov A. M. Development of a methodology for building a project team in the HR-management system of an organization 269
Kim Yu. V. Was there a reform: to the question of the legal significance of the amendments to the Constitution of the Russian Federation of 2020 136	

Popova L. I. Customs administration of foreign trade operations: main directions and results	288
Trofimova E. A., Koltsova T. A., Bakunova T. V., Zaborovskaya A. E. Modern trends in taxation	307
Ovechkin D. V., Boldyreva N. B. Econometric assessment of risk premiums in the Russian stock market	331
Contents for 2021	352

СОЦИОПОГИЯ

Гульнара Фатыховна РОМАШКИНА¹

Марина Владимировна ХУДЯКОВА²

УДК 662.5

ВОСПРИЯТИЕ КРИЗИСА: ОПЫТ ПАНДЕМИИ COVID-2019*

¹ доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля, Тюменский государственный университет
g.f.romashkina@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-7764-5566

² кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет
m.v.khudyakova@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-5280-2935

Аннотация

Исследовательская *цель данной статьи* — выявить влияние кризисных явлений, связанных с пандемией, на оценку людьми текущего и будущего периодов их жизни. *Научная новизна* обусловлена получением уникальных эмпирических данных для характеристики современных тенденций изменения социального оптимизма в обществе (на примере населения Тюменской области), понимания того, как люди реагировали на процессы, связанные с пандемией.

Эмпирической базой послужили результаты социокультурного мониторинга в Тюменской области в период с 2006 по 2021 г. Выборки стратифицированные, случайные

---

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60524.

Цитирование: Ромашкина Г. Ф. Восприятие кризиса: опыт пандемии COVID-2019 / Г. Ф. Ромашкина, М. В. Худякова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 8-26.
DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-8-26

внутри квот по половозрастной структуре и территории проживания, репрезентирующие население Тюменской области. Изучались основные социально-демографические характеристики, компоненты социального оптимизма: оценки ближайшего года по сравнению с предыдущим, ближайшего и отдаленного будущего. Показано, что общественное мнение реагирует на кризисные явления в оценках текущего момента, но глубина и продолжительность кризиса проявляется в оценках будущего. За период с 2006 по 2017 г. две трети жителей Тюменской области сохраняли стратегический оптимизм — надежду на то, что в дальнейшем всё будет хорошо, но в последние три года доля стратегических оптимистов снижается. Социально-экономические последствия пандемии COVID-19 для жителей Тюменской области оставались доминирующим паттерном даже весной 2021 г. Среди показателей, статистически устойчиво связанных с ответами на вопросы о последствиях и поведении в период пандемии, отмечены социальный оптимизм (в первую очередь оценки текущего года), возраст, стаж работы, тип поселения. Жители сельских поселений значительно чаще отвечают, что для них ничего не изменилось, и реже, чем горожане, указывают на снижение дохода или заработка. Существенные отличия проходят по оси «оптимизм — пессимизм». Оптимисты выбирают проактивную стратегию поведения, опираясь на свои силы; они в два раза реже теряют в доходе или лишаются работы, берутся за дополнительную работу. Пессимисты ожидают ухудшения своей жизни и в дальнейшем. Исследование показало, что в группе оптимистов существенно реже встречаются те, кто столкнулся с COVID-19 лично, болел сам или видел, как болеют близкие. Среди этих респондентов резко снижается частота ответов, характеризующих стратегию деятельностно-достижительного типа. Остается неочевидной направленность связи, поскольку необходимы дополнительные исследования качественного типа.

Ключевые слова

COVID-19, пандемия, социум, общественное мнение, социальный оптимизм, кризис, социально-экономические последствия.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-8-26

Введение

Начиная с конца 2019 г. в мире не прекращается череда социальных кризисов и потрясений. Появление и распространение по планете COVID-19 ознаменовало переход к новой нормальности. Вначале не было общего понимания, что же в реальности происходит. Многие государства, международные организации реагировали ситуативно, процессы происходили и оценивались неоднозначно. С течением времени в кризис вовлекалось всё большее количество простых людей и экономических акторов, международные организации, страны и континенты. Анализируя процесс распространения пандемии, следует отметить его взрывной характер. В январе 2020 г. более 100 заболевших было зарегистрировано только в Китае (2 877 заболевших и 82 смерти на 27 января 2020 г.). Уже через месяц в Китае подтверждено 77 241 случай заболевания COVID-19 и 2 595 смертей,

в Италии — 229 и 7, в Южной Корее — 833 и 8 соответственно [24]. К концу марта, по данным Университета Хопкинса, список стран с более чем 100 зарегистрированными случаями COVID-19 включал уже 190 государств, в том числе и Россию, где было зарегистрировано 1 836 случаев заболевания и 9 смертей [23].

Историю действий официальных органов в условиях разрастающегося кризиса можно проследить по данным официальных сайтов. Например, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) предупредила мир об опасности в заявлении от 09 января 2020 г. в разделе «Новости о вспышках болезней» в Ухане, провинция Хубэй, КНР, не понимая глобального характера эпидемии. Необходимые рекомендации для стран — участников ВОЗ появились в конце февраля 2020 г. Сложившаяся ситуация официально была признана пандемией практически во всём мире 11 марта 2020 г. В том же месяце ВОЗ публикует глобальную дорожную карту по научным исследованиям нового коронавируса, программу оперативного реагирования и первую группу рекомендаций по прекращению, сдерживанию, локализации, замедлению распространения вируса и уменьшению его негативных воздействий. По данным ВОЗ, на 27 апреля 2020 г. в мире официально зарегистрировано 3 043 021 случай заболевания и 221 066 смертей, в том числе в России 81 147 и 794 соответственно [19].

В первую очередь удар пришелся на национальные системы здравоохранения. Как ни странно, особенно остро потрясение ощутили жители развитых стран, которые привыкли к определенному уровню комфорта. Так, в Италии взрывной характер пандемии и неподготовленность системы здравоохранения привели к огромным потерям среди населения, которых, скорее всего, можно было бы избежать. Другие страны подготовили свои медицинские учреждения не ранее чем к лету 2020 г., что вызвало определенную панику среди населения. Практически все страны Европы и США выбрали путь введения общенациональных локдаунов, различных экономических и социальных ограничений, массовой поддержки жителей. Страны Юго-Восточной Азии, и в первую очередь Китай, ввели чрезвычайно сильные ограничения, поддерживаемые большинством населения, и смогли быстро ограничить очаги распространения вируса. Необходимо отметить, что население этих стран уже имело печальный опыт действий в условиях сильных эпидемий (например, так называемые китайский и гонконгский грипп). Например, в Китае максимальные темпы заражений и смертей наблюдались в феврале-марте 2020 г., далее они снижались. Вторая волна распространения вируса была более чем в 3 раза ниже, чем первая, и остановлена к январю 2021 г. В Южной Корее общее число случаев заболевания превысило 5,8 млн, общая смертность составила более 6 млн человек, по данным на 11 марта 2022 г., но темпы прироста смертности были существенно снижены после вспышки июля 2021 г. [24]. Мы видим, как близкие географически и по плотности населения страны по-разному реагируют на процессы, связанные с пандемией. Среди одной из доминирующих версий причин такой разницы — преимущество авторитарного управления перед демократическими режимами по оперативности и жесткости принимаемых ограничительных мер.

Что же в это время происходило в России? Прежде всего принят комплекс мер ограничительного характера: 25 марта 2020 г. вышел Указ Президента РФ № 206 «Об объявлении в РФ нерабочих дней с 30.03 по 03.04.2020» [11]; впоследствии было принято несколько подобных указов, введены ограничения на общественном транспорте, например [8], мораторий на банкротство и прочее. Среди социальных мер отметим уголовное преследование за распространение фейков и массовое заражение [18], ограничения на передвижения в крупных городах, в первую очередь для граждан 60+. Разработан существенный пакет мер поддержки бизнеса и семей: определены перечни экономических агентов, имеющих право на адресную поддержку, налоговые отсрочки, кредитные каникулы; материальная поддержка семьям с детьми и прочие меры адресного характера.

В мире отмечено 3-5 крупных волн эпидемии, вызванных сезонным фактором и тремя утвердившимися в популяции штаммами вируса, в числе которых первоначальный «уханьский», так называемый Дельта, — гораздо более вирулентный и смертоносный, чем первый, и Омикрон, который сегодня считается ослабленным по сравнению с двумя предыдущими. Анализ статистики заболеваемости и смертности показывает, что ни одна крупная страна мира не миновала этих волн. Но сроки наступления соответствующих вспышек, их мощность, продолжительность и смертоносность сильно вариабельны. В РФ можно отметить пять локальных вспышек: до мая 2020 г., декабрь 2020 г., июль и ноябрь 2021 г., февраль 2022 г. Эти волны также связывают с сезонным фактором и с тремя видами штаммов. Общее число случаев заболеваний в России, по данным на 11 марта 2022 г., составило 17 242 043 человек, общая смертность — 352 437 человек [23].

Наша задача не сводится к анализу периодов и статистики заболеваемости, мы пытаемся рассмотреть, как люди реагировали на процессы, связанные с пандемией. В числе самых существенных социальных проблем, связанных с восприятием пандемии в РФ, был массовый отказ от вакцинирования [16], недоверие к вакцинам и системе здравоохранения в целом, приведшие к критически низким темпам вакцинирования и росту заболеваемости летом-осенью 2021 г.

Обзор научных и информационных источников

Исследовательский интерес к вопросам социального самочувствия населения, восприятия им изменений окружающей социально-экономической среды, оценки будущих перспектив жизни постоянно находится в фокусе внимания социологов. При этом выбор показателей для анализа и способы их расчета определяются в зависимости от целей конкретных исследований [2]. Среди индикаторов социального самочувствия применяют оценки удовлетворенности жизнью [3], своей работой [13], состоянием здоровья [20], ощущения собственной безопасности [12].

Периодически возникающие кризисы отражаются на уровне социального самочувствия граждан, и эта проблематика не остается без внимания исследователей. Примером тому является социологический мегапроект, эмпирической базой которого стали пять «волн» общенациональных исследований, проведенных в режиме мониторинга в период 2014-2016 гг.; его результаты представлены

в многотомнике ИС РАН под редакцией Н. К. Горшкова. Авторами отмечено, что в кризисные годы усиливается разрыв между социальными группами: улучшение уровня и качества жизни отмечают материально благополучные слои населения, а нижние слои всё более погружаются в бедность. При этом уровень оптимизма населения улучшался на протяжении всего периода исследования [10].

Период пандемии COVID-19 ознаменовал новый этап развития человечества. Учеными и специалистами ведущих университетов и научных центров на сегодняшний день представлен ряд комплексных исследований и проанализированы наиболее актуальные проблемы, вставшие перед здравоохранением и образованием, социальной и экономической политикой, системой государственного управления в связи с пандемией коронавирусной инфекции [например, 1, 5].

По мнению ряда исследователей, «последствия пандемии наиболее явно затронули социальные элементы текущей общественной формации» [15, с. 480]. Шоки экономической системы, такие как падение совокупного производства и платежеспособного спроса, увеличение безработицы и социального неравенства, количественно измеримы и понятны. Как отмечает в своих работах американский эксперт Н. Талеб, эпидемиологические факторы не относятся к числу провоцирующих длительную стагнацию [17]. Последствия пандемии для социальной системы, где отсутствовали привычные коммуникации, люди массово сталкивались с изменением своего социального статуса, наблюдалось разрушение социальных атрибутов субъекта и иные социально-культурные и психологические изменения, имеют более тяжелый характер. К переформатированию сознания большинства населения и многократно возрастающим эмоциональным нагрузкам приводит и тот факт, что современное мировое информационно-коммуникационное пространство дает возможность следить за новостями в режиме реального времени [22, с. 150]. По данным проведенных исследований, доминирующие оценки социально-психологического состояния отдельных индивидов находятся в диапазоне «спокойствия — уравновешенности — тревожности». Новые поведенческие практики и ограничения, появившиеся в ходе пандемии, воспринимаются населением дифференцировано и, как правило, в позитивно-нейтральном или негативном ключе [1, с. 104]. Поэтому особую значимость имеет восстановление социального комфорта граждан, снижение уровня социальной напряженности в обществе [15].

Ряд работ посвящен вопросам регулирования социально-экономических процессов в пандемийный период и эффективности их использования. Отмечается, что «практически все без исключения страны в процессе выхода из кризиса отвели ключевую роль именно государству и его структурам, полностью проигнорировав возможности и потенциал существующих рыночных механизмов» [22, с. 149]. Высокий градус социальной напряженности в периоды поиска баланса между коронавирусными ограничениями и обеспечением непрерывности всех экономических и социальных процессов демонстрировали ряд государств. Волны протестных мероприятий проходили в Германии, Франции, Канаде, США и других странах. Но именно государственный аппарат принуждения часто оказывался тем институтом, который в состоянии противодействовать инфекции и защищать интересы граждан [21].

По мнению ученых и экспертов, пандемия выявила целый ряд экономических и социальных проблем, которые еще предстоит тщательно анализировать и решать в будущий период. Среди них обеспечение одновременной работоспособности плановой и оперативной медицины; баланс между необходимостью карантинных ограничений и непрерывностью функционирования социально-экономической сферы жизнедеятельности; приоритетность цифровизации и повышение доступности этих технологий для широких слоев населения при условии обеспечения информационной безопасности; значимость международного сотрудничества для совместного противодействия распространению пандемии. На повестке сегодняшнего дня стоят абсолютно новые задачи, которых ранее не было [5].

Новые реалии меняют социальную картину в части структуры угроз и возможностей, которые люди определяют для себя, оценок своего материального и социально-психологического благополучия. По данным ВЦИОМ, 62% россиян опасаются, что они сами или их близкие могут заболеть коронавирусом [7]; последствия заболевания в виде характерных осложнений ощущают 79% переболевших COVID-19 [6]. Мониторинг социального самочувствия россиян за период 11.2020-08.2021 показывает, что индекс самооценки материального положения снизился на 5%, но индекс удовлетворенности жизнью в целом вырос на 3%, а индекс оптимизма увеличился на 5%, хотя и находится в зоне негативных оценок (-52 в августе 2021 г.) [14].

Таким образом, можно зафиксировать сильную отстраненность жителей России от проблем, связанных с сохранением своего здоровья, разорванность связей между оценками своего материального положения, социальным самочувствием, опасениями, связанными с коронавирусом и готовностью предпринимать активные действия для выхода из зоны дискомфорта. Мы проверим эти гипотезы по данным массовых социологических опросов, проводимых коллективом социологов Тюменского госуниверситета.

Данные и методы

Данные собраны в период 2006-2021 гг. методом массового анкетного опроса по районированным стратифицированным выборкам, репрезентирующим население Тюменской области по полу, возрасту и территории расселения, см. приложение 1. Описание программы исследований и более ранние данные можно найти, например, в [4, с. 67-74; 9]. В выборку полевого этапа 2021 г. отобрано 1 727 человек, из них 46% мужчин и 54% женщин; 33% проживают в сельских населенных пунктах или ПГТ, 16% — в малых или средних городах, 51% — в крупном городе (г. Тюмень); 35% имеют высшее образование; среди возрастных групп тех, кто моложе 31 года, 25%, в группе 31-40 лет — 22%, и далее 41-50 лет — 24%, старше 50 лет — 29%.

Основной вопрос, анализируемый в данной статье, был поставлен в множественной полукоткрытой форме: «Скажите, пожалуйста, как повлиял кризис 2020 г. на Вашу жизнь?»; предложены варианты ответа, а также дана возможность указать свой вариант. Ответы можно было давать в произвольной форме, указывая сколько

угодно вариантов, список см. в таблице 2¹. Такой подход позволил провести анализ данных с применением процентных распределений, проверкой нуль-гипотезы и корреляций. Все дополнительные вопросы, привлеченные к анализу, имели либо количественную меру (возраст, количество детей, «Сколько лет Вы работаете в данной сфере?», «Сколько лет Вы работаете в своей организации?»), либо порядковую или дихотомическую. Поэтому для обеспечения сравнимости данных и корректности вычислений применяли критерий Хи-Квадрат Пирсона и корреляции Тау-в Кендалла.

Анализ результатов

Динамика компонентов социального самочувствия жителей Тюменской области, которые были получены в процессе социокультурного мониторинга за период с 2006 по 2021 г., приведена на рис. 1. Компоненты социального оптимизма вычислялись по ответам на вопросы, далее вычислялись соответствующие индексы (описание и метод получения индексов см. в приложении 1 и [4]).

Следует отметить сильную волатильность оценок текущего года по сравнению с прошлым годом. За весь период наблюдений эти оценки достигали минимума в 2009, 2016 гг. При этом оценки ближайшего будущего и оценки будущего в целом сохраняли положительную динамику. Однако глубина осознания кризиса может быть оценена только по совместному «проседанию» оценок текущего года, ближайшего года и уверенности в будущем. Как правило, люди более уверены в своем отдаленном будущем, чем в самой близкой перспективе. Особенность 2021 г. в том, что впервые за период наших наблюдений в Тюменской области средневзвешенная уверенность в будущем показала результат ниже оценок ближайшего года.

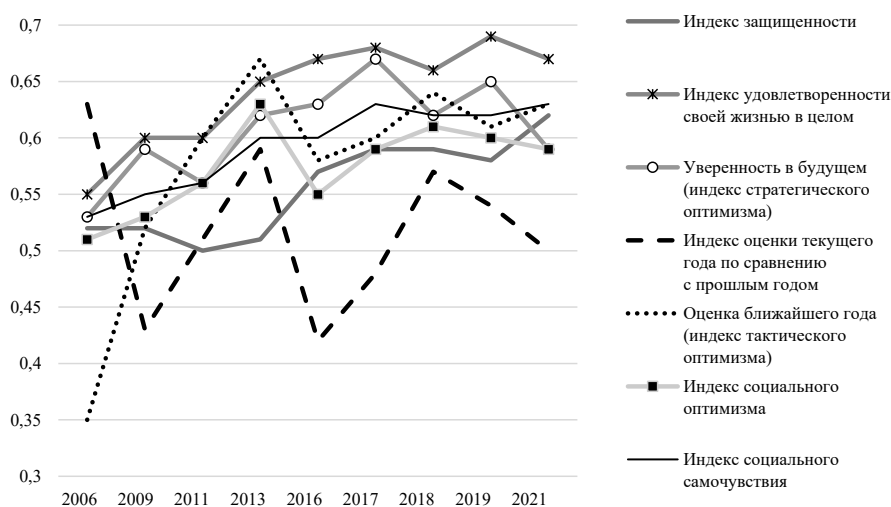

Рис. 1. Динамика составляющих индекса социального оптимизма, 2006-2021 гг.

Fig. 1. Dynamics of the components of the social optimism index, 2006-2021.

¹ При кодировании применялся дихотомический метод, отсутствие ответа соответствует нулю, согласие с вариантом отражено единицей.

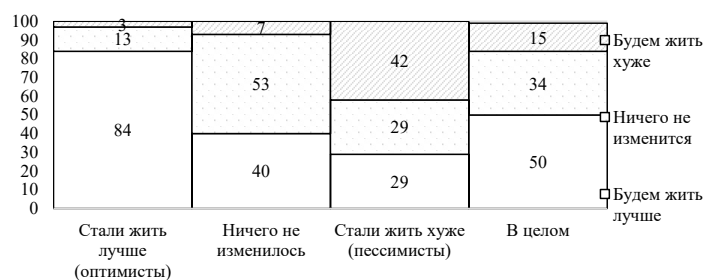

Рис. 2. Связь оценок текущего и ближайшего года, в % по строке, 2021 г. Лучше = значительно лучше + несколько лучше. Хуже = значительно хуже + несколько хуже

Fig. 2. Correlation between evaluation of the current and next year, in % by line, 2021. “Better” implies “Significantly better” and “Somewhat better”. “Worse” — “Significantly worse” and “Somewhat worse”

Последние три года (2019-2021 гг.) оценки текущего года по сравнению с прошлым постоянно снижаются, при этом они оставались в зоне общих позитивных оценок, см. рис. 1. Так, в 2021 г. оценивали свою жизнь хуже, чем в прошлом, 26% опрошенных (пессимисты); 44% считают, что в их жизни ничего не изменилось; 23% от числа опрошенных считают, что их жизнь в текущем году улучшилась (оптимисты), и 7% затруднились с ответом. Однако ожидали дальнейшего ухудшения своей жизни только 15% от всей выборки. Среди пессимистов ожидают дальнейшего ухудшения в следующем году 42%, тогда как среди оптимистов таковых оказалось 3%, см. рис. 2. Напротив, оптимисты ожидают дальнейшего улучшения своей жизни в 84% случаев. То есть в 2021 г., несмотря на бушующую во всем мире пандемию, подавляющее большинство жителей региона продолжало надеяться на улучшение своей жизни, если и не в ближайшем году, то в более отдаленном будущем. Судя по оценкам тактического оптимизма, весной 2021 г. люди не ощущали текущий кризис как затяжной и глубокий, в отличие от 2009 и 2016 гг. Однако стратегический оптимизм, проявляющийся в уверенности в будущем, оставаясь в целом позитивным для половины жителей региона, впервые за исследуемый период наметил тенденцию к снижению.

За прошедшие время с момента начала пандемии в России люди ощутили на себе основные кризисные проявления. Рассмотрим ответы респондентов о влиянии на их жизнь кризиса 2020 г. Ответ «ничего не изменилось» дали 47% от общего числа опрошенных, и это наиболее часто встречающийся ответ (таблица 1). Особенно остро социальная инерция проявляется в сельских территориях, где более половины опрошенных (54%) указали на отсутствие каких-либо перемен. Социальные оптимисты продолжали оценивать текущие изменения как временные, и только те, кто ощутил на себе прямые отрицательные последствия, дают более негативные прогнозы. Изменения в своей жизни в виде экономических последствий отметили примерно треть опрошенных: «потерял в заработке, доходах» (17%), «пришлось взяться за дополнительную работу» (9%), «столкнулся

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Скажите, пожалуйста, как повлиял кризис 2020 г. на Вашу жизнь?», в % от числа опрошенных по столбцу⁽¹⁾

Table 1

Distribution of answers to the question "Could you please tell us how the crisis of 2020 affected your life?", in % of the number of respondents by column⁽¹⁾

Ранг ⁽²⁾	Вариант ответа	Поселение				Оценки текущего года ⁽³⁾		
		Деревня, село, поселок	Малый и средний город	Крупный город (от 500 тыс.)	В целом	Пессимисты	Оптимисты	В целом
1	Ничего не изменилось	54	49	41	47	48	42	46
2	Потерял в зароботке, доходах	17	22	16	17	20	12	18
3	Узнал новое для себя, научился чему-то новому	9	12	19	14	12	24	15
4	Заболел, у меня ухудшилось здоровье	9	9	14	12	13	8	12
5	Пришлось взяться за дополнительную работу	9	10	9	9	7	16	9
6	Нашел новые возможности	6	6	12	9	9	10	9
7	Столкнулся с задержками заработной платы, социальных выплат	6	8	10	8	7	10	8
8	Оказался без работы и заработка	5	6	6	6	7	3	6
9	Я потерял близких людей из-за эпидемии COVID-2019	5	6	5	5	6	3	5
10	Сумел повысить свою квалификацию, стал больше зарабатывать	3	4	4	4	3	7	4
11	Пришлось перейти на другую, менее оплачиваемую работу	3	2	2	2	3	2	2
12	Нашел другую, лучше оплачиваемую работу	2	1	3	2	1	6	2
13	Другое	1	2	1	1	100	100	100
	<i>Итого</i>	100	100	100	100	48	42	46

⁽¹⁾ Вопрос допускал более 1 варианта ответа. ⁽²⁾ Ранг выстроен согласно доле ответов в последнем столбце таблицы 1. ⁽³⁾ Пессимисты и оптимисты разделены согласно оценкам текущего года, вопрос 3 приложения 1.

⁽¹⁾ More than one answer is possible. ⁽²⁾ This ranking is based on the share of the answers from the last column of Table 1. ⁽³⁾ Pessimists and optimists are divided according to the evaluation of the current year, Question 3 from Appendix 1.

с задержками заработной платы, социальных выплат» (8%). Отметим, что указанные следствия более характерны для городских жителей. Самые тяжелые варианты ответа опрошенных: «заболел, у меня ухудшилось здоровье» (12%), «потерял близких людей из-за эпидемии COVID-2019» (5%).

Часть респондентов отметили и позитивные последствия, и чаще это жители крупного города. Так, каждый седьмой житель региона (14% от числа опрошенных) «узнал новое для себя, научился чему-то новому» (среди жителей Тюмени таковых 19%); 9% указали, что «нашли новые возможности» (среди жителей Тюмени таковых 12%); еще 4% выбрали вариант ответа «сумел повысить свою квалификацию, стал больше зарабатывать» (для сельских жителей этот результат несколько ниже — 3%).

Мы допускаем, что в большой степени люди предпочитают давать социально-ожидаемые результаты, корректируя свои ответы в сторону позитивной повестки. Однако структура ответов отражает общественное мнение достаточно объективно. Важно отметить, что доминируют два главных направления: «ничего не изменилось» и экономические последствия, отразившиеся преимущественно в виде потерь в доходе. Три варианта: «узнал новое для себя, научился чему-то новому», «нашел новые возможности», «нашел другую, лучше оплачиваемую работу» — указывают на выбор частью жителей Тюменской области деятельностной стратегии преодоления кризиса. И это именно те варианты, которые резко повышают свою частоту в группе оптимистов по оценкам текущего года в сравнении с прошлым периодом. Разделение выборки на группы оптимистов и пессимистов по оценкам текущего года показало, что, в первую очередь, негативные оценки связаны с потерями в доходах (20% среди оптимистов против 12% среди пессимистов), см. три последние столбца таблицы 1. Отметим ухудшение здоровья 13% пессимистов и 8% оптимистов. Оптимисты в два раза чаще указали, что они узнали для себя что-то новое; предпочитали взяться за дополнительную работу, повышали квалификацию чаще более чем в два раза, чем пессимисты.

Взаимосвязь основного вопроса, анализируемого в данной статье, с социально-демографическими характеристиками респондентов (пол, возраст, семейное положение, количество детей), статусом по основному месту работы (стаж работы в организации, наличие подчиненных, наличие дополнительной занятости), а также с их оценками текущего года по сравнению с прошлым периодом показана в таблице 2. Некоторые выводы можно сформулировать, изучая корреляции (Tau-b Кендалла), которые, с учетом дихотомической размерности целевой переменной, возможно интерпретировать как вероятность повышения (или понижения) результатов соответствующего ответа на вопрос. Учтем, что вариант «нет» имел кодировку «0», а «да» кодировался как «1». Например, различия между городскими и сельскими жителями проявляются в ответах «ничего не изменилось» (назовем «нейтральной оценкой»), которая резко возрастает в селах; «узнал что-то новое, нашел новые возможности» и «заболел» возрастает в крупном городе, что также подтверждается данными, представленными в таблице 1 выше.

Table 2
Correlations of Kendall's Tau-b with the answer options to the question "Could you please tell us how the crisis of 2020 affected your life?"

Ранг ⁽¹⁾	Тип поселения	Сколько Вам полных лет	Ваш пол	Ваше семейное положение	Сколько у Вас детей?	Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?	Сколько лет Вы работаете в данной сфере?	Сколько лет Вы работаете в своей организации?	Имеете ли Вы на ос-новной работе подчиненных?	Есть ли у Вас дополнительная занятость в настоящее время?
1	-,103**	,107**	0,008	-,061**	,069**	-,078**	,099**	,116**	0,027	,106**
2	-0,016	-0,019	-0,015	-0,026	0,018	,142**	0,027	0,003	-0,035	-0,045
3	,121**	-,154**	,070**	,060**	-,110**	-,114**	-,099**	-,062*	0,041	-,117**
4	,073**	,098**	0,035	0,018	-0,003	,102**	,055*	0,022	0,016	0,001
5	,089**	-,161**	-0,011	0,042	-,105**	-,116**	-,099**	-,095**	,072**	-,123**
6	0,011	-0,032	-0,007	0,035	-0,011	0,024	-,055*	-0,039	-,063*	-,196**
7	,063**	-0,020	0,041	-0,015	-0,011	-0,022	-0,008	0,009	0,019	0,022
8	0,009	-0,017	-0,018	,066**	-0,023	,075**	-,114**	-,134**	-0,021	0,049
9	-0,002	,042*	0,014	-0,001	0,036	,079**	-0,003	0,020	-0,027	-0,002
10	0,026	-,070**	0,002	-0,022	-0,034	-,098**	-,063*	-,062*	,064*	-,081**
Всего ⁽²⁾	1 727	1 724	1 706	1 719	1 703	1 715	1 025	1 126	1 204	1 192

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя). ** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя). ⁽¹⁾ Кодировка ответов совпадает с рангом в таблице 1. ⁽²⁾ Всего человек (количество).

Варианты, собравшие менее 3% от выборки, не приведены, поскольку не гарантирована ошибка второго рода.

* Correlation is significant at the level of 0.05 (two-way). ** Correlation is significant at the level of 0.01 (two-way). ⁽¹⁾ The number of each answer is from Table 1. ⁽²⁾ Total number of people.

Answers constituent less than 3 % of the sample are not included as 2 gen error is not guaranteed

Гендерные различия значимы только в ответах «узнал новое для себя, научился чему-то новому»: женщины (17%) немного чаще, чем мужчины (12%), выбрали данный ответ. Возраст респондента повышает вероятность положительного ответа «ничего не изменилось», «заболел, у меня ухудшилось здоровье», что вполне объяснимо. Люди, имеющие семью и более двух детей, существенно реже дают нейтральные оценки, но чаще выбирают деятельностную стратегию. Чаще, чем в среднем по выборке, отвечают «ничего не изменилось» люди, имеющие большой стаж трудовой деятельности и дополнительную занятость. Мы видим, что наличие в прошлом дополнительной занятости снижает вероятность выбора деятельностной стратегии преодоления кризиса. В наибольшей степени изучаемый вопрос оказался связан с оценками текущего года по сравнению с прошлым периодом: практически все варианты (кроме шестого и седьмого, согласно нумерации таблицы 1) оказались тесно связаны с ним, что мы увидели по данным таблиц 1 и 2.

Выводы

Основные выводы можно сгруппировать в три взаимосвязанных блока. Во-первых, восприятие кризисных явлений отражается на том, как люди оценивают не только текущий период, но и том, чего они ожидают от ближайшего и отдаленного будущего. В период 2006-2019 гг., согласно нашим данным, наблюдалось два сильных провала — в 2009 и в 2016 гг. Эти сильные кризисы имеют V-образную конфигурацию, когда сильно снижаются оценки текущего года по сравнению с прошлым периодом, оценки ближайшего остаются высокими, а уверенность в будущем возрастает. После 2019 г. произошли изменения в структуре оценок: темпы снижения более плавные, при этом люди ожидали, что в ближайшем будущем всё поправится; не ощутив улучшения в ближайший год, оценки текущего года еще более снижаются. Впервые за исследуемый период начинает снижаться уверенность в будущем, тогда как оценки текущего года снижались значительно менее волатильно, чем в два предыдущих кризиса. Считают, что для них ничего не изменилось, примерно половина жителей региона, четверть отметили ухудшение, и еще четверть — улучшение по сравнению с прошлым годом. Тем не менее в 2021 г. половина жителей региона в той или иной степени уверены в своем будущем, четверть сомневаются, и еще четверть не уверены. Ожидали улучшения в ближайший год половина опрошенных, четверть не ожидали изменений, и еще четверть ожидали ухудшения.

Во-вторых, ответы на прямой вопрос о влиянии на жизнь кризиса 2020 г. отражают установки на стабильность почти для половины опрошенных (46% — «ничего не изменилось») и потери в уровне жизни для остальных (практически все остальные). Значительно отстают оценки, связанные с деятельностной стратегией преодоления кризиса и снижением здоровья. Деятельностную стратегию выбрали около четверти респондентов; ответили, что болели и их здоровье ухудшилось, 12% от числа опрошенных, еще 5% жителей региона потеряли своих близких в период пандемии. Более детальный анализ показал, что основные различия в восприятии социально-экономических последствий кризиса, связанного с пандемией COVID-19, и собственных выбранных стратегий проходит по оси

«оптимизм — пессимизм». Однако статистический анализ не позволяет раскрыть направленность влияния.

В-третьих, массовые опросы как инструмент измерения «общей температуры» общественного мнения очень важны, они достаточно четко и оперативно отражают характер изменений, основные проблемы и важные взаимосвязи. Одновременно наши результаты подтверждают противоречивость и фрагментарность массового сознания, особенно в кризисные периоды. Поэтому причинно-следственные связи и сущность происходивших изменений необходимо изучать другими, качественными методами. Именно в этом направлении мы и планируем дальнейшие исследования.

Приложение 1

**Объем выборок данных,
кол. человек**

Appendix 1

**Volume of data samples, in number
of people**

Годы	2006	2009	2011	2013	2016	2017	2018	2019	2021
Кол-во человек	1 715	1 560	1 271	2 335	1 422	1 640	1 610	1 642	1 721

Для анализа привлекаются результаты социокультурного мониторинга в Тюменской области, проведенные в период 2006–2021 гг. Выборки квотные репрезентативные по территории и половозрастной структуре, со случайным отбором внутри групп с контролем по уровню образования респондента.

Вопросы мониторинга, привлекаемые к анализу.

Ответы на вопросы № 1-3 кодировались в пятичленной порядковой шкале.

1. Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?

Ответы: совершенно не уверен (0), вполне уверен (уверена) (1) (уверенность в будущем)

2. Как Вы думаете, в ближайшем году Вы и Ваша семья будете жить лучше, чем сегодня, или хуже?

Ответы: значительно хуже (0), значительно лучше (1) (оценка ближайшего года)

3. Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?

Ответы: намного хуже (0), намного лучше (1) (стали жить лучше/хуже по сравнению с прошлым годом).

Индексы вычислялись по формуле средневзвешенного таким образом, чтобы 0 соответствовал минимуму, а 1 — максимуму для всех опрошенных.

4. Дополнительные вопросы: возраст респондента (кол-во лет), его пол, семейное положение (одиноким; живут вместе, но не в браке; женат), количество детей, стаж работы в данной организации, наличие подчиненных по основному месту работы, наличие дополнительной занятости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики) / ФНИСЦ РАН. М., 2021. № 2. 109 с. DOI: 10.19181/INAB.2021.2
2. Кученкова А. В. Социальное самочувствие и субъективное благополучие: соотношение понятий и способов измерения / А. В. Кученкова // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 2 (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-samochuvstvie-i-subektivnoe-blagopoluchie-sootnoshenie-ponyatiy-i-sposobov-izmereniya> (дата обращения: 02.03.2022).
3. Латова Н. В. Динамика и факторы удовлетворенности жизнью россиян (1997-2017) / Н. В. Латова // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 65-78. DOI: 10.7868/S0132162517120078
4. Новая индустриализация: возможности, ограничения и противоречия социокультурного пространства: монография / науч. ред.: В. А. Давыденко, Г. Ф. Ромашкина. Тюмень: Тюменская областная Дума, 2018. 226 с. URL: <http://www.duma72.ru/upload/iblock/7f3/novindustrreg.pdf> (дата обращения: 13.03.2022).
5. Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России / глав. ред. В. А. Мау; Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. М., 2020. 744 с.
6. Постковид: страдаем, но не лечимся. Аналитический обзор // ВЦИОМ: оф. сайт. 2022. 17 февраля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/postkovid-stradaem-no-ne-lechimsja> (дата обращения: 13.03.2022).
7. «Пятая волна» и как с ней бороться? Аналитический обзор // ВЦИОМ: оф. сайт. 2022. 21 января. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pjataja-volna-i-kak-s-nei-borotsja> (дата обращения: 13.03.2022).
8. Распоряжение Правительства РФ от 27.03.2020 № 763-р (ред. от 02.12.2021) «О временном ограничении движения через автомобильные, железнодорожные, пешеходные, речные и смешанные пункты пропуска через государственную границу Российской Федерации, а также через сухопутный участок российско-белорусской государственной границы» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348748/ (дата обращения: 01.03.2022).
9. Ромашкина Г. Ф. Социологический анализ факторов и ресурсов человеческого капитала / Г. Ф. Ромашкина, М. В. Худякова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Том 13. № 6. С. 232-251. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.14
10. Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / [М. К. Горшков и др.]; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. 427 с.
11. Сводная таблица нормативно-правовых актов, принятых в связи с пандемией коронавируса // Юридическое агентство ЮС КОГЕНС: оф. сайт. URL: <https://jus-cogens.ru/novosti/svodnaja-tablica-normativno-pravovyh-aktov-prinjatyh-v-svjazi-s-pandemiej-koronavirusa/> (дата обращения: 09.02.2022).
12. Симонович Н. Е. Экономическая и социально-психологическая безопасность современного общества / Н. Е. Симонович, И. А. Киселева // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. Том 9. № 45 (234). С. 53-57.

13. Соболева И. В. Социальное самочувствие предпринимателей и наемных работников в малом бизнесе / И. В. Соболева // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 57-69. DOI: 10.31857/S013216250004586-7
14. Социальное самочувствие россиян: мониторинг. Аналитический обзор // ВЦИОМ: оф. сайт. 2021. 28 декабря. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-rossijan-monitoring> (дата обращения: 13.03.2022).
15. Социально-экономические последствия пандемии COVID-19 в России / Н. С. Павлова, А. А. Нурутдинов, Е. З. Зулкарнаева, Н. Р. Абрамов // Евразийский юридический журнал. 2021. № 4 (155). С. 480-481. DOI: 10.46320/2073-4506-2021-4-155-480-481
16. Статистика вакцинации от коронавируса в России и мире // Коронавирус: информационный портал. URL: <https://coronavirus-control.ru/statistika-vakczinaczii/> (дата обращения: 11.03.2022).
17. Талев Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / пер. с англ. В. Сонькина и др. М.: КоЛибри, 2012. 525 с.
18. Федеральный закон от 01.04.2020 № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349082/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/ (дата обращения: 01.03.2022).
19. Хронология действий ВОЗ по борьбе с COVID-19 // Глобальный веб-сайт. Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/29-06-2020-covidtimeline> (дата обращения: 10.03.2022).
20. Шклярчук В. Я. Сохранение здоровья как фактора социального самочувствия производственного персонала / В. Я. Шклярчук // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 139-141.
21. Шлычков В. В. «Ручное управление» как проявление институционального кризиса и деформации существующей модели российской экономики / В. В. Шлычков // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 4. С. 144-149.
22. Шлычков В. В. «Коронакризис» COVID-2019 как источник новых вызовов и катализатор мировых социально-экономических процессов / В. В. Шлычков, П. А. Батайкин, Д. Р. Нестулаева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2021. № 2 (54). С. 148-158. DOI: 10.26456/2219-1453/2021.2.148-158
23. COVID-19. Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) / Johns Hopkins University (JHU). URL: <https://coronavirus.jhu.edu/map.html> (дата обращения: 05.03.2022).
24. Novel Coronavirus (COVID-19) Cases, provided by JHU CSSE // COVID-19 Data Repository by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University. URL: <https://github.com/CSSEGISandData/COVID-19> (дата обращения: 10.03.2022).

Gulnara F. ROMASHKINA¹
Marina V. KHUDYAKOVA²

UDC 662.5

**PERCEPTION OF THE CRISIS: THE EXPERIENCE
OF THE COVID-2019 PANDEMIC***

¹ Dr. Sci. (Soc.), Professor,
Department of Economic Security, System Analysis and Control,
University of Tyumen
g.f.romashkina@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-7764-5566

² Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Department of General and Economic Sociology,
University of Tyumen
m.v.khudyakova@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-5280-2935

Abstract

Research purpose of this article is to identify the impact of the crisis phenomena associated with the pandemic on people's evaluation of the current and future periods of their lives. *The scientific novelty* is due to the receipt of unique empirical data to characterize the current trends in social optimism in society (using the example of the population of the Tyumen Region) and in understanding of how people reacted to the processes associated with the pandemic.

The empirical base consists of the results of sociocultural monitoring in the Tyumen Region for the period from 2006 to 2021. The research sampling is stratified, random within quotas based on sex and age structure and territory that represent the population of the Tyumen region. The authors studied the main socio-demographic characteristics — components of social optimism: comparison of the results of the current year with the previous one, and

---

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-04-60524.

Citation: Romashkina G. F., Khudyakova M. V. 2022. "Perception of the crisis: the experience of the COVID-19 pandemic". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 1 (29), pp. 8-26.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-8-26

the evaluation of the near and distant future. The article demonstrates that public opinion reacts to crisis phenomena in the evaluation of the present moment, but the depth and duration of the crisis influence the evaluation of the future. Over the period from 2006 to 2017, two-thirds of residents of the Tyumen Region maintained strategic optimism — the hope that everything would be fine in the future, but in the last three years their share began to decline. The socio-economic consequences of the COVID-19 pandemic remained the dominant pattern for the residents of the Tyumen Region even in the spring of 2021. Indicators that are statistically consistently related to the perception of consequences and behavior during the pandemic are associated with social optimism (primarily in the evaluation of the current year), age, work experience, type of settlement. When compared with urban residents, rural residents answer that nothing has changed in their lives much more often, they also note the decrease in income and earnings more rarely. But the most significant differences take place on the optimism/pessimism axis. Optimists choose a proactive strategy, rely on their own capabilities; they are twice as less likely to lose their jobs, experience a decrease in income and earnings; they take on additional work more than twice as often. Meanwhile, pessimists expect further deterioration of their lives. The study showed that people who have been ill or whose relatives have been ill during the pandemic, are significantly less likely to be in the group of optimists. Among them, the frequency of responses of the active-achievement type decreases sharply. The direction of the revealed connection remains unclear since qualitative research is needed.

Keywords

COVID-19, pandemic, society, public opinion, social optimism, crisis, socio-economic consequences.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-8-26

REFERENCES

1. Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS. 2021. Information and Analytical Bulletin (INAB). Russian society in the context of the pandemic: a year later (the experience of sociological diagnostics). No. 2. 109 pp. DOI: 10.19181/INAB.2021.2 [In Russian]
2. Kuchenkova A. V. 2016. "Social self-perception and subjective well-being. A review of definitions and measurement models". RSUH/RGGU Bulletin. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies, no. 2 (4), pp. 118-127. Accessed 2 March 2022. <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-samochnuvstvie-i-subektivnoe-blagopoluchie-sootnoshenie-ponyatiy-i-sposobov-izmereniya> [In Russian]
3. Latova N. V. 2017. "Dynamics and factors of life satisfaction of Russians (1997-2017)". Sociological Studies, no. 12, pp. 65-78. DOI: 10.7868/S0132162517120078 [In Russian]
4. Davydenko V. A., Romashkina G. F. (eds.). 2018. New industrialization: opportunities, limitations and contradictions of the socio-cultural space: monograph. Tyumen: Tyumen Regional Duma. 226 pp. [In Russian]

5. Mau V. A. (ed.). 2020. Society and the pandemic: experience and lessons of fighting COVID-19 in Russia. Moscow: Analytical Center for the Government of the Russian Federation . 744 pp. [In Russian]
6. VCIOM: Russian Public Opinion Research Center. 2022. "Post-COVID: we suffer, but we are not treated. Analytical review". Accessed 13 March 2022. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/postkovid-stradaem-no-ne-lechimsja> [In Russian]
7. VCIOM: Russian Public Opinion Research Center. 2022. 21 January. "The 'fifth wave' and how to deal with it? Analytical review". Accessed 13 March 2022. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pjataja-volna-i-kak-s-nei-borotsja> [In Russian]
8. ConsultantPlus legal reference system. On temporary restriction of movement through automobile, railway, pedestrian, river and mixed checkpoints across the state border of the Russian Federation: Order of the Government of the Russian Federation of 27 March 2020 No. 763-r (ed. of 2 December 2021). Accessed 1 March 2022. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348748 [In Russian]
9. Romashkina G. F., Khudyakova M. V. 2020. "Sociological analysis of human capital factors and resources". *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 13, no. 6, pp. 232-251. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.14 [In Russian]
10. Gorshkov M. K., Andreev A. L., Barash R. E., Byzov L. G., Drobizheva L. M. et al. 2017. *Russian Society and challenges of the time*. Book five. Edited by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. Moscow: Ves Mir. 427 pp. [In Russian]
11. Official website of the Law Agency JUS COGENS. Summary table of regulatory legal acts adopted in connection with the coronavirus pandemic. Accessed 9 February 2022. <https://jus-cogens.ru/novosti/svodnaja-tablica-normativno-pravovyh-aktov-prinjatyh-v-svjazi-s-pandemiej-koronavirusa/> [In Russian]
12. Simonovich N. E., Kiseleva I. A. 2013. "Economic, social and psychological security of modern society". *National Interests: Priorities and Security*, vol. 9, no. 45 (234), pp. 53-57. [In Russian]
13. Soboleva I. V. 2019. "Social well-being of entrepreneurs and employees in small business". *Sociological Studies*, no. 4, pp. 57-69. DOI: 10.31857/S013216250004586-7 [In Russian]
14. VCIOM: Russian Public Opinion Research Center. 2021. 28 December. "Social well-being of Russians: monitoring. Analytical review". Accessed 13 March 2022. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-rossijan-monitoring> [In Russian]
15. Pavlova N. S., Nurutdinov A. A., Zulkarnayeva E. Z., Abramov N. R. 2021. "Socio-economic consequences of the COVID-19 pandemic in Russia". *Eurasian Law Journal*, no. № 4 (155), pp. 480-481. DOI 10.46320/2073-4506-2021-4-155-480-481 [In Russian]
16. Coronavirus Information Portal. "Coronavirus vaccination statistics in Russia and the world". Accessed 11 March 2022. <https://coronavirus-control.ru/statistika-vakcinaczii/> [In Russian]
17. Taleb N. 2012. *The black swan. Under the sign of unpredictability*. Translated from English by V. Sonkin et al. Moscow: KoLibri. 525 pp. [In Russian]
18. ConsultantPlus legal reference system. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and articles 31 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of 1 April 2020 No. 100-FZ.

- Accessed 1 March 2022. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349082/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/ [In Russian]
19. Global website. World Health Organization. "Listings of WHO's response to COVID-19". Accessed 10 March 2022. <https://www.who.int/ru/news/item/29-06-2020-covidtimeline> [In Russian]
  20. Shklyaruk V. Ya. 2009. "Preservation of health as a factor of social well-being of production personnel". *Sociological Studies*, no. 12, pp. 139-141. [In Russian]
  21. Shlychkov V. V. 2015. "'Manual control' as a manifestation of institutional crisis and deformation of the existing model of the Russian economy". *The Review of Economy, the Law and Sociology*, no. 4, pp. 144-149. [In Russian]
  22. Shlychkov V. V., Bataykin P. A., Nestulaeva D. R. 2021. "'Coronacrisis' COVID-2019 as a source of new challenges and a catalyst for global socio-economic processes". *Herald of Tver State University. Series: Economics and Management*, no. 2 (54), pp. 148-158. DOI: 10.26456/2219-1453/2021.2.148-158 [In Russian]
  23. Johns Hopkins University (JHU). COVID-19. Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE). Accessed 5 March 2022. <https://coronavirus.jhu.edu/map.html>
  24. COVID-19 Data Repository by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University. Novel Coronavirus (COVID-19) Cases, provided by JHU CSSE. Accessed 10 March 2022. <https://github.com/CSSEGISandData/COVID-19>

Екатерина Владимировна КАРГАПОЛОВА¹
Ирина Валерьевна ЛАШУК²

УДК 316.334.5

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ, ПРОЖИВАЮЩИХ НА ЗАГРЯЗНЕННЫХ РАДИОНУКЛИДАМИ ТЕРРИТОРИЯХ

¹ доктор социологических наук, доцент,
заместитель директора Высшей школы
социально-гуманитарных наук по научной работе,
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова (г. Москва);
профессор кафедры экономической социологии
и психологии предпринимательской деятельности,
Белорусский государственный экономический университет (г. Минск)
K474671@list.ru; ORCID: 0000-0002-2892-3953

² кандидат социологических наук, доцент,
заведующий кафедрой экономической социологии
и психологии предпринимательской деятельности,
Белорусский государственный экономический университет (г. Минск)
Lashuki1974@gmail.com

Аннотация

В данной статье рассматриваются особенности стратегий поведения жителей Республики Беларусь, проживающих на территориях, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС, в области предпринимательской деятельности. Эмпирической базой данной работы явились результаты исследования, выполненного в рамках НИР «Осуществить социологическую оценку предпринимательского потенциала территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС, в рамках мероприятия „Провести социологическую оценку факторов, механизмов и условий развития малого и среднего бизнеса на территориях,

---

Цитирование: Каргаполова Е. В. Предпринимательский потенциал жителей Беларуси, проживающих на загрязненных радионуклидами территориях / Е. В. Каргаполова, И. В. Лашук // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 27-50.
DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-27-50

пострадавших от аварии на ЧАЭС“» Государственной программы по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС на 2021-2025 годы (№ ГР 20213172). Объектом исследования является взрослое (16-59 лет) население Республики Беларусь, проживающее на территориях, пострадавших от аварии на ЧАЭС.

Предмет исследования — предпринимательская активность разных социально-демографических и территориальных групп населения территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС, и их оценки условий для развития малого и среднего бизнеса.

По результатам проведенного исследования выявлен смешанный характер социально-экономических систем исследуемых регионов, так как в структуре занятости сочетаются рыночные и нерыночные предпочтения и мотивы с некоторым преобладанием рыночных. С одной стороны, в условиях конкуренции в современном мире больше шансов на успех имеют системы со смешанной экономикой, то есть такие, в которых сочетаются рыночные и нерыночные структуры. С другой стороны, в таких системах стратегически важной становится необходимость укрепления морально-нравственных структур личности, позволяющих сохранить баланс материального и духовного. Ведь перевес материального приводит к потребительским настроениям, которые трудно удовлетворить. Далее, как следствие, — снижение рождаемости, проблемы с экологией, рост социальной напряженности.

Ключевые слова

Зараженные радионуклидами территории, предпринимательский потенциал, предпринимательская активность, стратегии поведения в сфере бизнеса и предпринимательства.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-27-50

Введение

Предпринимательская деятельность — важнейший компонент любой современной экономической системы. В условиях, когда практически все страны имеют рыночную форму экономики, либо же находятся в переходном к этой форме состоянии, предпринимательство стало очень широко распространенным явлением. Помимо преследования сугубо экономических интересов, предпринимательская активность выполняет и значимую социальную функцию — формирует инновационную пост-индустриальную экономическую систему, новый социальный строй общества, который служит естественной опорой общественному устройству [7, 8, 17].

В переходных экономиках важным является формирование предпринимательского потенциала как многоуровневой системы «ресурсов и реальных возможностей ведения бизнеса, которые могут быть реализованы через осуществление рискованной, инновационной деятельности и организацию благоприятной предпринимательской среды с целью обеспечения социально-экономической эффективности функционирования бизнес-сферы» [13, с. 49]. Процесс формирования предпринимательского потенциала всегда был тесно связан с целым

комплексом важнейших социально-экономических проблем. Среди них можно выделить наиболее значимые, такие как стимулирование развития производства, поддержание конкурентоспособной экономической подсистемы, вовлечение в сферу предпринимательской деятельности большей части незанятого в производстве населения, переориентация кредитной и налоговой политики.

Предпринимательство от других форм экономической деятельности отличают два элемента: экономическая свобода; личная заинтересованность в успешности своей деятельности [16]. Поэтому важными для формирования предпринимательского потенциала являются готовность акторов к деятельности в условиях экономической свободы, а также создание институциональных условий равного для всех доступа к ресурсам и рынкам сбыта и возможностей индивида самому выбирать форму предпринимательской деятельности. Важнейшим элементом предпринимательского потенциала является осознание индивидом морально-этической санкционированности ведения бизнеса, так как предприниматель сам выбирает, какими моральными принципами руководствоваться, осуществляя свою деятельность. Соответственно, необходимо укрепление морально-нравственной структуры предпринимателя, позволяющее сочетать стремление к получению экономической прибыли и социальную полезность предпринимательской деятельности.

За последнюю пару десятков лет в Республике Беларусь появились тысячи предпринимателей. Наибольшую долю среди всех форм занимает малый бизнес. Его вклад во внутренний валовой продукт Республики Беларусь в 2020 г. составил 26,4% [5]. Поэтому проблематика развития предпринимательского потенциала является актуальной для развития экономики Беларуси. Правительство Республики Беларусь ставит перед собой задачу развития малого и среднего предпринимательства, так как видит в нем один из факторов обеспечения стабильно высокого уровня занятости населения и экономического роста. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства «Беларусь — страна успешного предпринимательства» на период до 2030 г. утверждена постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17 октября 2018 г. № 743. Цель стратегии — формирование динамично развивающегося сектора малого и среднего предпринимательства, способного существенно улучшить структуру белорусской экономики, повысить ее конкурентоспособность, обеспечить эффективную занятость и рост доходов населения. Основные задачи — создание благоприятных административно-правовых и экономических условий, формирование системы мер для качественного развития бизнеса и создание эффективной специализированной структуры государственной поддержки малого и среднего предпринимательства. Реализация стратегии планируется в два этапа: переходный этап — 2018-2020 гг. (совершенствование институциональной базы и инфраструктуры), основной этап — 2021-2030 гг. (создание и функционирование конкурентоспособного и адаптивного предпринимательского сектора национальной экономики). В результате реализации стратегии при согласованных действиях госорганов и бизнеса долю субъектов малого и среднего предпринимательства в общем объеме валовой добавленной стоимости планируется довести к 2030 г. до 50% [3].

На сегодняшний день в Республике Беларусь зафиксировано рассогласование между законодательным «раскрепощением» малого и среднего бизнеса с одной стороны и недостаточно сформированным уровнем развития предпринимательских компетенций, а также отсутствием необходимых качеств с другой стороны. Для эффективного развития малого и среднего бизнеса в Республике Беларусь необходимо, помимо законодательных реформ, сформировать у населения предпринимательскую активность, грамотность и соответствующие компетенции. В связи с этим возникла необходимость изучить предпринимательский потенциал жителей территорий, пострадавших от аварии на Чернобыльской атомной электростанции (ЧАЭС), в сфере предпринимательства и бизнеса.

Методология и методы исследования

Необходимо подчеркнуть, что в Республике Беларусь на постоянной основе осуществляется изучение территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС. Так, в 2017-2019 гг. Институтом социологии НАН Беларуси выполнено НИР по заданию «Разработать рекомендации по формированию установок самореализации и закрепления молодежи в районах, наиболее пострадавших от аварии на ЧАЭС» Государственной программы по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС на 2011-2015 гг. и на период до 2020 г. В 2019-2020 гг. Институтом социологии НАН Беларуси совместно с УО «Белорусский государственный экономический университет» выполнено НИР по заданию «Провести социологический мониторинг оценок населения эффективности реализации целей устойчивого развития, в том числе и возможностей трудоустройства в районах, пострадавших от аварии на ЧАЭС (по различным сферам экономики)» Государственной программы по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС на 2011-2015 гг. и на период до 2020 г. В ходе исследований получены значимые результаты, например, выявлена зависимость социального самочувствия населения данных территорий от реализации мероприятий по развитию инфраструктуры прежде всего в сельских населенных пунктах и малых городах. Установлено, что значимое повышение уровня удовлетворенности трудовой деятельностью среди экономически активного населения требует развития регионального рынка труда в аспекте расширения предлагаемых вакансий, увеличения уровня оплаты труда, что также в наибольшей степени актуально для сельских населенных пунктов и малых городов [9-12, 18].

Эмпирической базой данной работы явились результаты исследования, выполненного в рамках НИР «Осуществить социологическую оценку предпринимательского потенциала территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС, в рамках мероприятия „Провести социологическую оценку факторов, механизмов и условий развития малого и среднего бизнеса на территориях, пострадавших от аварии на ЧАЭС“» Государственной программы по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС на 2021-2025 гг. (№ ГР 20213172). Генеральная совокупность — население в возрасте от 16 до 59 лет, проживающее в городских населенных пунктах и сельских (поселковых) советах Брестской, Могилёвской и Гомельской областей, полностью или частично загрязненных

радионуклидами. Выбор Брестской, Могилёвской и Гомельской областей для проведения исследования обоснован тем, что подавляющее большинство (98%) населения загрязнённых радионуклидами территорий Беларуси проживает в данных регионах [14]. Таким образом, общественное мнение населения территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС, по вопросам развития малого и среднего бизнеса будут формировать преимущественно жители данных трех территорий. Всего по математически рассчитанной республиканской выборке было опрошено 2 200 респондентов. В маршрут включено 29 районов, из которых четыре в Брестской, восемь в Могилёвской и семнадцать в Гомельской областях.

Результаты

Одним из индикаторов предпринимательского потенциала является непосредственно доля желающих иметь свой бизнес и опосредованно — доля желающих работать в частном секторе экономики. При анализе ответов на вопрос «В какого рода организации Вы предпочли бы работать?» обращает на себя внимание то, что самой большой стала категория затруднившихся ответить. В этой категории каждый четвертый (таблица 1). Эта категория больше всего выражена в Гомельской области, меньше всего — в Могилёвской области и в возрастной группе 30-44 года. В государственном секторе экономики (на государственной службе, в органах власти, бюджетных организациях) хотели бы работать 27,9% опрошенных, причем больше всего в возрасте 45-59 лет и женщин. Причем на государственной службе больше хотят работать мужчины и люди в возрасте 45-59 лет, в бюджетных организациях — женщины и опять же в возрасте 45-59 лет.

Трудовую деятельность в частном секторе предпочитают 46,2% респондентов. То есть преобладают рыночные мотивы выбора трудовой организации. В Могилёвской области данная категория больше всего, меньше всего — в Гомельской. Интересно, что брестчане и могилевчане предпочтения отдают частным предприятиям, тогда как гомельчане — иностранным и совместным. Заниматься собственным бизнесом, индивидуальной трудовой деятельностью готовы только 13,3% опрошенных, среди которых меньше всего в возрастной группе 45-59 лет.

Так же как и по результатам других исследователей [1], в возрастных группах 16-29 лет и 30-44 года рыночная мотивация преобладает над нерыночной при выборе работы, а в группе 45-59 лет доля тех, кто предпочитает государственные предприятия, равна доле тех, кто отдает предпочтение частным.

Анализ трудовой мотивации опрошенных отражает переходный характер смешанного типа социально-экономической системы, то есть в этой системе трудовые отношения находятся в состоянии трансформации. Это проявляется в том, что и рыночная, и нерыночная мотивация поддерживаются в диапазоне 2,9-3,2 по пятибалльной шкале (таблица 2). В целом по массиву опрошенных рыночная мотивация несколько преобладает над нерыночной (3,2 против 2,93 балла). Но в Гомельской области данное преобладание находится в пределах статистической погрешности, то есть у гомельчан рыночная и нерыночная мотивация выражены одинаково. Уровень рыночной мотивации несколько выше среди мужчин и в возрастных группах 16-29 лет и 30-44 года.

Необходимо отметить, что среди опрошенных рыночная мотивация преобладает не в желании создать собственный бизнес или иметь небольшой заработок с более легкой работой. Преобладающим является стремление к высокому заработку в совокупности с готовностью к частой смене работы, сверхурочным, тяжелым условиям труда. Риски открытия собственного бизнеса являются более веской причиной выбора нерыночного типа мотивации, чем желание небольшого, но стабильного заработка по долгосрочному найму.

Что касается регионального разреза, то больше всего готовность к тяжелой, сверхурочной работе выявлена среди гомельчан и брестчан. Но брестчане также несколько больше предпочитают небольшие заработки с большим количеством свободного времени и более легкой работой. Интересно также, что среди предпочитающих небольшие заработки в совокупности с большим количеством времени

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос «В какого рода организации Вы предпочли бы работать?», в региональном разрезе, %

Table 1

Distribution of respondents' answers to the question "What kind of organization would you prefer to work for?", by regions, %

Варианты ответов	Всего	По региону проживания		
		Брестская область	Гомельская область	Могилёвская область
На государственной службе, в органах власти	10,4	8,6	10,8	9,9
В государственных бюджетных организациях	17,5	18,9	17,2	18,7
В государственном секторе экономики	27,9	27,5	28,0	28,6
На частном предприятии, в частной компании	20,9	33,5	17,7	32,1
На иностранном предприятии, на совместном предприятии	12,0	7,7	13,0	9,0
Иметь собственный бизнес, заниматься индивидуальной трудовой деятельностью	13,3	14,3	12,5	18,2
В частном секторе экономики	46,2	55,5	43,2	59,3
В некоммерческой организации, общественной организации	1,6	1,4	1,4	3,2
Другое	1,1	1,9	1,1	0,8
Затрудняюсь ответить	25,8	16,6	28,7	13,5

и с легкой работой одинаковая доля лиц в возрасте 16-29 и 45-59 лет, что свидетельствует о пассивной репрезентации себя на рынке труда и соответственно неполной реализации не только предпринимательского, но и трудового потенциала этих групп, степени их неустойчивости на рынке труда, зафиксированных и другими исследователями [1, 15, 19, 20].

Одной из задач проведенного социологического исследования являлась оценка предпринимательских компетенций и установок жителей территорий, пострадавших

Таблица 2

Трудовая мотивация опрошенных, региональный разрез, средневзвешенная балльная оценка по пятибалльной шкале

Table 2

Work motivation of respondents, regional breakdown, weighted average score on a five-point scale

Варианты ответов на вопрос «Оцените от 1 до 5 степень Вашего согласия со следующими суждениями»	Всего	По региону проживания		
		Брестская область	Гомельская область	Могилёвская область
Я предпочел(ла) бы иметь небольшой заработок, но иметь больше свободного времени и более легкую работу	2,71	2,88	2,69	2,64
Главное иметь высокий заработок, даже если приходится часто менять работу	3,35	3,37	3,35	3,29
Я готов(а) к тяжелой и сверхурочной работе, если будет гарантирован высокий заработок	3,74	3,67	3,77	3,55
Лучше иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск и работать на себя, а не зависеть от работодателя	3,00	3,07	2,98	3,08
Рыночная мотивация (среднее значение)	3,20	3,25	3,20	3,14
Работать по найму гораздо лучше, чем рисковать, занимаясь бизнесом	3,09	3,21	3,09	2,92
Меня устроит работа с небольшим, но стабильным заработком, если она будет на долгий срок	2,77	3,10	2,74	2,69
Нерыночная мотивация (среднее значение)	2,93	3,15	2,91	2,80

от аварии на ЧАЭС. При ответе на вопрос «Как Вы думаете, почему люди начинают заниматься предпринимательской деятельностью?» 54,1% выбрали вариант «предпочитают быть независимым и работать на себя» (преобладает у женщин и в возрастной группе 30-44 года), около половины — вариант «хотят получить высокие доходы, добиться материального благополучия, а не долго работать за копейки» (больше выборов этого варианта ответа у женщин) (таблица 3). То есть среди основных мотивов начала предпринимательской деятельности в представлении опрошенных

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы думаете, почему люди начинают заниматься предпринимательской деятельностью?», в региональном разрезе, %

Table 3

Distribution of respondents' answers to the question "Why do you think people start doing business?", by regions, %

Варианты ответов	Всего	По региону проживания		
		Брестская область	Гомельская область	Могилёвская область
Предпочитают быть независимыми и работать на себя	54,1	53,1	54,6	50,8
Хотят получить высокие доходы, добиться материального благополучия, а не долго работать за копейки	49,2	53,3	48,2	52,4
Стремятся реализовать себя, свой талант и идеи в жизнь	37,6	46,6	36,6	35,6
Имеют стартовый капитал, необходимое образование	20,3	20,8	19,2	28,0
Не могут найти приемлемую работу по найму по месту жительства	15,2	15,8	14,2	22,0
Имеют связи, знакомых, которые могут помочь с началом бизнеса	14,3	14,9	13,4	19,8
Предпринимательство более престижно в обществе, чем работа по найму	13,1	10,9	13,5	12,0
Хотят принести пользу людям, обществу	12,9	12,5	12,2	19,0
Затрудняюсь ответить	15,1	4,7	18,3	3,1

фигурируют индивидуалистские ценности независимости и быстрого материального обогащения. 37,6% считают, что для начала предпринимательской деятельности необходима достижительная мотивация реализации себя, своего таланта и идей в жизнь. В этой категории больше брестчан, женщин и опрошенных в возрасте 30-44 года.

Каждый пятый отмечает, что для начала предпринимательской деятельности необходим стартовый капитал и соответствующее образование (больше всего таких среди могилевчан, женщин больше, чем мужчин). Каждый шестой-седьмой считает, что занятие предпринимательством является вынужденным, так как нет достойной альтернативы трудовой деятельности по найму. Интересно, что среди могилевчан этот вариант выбрал каждый четвертый-пятый, и в этой категории женщин несколько больше, чем мужчин. По 13% считают, что предпринимательская деятельность престижна (важнее для возрастной группы 16-29 лет) или социально полезна (последняя причина важнее для могилевчан). Обращает на себя внимание значительная доля затруднившихся ответить на вопрос о причинах начала предпринимательской деятельности, среди которых в региональном разрезе больше всего гомельчан.

В ответах опрошенных преобладает активистская поведенческая установка, когда значительная доля опрошенных готова брать ответственность за свою жизнь на себя, а не перекладывать на внешние обстоятельства (4,03 балла против 2,93 балла по пятибалльной шкале) (таблица 4). Активная жизненная позиция ярче всего выражена у брестчан, женщин и в возрастной группе 16-29 лет. При этом статистически незначима разница между балльными оценками активности/пассивности жизненной позиции и оценкой возможности/невозможности научиться навыкам предпринимательской деятельности. И, опять же, выше всего оценивают личностные перспективы предпринимательства женщины и молодежь, в региональном разрезе — брестчане, далее следуют по убыванию гомельчане и могилевчане. Но больше всего склоняются к тому, что предпринимательству научиться невозможно, гомельчане.

По мнению опрошенных, важнейшим условием для успешного старта предпринимательской деятельности является наличие финансовых ресурсов, стартового капитала (таблица 5). Причем важнее всего это в сфере обслуживания (торговля, общепит, бытовые услуги), далее следуют сфера производства товаров, переработки продукции и сфера специализированных услуг (медицинских, юридических) (66,1, 59,5 и 52,8% опрошенных, отметивших первоочередную важность, соответственно). В региональном разрезе это условие для успешного старта бизнеса более важно для брестчан.

Также опрошенным представляется важным наличие предпринимательского склада характера, определенных личностных качеств. В сфере обслуживания это условие назвали важным около половины опрошенных, в сферах производства, переработки и специализированных услуг — более трети. В региональном разрезе это условие важнее для гомельчан. Наличие интересного проекта, идеи для успешного начала бизнеса назвали 46,6% опрошенных. Причем важнее это условие представляется опрошенным для сферы обслуживания, далее следует сфера производства и переработки (46,6 и 40,2% соответственно). И только каждый

третий опрошенный считает важным это условие для успеха бизнеса в сфере специализированных услуг. Наличие оригинальной бизнес-идеи представляется более важным для брестчан. Высокий уровень знаний (юридических, экономических) представляется опрошенным более важным для бизнеса в сфере специализированных услуг — медицинских, юридических. Важность этого условия в сферах производства, переработки и обслуживания оценивается практически в два раза ниже (53,6% против 28,1 и 26% соответственно). В сферах производства, переработки и обслуживания это условие наименее важно для могилевчан, в сфере специализированных услуг — для гомельчан.

Половина опрошенных считает важным наличие квалифицированных кадров для найма при открытии бизнеса в сферах специализированных услуг, а также производства и переработки. В сфере обслуживания это условие отмечает только каждый третий. Квалификация кадров при найме меньше всего важна для могилевчан. Примерно каждый третий отмечает важность финансовой и информационной поддержки со стороны государства для начала бизнеса во всех сферах — от производства до обслуживания и услуг. Причем важнее всего это условие для гомельчан.

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос «Оцените от 1 до 5 степень Вашего согласия со следующими суждениями», в региональном разрезе, средневзвешенная балльная оценка по пятибалльной шкале

Table 4

Distribution of respondents' answers to the question "On a scale of 1 to 5 rate the degree of your agreement with the following statements", by regions, weighted average score on a five-point scale

Варианты ответов	Всего	По региону проживания		
		Брестская область	Гомельская область	Могилёвская область
Большинство людей при желании и усердии могут научиться тому, как вести свое дело	4,03	4,17	4,03	3,86
Предпринимательству научиться нельзя, для этого нужен определенный склад ума и характера	2,98	2,85	3,02	2,80
То, как складывается моя жизнь, прежде всего зависит от меня самого	4,03	4,16	4,03	3,97
Благополучие человека зависит от внешних обстоятельств, а не от его собственных усилий	2,93	2,50	3,01	2,72

Таблица 5
 Распределение ответов респондентов на вопрос «Что необходимо в первую очередь для успешного старта предпринимательской деятельности?», в региональном разрезе, %

Варианты ответов	В сфере обслуживания (торговля, общепит, бытовые услуги)				В сфере специализированных услуг (например, медицинские, юридические услуги)				В сфере производства товаров, переработки продукции			
	Всего	Брестская область	Гомельская область	Могилевская область	Всего	Брестская область	Гомельская область	Могилевская область	Всего	Брестская область	Гомельская область	Могилевская область
Наличие финансовых ресурсов, стартового капитала	66,1	67,2	66,8	59,8	52,8	54,1	53,9	44,3	59,5	66,1	58,9	57,4
Предпринимательский склад характера, наличие определенных личностных качеств	48,7	46,0	50,5	38,3	34,4	33,8	36,4	20,7	36,7	36,7	37,6	29,8
Наличие интересного проекта, идеи	46,6	50,2	47,2	39,6	21,8	28,5	22,7	9,3	42,0	50,2	40,8	42,6
Высокий уровень знаний (юридических, экономических)	26,0	29,1	26,3	21,3	53,6	62,2	51,6	59,9	26,5	28,1	27,4	18,5
Наличие команды единомышленников	25,8	20,7	27,5	18,8	18,1	19,2	18,3	15,9	26,3	22,3	27,7	20,1
Наличие государственной поддержки (финансовой, информационной и т. д.)	31,7	25,0	33,6	24,3	35,1	34,5	36,0	29,4	35,4	32,2	37,4	24,5
Наличие квалифицированных кадров для найма	33,4	34,0	34,9	22,4	51,4	49,0	51,4	54,1	34,3	27,5	36,6	25,1
Наличие связей, знакомых, которые могут помочь с ведением бизнеса	23,3	25,1	23,7	18,9	21,6	23,3	22,0	17,1	22,3	26,8	22,0	19,9

Наличие команды единомышленников представляется важным для каждого четвертого в начале бизнеса по производству товаров, переработки продукции и обслуживанию (наиболее важно для гомельчан), для каждого пятого — в сфере специализированных услуг (наименее важно для могилевчан). Примерно каждый четвертый-пятый опрошенный считает важным наличие связей, знакомых, которые могут помочь с ведением бизнеса, причем это менее важно для могилевчан.

Анализ мнений об условиях начала успешного бизнеса в гендерном разрезе показывает наличие статистически значимой разницы в ответах мужчин и женщин по следующим аспектам:

- 1) в сфере обслуживания: для женщин более значимым является наличие финансовых ресурсов, стартового капитала, а для мужчин — квалифицированного персонала для найма;
- 2) в сфере специализированных услуг: для женщин важнее высокий уровень знаний (юридических, экономических), квалификации персонала, для мужчин — наличие команды единомышленников, предпринимательский склад характера, наличие определенных личностных качеств;
- 3) в сфере производства товаров и переработки продукции: для женщин важнее наличие интересного проекта, идеи, для мужчин — предпринимательский склад характера, наличие определенных личностных качеств.

При анализе мнений об условиях начала успешного бизнеса в возрастном разрезе выявляется статистически значимая разница в ответах возрастных групп по следующим параметрам:

- 1) в сфере обслуживания: для возрастной группы 45-59 лет наиболее высоко оценивается необходимость высокого уровня юридических и экономических знаний, наличие государственной поддержки, предпринимательского склада характера; наличие определенных личностных качеств, квалификации персонала менее всего оценивается в возрастной группе 30-44 года;
- 2) в сфере специализированных услуг: в возрастной группе 45-59 лет менее всего оценивается необходимость наличия оригинальной идеи, проекта, но больше всего — команды единомышленников, предпринимательского склада характера, определенных личностных качеств; в группе 30-44 года наименее важна государственная поддержка, в группе 16-29 лет — квалификация персонала, но выше всего среди молодежи оценивается наличие финансовых ресурсов, стартового капитала;
- 3) в сфере производства, переработки: в возрастной группе 45-59 лет ниже всего оценивается необходимость наличия оригинальной идеи, проекта, но выше всего — необходимость государственной поддержки, предпринимательский склад характера, наличие определенных личностных качеств, квалификация персонала; в группе 16-29 лет ниже всего — высокий уровень экономических, юридических знаний, наличие связей, которые помогут в начале бизнеса, но выше всего — наличие команды единомышленников.

Таблица 6

Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, обладаете ли Вы в достаточной степени предпринимательскими навыками, необходимыми для того, чтобы заниматься бизнесом?», в региональном разрезе, %

Варианты ответов	Всего	По региону проживания		
		Брестская область	Гомельская область	Могилёвская область
Да	6,8	8,8	6,4	7,4
Скорее да	18,2	15,4	18,6	18,1
<i>Доля положительных ответов</i>	25,0	24,2	25,0	25,5
Скорее нет	26,3	28,4	25,2	32,0
Нет	21,0	28,4	19,6	23,8
<i>Доля отрицательных ответов</i>	47,3	56,8	44,8	55,8
Затрудняюсь ответить	27,8	19,1	30,2	18,8

Table 6

Distribution of respondents' answers to the question "Do you think you have enough entrepreneurial skills necessary to do business?", by regions, %

При анализе самооценок опрошенными предпринимательских навыков видно преобладание отрицательных оценок. Таким образом, примерно половина считает, что не обладает такими навыками, каждый четвертый дает положительный ответ при преобладающем «скорее да» над уверенным «да». И каждый четвертый затрудняется ответить. Меньше всего отрицательных ответов среди гомельчан, но также среди них больше затруднившихся ответить (таблица 6). Мужчины выше оценивают свои предпринимательские навыки, чем женщины. Ниже всего самооценка предпринимательских навыков в возрастной группе 45-59 лет. При оценке качеств, которые необходимы для того, чтобы заниматься предпринимательской деятельностью, на первое место опрошенные ставят умение руководить, организовывать работу других людей и быть лидером (87,2% опрошенных по массиву в целом, важнее всего для гомельчан; см. таблицу 7).

Далее следуют:

- 1) коммуникабельность, умение общаться с разными людьми, налаживать связи, объяснять и убеждать (77,1% опрошенных, важнее для гомельчан, наименее важно в возрастной группе 45-59 лет) и умение оценивать риск и рисковать (71,7% респондентов, важнее всего для женщин, гомельчан и могилевчан, наименее важно в возрастной группе 45-59 лет);
- 2) умение брать на себя ответственность (65,5% по массиву в целом, важнее для гомельчан); упорство, умение доводить начатое дело до конца, нацеленность

на достижение результата (64,5% респондентов, важнее для женщин и гомельчан, а также в возрастной группе 30-44 года); желание и готовность заниматься предпринимательством (63% опрошенных, наименее важно для гомельчан и в возрастной группе 45-59 лет, наиболее важно для женщин); навыки использования современных технологий (компьютера, интернет-технологий и пр.) (58% опрошенных, важнее для женщин, гомельчан и брестчан, наименее важно в возрастной группе 16-29 лет);

- 3) умение сохранять спокойствие, эмоциональная устойчивость (57,8% опрошенных по массиву в целом, важнее для гомельчан); гибкость, способность быстро адаптироваться к новым условиям (57,3%, важнее для гомельчан и могилевчан, а также в возрастной группе 45-59 лет); умение находить и анализировать информацию (56,7%, важнее для женщин и гомельчан); стремление к самообразованию, развитию новых навыков (56,6%, важнее для женщин и гомельчан); креативность, умение находить новаторские решения, реализовывать новые идеи (53,6% опрошенных, важнее всего для женщин, брестчан и в возрастной группе 30-44 года); самостоятельность в решении возникающих проблем (53,6% опрошенных, важнее для гомельчан).

Таблица 7

Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие качества, на Ваш взгляд, необходимы для того, чтобы заниматься предпринимательской деятельностью?», в региональном разрезе, %

Table 7

Distribution of respondents' answers to the question "What qualities, in your opinion, are necessary in order to engage in entrepreneurial activity?", by regions, %

Варианты ответов	Необходимы				Присущи Вам лично			
	Всего/ Ранги	Брестская область	Гомельская область	Могилёв- ская область	Всего/ Ранги	Брестская область	Гомельская область	Могилёв- ская область
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Умение руководить, организовывать работу других людей и быть лидером	87,2/1	84,0	89,2	75,8	34,9/5	27,2	36,2	33,2
Коммуникабельность, умение общаться с разными людьми, налаживать связи, объяснять и убеждать	77,1/2	68,4	79,6	67,8	50,6/1	63,7	48,7	51,9
Умение оценивать риск и рисковать	71,7/3	66,1	72,6	70,7	28,9/11	25,1	29,9	25,6

Окончание таблицы 7

Table 7 (end)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Умение брать на себя ответственность	65,5/4	55,0	68,7	52,7	41,9/2	54,1	39,8	45,3
Упорство, умение доводить начатое дело до конца, нацеленность на достижение результата	64,5/5	60,6	65,9	58,2	33,1/6	36,0	33,1	30,2
Желание и готовность заниматься предпринимательством	63,0/6	67,5	61,6	68,8	14,5/13	17,0	14,1	15,5
Навыки использования современных технологий (компьютера, интернет-технологий)	58,0/7	56,6	59,8	46,4	37,0/4	37,1	37,1	36,4
Умение сохранять спокойствие, эмоциональная устойчивость	57,8/8	53,0	59,2	52,5	37,7/3	45,1	36,2	41,3
Гибкость, способность быстро адаптироваться к новым условиям	57,3/9	52,2	58,2	55,9	30,9/10	36,8	30,7	27,3
Умение находить и анализировать информацию	56,7/10	54,1	58,3	48,2	31,9/9	31,8	31,3	37,0
Стремление к самообразованию, развитию новых навыков	56,6/11	53,0	59,3	40,5	32,0/7	36,1	31,3	33,6
Креативность, умение находить новаторские решения, реализовывать новые идеи	53,9/12	57,8	53,6	52,5	19,1/12	25,9	18,3	18,0
Самостоятельность в решении возникающих проблем	53,6/13	47,3	55,8	43,7	31,0/9	50,4	28,2	33,2

Из представленных результатов видно, что опрошенные критично оценивают наличие того же перечня качеств предпринимателя лично у себя (таблица 7). Выше всего респонденты оценивают у себя коммуникабельность, умение общаться с разными людьми, налаживать связи, объяснять и убеждать. Этот вариант выбрала примерно половина, но разница с необходимым в их представлении уровнем составляет 26,5 п. На втором месте умение брать на себя ответственность. Этот вариант выбрали чуть менее половины опрошенных, больше всего в возрастной группе 30–44 года, и разница с необходимым уровнем составляет 23,6 п. На третьем месте умение сохранять спокойствие, эмоциональная устойчивость, которое отметили лично у себя 37,9% опрошенных. При оценке необходимых это качество только на седьмом месте. И, опять же, разрыв между должным (то, что необходимо) и сущим (то, что есть у респондента лично) составляет 20,1 п.

37% опрошенных считают, что необходимы навыки использования современных технологий (компьютера, интернет-технологий и пр.) (важнее всего в группе 16-29 лет). Разница с необходимым уровнем составляет 21 п. Только на пятом месте при оценке личных качеств находится то, что при оценке необходимого стоит на первом, — умение руководить, организовывать работу других людей и быть лидером. Из опрошенных это качество у себя назвал примерно каждый третий, и разница с необходимым уровнем гигантская — 52,3 п. Это качество важнее для женщин и наименее важно в возрастной группе 45-59 лет.

Примерно каждый третий отметил у себя упорство, умение доводить начатое дело до конца, нацеленность на достижение результата (но до необходимого еще 31,4 п.; важнее для женщин), стремление к самообразованию, развитию новых навыков (важнее для женщин и в возрасте 16-29 лет, необходимо для успешного бизнеса еще 33,6 п.), умение находить и анализировать информацию (важнее для женщин и наименее важно в группе 45-59 лет, необходимо еще 24,8 п.), самостоятельность в решении возникающих проблем (важнее всего в возрастной группе 30-44 года, необходимо еще 26,6 п.), гибкость, способность быстро адаптироваться к новым условиям (наименее важно в возрастной группе 45-59 лет, необходимо еще 26,4 п.).

Лично у себя умение оценивать риск и рисковать отметили 28,9% опрошенных (важнее всего для мужчин и в возрастной группе 16-29 лет). При оценке необходимых качеств данное качество занимает высокое третье место, и разница с необходимым составляет 42,8 п. Только каждый пятый отметил у себя креативность, умение находить новаторские решения, реализовывать новые идеи (больше всего среди брестчан, наименее важно в возрасте 45-59 лет). Разница с необходимым составляет 34,8 п.

На последнем месте в списке личных качеств по доле выборов (14,9%) — желание и готовность заниматься предпринимательством (меньше всего в возрастной группе 45-59 лет). Тогда как в перечне необходимых этот вариант по доле выборов находится на шестом месте. Разница между оценкой этого качества лично у себя и необходимого составила 48,5 п.

При анализе самооценки уровня знаний для предпринимательской деятельности видно, что отрицательные оценки более чем в два раза преобладают над положительными (57,4 против 20,3%) (таблица 8). Больше всего положительных ответов среди брестчан, меньше всего — среди могилевчан. 22,2% затруднились ответить на этот вопрос (меньше всего среди брестчан). Мужчины выше оценивают свой уровень знаний, необходимых для предпринимательской деятельности, чем женщины. Ниже всего эта оценка в возрастной группе 45-59 лет.

Анализ распределений ответов респондентов на вопрос «Хотели бы Вы повысить уровень своих знаний и навыков по следующим вопросам?» выявляет самую значительную — каждый третий — категорию тех, кому вообще не интересно ни одно из представленных в вариантах ответов направлений повышения квалификации в сфере предпринимательской деятельности (меньше всего среди могилевчан) (таблица 9). Необходимо также отметить, что 16,7% респондентов затруднились ответить на этот вопрос (опять же меньше всего среди могилевчан).

Таблица 8

Распределение ответов респондентов на вопрос «Обладаете ли Вы достаточным уровнем знаний, необходимым для занятия предпринимательской деятельностью?», в региональном разрезе, %

Варианты ответов	Всего	По региону проживания		
		Брестская область	Гомельская область	Могилёвская область
Да	6,0	9,4	5,7	5,4
Скорее да	14,3	14,1	14,6	12,3
<i>Доля положительных ответов</i>	<i>20,3</i>	<i>23,5</i>	<i>20,3</i>	<i>17,7</i>
Скорее нет	32,0	33,3	31,8	32,5
Нет	25,4	27,9	24,6	28,6
<i>Доля отрицательных ответов</i>	<i>57,4</i>	<i>61,2</i>	<i>56,4</i>	<i>61,1</i>
Затрудняюсь ответить	22,2	15,3	23,4	21,2

Table 8

Distribution of respondents' answers to the question "Do you have a sufficient level of knowledge necessary to engage in entrepreneurial activity?", by regions, %

Таблица 9

Распределение ответов респондентов на вопрос «Хотели бы Вы повысить уровень своих знаний и навыков по следующим вопросам?», в региональном разрезе, %

Варианты ответов	Всего	По региону проживания		
		Брестская область	Гомельская область	Могилёвская область
1	2	3	4	5
<i>Нет, мне неинтересен ни один из перечисленных вопросов</i>	33,7	32,6	34,4	29,8
Как открыть свой бизнес, с чего начать	23,8	30,4	22,9	24,2
Как вести всю необходимую документацию	20,0	24,9	18,9	23,5
Как оценивать различные риски и уметь их предотвращать	19,9	21,1	19,0	24,9

Table 9

Distribution of respondents' answers to the question "Would you like to improve your knowledge and skills indicated in the following questions?", by regions, %

Окончание таблицы 9

Table 9 (end)

1	2	3	4	5
Где найти клиентов для своего бизнеса и как их удерживать	18,4	20,2	17,8	20,6
Какую помощь (финансовую, информационную) можно получить при открытии своего дела	18,0	15,0	18,0	20,7
<i>Затрудняюсь ответить</i>	<i>16,7</i>	<i>15,9</i>	<i>17,4</i>	<i>12,3</i>
Как продавать свой товар или услугу	15,8	17,6	15,5	16,6
Как собрать команду, мотивировать сотрудников	15,0	14,0	14,9	16,5
Как выбрать оптимальную систему налогообложения, подготовить и подать отчетность по налоговым платежам	14,9	13,5	15,1	15,0
Как развивать предпринимательские навыки	13,2	13,8	12,8	15,7

Примерно каждый четвертый-пятый отметил, что ему необходимы знания механизмов открытия бизнеса (больше среди брестчан), каждый пятый — компетенции ведения документации (меньше среди гомельчан) и оценки рисков и их предотвращения (больше среди могилевчан), 18,4% опрошенных — поиска клиентов и способов их удержания, 18% — возможностей получения финансовой, информационной помощи при открытии бизнеса (больше среди могилевчан), 15,8% — способов продажи товара или услуги, 15% — подбора и мотивации персонала, 14,9% — выбора оптимальной системы налогообложения, отчетности по налоговым платежам, 13,2% — развития предпринимательских навыков.

В гендерном разрезе женщин больше, чем мужчин, интересует, как начать бизнес и как развивать предпринимательские навыки. Меньше всего интересуются новыми знаниями в области предпринимательства в возрастной группе 45-59 лет. По сравнению с группой 30-44 года молодежь больше интересуется тем, как открыть свой бизнес, собрать команду, мотивировать сотрудников, продавать свой товар или услугу, где найти клиентов для своего бизнеса и как их удерживать.

Заключение

Итак, по результатам проведенного исследования выявлен смешанный характер социально-экономических систем исследуемых регионов, так как в структуре занятости сочетаются рыночные и нерыночные предпочтения и мотивы с некоторым

преобладанием рыночных, что оказывает непосредственное воздействие на формирование предпринимательского потенциала населения.

С одной стороны, как отмечают исследователи (С. Ю. Глазьев, например), в условиях конкуренции в современном мире больше шансов на успех имеют системы со смешанной экономикой, то есть такие, в которых сочетаются рыночные и нерыночные структуры, долгосрочное планирование и рыночная самоорганизация, «масштабные государственные инвестиции и свободное предпринимательство, гармонизация частных и общественных интересов под разумным контролем государства» [6, с. 14]. С другой стороны, в таких системах стратегически важной становится необходимость укрепления морально-нравственных структур личности, позволяющих сохранить баланс материального и духовного. Ведь перевес материального приводит к потребительским настроениям, которые трудно удовлетворить. Далее, как следствие, — снижение рождаемости, проблемы с экологией, материальное, социальное, культурное избыточное неравенство, негативно влияющее на общественное развитие, рост социальных дистанций и социальной напряженности [2].

Анализ мотивации начала предпринимательской деятельности в исследованных регионах выявляет непонимание у опрошенных всех преимуществ сочетания рыночных и нерыночных элементов. Наблюдается, условно говоря, разочарование имеющейся нерыночной системой хозяйствования и очарование грядущим рыночным раем только лично для себя, без глубокого осмысления возможной социальной полезности предпринимательской деятельности.

У опрошенных чаще наблюдается большая готовность к тяжелому труду, чем к предпринимательской деятельности. Часть опрошенных отмечает сокращение нерыночного сектора, при этом занятие предпринимательской деятельностью становится безальтернативно-вынужденным. Данная категория может пополнить ряды предпринимателей «по необходимости» (*necessity entrepreneurs*), то есть тех, «которые пытаются начать свое дело в силу того, что у них нет иных лучших возможностей» [4, с. 34]. Таким образом, на наш взгляд, проявляются институциональные «ножницы», то есть существуют, с одной стороны, риски открытия бизнеса, обусловленные и нехваткой знаний в этой области, и возможными институциональными препятствиями. С другой стороны, нерыночный сектор также по каким-то объективным, институциональным причинам сворачивается таким образом и с такой скоростью, которая вызывает социальное напряжение в социально-трудовой сфере исследуемых регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрианова Е. В. Мотивы и трудовые ценности молодежи: парадоксы развития / Е. В. Андрианова, А. Н. Тарасова, И. Ф. Печеркина // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 3 (145). С. 324-343.
2. Беляева Л. А. Социальные дистанции как характеристика социального пространства современной России / Л. А. Беляева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Том 18. № 1. С. 58-72.

3. В Беларуси утверждена стратегия развития малого и среднего предпринимательства до 2030 года // БелТА: оф. сайт. URL: <https://www.belta.by/economics/view/v-belarusi-utverzhdena-strategija-razvitija-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-do-2030-goda-322066-2018> (дата обращения: 23.01.2021).
4. Верховская О. Р. Предпринимательская активность в современной России / О. Р. Верховская, М. В. Дорохина // Российский журнал менеджмента. 2008. Том 6. № 1. С. 25-52.
5. Вклад малого и среднего бизнеса в ВВП Беларуси за 2020 год составил 26,4% // БелТА: оф. сайт. URL: <https://www.belta.by/economics/view/vklad-malogo-i-srednego-biznesa-v-vvp-belarusi-za-2020-god-sostavil-264-442047-2021/>
6. Глазьев С. Ю. Какая политика обеспечит опережающее развитие российской экономики? / С. Ю. Глазьев // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 2 (24). С. 12-16.
7. Горшкова Е. Н. Предпринимательская активность россиян / Е. Н. Горшкова // Апробация. 2015. № 12 (39). С. 157-159.
8. Зикунова И. В. Экономическая безопасность и предпринимательская активность / И. В. Зикунова // Безопасность бизнеса. 2012. № 4. С. 12-16.
9. Лашук И. В. Жизненные стратегии социокультурного поведения жителей территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС / И. В. Лашук // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2020. № 1. С. 93-101.
10. Лашук И. В. Информационное обеспечение территорий Республики Беларусь, пострадавших от аварии на ЧАЭС / И. В. Лашук, Е. В. Мартищенко // Вопросы территориального развития. 2018. № 3 (43). С. 1-18.
11. Мартищенко Е. В. Перспективы возрождения пострадавших от аварии на ЧАЭС территорий (по оценкам жителей загрязненных районов) / Е. В. Мартищенко // Социологический Альманах. 2015. № 6. С. 154-163.
12. Мартищенко Е. В. Состояние и развитие социальной инфраструктуры как значимая составляющая возрождения территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС / Е. В. Мартищенко // Социологический Альманах. 2017. № 8. С. 286-294.
13. Матвеева Н. И. Предпринимательский потенциал как экономическая категория / Н. И. Матвеева, В. П. Зволинский // Теоретические и прикладные проблемы агропромышленного комплекса. 2020. Том 44. № 2. С. 49-55.
14. Населенные пункты и численность населения Республики Беларусь, проживающего в зонах радиоактивного загрязнения в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС, на 1 января 2020 г.: стат. бюллетень / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск, 2020. 152 с.
15. Николенко Н. А. Адаптационные стратегии предпенсионеров в условиях пандемии и цифровизации общества / Н. А. Николенко, Н. В. Дулина, Я. И. Ситникова // Primo Aspectu. 2021. № 3 (47). С. 28-37.
16. Платонова Е. Д. Предпринимательская активность в системе категорий теории предпринимательства / Е. Д. Платонова // Актуальные вопросы экономических наук. 2011. № 22-1. С. 102-106.
17. Симонова Е. В. Предпринимательская активность — основа инновационного и экономического развития / Е. В. Симонова // Экономика и социум. 2015. № 1-4 (14). С. 601-603.

18. Шавель С. А. Рекомендации по формированию установок самореализации и закрепления молодежи в районах, наиболее пострадавших от аварии на ЧАЭС / С. А. Шавель, Е. В. Мартищенко, Д. В. Назарова [и др.]. Минск: Ин-т социологии НАН Беларуси, 2019. 44 с.
19. Шмунк Д. Ю. Занятость молодежи и лиц старших возрастов на рынке труда Тюменской области: анализ на основе микроданных / Д. Ю. Шмунк, М. А. Гильтман // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7. № 3 (27). С. 160-178. DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-3-160-178
20. Ядова М. А. Молодежь в условиях пандемии COVID-19: возрастные преимущества и ограничения / М. А. Ядова // Siberian Socium. 2021. Том 5. № 2 (16). С. 20-28. DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-2-20-28

Ekaterina V. KARGAPOLOVA¹

Irina V. LASHUK²

UDC 316.334.5

**ENTREPRENEURIAL POTENTIAL
OF BELARUS CITIZENS LIVING IN AREAS
CONTAMINATED BY RADIONUCLIDES**

¹ Dr. Sci. (Soc.), Associate Professor, Deputy Director for Science,
Higher School of Social Sciences and Humanities,
Plekhanov Russian University of Economics (Moscow);
Professor, Department of Economic Sociology and Psychology of Entrepreneurship,
Belarus State Economic University (Minsk)
K474671@list.ru; ORCID: 0000-0002-2892-3953

² Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Head of the Department
of Economic Sociology and Psychology of Entrepreneurship,
Belarus State Economic University (Minsk)
Lashuki1974@gmail.com

Abstract

This article analyzes the strategies in entrepreneurship of the citizens of the Republic of Belarus who currently live in the areas that were affected by the Chernobyl disaster. The empirical base consists of the results from the scientific research “To carry out a sociological assessment of the entrepreneurial potential of the territories affected by the Chernobyl disaster within the framework of the event ‘To conduct a sociological assessment of the factors, mechanisms and conditions of development of small and medium-sized businesses in the territories affected by the accident at the Chernobyl Nuclear Power Plant’” of the State Program for elimination of the effects of the Chernobyl disaster for 2021-2025 (No. GR 20213172).

Object of the present research is the adult (aged 16-59 years) population of the Republic of Belarus who lives in the areas affected by the Chernobyl disaster.

Citation: Kargapolova E. V., Lashuk I. V. 2022. “Entrepreneurial potential of Belarus citizens living in areas contaminated by radionuclides”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 1 (29), pp. 27-50.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-27-50

Subject of the research is entrepreneurial activity of different socio-demographic and territorial groups of the population of the areas affected by the Chernobyl disaster as well as their evaluation of the conditions for small and medium-sized business development.

The research resulted in identifying the hybrid nature of socio-economic systems of the regions under study as the employment structure combines market and non-market preferences and motivations with a slight prevalence of market ones. On the one hand, in a present competitive environment mixed economic systems that combine market and non-market structures have a greater chance of success. On the other hand, in such systems a strategic value is assigned to the need for strengthening of moral structures of a personality which allow to maintain balance between material and spiritual aspects of life. After all, the preponderance of material aspects leads to consumer sentiments that are difficult to satisfy. As a consequence, it results in the decline of fertility rates, environmental issues, and the increase of social tensions.

Keywords

Radionuclide contaminated areas, entrepreneurial potential, entrepreneurial activity, strategies in business and entrepreneurship.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-27-50

REFERENCES

1. Andrianova E. V., Tarasova A. N., Pecherкина I. F. 2018. "Motivation and labor values of youth: development paradoxes". *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 3 (145), pp. 324-343. [In Russian]
2. Belyaeva L. A. 2018. "Social distances as a feature of the contemporary Russian social space". *RUDN Journal of Sociology*, vol. 18, no. 1, pp. 58-72. [In Russian]
3. Official website of the Belarus Telegraph Agency (BelTA). "Belarus approved the strategy for small and medium-sized business development up to 2030". Accessed 23 January 2021. <https://www.belta.by/economics/view/v-belarusi-utverzhdena-strategija-razvitija-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-do-2030-goda-322066-2018> [In Russian]
4. Verkhovskaya O. R., Dorokhina M. V. 2008. "Entrepreneurship activity in contemporary Russia". *Russian Management Journal*, vol. 6, no. 1, pp. 25-52. [In Russian]
5. Official website of the Belarus Telegraph Agency (BelTA). "The contribution of small and medium-sized businesses to the GDP of Belarus in 2020 was 26.4%". <https://www.belta.by/economics/view/vklad-malogo-i-srednego-biznesa-v-vvp-belarusi-za-2020-god-sostavil-264-442047-2021/> [In Russian]
6. Glazyev S. Yu. 2018. "What policies will ensure priority development of Russian economy?". *EURASIAN INTEGRATION: Economics, Law, Politics*, no. 2 (24), pp. 12-16. [In Russian]
7. Gorshkova E. N. 2015. "Entrepreneurship activity of Russians". *Approbation [Aprobatsiya]*, no. 12 (39), pp. 157-159. [In Russian]
8. Zikunova I. V. 2012. "Regional economic safety and entrepreneurial activeness". *Business Security*, no. 4, pp. 12-16. [In Russian]

9. Lashuk I. V. 2020. "Life strategies of sociocultural behavior of residents of the territories affected by the Chernobyl accident". *Journal of the Belarusian State University. Sociology*, no. 1, pp. 93-101. [In Russian]
10. Lashuk I. V., Martishchenkova E. V. 2018. "Information support for Belarusian territories affected by the accident at Chernobyl Nuclear Power Plant". *Territorial Development Issues*, no. 3 (43), pp. 1-18. [In Russian]
11. Martishchenkova E. V. 2015. "Reconstruction prospects of the territories affected by the Chernobyl accident (on the assessments of the contaminated areas residents)". *Sociological Almanac*, no. 6, pp. 154-163. [In Russian]
12. Martishchenkova E. V. 2017. "Status and development of social infrastructure as a significant component of revival in the areas affected by Chernobyl disaster". *Sociological Almanac*, no. 8, pp. 286-294. [In Russian]
13. Matveeva N. I., Zvolinsky V. P. 2020. "Entrepreneurial potential as an economic category". *Theoretical and Applied Problems of Agro-Industry*, vol. 44, no. 2, pp. 49-55. [In Russian]
14. National Statistical Committee of the Republic of Belarus. 2020. *The residential areas and population of the Republic of Belarus living in the areas of radioactive contamination as a result of the Chernobyl disaster, as of 1 January 2020: statistical bulletin*. Minsk. 152 pp. [In Russian]
15. Nikolenko N. A., Dulina N. V., Sitnikova Ya. I. 2021. "Adaptive behavior of prepensioners in the conditions of pandemic, digitalization and computerization of society". *Primo Aspectu*, no. 3 (47), pp. 28-37. [In Russian]
16. Platonova E. D. 2011. "Entrepreneurship activity in the category system of the theory of entrepreneurship". *Topical issues of economy sciences*, no. 22-1, pp. 102-106. [In Russian]
17. Simonova E. V. 2015. "Entrepreneurial activity — the basis of innovation and economic development". *Economy and Society*, no. 1-4 (14), pp. 601-603. [In Russian]
18. Shavel S. A., Martishchenkova E. V., Nazarova D. V. et al. 2019. *Recommendations on the formation of instructions to self-fulfillment and consolidation of youth in the areas most affected by the Chernobyl disaster*. Minsk: Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus. 44 pp. [In Russian]
19. Shmunk D. Yu., Giltman M. A. 2021. "Employment of youth and older people in the labor market of the Tyumen region: analysis based on microdata". *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, vol. 7, no. 3 (27), pp. 160-178. DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-3-160-178 [In Russian]
20. Yadova M. A. 2021. "Young people in the age of the COVID-19 pandemic: the age-related benefits and limitations". *Siberian Socium*, vol. 5, no. 2 (16), pp. 20-28. DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-2-20-28 [In Russian]

Елена Владимировна АНДРИАНОВА¹
Владимир Александрович ДАВЫДЕНКО²
Юлия ХУДЯКОВА³

УДК 336.2

ПАРАДОКСЫ СОВРЕМЕННОГО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ (ФЕРМЕРСКИХ) ХОЗЯЙСТВ*

¹ кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет; старший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (г. Тюмень) e.v.andrianova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-7769-9206

² доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра, Тюменский государственный университет v.a.davydenko@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-8389-4254

³ магистрант кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет y.khudyakova@utmn.ru

Аннотация

Работа посвящена изучению конструирующей природы институтов в пространстве сельских территорий в контексте социальных противоречий, часто принимающих парадоксальные форматы. Методологически статья выполнена в традициях современной критической институциональной экономики и институциональной социологии. Представлены авторские результаты анализа статистических данных открытых источников в рамках предложенной проблематики за последние 20 лет. Охарактеризованы три

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 20-011-00087 по теме «Институциональные факторы и формы развития сельских территорий»).

Цитирование: Андрианова Е. В. Парадоксы современного институционального развития крестьянских (фермерских) хозяйств / Е. В. Андрианова, В. А. Давыденко, Ю. Худякова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 51-101.
DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-51-101

основные исторические этапы институциональной динамики в сельском хозяйстве, главный из которых включал введение и институционализацию частной собственности на землю, фактически возвращая Россию в число глобальных игроков на сельскохозяйственном рынке. Представлены данные по модернизации сельского хозяйства в результате институциональных изменений «сверху» и институциональных взаимных обязательств на селе «снизу». Сделан вывод об увеличении земельных активов, росте совокупных доходов собственников земли. Представлены количественные показатели развития мелких и средних крестьянских (фермерских) хозяйств и крупных землевладений в России (агрохолдингов) по данным различной отчетности. Выявлены социально-экономические противоречия, указывающие особенно на парадоксальность развития сельских территорий России. Представлен зарубежный опыт ведения современного сельского бизнеса, который можно оценить как варианты возможного российского будущего. Сделаны выводы о том, что российская институциональная динамика на селе демонстрирует ряд позитивных изменений, создавших базу существования и дальнейшего развития страны за короткий по историческим меркам период. В статье выдвигается пять гипотез относительно институционального развития сельских территорий, часть из которых практически верифицирована. Доказано, что в настоящее время в России действительно преодолены риски и опасности количественного и качественного дефицита продовольствия и сформированы достаточно мощные социально-классовые группы землевладельцев, которые коренным образом заинтересованы в качественном воспроизводстве сельских территорий, несмотря на углубляющиеся процессы бедности, чем и отмечается парадоксальность институциональной динамики. Вместе с тем появились основания предположить, что применение концепта глобальной нестабильности (включая в него детерминанты пандемии COVID-19 и «специальной военной операции в Украине» после 24 февраля 2022 г.) говорит о новом парадоксе, связанном с трагичностью будущего сельского хозяйства в России, реальным результатом которого может быть эволюционный кризис цивилизации, исходя из парадигмы «сворачивающейся цивилизации» Аркадия и Бориса Стругацких, смысл которой состоит в том, что изучаемая цивилизация остается беззащитной перед «Повелителями Дураков».

Ключевые слова

Крестьянские (фермерские) хозяйства, агрохолдинги, парадоксы развития, парадоксы жизни крестьян, государственная поддержка, институциональное развитие.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-51-101

«Дорога к истине вымощена парадоксами. Чтобы постигнуть действительность, надо видеть, как она балансирует на канате»
Оскар Уайльд. *Афоризмы. Забота об истине*, 1895. С. 14.

Введение

Актуальность исследования обусловлена кардинальными институциональными изменениями в сельском хозяйстве России в 2001-2021 гг. В российском

дискурсе сохраняется спорное понимание социальной справедливости происходящих изменений. Многие россияне хорошо помнят 1990-е гг.: пустые полки в продовольственных магазинах, талоны на целый ряд товаров, в том числе на продовольствие, длинные очереди. По признанию представителей власти, в начале 1990-х гг. страна стояла на пороге голода. Россия на протяжении большей части XX в. подвергла себя одному из самых трагических социальных экспериментов, когда была упразднена частная собственность на землю, «власть рабочих и крестьян» в итоге превратилась в диктатуру коммунистической партии, а частное хозяйствование стало запретным. И только к концу XX столетия запущен обратный транзит России на путь развития частной собственности, в том числе и в сельском хозяйстве. С 1990-х прошло 30 лет непрерывных трансформаций, которые обсуждались на самых разных уровнях власти и в разных форматах. Однако полного понимания и согласия по поводу того, как отразились на развитии сельских территорий институциональные преобразования последних десятилетий, до сих пор так и не достигнуто.

Научная проблема, решению которой посвящена статья, сопряжена с теми противоречиями, которые встроены в современное институциональное развитие сельских территорий в России в целом, крупных агрохолдингов и агропроизводств, мелких крестьянских (фермерских) хозяйств в частности. *Методологическая, теоретическая и практическая* актуальность статьи объясняется тем, что авторы представляют читателям оригинальную концепцию анализа проблематики новых форматов жизни, производства и воспроизводства сельских территорий с учетом социально-экономических противоречий и очевидных парадоксов, которые постепенно накапливались на протяжении последних двадцати лет.

Цели статьи — комплексное социально-экономическое исследование форм развития сельских территорий и их институциональной динамики на основе данных Росстата (микрорепериси), Росреестра фондов земли и авторских социологических исследований. К целям данной работы отнесено также изучение конструирующей природы институтов в пространстве сельских территорий. Под институциональной динамикой понимаются реальные результаты действия механизмов регулирования рынка в средне- и долгосрочном периодах. Согласно концепции институциональной теории, в механизмы регулирования (управления) включаются базовые изменения формальных институтов и их неформальных составляющих.

Задачи, которые ставятся и решаются авторами в этой статье, состоят в выявлении, идентификации и репрезентации противоречий и «парадоксов» современного институционального развития крестьянских (фермерских) хозяйств и многих сельских территорий. В задачи статьи входило также изучение противоречивой проблематики, проникновение в суть и смыслы социально-экономических процессов и событий, происходящих на селе как в России, так и в других странах мира, установление значений, содержаний, социальных контекстов и реальных векторов их движения — развития или упадка (деградации).

Логика изложения, принятая в данной статье, состоит в том, что авторы разрабатывают собственные методологические и теоретические позиции на базе переосмысления и репрезентации современной научной литературы по теме исследования, предлагают аналитический категориально-понятийный аппарат, преследующий максимально полное раскрытие смыслов, значений и содержаний представленной темы, вовлекают в научный оборот современные российские эмпирические данные, включая такие, которые, на первый взгляд, противоречат друг другу и, как правило, носят парадоксальный характер, тем самым привлекая к себе особое внимание коллег и представителей научно-педагогической общественности.

Вклады авторов обозначаются в пунктах *новизны* статьи, которая представляется и обосновывается на базе анализе российских и зарубежных данных развития сельских территорий, в сравнении образа «настоящего» и образа «будущего» в России, в реальных результатах развития фермерских хозяйств в западных странах, раскрывающих конструктивные современные институциональные форматы взаимодействия местных фермеров как со своим «роботизированным настоящим», так и «роботизированным будущим», что выражается в применении новых социально-экономических способов, с помощью которых сельские производители повышают свою способность осмысленно взаимодействовать с новыми технологиями и, как следствие, продуктивность своей работы.

Гипотезы

(1) В России за последние двадцать лет, независимо от поколенческих траекторий, качества и продолжительности воспроизводства жизненных процессов жителей российских сел, наблюдается резкая и всё более усиливающаяся социально-экономическая дифференциация, которая наиболее отчетливо вырисовывается при сравнении жизненных шансов и практик сельского и городского населения. Упадок сельской России репрезентируется в значимых феноменах «рурализации бедности», распада социальных сетей взаимной поддержки, территории обитания сел и деревень представляются как зоны упадка и порой отчаяния. Этот тезис выражается в тех широких жизненных пейзажах, когда представители всех ветвей сельской власти, предприниматели и труженики сельской местности сталкиваются с одними и теми же социально-экономическими и политическими проблемами: общей атмосферой недоверия (за исключением нередких случаев сплочения по семейным и религиозным признакам), устоявшимися «негативными картинками» региональной жизни, сопряженными с сильным разрушением крестьянских традиций и навыков реального кооперирования, хронической безработицей, кадровым голодом, запустением, пьянством, всё более разрушающейся производственной и экономической инфраструктурой, дорогими кредитами, вкуче со строгий отчетностью, жестким налоговым прессингом, заброшенными полями, несмотря на активно пропагандируемую и по своей сути декларативную государственную поддержку, а в целом — со всё усиливающейся деградацией социальной структуры сельской территории. Поскольку российская деревня,

несмотря ни на что, окончательно еще не погибла, то всё это можно считать «парадоксами» сельского воспроизводства. Вместе с тем становится заметно, что всё более сильными и значимыми детерминантами процессов сельского развития, судя по взвешенным оценкам экспертов и ученых, становятся культурно-исторические и рекреационные факторы, а не только новые вложения в собственно сельскохозяйственное производство.

(2) Дальновидные муниципалитеты (как в России, так и в других странах мира) для привлечения и развития человеческого капитала в сельской местности делают ставку на всё более интенсивное развитие как институтов, так и культуры («культура, которую мы все вместе сбережём, не даст погибнуть последующим поколениям» [11, с. 15]).

(3) Если опираться на новые подходы институционального анализа в предметных областях экономики и социологии сельского хозяйства, на изучение статистических и социологических данных развития сельского хозяйства и сельских территорий России в современных контекстах, то можно сделать акцент на поведенческих характеристиках экономических акторов и на понимании мотиваций и стимулов по созданию новых и разрушению старых институтов.

(4) Рассматривая перспективы современных институциональных процессов, можно предположить, что в динамике за последние 30 лет анализа институциональных трансформаций российского села неоправданно часто делается акцент на дихотомии «рынок побеждает, а село вымирает».

(5) Выдвигается предположение, что можно использовать метод противопоставления рыночной и территориальной логик развития, при этом более полное понимание специфики и перспектив развития сельских территорий в стране, которая занимает одну шестую часть суши, невозможно без погружения в более общий институциональный контекст.

Обзор литературы

Говоря об институтах и развитии современного институционального подхода, следует отметить, что существует достаточно давняя традиция предтеч в определении институтов у классиков социологии и экономики. По К. Марксу, институты есть исторически сложившиеся, обусловленные производственными отношениями и способом производства формы организации труда, способы регулирования социально-экономической деятельности [22]. Если обратиться к наследию социолога мирового уровня, создателю современной теоретической социологии Т. Парсонса, то термин «институт» в его версии — это организованная система культурных представлений и социальных норм, общих для индивидов, понята в контексте структурного функционализма. С аналитической точки зрения это четырехимперативная парадигма AGIL (Adaptation, Goal Attainment, Integration, Latency) как инвариантный набор четырех функций, необходимых для всех социальных систем: адаптации (A), целедостижения (G), интеграции (I), латентности, поддержания ценностного образца (L), характерных для любого сообщества. Данная парадигма применяется для анализа социальной системы как целого, ее подсистем, а также

социальных действий [34]. В качестве институциональных структур Т. Парсонс рассматривал любые устойчивые образцы как такие паттерны (patterns) деятельности людей через конструктивные вклады каждого компонента, что означало функциональную выгодность данного элемента системы, обеспечивавшей воспроизводство социального порядка в контексте функциональной полезности социальной структуры. Институциональные системы им рассматривались также как устойчивые комплексы правил, норм, установок (аттитюдов), регулирующих человеческое поведение и преобразующих его в систему ролей и статусов. Функциональность как полезность для социальной системы каких-либо действий обуславливает их закрепление в качестве институциональных элементов, то есть превращение в паттерн — образец.

Как основоположник институционального направления, Т. Веблен под институтом понимал обычай и порядок, принятые в обществе, и их закрепление в виде закона или правила. В основе его теории институтов лежала идея кумулятивного социального процесса, траектории которых складываются поэтапно и закрепляются [4].

У. Митчелль (известный как «звездный ученик Т. Веблена») дал собственную дефиницию институтам как общественным привычкам, господствующим и в высшей степени стандартизированным в данном сообществе, основываясь на предположении, что главный фактор экономического развития заключается в психологии людей, в их традициях и обычаях; суть развития человеческих сообществ сводилась им к совершенствованию коллективных связей между их членами как институциональными образованиями [23]. Дж. Коммонс, как третий основатель американского институционализма и автор первого в мире учебника по институциональной экономике, предложил понимать институты как «транзакции» (переговоры, принятие обязательств и их выполнение) и коллективные действия как «группы давления», но исключительно в правовых рамках [18]. Ф. Найт, как тонкий разработчик теории предпринимательства, неопределенности и прибыли, в парадигме институтов выдвинул достаточно четкие формулировки как такие сборки правил и норм, которые регулируют социальные отношения особым образом в формах явного и неявного видов знания, которыми должны обладать все вне исключения участники конкретного сообщества [24].

Д. Норт, как лидер новой институциональной экономики, изучая институты в историческом разрезе, толковал их как такие правила и механизмы, которые обеспечивают выполнение обязательств средствами опосредующих функций регулирования повторяющихся взаимодействий между людьми, тем самым вводя в анализ временную перспективу, переходя от теории одноразовых и полных контрактов к изучению неполных контрактов (incomplete contracts), которые четко предполагали определенную длительность во времени — «отношенческую контрактацию» (relational contracting). Согласно Д. Норту, правила и нормы, структурирующие повторяющиеся взаимодействия между людьми, составляют концептуальную основу изучаемой дефиниции. Он впервые ввел в научный оборот ставший позже популярным афоризм, что институты — это такие «правила

игры» людей, которые могут противопоставляться даже целым организациям как другим «игрокам». Уделив особое внимание анализу трансакционных издержек, правам собственности и контрактным агентским отношениям, Д. Норт доказал на основе методов микроэкономики, что неэффективные институты всегда имеют высокие трансакционные издержки на политических рынках, где происходит как итоговый выбор ключевых «правил игры», так и их закрепление в формальных институтах, показал, что неэффективные формы экономики существовали тысячелетиями, и дал свои ответы, почему это происходило [29-31].

Р. Нельсон и С. Уинтер продвинулись еще дальше в изучении исследуемой нами проблемы и пришли к пониманию, что институт есть привычный образ мышления, поддерживаемый обществом или отдельными индивидами, который сложился из опыта исторического развития, а ключевой фактор институциональной динамики — это смена технологий в условиях развития политических рынков [25]. В свою очередь, выдающийся институционалист Оливер Уильямсон обнаружил, что в крупных холдингах и корпорациях из-за разделения собственности и управления менеджмент любых уровней всегда стремится максимизировать собственную полезность, в результате чего страдает «общее благо». Для искоренения этой аномалии он предложил дискреционную модель управления, которая предполагает, что менеджеры должны всегда формировать внутреннюю корпоративную политику, которая максимизирует полезность акционеров, и тогда должно создаваться более высокое «общее благо» фирмы, предоставляющее, в теории, более высокие доходы. О. Уильямсон показал, что в фирмах, холдингах и корпорациях необходимо учитывать издержки по обслуживанию сделок на рынках и, что особенно важно, эффективно использовать специфические активы [40].

Среди российских выдающихся ученых-институционалистов следует отметить имена Т. И. Заславской как основателя Новосибирской экономико-социологической школы, которая институты определяла как «устойчивые комплексы формальных и неформальных правил, принципов, социальных норм и установок, регулирующих разные сферы человеческой деятельности». Причем к «институциональным изменениям» приводят реальные результаты согласованных действий акторов макро-, мезо- и микроуровней в различные периоды времени [12, 13].

У В. В. Радаева институты — это формальные и неформальные правила, которые регулируют практики повседневной деятельности и которые поддерживаются этими практиками; «институциональная динамика» включает процессы возникновения и отбора институтов, их подстройку как диалектику формализации и деформализации правил [35, 36].

В свою очередь, основным научным результатом работ С. Г. Кирдиной-Чэндлер в рассматриваемых социальных контекстах является теория институциональных матриц, X-Y-теория, предполагающая оригинальную конструкцию воспроизводства институциональной структуры на основе матричного принципа, посредством взаимодействия ключевых параметров двух матриц базовых институтов. Основное положение X-Y-теории состоит в том, что в любой стране мира

X-матрица постоянно доминирует на протяжении истории, а Y-матрица является комплементарной и детерминируется типом материально-технологической среды. Согласно теории и практикам, ключевые особенности «институциональной динамики» воспроизводятся на основе X-Y-матричного социального взаимодействия, теория X-Y-постоянно проходит эмпирическую проверку как на основе исторического материала, так и на базе компаративистских исследований с применением методов data mining. Если институты X-матрицы доминируют в России, Азии и Латинской Америке, то институты Y-матрицы превалирует в странах Европы, Северной Америки и Австралии. Разработанная С. Г. Кирдиной-Чэндлер X-Y-теория послужила обоснованием для качественных прогнозов институциональной динамики российского общества [15], постоянно подтверждающихся на практике [16, 17].

Представленные нами институциональные теоретические подходы и практические наработки приобретают очень ценные контексты при изучении паттернов экономического поведения представителей власти и менеджмента как для крупных аграрных производств, так и для мелких и средних КФХ, но со своей спецификой. Согласно обзору литературы, по изучаемой дефиниции нужно сделать следующие выводы: «институты» — это формальные и неформальные «правила игры», которые регулируют практики повседневной деятельности; к «институциональным изменениям» приводят социальные процессы и результаты согласованных действий акторов макро-, мезо- и микроуровней; наконец, «действующие институты» — это «реальные правила игры» и работа по контролю за их соблюдением. Учитывая разнообразие трактовок институтов, мы выдаем авторские теоретические определения исходным дефинициям, опираясь на предложенные выше контексты, с тем чтобы использовать их при анализе данных. Институциональная динамика определяется авторами статьи как реальные результаты работы механизмов политического рынка, включая базовые изменения формальных институтов и их неформальных составляющих, и особенно в условиях принуждения к их использованию достаточно жесткими воздействиями ведущих акторов вертикалей власти. Делая предварительные выводы по обзору литературы, следует подчеркнуть, что в настоящее время производство и потребление сельскохозяйственной продукции рассматриваются в новых контекстах. А именно в качестве институционально оформленной социально-экономической и психологически самоопределяющейся практики, которая продвигается как агрофирмами (агрохолдингами, агрокорпорациями, мелкими и средними КФХ), так и правительствами.

Теория обладает существенными преимуществами перед «простым набором фактов» потому, что позволяет делать такие обобщения, которые могут касаться новых событий, а также по-новому проливать свет на прошлые, с учетом изменяющихся контекстов, принимая во внимание социально-контекстные детерминанты. Хорошая теория объясняет — она задает смысл явлениям и позволяет понять опосредующие процессы, которые оказываются критическими в рамках совершенствующих практик и оптимизирующих управленческих вмешательств.

Эти соображения являются для нас «путеводной нитью Ариадны», ориентиром, помогающим соотносить факты трансформации сельского хозяйства России за постсоветский период с авторскими подходами для конструктивного теоретического обобщения.

В качестве *теоретической гипотезы* мы выдвигаем предположение о том, что крестьянские (фермерские) хозяйства на условиях взаимовыгодной кооперации могли бы стать если не конкурентами, то серьезными партнерами крупных агрохолдингов по производству сельскохозяйственной продукции, несмотря на интенсивные процессы централизации и холдингизации агропромышленной отрасли, неполной их легитимизации, недостаточной прозрачности государственной поддержки крупных агрохолдингов, что создает серьезные препятствия для формирования конкурентоспособного сегмента малого и среднего бизнеса в сельском хозяйстве. Прошедшие изменения обобщаются в рамках теории институтов и институционального анализа и названы «институциональной динамикой». Исследования авторов в данной статье продолжают традиции теорий институциональной социологии и критической институциональной экономики. В контекстуальных рамках предложенных научных направлений предлагается анализ конвенций, норм, правил, практик, положений, которые обычно используются для координации социального взаимодействия [59, с. 218]. Авторы этой статьи исходят из предположения, что институты — это не только «правила игры» (формальные и неформальные) и «социальные нормы», но и символические системы, и когнитивные сценарии, и неформальные классификации, которые делают возможными действия акторов, придают смысл и значение любой конкретной ситуации. Институты обеспечивают ожидания, стабильность и жизненные цели, необходимые для человеческого существования и четкой координации деятельности; поддерживают определенные ценности, создают и защищают общие и особые интересы [60, с. 29].

В *нормативном аспекте* теории институтов внимание уделяется тому, что следует делать или как это сделать правильно, исходя из выбираемой «логики уместности» (logic of relevance), поскольку человеческие действия обычно управляются правилами надлежащего или образцового поведения. Правила соблюдаются, потому что они считаются естественными, законными и ожидаемыми. Акторы стремятся выполнять обязательства, заключенные в своей роли, идентичности, членстве в сообществе или группе. Будучи встроенными в социальную совокупность, они делают то, что считают нужным для себя в конкретной ситуации [51-53]. В этом плане социологическая школа изучения институтов представляет собой дальнейшее развитие идей Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Р. Мертона, которые подчеркивали нормативное измерение институтов исходя из того, что фундаментальными механизмами формирования поведения индивида и группы становятся идентификация и привыкание. Процессы их социализации осуществляются в соответствии с социально-культурно определенными целями, которых группы и индивиды стремятся достичь. В рамках социологической теории Р. Мертоном были введены в научный оборот дефиниции: институциональные

требования (institutional requirements), институциональные процедуры (institutional procedures), деинституционализация (de-institutionalization), институционализованные средства (institutionalized means) [54, с. 177-204]. Им отмечено, что уровень мотивационного анализа (motivational analysis) часто ошибочно принимается за уровень институционального анализа (institutional analysis) [54, с. 587]. Подчеркнем, что современная «теория самодетерминации (самоопределения)» (self-determination theory) различает типы мотивации в континууме от контролируемых до автономных переменных и понимает социальные институты как самую мощную систему воздействия на людей, поскольку они мотивируют с точки зрения самых широких социологических, экономических и исторических систем. Вместе с тем вводимая в научный оборот теория удовлетворения базовых потребностей (basic needs satisfaction theory) обеспечивает концептуальный «мост» между психологией, мотивацией и институтами [55, с. 101]. Хотя современная «теория самодетерминации (самоопределения)» является по своей сущности психологической, тем не менее эта теория непременно учитывает принципы социального действия и поведенческого функционирования и степень более или менее широкой реализации человеческих способностей и талантов, существующие фундаментальные зависимости групп и индивидов от внешних социальных обстоятельств, давления институтов, принуждающих их осуществлять рефлексивный контроль своей деятельности [55, с. 3].

Оригинальную теорию институционализации разработал социолог Э. Гидденс, который основной упор своей теории сделал и на институтах, и на структуре, обеспечивая между ними концептуальный мост «двуальности структуры» (duality of structure) посредством «двойной герменевтики» (double hermeneutics). Это означает, что любые социальные практики имеют структурный и поведенческий компоненты, опосредующим звеном между ними выступает организация институциональных процессов, когда создаваемая акторами структурная среда одновременно и сдерживает (ограничивает) поведение групп и индивидов, и делает их возможным и конструктивным, что выявляется по конкретным признакам [48].

Более сильную теорию, связанную с различием трех ключевых компонентов — регулятивного, нормативного и культурно-когнитивного, сформулировал Р. Скотт, в работах которого рассматривалась идея учета различного восприятия институтов, связанного с пониманием всех контекстов. Им были разработаны дефиниции институциональной логики, проведена идентификация институциональных носителей, сделан акцент на сложности анализа иерархических уровней и изучены более детально, чем у Р. Мертона, процессы институционализации и деинституционализации [58].

Поведенческий аспект раскрывается нами через изучение реальных практик представителей агробизнеса, крестьянско-фермерских хозяйств, власти и управления на сельских территориях России. Опираясь на ценные выводы П. А. Холла и Р. С. Тейлора о трех видах институционализма (исторического, социологического и организационного) [49], были выделены ключевые моменты

институциональной организации фирм и государственного устройства. Авторы этой статьи, как последователи теории рационального выбора, извлекают надлежащие аналитические инструменты из «новой экономики организации», которая как новое научное направление подчеркивает важность прав собственности, поиска ренты и трансакционных издержек. Понимание этих ключевых компонентов особенно важно для понимания развития институтов. Государство рассматривается как комплекс институтов, которые в силу своей доминанции способны структурировать и характер, и результаты любых групповых конфликтов. Представленные идеи и подходы теории институтов, понятий и положения близких теоретических школ позволяют, по мнению авторов статьи, достаточно адекватно в научном плане изучать социальные, экономические и политические компоненты институциональной парадигмы; исследовать алгоритмы и структурировать взаимодействия ключевых институциональных акторов таким образом, чтобы иметь возможность генерировать на макро-, мезо- и микроуровнях настоящее положение дел, как и будущие национальные траектории развития страны, и показывать отличительные признаки институциональной динамики сельских территорий России и других стран мира достаточно выразительным научным способом. Институциональная теория опирается на базовые принципы своей концепции предпосылочных универсалий (universals) в социальных (social), экономических (economic), менеджеральных (managerial), психологических (psychological) и культурных (cultural) контекстах, она практична (practical), критична (critical) и позволяет выявить существенные особенности объекта нашего исследования (object of research) — развития сельских территорий.

Материалы и методология

Методология анализа в статье сопряжена с феноменом «парадокса» (paradox), чем и обусловлено ее название. Как общеупотребимый термин дефиниция парадокса зародилось в древнегреческой философии (*παράδοξος* — «неожиданный; странный», от *παρα* — «против, вопреки»; *δόξα* — «мнение; представление; предположение») для обозначения неожиданного, нового, необычного, оригинального утверждения, которое кажется противоречащим здравому смыслу и абсурдным. «Парадоксы» как *απορίαι* изначально трактовались как такие, которые несли в себе аргументы, противоречащие очевидному, общепринятому мнению, и казались нелогичными и противоречащими здравому смыслу. «Парадоксы» как *αντινομии* отличались наличием одинаково доказуемых, противоречащих друг другу суждений [42, с. 477-478]. Антиномия — наиболее резкая форма парадокса. Например, если утверждение на лицевой стороне истинно, значит, утверждение на обороте должно быть ложным. В современной науке дефиниция парадокса изучается с позиций философии (логики), лингвистики, социологии, других гуманитарных наук, и трактуется далеко не однозначно. «*Логический парадокс* — это рассуждение либо высказывание, в котором, пользуясь средствами, не выходящими (по видимости) за рамки логики, и посылками, которые кажутся заведомо приемлемыми, приходят к заведомо неприемлемому результату» [28, с. 193].

Обратимся к тематике и методологии собственно *социологических* и *экономических парадоксов*, ключевые идеи которых в достаточно обширной степени представлены во многих научных работах ведущих российских ученых. *Методологические предпосылки* к чисто социологическим парадоксам заложил Ж. Т. Тощенко в своей знаменитой книге «Парадоксальный человек», где он колоритно обозначил смысл этого феномена и отраженного в нем через линзу преломления окружающей нас реальности [39]. Анализируя происшедшие масштабные социальные деформации и называя их термином «метаморфозы», Ж. Т. Тощенко справедливо указывает, что они создали основу, обусловившую появление парадоксальности всех форматов социальной жизни, как «непосредственный индикатор непоследовательности и нестабильности происходящих в России изменений; следствие нарушения ритма и специфики уклада жизни, что достаточно отчетливо фиксируется в сознании людей» [39, с. 45]. Связывая ценности политической элиты с ее духовным и нравственным несовершенством с точки зрения обычной человеческой морали, абсолютизацией личных карьерных и экономических интересов, с оторванностью от народа, неспособностью понять его истинные интересы, Ж. Т. Тощенко обращает внимание на их собственные «особые выгоды». Парадоксальность этих и других современных социальных явлений заключена в том, что сознание населения попало под жесткий прессинг тяжелых информационных потоков центральных телевизионных каналов, в то время как о современном «сумеречном» типе сознания буквально кричат явные противоречия в здравоохранении, образовании, трудовой сфере, где отмечается уменьшение настойчивости в совершенствовании знаний и снижение профессионализма, которые вполне совместимы с упорным желанием получать как можно больше, во что бы то ни стало и не смотря ни на что. Ж. Т. Тощенко считает, что «парадоксы — это в большинстве случаев расходящиеся и даже противоречащие друг другу мнения, суждения, установки, ориентации, действия, которые одновременно существуют, сочетаются, функционируют в сознании и поведении одних и тех же людей» [39, с. 62]. Опираясь именно на такое их видение, автор говорит о современной мифологии и ее парадоксальности как о «ренессансе мифов, активной ремифологизации человеческого сознания». Ж. Т. Тощенко рельефно описал базовые истоки и предпосылки такой грустной повсеместной ситуации в виде таких основных форматов, как клановость и кастовость многих социальных процессов. По логике автора, феномен «парадоксального человека» есть продукт общества, построенного на социальных парадоксах. Конструктивно верные методологические подходы и точно выстроенные методичные описания того, что определяется сквозным и универсальным термином «парадоксы», служат благородным целям конструирования образов специфического социального универсума современной России, обладающего особыми чертами и характеристиками «онтологической парадоксальности», совмещающей, казалось бы, взаимоисключающие социальные качества и свойства человека.

Финальная часть книги Ж. Т. Тощенко — репрезентация соотношений «добра и зла». Само название и интерпретация этих дефиниций предполагает выход на уровень высоких философских обобщений, содержит в себе потенциал онтологического оптимизма. Вместе с тем надо понимать, что вопрос о том, что первично — добро или зло, — в настоящее время (весна 2022-го г.) склоняет чашу весов, к сожалению, в пользу второго.

Итак, в своем «Парадоксальном человеке» — книге теоретической, методологической, глубокой, серьезной, доказательной, безусловно честной — Ж. Т. Тощенко показал «метаморфозы» общественного сознания, переходы, трансформации и превращения в свою противоположность, включая разные видоизменения и напластования, которые позволяют уловить и точно понять характер происходящих изменений, осмыслить, что за процессы произошли в нашем социальном мире за последние десятилетия. Очень важно подчеркнуть — и это напрямую касается нашей тематики сельских территорий, — что о парадоксальном типе сознания свидетельствует отмечаемое Ж. Т. Тощенко глухое недоверие современных крестьян и жителей сельских территорий к формам и форматам передачи земли в частную собственность и одновременно с этим картина всё сильнее ширящегося аграрного запустения. Недоверие к власти совмещается со вспышками надежд на то, что кто-то придет, и всё образуется («вот придет барин — барин нас рассудит»). Но реальная парадоксальная действительность, как правило, гасит эти надежды.

Одновременно отметим, что многие парадоксы начала аграрной реформы в России в социологическом анализе трансформационных процессов достаточно профессионально отобразила З. Калугина [14], представляющая знаменитую в России и во всём мире Новосибирскую экономико-социологическую научную школу. Т. Нефёдова, российский социальный географ, автор многочисленных высокорейтинговых работ по проблемам социально-экономического развития сельской местности, показала парадоксы трансформации сельского хозяйства России в противоречиях «мифологии и реальности», представила в вариантах переосмысления противоречия и «парадоксальности» популярных мифов сельских территорий о причинах неудач российского сельского хозяйства [26]. *Парадоксы ситуаций* заключались в том, что все всё видели, знали и понимали — но сделать было ничего нельзя в сторону исправления, то есть с обоюдной выгодой для всех заинтересованных сторон.

Тем не менее важно подчеркнуть, что стали внедряться сверху новые форматы институциональных изменений агропромышленного комплекса (АПК) в Российской Федерации. За последние тридцать лет (1991-2022 гг.) в России произошли следующие новые и важные институциональные события: агропромышленная интеграция, деколлективизация, разгосударствление, формирование холдингов, концентрация и централизации земли и всех видов капиталов; связанные с ними различные эффекты трансформации социально-экономических, демографических, территориальных и социокультурных отношений на селе, сопряженные с резким усилением социального неравенства.

В целом аграрная реформа прошла три этапа:

- 1-й этап — принятие Земельного кодекса РСФСР от 25 апреля 1991 г. № 1103-1 (дано формальное право собственности на землю для граждан и объединений);
- 2-й этап — 1993-2000 гг., Указ Президента РФ от 27 октября 1993 г. № 1767 (начало массовой приватизации земель сельскохозяйственного назначения, реорганизации колхозов и совхозов);
- 3-й этап — 2001-2020 гг., принятие нового Земельного Кодекса РФ 25 октября 2001 г. Собственников, приватизировавших землю, ко времени весны 2020 г. стало более 11 млн человек [7].

Тему институциональных аспектов современных крестьянских (фермерских) хозяйств развивают многие ученые. Среди них нужно отметить работу Т. Максимовой, которая делает акцент на «двояком характере фермерских хозяйств» с позиции институциональной теории, показывая виды и формы их «парадоксальности», выделяет институциональные особенности трансформации с позиции формальных и неформальных институтов. Автор осуществляет сравнительный анализ специфики трансформации различных форм хозяйствования в период между первой и второй всероссийскими сельскохозяйственной переписями и тем самым дает базу анализа для третьей сельскохозяйственной микропереписи, определяя возможные траектории и условия дальнейшего развития фермерских хозяйств в агропромышленном комплексе РФ [21].

Важнейший компонент изучения исследовательских принципов при обнаружении «парадоксов, афоризмов, оговорок, умолчаний, ошибок и даже лжи вольной или невольной наших респондентов» представил А. Никулин [27]. Ссылаясь на афористичное высказывание М. Блока об отношениях, завязывающихся между людьми, взаимовлияниях, искажениях, возникающих в их сознании, — «они-то и составляют для исследования подлинную реальность» [3, с. 115], А. Никулин выявил и обнародовал *саму суть работы принципа парадоксальности в сельской местности* на примере кубанского колхоза: «в холдинг его брать или в асьенду?» [27, с. 41].

Возвращаясь к обсуждению *методологии парадоксов*, отметим, что к настоящему времени среди ведущих социологов России *социологические парадоксы* (в частности, *парадоксы социальной структуры*) тщательно изучены и описаны Л. Гудковым [8, 9]; *парадоксы истории экономических теорий* найдены и объяснены Ю. Латовым, ключевые идеи его подхода предполагали, что они сводились к другим парадоксам — парадоксам диспропорциональности развития экономических теорий; незамечаемых выдающихся экономистов (парадокс звучит так: самые успешные, казалось бы, экономисты XX в. имели в официальной историографии экономических учений статус своего рода «человека-невидимки»). Согласно Ю. Латову, методологическим ключом открытия и объяснения парадоксов развития экономической теории стал тезис об институциональной конкуренции как главном содержании экономической истории в двух аспектах: конкуренция собственно институтов («правил игры»); конкуренция экономических систем,

то есть как комплексов институциональных норм [20]. Подчеркивается, что в выявленных парадоксах кроется отмеченный В. Ойкеном «*принцип интерденденции*», примененной к экономической науке, который формулируется с точки зрения различных контекстов, а именно: «как сама экономика зависит от культурной, политической и иных сфер жизни общества, так и экономическая мысль включена в культурный контекст эпохи» [20, с. 44] (можно обозначить как «*парадокс интерденденции*»). Отметим, что «*принцип интерденденции*» парадокса во многом соответствует «*принципу экзантиации*», или, в нашей терминологии, «*парадоксу экзантиации*», смысл которого нами раскрыт ниже на конкретном примере эмпирического социологического исследования.

Продолжая тему *парадоксов экономических теорий*, имеет смысл, на наш взгляд, обратить пристальное внимание на статью С. Г. Кирдиной-Чэндлер про парадоксы синтеза в экономической теории. Ее базовая идея состоит в том, что в современном развитии сельских территорий наблюдается достаточно много парадоксальных, неожиданных, странных явлений и занятных ситуаций, которые во многом сами себе противоречат. Это такое явление, которое может существовать в реальности, но не имеет логического объяснения. С. Г. Кирдина-Чэндлер, выявляя типичные парадоксы синтеза в экономической теории, предлагает собственную методологическую конструкцию их объяснения. Ею была обоснована гипотеза о том, что причины парадоксов лежат преимущественно в методологической плоскости, и строгие (и одновременно довольно жесткие) методологические основания экономической ортодоксии, определяющие каждый раз возможность синтеза, являются и определенными ограничениями для его плодотворности. Если в ходе синтеза объяснительные возможности новой теоретической схемы, концепции или направления сохраняют прежние ограничения и недостаточны для разрешения теоретических коллизий в получении адекватных ответов на вызовы практики, то тогда проведенный синтез, по-видимому, не в полной мере смог решить поставленную задачу, и такую ситуацию С. Г. Кирдина-Чэндлер обозначает как парадокс. По ее мнению, парадоксы заключаются в том, что странным образом ряд теоретических проблем, постоянно требовавших своего решения, решен не был. Во-первых, так и не удалось существенно увеличить прогностическую силу неоклассических ортодоксальных теорий. Более того, непредвиденные потрясения, с которыми сталкивается мировая экономика, становятся всё масштабнее и глубже. Во-вторых, несмотря на усложнение и уточнение теоретических моделей экономики в ходе каждого синтеза, они продолжают оставаться довольно абстрактными. Неоклассика сохраняет свой нормативный уклон, и ее продолжают критиковать за то, что она объясняет не развитие реальных экономик, в которых социальные, материальные и природные условия являются значимыми факторами нелинейного и циклического развития, а описывает «стерильный» экономический мир, в котором по-прежнему правят бал оптимальность и принципы максимизации/минимизации.

Как считает С. Г. Кирдина-Чэндлер, изучение возможностей синтеза в гетеродоксальной экономической теории составляет перспективную задачу исследований в том случае, если проанализировать парадоксальную, на ее взгляд, ситуацию,

которая складывается в гетеродоксальной экономике. Парадокс состоит в том, что, несмотря на разнообразие развиваемых гетеродоксами подходов и используемых исследовательских схем, пока не наблюдается тенденции к синтезу между ними, и принципиально важна проверка гипотезы о том, что причины этого также следует искать в методологической плоскости. Но здесь они имеют противоположный, по сравнению с ортодоксией, характер — не жесткость, а, наоборот, неформленность методологического консенсуса, что служит препятствием для результативного синтеза гетеродоксальных экономических концепций. Как заметил, например, профессор Л. Гарикано (Luis Garicano), которому королева Великобритании лично адресовала свой вопрос, «люди делали то, за что им платили, и поступали в соответствии со своими побуждениями. Однако, с социальной точки зрения, во многих случаях им платили за то, чтобы делать неправильные вещи» [17, с. 44]. Эти самые «неправильные вещи» и есть тот парадокс непредсказуемости крупнейших экономических потрясений, характерный для современной неоклассической экономической теории.

Для решения этой методологической проблемы С. Г. Кирдина-Чэндлер справедливо указала на то, что в условиях, когда турбулентность, нелинейность, сложность и непредсказуемость экономических процессов становятся постоянными спутниками экономического развития, возрастает неудовлетворенность представлениями «нового неоклассического синтеза» в экономической теории, и предложила собственное методологическое решение «парадокса непредсказуемости» неоклассической экономической теории, стремясь усилить эвристичность абстрактных теоретических моделей. Делая выводы и очерчивая перспективы, С. Г. Кирдина-Чэндлер указала на *опосредующее звено*, позволяющее подойти к возможным решениям описываемого ею «парадокса непредсказуемости», — использование макроэкономических динамических стохастических современных моделей общего равновесия (dynamic stochastic general equilibrium, DSGE-модели). Их параметры основаны на моделировании поведения экономических агентов на микроуровне (в частности, поведение домохозяйств моделируется как решение задачи стохастической динамической оптимизации), предусматривающем также моделирование различных стохастических «шоков» (технологических, монетарных, ценовых и др.). Проявлением «рисков прочности» являются как раз идеологизация неоклассической экономической теории, «зацикленность» теории на микрооснованиях и превалирование оптимизационной математики равновесных моделей. Обращая внимание на «парадоксы синтеза» в экономической ортодоксальной теории, С. Г. Кирдина-Чэндлер развивает концепцию того, что выявление парадоксов, как правило, стимулирует новые исследования, содействует более глубокому осмыслению теории и проверке очевидности ее постулатов [17, с. 48-49].

Подчеркнем, что принципы «парадоксов синтеза» по своей сути универсальны. На этой методологии были глубоко исследованы парадоксы оценки российской полиции с помощью опросов общественного мнения [37], когда при сравнении данных о работе полиции Федеральной службы охраны (ФСО) и ведомственной

оценки полиции ОВД (данным на основе их внутренних показателей — количества задержанных, раскрываемости преступлений и т. д.) в Челябинской области оказалось на одном из первых мест по ведомственным критериям, но на последнем месте по данным опроса общественного мнения службы ФСО. В версии авторов той статьи, мониторинговые опросы общественного мнения отражают скорее социальную напряженность в регионе, чем отношение к местным ОВД, и выступают в формате системных противоречий «экзаптации» (то есть работы принципа мультифункциональности и эволюции путем смены функций), нередком при импорте институтов, когда в «чужом» институциональном окружении заимствованный институт начинает выполнять не только и не столько те функции, которые изначально планировались, сколько те, о которых при импорте даже и не думали или считали второстепенными. Изложенные результаты опроса в Челябинской области выглядят очень странно, если их трактовать как оценки работы полиции, но вполне реалистично, если их трактовать как оценки социальной напряженности в регионе, которая действительно может резко «прыгать» из года в год [37, с. 54]. Подчеркнем, что системные противоречия «парадокса экзаптации» встречаются достаточно часто в институциональной теории (в частности, выше мы говорили о «*принципе интердепенденции*»); операционализация и верификация «институциональных изменений» в АПК России наиболее подробно рассмотрена в этой статье ниже.

Итак, в качестве предварительного вывода отметим, что в теоретико-методологических исследованиях «парадоксальные принципы», понимаемые как наиболее острые фазы противоречий, отраженные и выраженные в форме лаконичных афоризмов, схватывающих суть вещей (типа «зри в корень») как универсальная дефиниция имеет сквозной характер в самых различных предметных областях и рассматривается как базовый подход в современных институциональных парадигмах, отражаемых во многих соответствующих институциональных практиках на селе (как и в городе), чем и обусловлено авторское название этой статьи.

Данные. В статье используются и большие, и малоизвестные массивы данных, что имеет значение для представления эмпирических исследований. Это исследование основано на изучении статистических данных Росстата и данных государственных реестров, а также многочисленных авторских социологических исследований [1, 10] и соответствующей специальной литературы по тематике.

В таблице 1 представлены данные использования сельскохозяйственных земель (угодий) предприятиями, организациями и гражданами РФ, тыс. га, на основании государственных (национальных) докладов о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2005-2020 гг. На рис. 1 изображены ключевые графики этих данных по таким позициям, как хозяйственные товарищества и общества, производственные кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства, которые имеют существенный рост основных долей земли в соответствующих фондах. Кроме того, для графика 1 мы выделили собственников земельных долей, отражающих реальный рост собственников сельскохозяйственных территорий, а также

положительную динамику личных подсобных хозяйств (ЛПХ) и отрицательную динамику научно-исследовательских и учебных учреждений (научно-опытные хозяйства), что говорит о постоянном снижении научной составляющей НИОКР в использовании на эти цели сельскохозяйственных земель. Данные таблицы 1 позволяют проанализировать динамику всех 23 компонентов использования сельскохозяйственных земель (угодий) и дать им современную научную оценку. К сожалению, рамки данной статьи не предоставляют для этого возможностей, поэтому читатели могут сами проанализировать соответствующие цифры (учитывая, что в представляемом авторском формате эти данные предложены на суд научной общественности впервые).

Как можно увидеть из представленных в таблице 1 данных, имеем существенный рост использования сельскохозяйственных земель в качестве земельных банков (фондов) хозяйственными товариществами и обществами — с 48,9 млн га в 2005 г. до 62,5 млн га в 2020 г.

Указанная тенденция роста использования сельскохозяйственных земель в качестве земельных банков (фондов) отражает несомненный рост частной собственности как ресурса в общественном богатстве земли, и эта тенденция отражает рост создаваемого имущества, произведенного хозяйственными товариществами в процессе их деятельности, которое принадлежит им по праву частной собственности, за счет вкладов учредителей и участников.

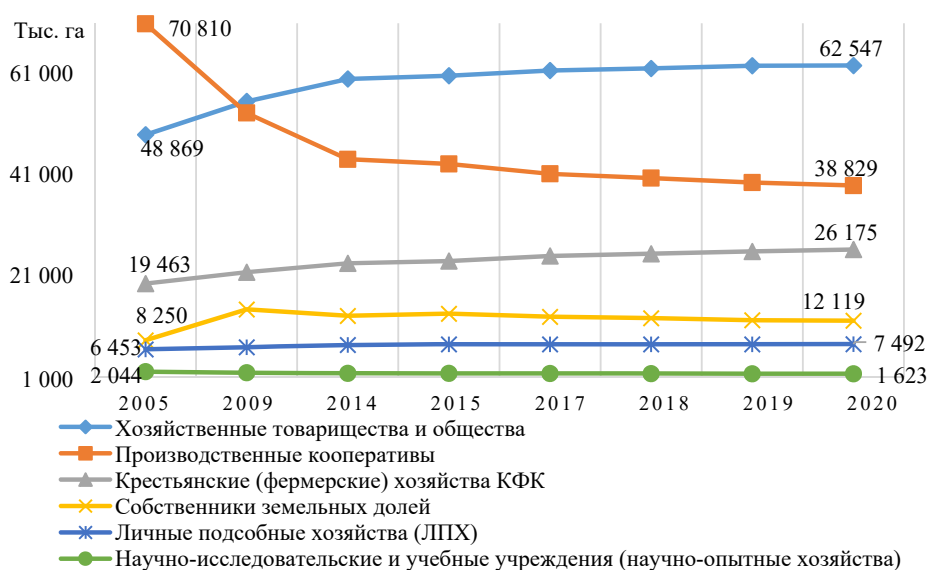

Рис. 1. Динамика использования некоторых сельскохозяйственных земель предприятиями с 2005 по 2020 г., тыс. га

Источник: [7].

Fig. 1. Dynamics of the use of some agricultural lands by businesses from 2005 to 2020, thousands ha

Source: [7].

Таблица 1
Использование сельскохозяйственных земель (угодий) предприятиями, организациями и гражданами РФ, тыс. га

№	Наименование хозяйствующих субъектов, использующих землю	2005	2009	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
1	Хозяйственные товарищества и общества	48 868,9	55 456,3	59 889,9	60 526,9	61 010,1	61 554,3	61 973,4	62 503,0	62 547,0
2	Производственные кооперативы	70 809,9	53 185,7	44 025,8	43 100,5	41 977,3	41 151,6	40 297,6	39 428,8	38 828,9
3	Крестьянские (фермерские) хозяйства КФХ	19 462,7	21 697,8	23 461,6	23 901,7	24 404,5	24 909,0	25 346,5	25 807,1	26 175,2
4	Граждане, занимающиеся сенокосением и выпасом скота	15 277,0	15 223,8	15 165,9	15 134,2	15 141,4	15 212,5	15 194,8	15 197,8	14 965,4
5	Собственники земельных участков	1 398,8	5 997,8	10 194,2	10 679,8	11 245,8	11 631,7	12 077,7	12 655,7	12 968,5
6	Собственники земельных долей	8 249,8	14 350,7	13 080,9	13 508,0	13 178,4	12 888,6	12 624,3	12 211,6	12 118,8
7	Личные подсобные хозяйства (ЛПХ)	6 453,3	6 873,3	7 323,5	7 439,7	7 449,3	7 456,6	7 460,1	7 467,4	7 492,0

Table 1 (continued)

8	Государственные и муниципальные СХО	11 250,4	7 455,9	6 263,6	6 116,5	5 855,9	5 695,6	5 561,7	5 448,0	5 459,0
9	Индивидуальные предприниматели, не образовавшие КФК	656,5	1 531,7	2 607,7	2 737,1	2 974,4	3 155,9	3 290,9	3 403,4	3 457,4
10	Научно-исследовательские и учебные учреждения (научно-опытные хозяйства)	2 043,7	1 830,5	1 702,1	1 713,5	1 705,3	1 694,7	1 660,1	1 627,9	1 623,4
11	Садоводы и садоводческие объединения	1 081,6	1 083,7	1 101,6	1 109,7	1 111,1	1 112,0	1 112,9	1 116,9	1 116,7
12	Подсобные хозяйства	1 494,8	1 131,4	958,6	923,9	900,6	879,2	883,1	868,2	851,8
13	Земельные участки, представленные для индивидуального жилищного строительства	447,4	492,8	555,4	559,6	582,0	599,9	589,9	595,5	598,5
14	Животноводы и объединения животноводов	319,0	301,8	301,5	319,0	355,8	366,8	379,4	388,0	396,6
15	Огородники и огороднические объединения	320,1	289,5	273,5	271,4	273,3	269,1	272,9	272,7	271,9

Table 1 (end)

Окончание таблицы 1

16	Дачники и дачные объединения	12,1	31,6	75,1	79,6	94,1	94,4	100,6	100,4	99,8
17	Казачьи общества	108,5	93,9	88,6	88,6	90,4	92,8	94,6	95,2	99,7
18	Граждане, имеющие служебные наделы	71,1	59,7	53,8	53,4	53,5	53,5	53,5	53,5	53,4
19	Общинно-родовые хозяйства	18,7	16,2	16,1	15,8	15,8	15,8	15,9	15,9	16,1
20	Прочие предприятия	3 320,5	3 594,9	4 146,4	4 405,2	4 482,1	4 355,2	4 360,8	4 367,4	4 375,1
21	Всего: использовалось земель предприятиями и организациями	137 915,4	122 764,8	117 091,1	116 891,8	116 037,5	115 439,2	114 847,2	114 354,4	113 801,0
22	Всего: использовалось земель гражданами	53 749,4	67 934,2	74 194,7	75 793,2	76 863,6	77 750,0	78 503,5	79 270,0	79 714,2
23	Итого: использовалось земель (угодий) в РФ	191 664,8	190 699,0	191 285,8	192 685,0	192 901,1	193 189,2	193 350,7	193 624,4	193 515,2

Источник: [7].

Source: [7].

В то же время видим весьма существенное падение использования сельскохозяйственных земель в качестве земельных банков (фондов) таких форматов организации хозяйственной деятельности, как *производственные кооперативы (артели)* — коммерческие организации, созданные путем добровольного объединения граждан на основе членства для совместной производственной деятельности, основанной на их личном трудовом участии, — с 70,8 млн га в 2005 г. до 38,8 млн га в 2020 г. Иными словами, такой институциональный формат, как производственный кооператив, за 20 лет потерял почти половину своего земельного банка. Данный «парадокс» довольно-таки сложен для глубокого понимания, но в первом приближении его можно объяснить тем, что и по своему формальному уставу, и по практикам неформальных действий члены производственных кооперативов (артелей) должны принимать личное трудовое участие, и оплата их труда всегда производится за конечный результат, а не за «сам процесс работы». Производственные кооперативы, действующие по закону № 41-ФЗ, имеют много преимуществ перед другими формами хозяйствования (может быть сколько угодно членов; он находится на упрощенной системе налогообложения; для его членов не действует Трудовой кодекс; есть возможности увеличения производительности труда на десятки или на сотни процентов по сравнению с государственными или частными предприятиями (ООО, ПАО, АО)).

Существенный рост также отмечается в таком институциональном формате, как крестьянские (фермерские) хозяйства (далее КФХ): как можно увидеть из данных таблицы 1, использование сельскохозяйственных земель в качестве земельных банков (фондов) КФХ выросло с 19,5 млн га в 2005 г. до 26,5 млн га в 2020 г. КФХ институционально представляло заинтересованное объединение разных граждан (не обязательно связанных только родством), которые совместно владеют имуществом и осуществляют производственную/хозяйственную деятельность. После государственной регистрации КФХ его глава становится индивидуальным предпринимателем — фермером. Имущество фермерского хозяйства принадлежит его членам по праву собственности. Граждане, ведущие совместную деятельность на основе соглашения о КФХ, вправе создать юридическое лицо — собственно крестьянское (фермерское) хозяйство (ст. 86.1 ГК РФ, Закон № 51-ФЗ с изм. и доп. от 28 марта 2017 г.). Считается, что главными преимуществами КФХ перед другими институциональными форматами являются: возможность спонсирования за счет фондов, выгодные условия для получения кредитов, государственная поддержка, льготы в налогообложении, отсутствие регулярных проверок (при условии соблюдения норм закона) и практически неограниченная площадь земельного участка. По мнению авторов данной статьи, возможно предположить, что именно этими главными преимуществами и обусловлен существенный рост земельных фондов КФХ.

Какие в данном случае можно отметить противоречия и парадокс? Несмотря на то, что как в телевизионных, так и в печатных СМИ часто утверждается, что происходит снижение экономических показателей деятельности КФХ (на самом деле так и происходит в количественном плане — численности КФХ), тем не менее очевиден тренд на рост земельных банков (фондов) КФХ.

Достаточно сильный, но в целом несущественный (из-за низкой базы) — что является своеобразным динамическим институциональным парадоксом — рост земельных фондов обозначается у собственников земельных долей: с 8,2 млн га в 2005 г. до 12,1 млн га в 2020 г. Собственникам земельных долей необходимо оформлять земельные доли, а при отсутствии желания и возможностей заниматься сельскохозяйственным производством распорядиться ею — сдать в аренду или продать. В целом тенденцию роста земельных фондов у собственников земельных долей можно обозначить как рост собственников земли, хотя в количественном (численном) выражении по данной цифре есть существенные расхождения.

Наконец, мы видим довольно странный и довольно существенный тренд на снижение фондов земли таких институциональных форматов, как государственные и муниципальные СХО, как можно увидеть из данных таблицы 1. Использование сельскохозяйственных земель в качестве земельных банков (фондов) снизилось с 11,3 млн га в 2005 г. до 5,5 млн га в 2020 г. Видим, что за 20 лет по критерию земельного банка объем богатств государственных и муниципальных СХО сократился в два раза.

Отмечается очень резкий рост земельных фондов у собственников земельных участков: с 1,4 млн га в 2002 г. до 13,0 млн га в 2020 г. — почти в 9,5 раза; у дачников и их объединений: с 0,01 млн га в 2002 г. до 0,1 млн га в 2020 г. — в 10 раз. Вместе с тем надо учитывать эффекты низкой базы у собственников земельных участков и очень низкой у дачников. Надо также учитывать и то, что достаточно трудно идентифицировать, кто в РФ реально является собственником земельных участков и кто является дачниками. Так или иначе, указанные тенденции нами обозначены, далее вопросы ставятся перед ученым, проводящим микропереписи, и перед авторами конкретных социологических исследований.

Нужно отметить так называемые «воспроизводственные тенденции» среди таких институциональных форматов, как личные подсобные хозяйства (ЛПХ) и «просто» подсобные хозяйства, садоводы и садоводческие объединения; животноводы и их объединения; огородники и их объединения; казахи общества; граждане, имеющие служебные наделы; общинно-родовые хозяйства; земельные участки лицам, предоставленные для индивидуального жилищного строительства (см. таблицу 1). В частности, воспроизводство ЛПХ практически на одном уровне: земельных фондов у собственников ЛПХ — 6,5 млн га в 2002 г., 7,5 млн га в 2020 г.; примерно аналогичные тенденции и по другим представленным категориям институциональных форматов. Но специально отметим отрицательную динамику фондов земли научно-исследовательских и учебных учреждений (научно-опытных хозяйств): с 2,0 млн га в 2005 г. до 1,6 млн га в 2020 г. Данная динамика означает реальное снижение научной составляющей в сельском хозяйстве.

На рис. 2 представлена динамика численности крестьянских (фермерских) хозяйств за 1991-2021 гг. в России по признакам числа КФХ (на начало года), тыс. ед., площади земельных участков, млн га, и средние размеры земельного участка, га. К сожалению, эти данные Ассоциации крестьянских (фермерских)

хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России противоречивы и неполны, и цифры никак не соотносятся с данными, представленными в других источниках. Например, если взять 2016 г. из данных таблицы 1 [7, 2018, с. 36] и сравнить с 2016 г. на рис. 2, то в первом случае указывается цифра 24,9 млн га, а во втором случае — 27,4 млн га, что далеко не одно и то же. Средний размер земельного участка с 1991 по 2020 г. практически с каждым годом увеличивается, но так как в 2013 г. произошел резкий скачок роста числа крестьянских (фермерских) хозяйств на 60 тыс. ед., то соответственно средний размер земельного участка уменьшился. В дальнейшем, начиная с 2015 и вплоть до 2020 г., происходит значительное снижение количества К(Ф)Х в связи с ужесточением требований к оформлению государственной поддержки, поэтому руководители крестьянских (фермерских) хозяйств присоединяются к более крупным предприятиям или же совсем прекращают свое существование как юридическое лицо.

Вместе с тем, если не относиться к цифрам Ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России как к «парадоксальным», а просто учесть как условия их участия в Ассоциации, то по их данным можно увидеть, что в России число КФХ и индивидуальных предпринимателей за последние пять лет существенно снизилось (соответственно со 136,7 тыс. ед. до 102,4 тыс. ед. и с 38,0 тыс. ед. до 20,8 тыс. ед.), но общая площадь сельскохозяйственных угодий в среднем на одно крестьянское (фермерское) хозяйство и индивидуального предпринимателя выросла (соответственно с 256,3 тыс. га до 476,8 тыс. га и с 119,1 тыс. га до 306,6 тыс. га), см. рис. 1 и 2.

«Парадоксом данных» можно назвать очевидный рост земельного фонда КФХ и одновременно снижение количества КФХ, отражаемые в несколько замысловатой «синусоиде», если применить метод наименьших квадратов к «рваному» графику на рис. 2.

Крестьянско-фермерское хозяйство способствует диверсификации доходов и занятости и распределению фермерских рисков, что также создает возможности для эффективного использования местных ресурсов. Значительное влияние на траекторию развития КФХ оказывают сложности и ограничения (например, рыночные, институциональные), которые сказываются на деятельности фермеров. Для примера возьмем молочные фермы, которые сталкиваются с многочисленными трудностями, включая болезни скота, сезонные колебания качества и количества кормов и воды, низкий генетический потенциал коров для производства молока, неадекватную инфраструктуру сбора и сбыта молока, ограниченные знания и навыки, низкие цены на молоко, транспортные проблемы, отсутствие хранилищ (что является серьезной проблемой для быстропортящихся молочных продуктов в полувлажных районах). Кроме того, такие факторы, как использование традиционных технологий, плохая инфраструктура, отсутствие маркетингового сопровождения и рыночной информации, отсутствие организаций производителей и деградация природных ресурсов, способствуют неиспользованию молочного потенциала и проблемам качества молока.

Рис. 2. Динамика численности крестьянских (фермерских) хозяйств в России за 1991-2021 гг.

Источник: [3].

Fig. 2. Dynamics of the number of peasant farms in Russia from 1991 to 2021

Source: [3]

Например, качество молока, произведенного в КФХ, считается низким, что ставит отечественную промышленность в невыгодное положение по сравнению с импортом. Интенсификация молочного производства предполагает принятие комбинации пород крупного рогатого скота с повышенным генетическим потенциалом для производства молока и других дополнительных ресурсов (например, корма, мероприятия по борьбе с болезнями и улучшенное ведение учета), что также вносит значительный вклад в общее благосостояние мелких фермеров, среди которых доение осуществляется вручную, является высоко-трудоемким и в значительной степени зависит от семейного труда.

Развивая макроподход, следует отметить, что сельское хозяйство в целом во всех странах выполняет важную социально-экономическую роль для обеспечения жителей страны продуктами питания, рабочими местами в сельской местности и другими товарами народного потребления, а также сырьем для их производства. Наблюдаемый на сегодняшний день процесс реорганизации формальных институтов, характеризующийся внедрением и совершенствованием института частной собственности на землю и другие аграрные ресурсы, инкрементирование в управленческие практики новых моделей проведения

транзакций дали возможность формирования множества небольших аграрных организаций, которые начали осуществлять свою деятельность в форме крестьянско-фермерских хозяйств. Наряду с этим следует отметить, что в годы активной государственной поддержки фермерских хозяйств, период интенсивного роста численности крестьянско-фермерских хозяйств сменяется этапом значительного сокращения их численности путем их значительного разукрупнения.

Частные хозяйства в новой (испытывающей значительные колебания) среде, как и в начале рыночных реформ, играют важную роль в развитии отечественного сельскохозяйственного производства. В связи с данным обстоятельством, формирование высокоэффективного функционирования крестьянско-фермерских хозяйств, которые будут способны обеспечить продовольственную безопасность страны (области, региона), а также внести весомый вклад в создание комфортных социально-экономических условий для развития сельских территорий, становится всё более актуальной проблемой как для академических исследований, так и для практики.

Животноводство играет важную роль в формировании доходов, создании рабочих мест, обеспечении продовольственной безопасности, предоставлении услуг, внесении вклада в активы, социальные, культурные и экологические ценности и поддержании средств к существованию людей во всем мире. Среди подсекторов животноводства молочное производство является важным источником средств к существованию, в результате чего ему уделяется значительное внимание. Повышение роли молочного производства в обеспечении средств к существованию может быть достигнуто за счет интенсификации мелкого молочного производства в стране.

Животноводство — важный фактор в поддержании средств к существованию миллионов бедных ресурсами фермеров в различных средах, начиная от пастбищных и агропастбищных систем низменностей до смешанных систем земледелия в высокогорьях. Подсектор животноводства в настоящее время обеспечивает и поддерживает средства к существованию для 80% всего сельского населения. ВВП деятельности, связанной с животноводством, оценивается порядка 60%. Система смешанного производства сельскохозяйственных культур и животноводства также характеризуется многолетним производством молока молочными коровами, содержащимися для многоцелевого использования, а также производством кормов, утилизацией, и ограниченные пастбища и растительные остатки играют важную роль. Молочные продукты, такие как молоко, масло и творог, производятся и используются в качестве источника дохода для покупки сельскохозяйственных ресурсов и удовлетворения семейных нужд, в то время как крупный рогатый скот является активом, обеспечивающим фермеров во время чрезвычайной ситуации.

Обратимся теперь к более детальному определению и описанию крестьянско-фермерских хозяйств, особенностям и условиям их развития, что, собственно, и является главным предметом исследования в нашей статье.

Крестьянско-фермерские хозяйства: понятие, особенности и условия развития

В соответствии с Законом РСФСР от 22 ноября 1990 г. № 384-1 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», происходит в общественном сознании укоренение значимости мелкого аграрного бизнеса. Данное обстоятельство подтверждает тот факт, что с 1990 г. начинается процесс инициации конструирования крестьянско-фермерских хозяйств [32].

В данной работе ограничимся одним термином крестьянско-фермерского хозяйства. Согласно ст. 1 Федерального Закона от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», крестьянское (фермерское) хозяйство представляет собой объединение граждан, связанных родством и (или) свойством, имеющих в общей собственности имущество и совместно осуществляющих производственную и иную хозяйственную деятельность (производство, переработку, хранение, транспортировку и реализацию сельскохозяйственной продукции), основанную на их личном участии [33].

Обращаясь к истории вопроса, по состоянию на 1 декабря 1991 г. осуществляли деятельность 41,5 тысяч крестьянских хозяйств [5, с. 66]. В историческом контексте становление и развитие крестьянских хозяйств наблюдается за счет преобразования личных подворий, арендных коллективов, выхода работников из колхозов и совхозов с земельными и имущественными паями, нового строительства, а также главным образом при переезде на село городских жителей, объединении фермерских хозяйств в колхозах и совхозах, которые имеют пустующие животноводческие помещения. Достаточно дешевый, доступный и перспективный путь, особенно для работников колхозов и совхозов, имеющих жилой дом, надворные постройки, скот и приусадебный участок, — это трансформация личных подворий в крестьянское хозяйство. Парадигма трансформации в фермерское хозяйство использовалась практически во всех регионах следующим образом: владельцы личных подворий наделяются дополнительными участками земельных угодий, осуществляется покупка ими необходимой техники, а также обязательное увеличение поголовья скота. Из общего числа хозяйств в 1991 г. 28% были организованы рабочими, вышедшими из колхозов и совхозов с долей в земле и имуществе, а остальные хозяйства были организованы сельскими и городскими жителями (работниками несельскохозяйственных предприятий) [6, с. 73]. Организация крестьянских хозяйств при преобразовании колхозов и совхозов в объединения крестьянских хозяйств, кооперативов и мелких предприятий также является перспективным направлением. В этом случае крестьянские хозяйства наделяются участками оптимального размера, а необходимые материально-технические ресурсы передаются им за счет их имущественных долей. Крестьянские (фермерские) хозяйства в первые годы функционировали относительно эффективно благодаря активной поддержке государства. Более того, постулаты зарубежной (а позднее отечественной) науки о преимуществах частной собственности имели высокую ценность, используемые для определения сельского хозяйства как основного направления деколлективного (и индивидуализации) сельского хозяйства.

Как показывает динамика численности КФХ в России за 1991–2021 гг. (рис. 2, на основе данных АККОР), после колоссального роста числа фермерских хозяйств в России в 1991–1995 гг. (с 4 000 до 280 000) в последующие годы значительные транзакционные издержки в силу сложившихся институциональных и макроэкономических условий способствовали формированию противоположной тенденции — постоянного сокращения числа людей, занимающихся (или продолжающих заниматься) сельскохозяйственной деятельностью.

Помимо дороговизны юридического оформления вновь образованных хозяйствующих субъектов, фермеры сталкивались с непреодолимыми трудностями, которые были связаны, во-первых, со слабой материально-технической базой, существенно отличающейся в разрезе фермерских хозяйств, во-вторых, с проблемами получения необходимых ресурсов и, в-третьих, с трудностями в реализации продукции.

Не менее значимы различия между владельцами сельскохозяйственных хозяйств, такие как предыдущие профессии, регламентирующие их место жительства, первоначальные финансовые возможности, лоббистский потенциал. Кроме того, многие из них (особенно на этапе создания хозяйства) характеризуются крайне ограниченным начальным капиталом, отсутствием знаний и навыков в осуществлении сельскохозяйственного производства.

По данным проведенной в 2021 г. сельскохозяйственной переписи (микрореписи), следует отметить следующую тенденцию: за пять лет в Российской Федерации сократилось число объектов переписи — сельхозорганизаций, крестьянских (фермерских) хозяйств, индивидуальных предпринимателей и личных подсобных хозяйств. Число объектов и общая площадь сельскохозяйственных угодий в расчете на один объект переписи по категориям хозяйств на современном этапе представлены в таблице 2.

По данным проведенной в 2021 г. сельскохозяйственной переписи (микрореписи), нужно отметить следующую резко выраженную тенденцию: значительно выросли показатели общей площади сельскохозяйственных угодий в среднем на один объект переписи в сравнении с 2016 г. Так, на одну сельскохозяйственную организацию сейчас приходится в среднем 3,4 тыс. га, что на 36% больше, чем пятью годами ранее.

Как видим из рис. 3, наблюдается *парадоксальная тенденция*: число крестьянских (фермерских) хозяйств сократилось в 2021 г. на 25%, но при этом выросли показатели общей площади сельскохозяйственных угодий в среднем на одно крестьянское (фермерское) хозяйство за 5 лет (на 86,7%). Причины сокращения КФХ — сильное административное давление. Проверки, штрафы, налоги, отчетность. При этом, если говорить о плюсах или стимулах, оказывается, их просто нет, поскольку и господдержка, и кредитование стали недоступными. Господдержку оформлять долго, неудобно, и зачастую она заканчивается к моменту, когда фермер подал документы.

Поэтому гораздо проще продолжать хозяйствование не в качестве зарегистрированного предпринимателя, а в качестве товарного подсобного хозяйства.

Таблица 2

Число объектов и общая площадь сельскохозяйственных угодий в расчете на один объект переписи по категориям хозяйств по результатам переписей 2016 и 2021 гг.

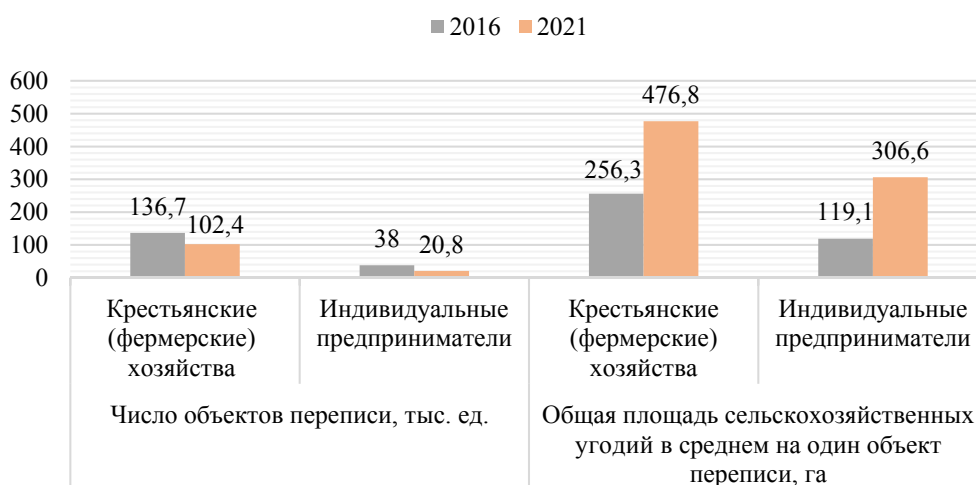
Table 2

Number and total area of agricultural lands per one census object by types of farms presented in the census results of 2016 and 2021

Объекты переписи	Число объектов переписи, тыс. ед.		Общая площадь сельскохозяйственных угодий в среднем на один объект переписи, га	
	ВСХП-2016	СХМП-2021	ВСХП-2016	СХМП-2021
Сельскохозяйственные организации — всего	36,0	34,4	2 501,8	3 408,9
из них: сельскохозяйственные организации, не относящиеся к субъектам малого предпринимательства	7,6	9,6	5 885,1	6 353,4
малые сельскохозяйственные предприятия	24,3	20,9	1 790,7	2 400,1
в том числе: малые предприятия (без микропредприятий)	7,1	6,5	3 786,4	4 123,3
микропредприятия	17,2	14,4	964,7	1 380,2
Крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели — всего	174,8	123,2	226,5	456,3
в том числе: крестьянские (фермерские) хозяйства	136,7	102,4	256,3	476,8
индивидуальные предприниматели	38,0	20,8	119,1	306,6
Личные подсобные и другие индивидуальные хозяйства граждан	23 496,9	16 626,7	0,5	0,6
Некоммерческие товарищества — всего	75,9	72,2	15,2	15,4
в том числе: садоводческие	67,3	66,2	15,1	15,5
огороднические	2,8	1,7	10,1	9,5
дачные и др.	5,8	4,3	18,7	15,8

Источник: [41].

Source: [41].

Рис. 3. Число крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей и общую площадь сельскохозяйственных угодий в среднем на одно крестьянское (фермерское) хозяйство и индивидуального предпринимателя в Российской Федерации

Источник: [41].

Fig. 3. Number of peasant (farmer) farms and individual entrepreneurs and total area of agricultural lands on average per one peasant (farmer) farms and individual entrepreneur in the Russian Federation

Source: [41].

Сегодня в стране складывается тенденция, что малые формы неинтересны — на них не смотрят как на аграрный потенциал, потому что нет желания менять существующие механизмы, а есть желание получить большой объем и сразу за счет новых крупных инвестиций, тем самым увеличить экспортный потенциал страны. Снижение численности КФХ говорит о негативных тенденциях, на которые может влиять государство.

Тенденция относительного укрупнения хозяйств существует во всем мире. Если ты эффективный менеджер, то можешь увеличить земельные площади и объемы производства. Росстат эту картину и показывает. Кроме того, есть значительное количество хозяйств, не расширяющих свои угодья и воспринимающих фермерство не как бизнес, а как образ жизни. И эти люди необычайно ценны, поскольку именно совмещение дела и сельского образа жизни стимулирует прийти в село и начать семейный бизнес. Именно из таких стимулов складывается жизнь на сельской территории.

Крестьянско-фермерские хозяйства — это хорошо, но во всем мире идет тенденция к формированию и укрупнению агрохолдингов. Только за период 2014-2021 гг. количество крупнейших владельцев сельскохозяйственной земли в России увеличилось с 30 до 66 компаний, а их общий земельный банк возрос с 7,2 млн га до 15,4 млн га [19].

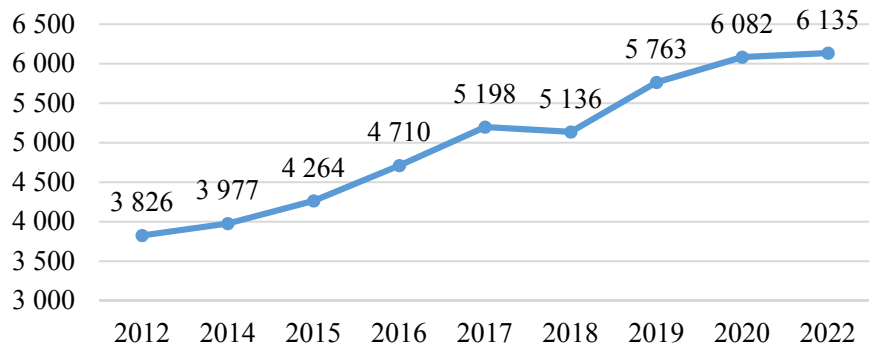

Рис. 4. Прирост общего земельного банка крупнейших агрохолдингов РФ, в тыс. га
Источник: [19].

Fig. 4. Growth of the overall land bank of the largest agricultural holdings in the Russian Federation, thousands ha
Source: [19].

В России наблюдается наращивание земельного банка агрохолдингов, особенно это проявляется в последние три года (рис. 4). Обозначенная тенденция обусловлена тем, что из-за существенного роста товарных цен на мировых рынках растениеводство сегодня является высокодоходной отраслью. Полученные сверхдоходы компаний этой отрасли активно инвестируются в еще большее расширение земельного банка. Кроме того, на рынке появляются непрофильные инвесторы.

В 2019 г. был публично объявлен целый ряд крупных сделок слияния и поглощения агроактивов с существенными земельными банками. Общую тенденцию увеличения земельных активов на протяжении последнего десятилетия и особенно с 2019 г. демонстрируют все лидеры российского агробизнеса [19]. Эта тенденция проиллюстрирована на рис. 5.

На первом месте по приросту земельного фонда холдинговая компания «Мираторг» (+666 тыс. га за семь лет), далее следуют «Агрокомплекс» (+460 тыс. га), агрохолдинг «Степь» (совместно с РЗ Агро) (+466 тыс. га), «ЭкоНива-АПК» (+434 тыс. га), «Продимекс» (+412 тыс. га), и завершает список «Русагро» (+157 тыс. га), несмотря на незначительное снижение земельного банка в последние годы [19]. Доля агрохолдингов в выручке растениеводства составляет 31% (данные на 2020 г.). Схожая ситуация наблюдается в другой ключевой отрасли сельского хозяйства: доля агрохолдингов в выручке животноводства оценивается в 37%.

Выручка крупнейших производителей мяса в 2020 г. выросла на 1% по сравнению с предыдущим годом, достигнув 70%. Более трети всего мяса в РФ производится в 10 ведущих агрохолдингах (лидеры — «Мираторг», «Черкизово» (ГСН), ГАП «Ресурс»). Объемы производства стабильно растут. Так, производство мяса в 2019 г. составило 10,9 млн тонн, в 2020 г. — 11,2 млн тонн. Укрупнение агрохолдингов происходит и в масложировом комплексе: их доля в выручке этого сектора в 2020 г. достигла 61%, против 60% в 2019 г. [19]. Эта тенденция подтверждается и всеми экспертами, с которыми мы беседовали в стандарте глубинного интервью.

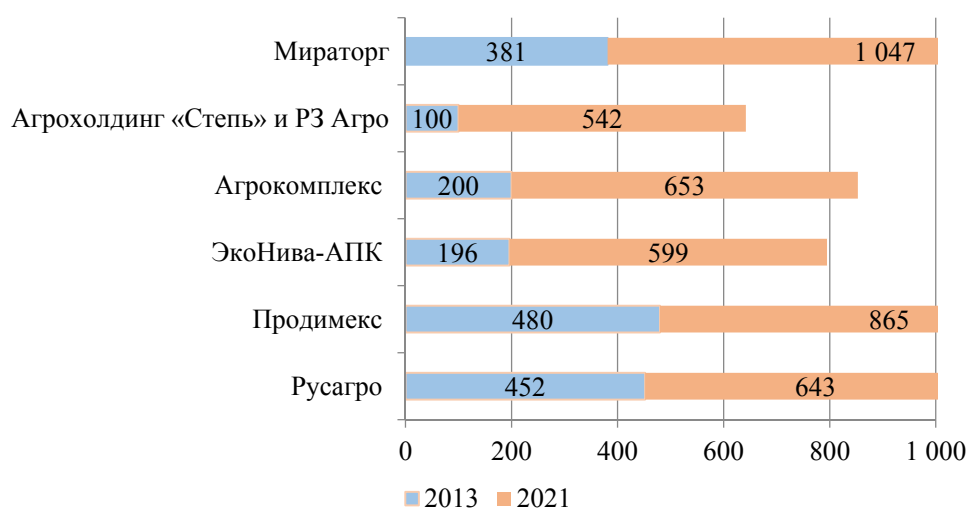

Рис. 5. Лидеры по приросту земельного банка за период 2014-2020 гг., тыс. га

Источник: [19].

Fig. 5. Leaders in the growth of land bank from 2014 to 2020, thousands ha

Source: [19].

Обсуждение результатов

Данные статистики показывают, что в Российской Федерации в целом наблюдается определенная положительная динамика развития сельского хозяйства (расширение размеров фермерских хозяйств, увеличение доли сельскохозяйственного производства).

Однако результаты проведенного анализа деятельности КФХ в экономике позволяют сделать вывод о том, что эти экономические субъекты испытывают значительные трудности не только в процессе базового производства, но и на этапе производства на первичных и постфермерских стадиях. Процесс установления взаимовыгодных отношений между фермерами и поставщиками сырья и переработчиками продукции является особенно сложным, и операционные издержки, связанные с получением информации о контрагентах, ведением переговоров и заключением контрактов, мониторингом и защитой прав собственности на данном этапе, значительно снижают их деятельность.

Фермеры также несут высокие дополнительные расходы на стадиях реализации и продажи продукции, так как убыточные цены мелких производителей, определяемые монопольными переработчиками, сопровождаются высокими требованиями к качеству продукции, упаковке и транспортировке. Выполнение всех этих (и других) требований сопряжено с более высокими затратами, что в большинстве случаев снижает рентабельность и потому просто не имеет смысла.

Крестьянские (фермерские) хозяйства как малые и средние формы хозяйствования в аграрном секторе экономики достигли уровня производства сельскохозяйственной продукции свыше 12% [5, с. 64]. Результаты многих социологических

исследований показывают, что именно институциональная практика формирует, закрепляет и воспроизводит реальные мотивации поведения людей и что их изменение выступает движущей силой развития и закрепления ценностных ориентаций [43, с. 75].

В целом результаты институциональных изменений в РФ в 1990-2020 гг. можно свести к следующим тезисам.

Достигнуты институциональные цели — насыщение рынка России продовольствием и сельскохозяйственным сырьем по так называемым «общественно приемлемым ценам» на основе организационно-экономических, финансовых и правовых условий для эффективного ведения агропромышленного производства.

Решены задачи по формированию многоукладной сельской экономики на основе приватизации земли, реорганизации колхозов и совхозов; перехода от директивно-плановых отношений к рыночным; ориентации на спрос, предложение и рыночные цены, оценку бизнеса по мировым стандартам (выручка, прибыль и рентабельность), обеспечения оборота земли и средств производства, перехода к эффективным рыночным агентам; при сохранении контроля за качеством продукции сельского хозяйства и созданием государственных резервов.

Вместе с тем институциональная цель «социальное возрождение села» так и не была реализована.

Институциональные *взаимные обязательства* на селе были объявлены и операционализированы следующим образом: государство взяло на себя обязательства по субсидированию, дотациям, субвенциям, пособиям, грантам, помощи и льготам сельхозпроизводителям, включенным в целевые программы, с учетом внедрения нормативно-правовых, административных и экономических требований и регламентов. Путем процедур освобождения сельхозпроизводителей от обязательств по финансированию строительства и содержания этих объектов произошла передача объектов социальной сферы и инженерной инфраструктуры от сельхозпроизводителей к органам муниципальной власти. Появился рынок земельных долей и участков, что создало понятную институциональную базу мобильности земельных ресурсов на основе того, что заинтересованные лица формировали свои права землепользования. И самое главное: впервые на селе стала применяться технология «товарного кредитования».

Были применены следующие *наиважнейшие стимулы модернизации сельского хозяйства*: возрождение через целевое финансирование элитного семеноводства, племенного животноводства, приобретение новой техники для сельского хозяйства через системы агролизинга, субсидированные инвестиционные кредиты, уменьшение налоговых платежей предприятиям топливно-энергетического комплекса (ТЭК) по бюджету на сумму стоимости поставляемых на село ресурсов, полнейшая реструктуризация долгов для сельхозорганизаций, которые больше уже не имели финансовых источников для погашения долгов по кредитам.

Имели значение формы и форматы сельскохозяйственных организаций (СХО): согласно Федеральному закону от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ, установлены критерии отнесения субъекта предпринимательства к микро-, малому, среднему

и крупному. Но существовали проблемы определения реальных форм СХО: для СХО масштаб предпринимательства отражает выручка, а доходы, в которые входит и государственная поддержка, могут характеризовать СХО не столько в «положительном» смысле эффективности труда, сколько в «отрицательном» — как способность выстраивать отношения с лицами, принимающими решения о выделении субсидий (субвенций, грантов) в условиях ограниченности редких ресурсов и неравного к ним доступа; нужно оценивать не одно юридическое лицо, а весь бизнес. За счет прорех и разрывов между понятиями «выручка» и «доходы» образовывались малые ручейки и гигантские реки утечки финансовых ресурсов из федерального бюджета. Данная проблема до сих пор не решена.

Обращаясь к нашим гипотезам, нужно отметить, что все они в той или иной форме подтвердились.

Так, в России за последние двадцать лет, независимо от поколенческих траекторий, качества и продолжительности воспроизводства жизненных процессов людей российских сел, действительно наблюдается резкая и всё более усиливающаяся социально-экономическая дифференциация, при сравнении жизненных шансов и практик сельского и городского населения.

Действительно, дальновидные руководители муниципалитетов делают ставку на всё более интенсивное развитие как институтов, так и культуры, тем самым привлекая человеческий капитал в сельской местности.

Как показал наш институциональный анализ, для развития сельского хозяйства и сельских территорий России в современных контекстах следует делать акцент на поведенческих характеристиках экономических акторов и на понимании мотиваций и стимулов по созданию новых институтов.

Изучая перспективы современных институциональных процессов, подтвердилось наше предположение о том, что в динамике за последние десятилетия трансформаций российского села по-прежнему часто делается акцент на том, что выполняется дихотомия «рынок побеждает, а село вымирает», и эта генеральная тенденция постоянно воспроизводится.

Подтвердилось предположение о том, что нужно использовать методы противопоставления рыночной и территориальной логик развития, с учетом погружения в общие институциональные и социальные контексты. Вместе с тем для операционализации и верификации этих «парадоксальных методов» следует привлекать как можно больше эмпирических данных.

Анализ работы крестьянских хозяйств в некоторых других странах мира

Для того чтобы представить, как возможна в принципе продуктивная работа крестьянских фермерских хозяйств в России с точки зрения внедрения самых прогрессивных технологий, ниже изложены основные результаты нескольких зарубежных исследований по эффективной работе фермерских хозяйств.

Как доказал М. Калус, семейная ферма (family farm) является краеугольным камнем европейской сельскохозяйственной модели (European agricultural model), на которой основана вся нынешняя и вся будущая общая сельскохозяйственная

политика (Common Agricultural Policy) Бельгии, Великобритании (Соединенное Королевство), Германии, Дании, Ирландии, Испании, Италии, Нидерландов, Португалии, Франции. При этом считается, что семейная ферма внесла свой вклад в экономическое и социальное развитие, скорректировав свои институциональные структуры, новые методы производства и управления [44, 45].

Определение семейного фермерского хозяйства в других странах мира включает следующие элементы: как владение бизнесом, так и управленческий контроль, находящийся в руках семьи или близких членов семьи; владение бизнесом и управленческий контроль передаются внутри семьи из поколения в поколение; большая часть рабочей силы обеспечивается главным лицом, принимающим решения (Principal Decision Maker — PDM), и его/ее семьей; значительная часть капитала предоставляется главным лицом, принимающим решения, и его/ее семьей; семья живет на ферме; семья получает большую часть своего дохода от фермерства; принципалы связаны родством или браком. Основной целью семейной фермы часто является не только максимизация прибыли, как предполагается в неоклассических моделях, но и другие цели, такие как сохранение контроля и передача надежного бизнеса следующему поколению. Это означает, среди прочего, что бизнес имеет более длительный горизонт планирования, измеряемый поколениями, а не годами, и что обеспечение долгосрочного выживания может быть более важным среди целей фирмы, чем максимизация краткосрочных выгод. Семейные фермы отличаются от семейного бизнеса и промышленных ферм тем, что как управление, так и предпринимательство находятся в руках фермерской семьи и не делятся с другими. Фермерская семья обеспечивает труд, землю и капитал. Можно нанимать дополнительную рабочую силу, чаще всего на сезонной основе, а землю при необходимости арендовать для расширения сельскохозяйственного производства. Дальнейший дополнительный капитал может быть заимствован для поставок, машин и улучшений.

Европейская статистика говорит о том, что в большинстве стран количество ферм сократилось, но увеличилась средняя площадь сельскохозяйственных угодий на ферму. Аналогичный процесс наблюдается в РФ. Процесс сокращения количества производственных единиц технически и технологически способствовал увеличению числа профессиональных предприятий. Благодаря трудосберегающим технологиям увеличение размера фермы и экономического размера не всегда отражается в аналогичном увеличении единиц труда на ферму. Малые и очень мелкие фермы по-прежнему составляют большинство ферм в сельском хозяйстве Европейского Союза, особенно в странах Южной и Восточной Европы, где социальная база сельского хозяйства остается прочной и широко распространенной. Следует отметить, что эти приусадебные участки по-прежнему гарантируют большое количество рабочих мест. Многие из этих временных рабочих заняты полный рабочий день, и во многих других случаях речь идет о скрытой безработице со всеми вытекающими социальными последствиями. С социологической точки зрения, семейная ферма ассоциируется с семейными добродетелями, такими как солидарность, преемственность и преданность делу; с экономической точки

зрения, семейная ферма может быть отождествлена с предпринимательскими навыками, возможностью выбора, риском и индивидуальными достижениями [44].

В настоящее время в зарубежной научной литературе и в средствах массовой информации всё больше растет внимание к процессам и практикам автоматизации ферм на базе новых институционально-технологических стратегий совместного проектирования / совместного дизайна (*collaborative design / co-design*) совмещения работы роботов и людей при внедрении новой робототехники для производителей продуктов питания в контекстах применения долгосрочных горизонтов планирования.

Л. Кэтрин и Б. Карли в своей статье [50] обсуждают, как, например, производители яблок осваивают новые роботизированные технологии, использующие искусственный интеллект (*Artificial Intelligence (AI)*) для автоматизации аспектов фермы. Фермеры уделяют особое внимание тому, как это освоение связано с подготовительной и реальной повторной сборкой ландшафтов, подготовкой работ и учреждений. Анализ рассматривает различные способы, с помощью которых садоводы на практике осуществляют уборку своих садов в ожидании новых технологий, и имеет особое значение то, как их действия накладываются на экологические системы, трудовые отношения и капитализацию фермы. Результаты исследования раскрывают проблемы демократических форм взаимодействия с роботизированным будущим, а также способы, с помощью которых производители повышают свою способность осмысленно взаимодействовать с новыми технологиями. Наблюдая за материальным участием фермеров в ландшафте, их работе и в их институциональных сборках (*institutional assemblages*), становится возможно отметить конкретные материальные условия, определяющие выбор фермеров в отношении внедрения на ферме технологий, а также воздействующих на их предполагаемую способность влиять на разработку и внедрение технологий в отрасли в целом. Новый подход институциональной сборки (*institutional assemblage approach*), учитывающий взаимосвязь фермеров с ландшафтами, управлением, работой и институциональной средой, предоставляет важнейшие инструменты и данные для ученых, заинтересованных в изучении вопросов предвосхищения через призму ответственных исследований и инноваций. В частности, акты исследований и наблюдений предоставляют социологам дополнительные возможности для более активного вовлечения фермеров в качестве партнеров «гражданской науки» (*“civil science”*) в ответственную и совместную разработку и внедрение новых сельскохозяйственных технологий.

В качестве примера рассказывалось о новом роботе — сборщике яблок, который в марте 2019 г. прибыл из Силиконовой долины в Аотеароа (Новая Зеландия) и продемонстрировал, как он медленно убирает яблоки с ряда стройных яблонь вдоль шпалеры, что распространилось в популярных сельскохозяйственных СМИ. Это комбайн был назван «первым в мире» сборщиком яблок в национальных и международных газетах. Аналогичные статьи были опубликованы в *Guardian* об автоматизированных сборщиках ягод малины, и авторы предполагали, что в будущем робот намного превзойдет людей-работников. Хотя первоначально и сборщик малины, и сборщик яблок были медленными и неуклюжими,

имели немало технических проблем, которые в настоящее время сделали бы их непригодными для широкомасштабного использования, тем не менее они усовершенствовались, что сделало дискуссии об абстрактных перспективах и процессах технологического развития более конкретными, а опыт внедрения новых роботизированных технологий как непосредственных участников этого процесса, казалось бы, более понятным. Были случаи, когда вид машины в действии влиял на то, как зарубежные фермеры, с которыми проводились беседы, размышляли о будущем. Многие зарубежные фермеры тогда предположили, что машина непрактична в ее нынешнем состоянии, отметив, что пройдет десять лет, прежде чем ее можно будет использовать в любом коммерческом саду. Одни видели переход в ближайшем будущем, другие думали, что он никогда не наступит. Несмотря на это, большинство производителей, с которыми проводились интервью, видели, что новые роботизированные технологии на основе искусственного интеллекта играют определенную роль в будущем яблочной индустрии и в той или иной степени определяют это будущее и его форму.

В некоторых случаях действия производителей отражали четкое видение фермерами того, как будут выглядеть фермы будущего. Это видение зачастую отражало популярные представления о полностью автоматизированных производственных системах с предельно уменьшенным вмешательством человека. Имея в виду это четкое видение, сады могут либо принять, либо отказаться от предлагаемой модели роботизации на практике. Другие фермеры сдержанно относились к этому исключительному будущему и занимались практикой повседневных рабочих операций (*working*), осознание возможностей будущей продуктивности которых могло помочь повысить их способность принимать стратегические решения в отношении технологий автоматизации по мере их появления и оценки эффективности в фермерском мире повседневности как «мира труда» (“*the world of work*”).

Принятие нового подхода к институциональной сборке (*assemblage approach*) привело к следующим предположениям: 1) предвосхищение отображает будущие ожидания на настоящие реальности через материальные действия западных фермеров, 2) практика и стратегия на будущее ограничены материальными реалиями и 3) нарративы, объясняющие логику этих практик и стратегий, возникают одновременно с их возможностью. Эти лежащие в основе предположения подчеркивают центральную роль практического и материального мира производителей в формировании их намерений, объяснений и видений будущего; в данном случае возможно говорить о «парадоксах прогнозирования», «парадоксах и конструктах будущего фермерства» в развитии сельских территорий.

То есть ферма не является пассивным фоном для действий фермера, но, как мир повседневности, осознаваемый фермером как «мир труда», участвует над перспективами «отношения процесса» внедрения роботизации в разрешении и ограничении действий фермера, формируя, какие виды воображаемых миров деятельности становятся наиболее приемлемыми. Этот подход сопряжен с трактовкой «когнитивного стиля» повседневной жизни в феноменологической социологии,

когда «мир труда» проявляется в самых неожиданных, порой парадоксальных контекстах, в данном случае верифицируясь в дополнениях ожиданий, связанных с внедрением «парадоксальных технологий» по ответственным исследованиям и инновациям упреждающего управления, приводящим к необычным изменениям, особенно если подходы разработаны в рамках новой работы. Парадоксы и курьезы современного «упреждающего управления» западного фермерского хозяйства состоят в том, что сильные и рискованные фермеры, несмотря на их включенность в повседневную рабочую жизнь, находят в себе силы от нее оторваться и принять новый подход, который расширяет понимание неопределенности, свободы действий и социальной власти в контексте технологических изменений и институтов.

Образы автоматизированного сельскохозяйственного будущего — ферм, обходящихся без человеческого присутствия, — время от времени появляются в тексте в основных новостных агентствах. Вот лишь некоторые из множества заголовков: «У нас будут космические боты с лазерами, убивающими растения»; «У нас начинается эпоха роботов-фермеров» [56, 57]. Многие из этих идей намекают на определенное будущее продуктов питания. Они могут связать это будущее с неотложными глобальными обстоятельствами, такими как ограниченный доступ к сельскохозяйственным рабочим-мигрантам в силу их ненужности из-за роботизации и ограниченный доступ к воде и земле. Хотя те немногие из описанных здесь парадоксальных идей представляют будущее как включающее принципиально новое разнообразие крестьянских ферм или какие-то препятствия для внедрения робототехники, всё это будущее изображается как неизбежное, уникальное по своему характеру и с развертыванием процессов, которые определяли бы, как автоматизация всё более и более внедряется в современные фермы.

Обращаясь к новым вызовам в современную эпоху глобальной нестабильности, в частности того, что пандемия COVID-19 — всерьез и надолго, по версии М. Фарбиан и Дж. Гутман, во всём мире будет, вероятно, экспоненциально повышаться интерес к робототехнике и автоматизации, которая отражает желания, фиксирующие всё более настойчивое внедрение в жизнь многообещающих фантазий об обильных запасах продовольствия и непроницаемой безопасности производства [47]. Эти образы не просто проецируют определенное сельскохозяйственное видение, но, вероятно, влияют на социальные и политические процессы, связанные с разворачивающейся историей сельскохозяйственных технологий. Многие действующие лица, находящиеся в центре этих изменений, — фермеры — действительно предвидят, что внедрение робототехники совпадет с популярными нарративами, которые столь же неизбежны и объективны по своим последствиям, сколь органично интегрируются в существующую сельскохозяйственную систему. Влияние новых цифровых технологий может как расширяться, так и расходиться с историческими и институциональными закономерностями из-за уникальных возможностей больших данных, искусственного интеллекта, «умного земледелия» и «цифрового сельского хозяйства» для принятия решений. В сочетании с робототехникой эти вычислительные процессы указывают на возможность полной автоматизации и, по крайней мере, делают первые шаги к «полной автоматизации»

западных ферм новыми способами, отличными от простой механизации. Таким образом, новые технологии могут заметно повлиять на практическую автономию и контроль над методами ведения сельского хозяйства, формировать новые типы знаний (в том числе знаний неявных, негласных, неписанных, молчаливых, автоматических — “tacit knowledge”), крайне необходимые для такой новой сельскохозяйственной практики, которая ведет к последующим продуктивным социально-экономическим последствиям в случае правильного выбора оптимального состава внедрения роботизации в сельскохозяйственные работы. Вместе с тем «полная автоматизация» вызывает ряд опасений по поводу конфиденциальности, этики, внедрения новых институтов и уровня демократичности управления.

Считается, что ответственные исследования и инновации — это прозрачный интерактивный процесс, посредством которого общественные деятели и новаторы взаимно реагируют друг на друга. Сторонники такого подхода предполагают, что эти формы «взаимного реагирования» действуют во время первоначального использования новых технологий и при оценке результатов технологий и их преимуществ, которые определяются в терминах переосмысления ответственности как демократизация управления намерениями и институционализация реагирования. Сама структура концепта «ответственных исследований и инновации» (Responsible Research and Innovation — RRI) была разработана и внедрена в рамках Европейской комиссии Европейского Союза, предполагая, что проекты, финансируемые ЕС, должны предусматривать участие общественности и совещательные социальные процессы в любых технологических разработках.

Одна ветвь исследований, разработанная в рамках RRI, фокусируется на ожидании. Прогнозирование является совместным и включает в себя попытки лучше понять потенциальные эффекты технологий посредством эмпирических выводов, размышлений и дискуссий между различными группами. Она также включает открытые и честные обсуждения желаемого будущего, связанного с технологическим проектом. Другое разветвление исследований, разработанных в рамках RRI, — предвосхищение ориентировано на создание дискурсивного контекста, обеспечивающего демократические процессы принятия решений в отношении технологий, и всегда интегрировано с включением, реагированием и рефлексивностью. Эта основная предпосылка также разрабатывается в соответствующих работах по упреждающему управлению, а ее целью является создание условий для поддержки людей в управлении технологиями по мере их появления в режиме реального времени. Сосредоточение внимания на возможностях управления в рамках концепта «ответственных исследований и инновации» является фундаментальным аспектом предвидения, и это также говорит об особой проблеме в роли предвосхищения. Этот акцент на управлении гарантирует, что процессы технологического развития не просто повторяют или усиливают текущие умозрительно-метафизические (спекулятивные) пути (тропы и фантазии), но в случае внедрения сельскохозяйственных технологий, и особенно в отношении автоматизации в сельском хозяйстве, существуют значительные культурные медиа, описывающие возможные фейки футуристических ферм. В результате предвосхищающие диспуты и дискуссии,

находящиеся под влиянием этих господствующих в массовом воображении образов, рискуют дискурсивно закрепить конкретное, единственное будущее и его предполагаемую неизбежность [46].

Фермерское движение к роботизированному будущему на примерах яблочной и ягодной индустрий предполагает построение прагматичного его видения, прогнозирование будущих сценариев, внедрение новых технологий фермерами и промышленностью. С точки зрения институциональной социологии, которая отвечает на вопросы ответственности при принятии сообществами технологий, разрабатываемых в рамках проекта будущего фермерства, анализ позволил также выявить ментальность тех западных фермеров, чье предполагаемое негативное влияние в формах «саботажа» робототехники в сельском хозяйстве в итоге всё равно не должно помешать активно участвовать в процессах совместного проектирования в противовес прогрессивно мыслящим фермерам, другой ментальности и другого «когнитивного стиля» повседневной рабочей жизни. В частности, были найдены фермеры с технократическими и изолированными тенденциями, склонные рассматривать технологическую эволюцию в конструктивном ключе — как неизбежный переход, который нельзя будет предотвратить вмешательством человека. В результате эти фермеры, как правило, считали, что им нужно либо присоединиться к заранее определенной базе инноваций, либо остаться как бы в стороне, в зависимости от того, насколько конкретный прогноз рассогласовывался или противоречил их паттернам, их работе и их институциональной сборке. Признание этих тенденций как зарождающихся внутри конкретных объединений фермеров предоставило дополнительную возможность обсудить различные возможности внедрения робототехники с инженерами и учеными-компьютерщиками, разрабатывающими новые технологии. Обсуждение подобных различий и ограничений в институциональных сборках может помочь прогрессивно мыслящим фермерам и членам их команд в создании технологий, которые могут лучше удовлетворить потребности самых разных фермеров.

Если говорить о России, то представленный теоретический конструкт будущего фермерства, воплощаемый в конкретных институциональных сборках, весьма перспективен для внедрения как инновационных, так и институциональных перспектив развития сельских территорий. Конечно, если говорить о сравнительных выводах по фермерам — «у них» и «у нас», — то сначала об этом можно только мечтать, но рано или поздно новые технологии так или иначе воплощаются в нашей жизни.

Выводы

1. Целью этой статьи было изучение конструирующей природы институтов в пространстве сельских территорий в контексте социальных противоречий, часто принимающих парадоксальные форматы. Парадоксы и курьезы состоят в том, что, с одной стороны, кардинальные институциональные изменения в сельском хозяйстве России в 2001-2021 гг. содержат спорное понимание социальной справедливости происходящих изменений, отраженное в фактах

повседневной жизни в мире повседневности как «мира труда» сельских тружеников и очевидно противоречащих данных официальной статистики, так и в сравнительном анализе западного и российского фермерства. Так, парадоксы и курьезы были выявлены в процессах внедрения робототехники и систем «ответственных исследований и инновации» в рамках Европейской комиссии Европейского союза, предполагая, что эти проекты предусматривают участие общественности в любых технологических разработках, что утверждает на практике концепт институциональной социологии, представленный в статье.

2. С другой стороны, было показано, что во всём мире будет, вероятно, экспоненциально повышаться интерес к робототехнике и автоматизации в сельском хозяйстве в связи с распространением пандемии COVID-19, которая является новым вызовом в современную эпоху глобальной нестабильности.
3. Наконец, если расширить концепт глобальной нестабильности, включив в него не только распространение в мире «навсегда» пандемии COVID-19, но и в качестве учета второй составной части «специальной военной операции в Украине» после 24 февраля 2022 г., то парадокс, связанный с трагичностью очевидного будущего сельского хозяйства в России, сопряжен с тем, что реальным ее результатом будет эволюционный кризис цивилизации на примере России, который описали Аркадий и Борис Стругацкие в своей теории «сворачивающейся цивилизации» (смысл которой состоит в том, что цивилизация остается беззащитной перед «Повелителями Дураков»).
4. Парадокс «сворачивающейся цивилизации» применительно к сельскому хозяйству состоит в том, что в качестве результатов «специальной военной операции» и введения крайне жестких санкций безвозвратно теряются активы и резервы, обрываются и обрушиваются связи, останавливаются предприятия и фирмы, происходит массовый исход иностранного бизнеса из России. Всё это будет означать, что племенного скота и семенного фонда у российских фермеров и агрохолдингов больше не будет, точечные удобрения вносить не смогут; современных технологий, требующих импортного оборудования, комплектующих и запасных деталей, не будет; не будет ни кооперации, ни капиталов для ведения продуктивной сельскохозяйственной деятельности. Если Россия продавала пшеницу за счет рыночных отношений, то она скоро начнет закупать хлеб, как это делал СССР, когда была урожайность в стране 13 центнеров с гектара. Сейчас урожайность в РФ 30 ц/га, при условии наличия удобрений, технологий, импортных комплектующих. Для сравнения: урожайность пшеницы в 2019 г. в Ирландии — 99 ц/га, Новой Зеландии — 91 ц/га, Бельгии и Нидерландах — 89 ц/га, ФРГ — 80 ц/га, Франции — 76 ц/га, Дании и Великобритании — 74 ц/га [38].
5. Парадокс «сворачивающейся цивилизации» применительно к сельскому хозяйству будет означать резкое снижение базового снабжения продуктами питания населения, а государству нужно будет к этому приспособливаться. Парадоксальная редукция этого процесса состоит в том, что Россия 2020-х гг.

будет постепенно, шаг за шагом откатываться к 1980-1990-м гг., то есть жизнедеятельность сельских территорий будет обращаться вспять.

6. С точки зрения эпистемологии, исследование фермерства как такового вывело нас на наличие нескольких парадоксов, которые можно обозначить как «парадоксальное знание» как таковое в системе отношений «объект — знание», а именно: «парадоксы ситуаций», «парадокс интерденденции», «парадокс экзотации», «парадокс непредсказуемости», «парадокс синтеза», «парадокс данных», «парадокс методов», «парадокс будущего».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрианова Е. В. О соотношении дефиниций социологии сельских территорий, социального пространства и социальной географии: общее и различное. Часть 1 / Е. В. Андрианова, В. А. Давыденко, Ю. В. Ушакова // Социальное пространство. 2021. Том 7. № 1. С. 1-18. DOI: 10.15838/sa.2021.1.28.2. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28856>
2. Ассоциация крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России. Единство Уверенность Успех: оф. сайт. URL: <https://www.akko.ru/>
3. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок; пер. Е. М. Лысенко; прим. и ст. А. Я. Гуревича; [АН СССР]. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1986. 254 с.
4. Веблен Т. Б. Теория праздного класса / Т. Б. Веблен; пер. с англ.; вступит. ст. С. Г. Сорокиной. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
5. Воронина Я. В. Организационно-экономические предпосылки возникновения отечественных крестьянских (фермерских) хозяйств, их социально-экономическая сущность / Я. В. Воронина // Аграрный вестник Урала. 2018. № 10 (177). С. 64-70.
6. Головина С. Г. Проблемы развития фермерства в сложившихся условиях среды / С. Г. Головина, Е. Е. Лоретц, И. Н. Миколайчик, Л. Н. Смирнова // Аграрный вестник Урала. 2019. № 8 (187). С. 65-74. DOI: 10.32417/article_5d908ea8bc65f4.10403668
7. Государственные (национальные) доклады о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2005-2200 гг. // Росреестр. Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии: оф. сайт. URL: <https://rosreestr.gov.ru/activity/gosudarstvennoe-upravlenie-v-sfere-ispolzovaniya-i-okhrany-zemel/gosudarstvennyy-natsionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-rossiyskoy-federatsii/>
8. Гудков Л. Д. Парадоксы изучения социальной структуры в России / Л. Д. Гудков // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 2/2. С. 207-224. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/2-207-224
9. Гудков Л. Д. Парадоксы социальной структуры в России / Л. Д. Гудков // Вестник общественного мнения. 2016. № 1-2 (122). Январь-июнь. С. 95-125.
10. Давыденко В. А. Современные мировые контексты социологии села в реалиях российской сельской жизни / В. А. Давыденко, Е. В. Андрианова, М. В. Худякова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Том 6. № 3 (23). С. 79-129. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-3-79-129

11. Жукова Т. А. Земля и люди. Дневник фермера: документальный очерк / Т. А. Жукова. Краснодар: КубГАУ, 2020. 188 с.
12. Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция / Т. И. Заславская; Московская шк. соц. и экон. наук. 2-е изд., испр. и доп. М.: Дело: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Российской Федерации, 2003. 566 с.
13. Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации / Т. И. Заславская. М.: Моск. высш. шк. соц. и эконом. наук, Интерцентр, 2007. 398 с.
14. Калугина З. И. Парадоксы аграрной реформы в России. Социологический анализ трансформационных процессов / З. И. Калугина. М.: Изд-во ИЭиОПП СО РАН, 2001. 196 с.
15. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию / С. Г. Кирдина. Изд. 3-е, перераб., расш. и ил. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 467 с.
16. Кирдина-Чэндлер С. Г. Радикальный институционализм и фейковая экономика в XXI веке / С. Г. Кирдина-Чэндлер // Журнал институциональных исследований. 2017. Том 9. № 4. С. 6-15.
17. Кирдина-Чэндлер С. Г. Парадоксы синтеза в экономической теории / С. Г. Кирдина-Чэндлер // Terra Economicus. 2021. № 19 (3). С. 37-52. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-3-37-52
18. Коммонс Дж. Р. Правовые основания капитализма / Дж. Р. Коммонс; пер. с англ. А. Апполонова, А. Маркова; под ред. М. Одинцовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2011. 416 с. URL: https://id.hse.ru/data/2015/11/19/1250658652/%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D1%81_site.pdf
19. Крупнейшие владельцы сельскохозяйственной земли в России на 2021 год // Доклады консалтинговой компании BEFL. URL: https://agrogard.ru/content/file/krupneishie_vladelci_selskohozyaistvennoy_zemli_v_Rossii_na_2021_god.pdf
20. Латов Ю. В. Новое общество — новый ресурс — новый класс? (К 60-летию теории человеческого капитала) / Ю. В. Латов, Н. Е. Тихонова // Terra Economicus. 2007. № 19 (2). С. 6-27. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-2-6-27
21. Максимова Т. П. Крестьянские (фермерские) хозяйства: институциональный аспект / Т. П. Максимова // Российское предпринимательство. 2017. Том 18. № 15 (август). С. 2277-2288. DOI: 10.18334/tr.18.15.38167
22. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Политиздат, 1956. Том 42. С. 41-174.
23. Митчелль У. К. Экономические циклы: проблема и ее постановка / У. К. Митчелль; пер. с англ. Е. Д. Кондратьевой, О. Е. Пряхиной и В. Э. Шпринка; вступит. ст. А. Г. Герценштейна. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. Том LXXX. 504 с.
24. Найт Ф. Х. Риск, неопределенность и прибыль / Ф. Х. Найт; пер. с англ. М.: Дело, 2003. 360 с.
25. Нельсон Р. Р. Эволюционная теория экономических изменений / Р. Р. Нельсон, С. Дж. Уинтер. М.: Дело, 2002. 536 с.
26. Нефёдова Т. Г. Трансформация сельского хозяйства России: мифология и реальность / Т. Г. Нефёдова // Мир России. 2013. № 1. С. 29-61.

27. Никулин А. М. Кубанский колхоз — в холдинг или асьенду? / А. М. Никулин // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 41-50.
28. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Том III / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; науч.-ред. совет: предс. В. С. Степин, заместители предс.: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов. М.: Мысль, 2010. 692 с.
29. Норт Д. К. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. К. Норт. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
30. Норт Д. К. Понимание процесса экономических изменений / Д. К. Норт; пер. с англ.: К. К. Мартынов, Н. В. Эдельман; науч. ред. А. В. Смирнов. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2010. 256 с.
31. Норт Д. К. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Д. К. Норт, Дж. Уоллис, Б. Вайнгаст. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. 480 с.
32. О крестьянском (фермерском) хозяйстве: закон РСФСР от 22.11.1990 № 348-1 (ред. от 21.03.2002) // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11050/
33. О крестьянском (фермерском) хозяйстве: федеральный закон от 11.06.2003 № 74-ФЗ // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42662/
34. Парсонс Т. Социальная система / Т. Парсонс; пер. с англ. М.: Академический Проект, 2018. 530 с.
35. Радаев В. В. Новый институциональный подход и деформализация правил в российской экономике / В. В. Радаев. М.: ГУ-ВШЭ, 2001. 42 с.
36. Радаев В. В. Экономическая социология / В. В. Радаев. 2-е изд. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2008. 603 с.
37. Ситковский А. Л. Парадоксы оценки российской полиции с помощью опросов общественного мнения / А. Л. Ситковский, Ю. В. Латов // Социологические исследования. 2021. № 2. С. 49-56. DOI: 10.31857/S013216250010880-1
38. Страны-лидеры в мире по производству и экспорту пшеницы // Тюлягин. Об экономике, инвестициях, технологиях и будущем. URL: <https://tyulyagin.ru/ratings/strany-lidery-v-mire-po-proizvodstvu-i-eksportu-pshenicy.html>
39. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек: монография / Ж. Т. Тощенко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 543 с.
40. Уильямсон О. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контракция / О. Уильямсон; пер. с англ. СПб.: Лениздат: CEV Press, 1996. 702 с.
41. Федеральная служба государственной статистики: Росстат. Оперативные итоги сельскохозяйственной микропереписи 2021 года. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/oper_itogi_SXMP_2021.pdf (дата обращения: 11.02.2022).
42. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. 839 с.
43. Эфендиев А. Г. Социальные институты: опыт анализа социальных изменений сел в Белгородской области / А. Г. Эфендиев, Е. С. Балабанова, П. С. Сорокин // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 62-68.
44. Calus M. Factors Explaining Farm Succession and Transfer in Flanders / M. Calus; Department of Agricultural Economics. Ghent: Ghent University, 2009. 229 pp.

45. Calus M. Persistence of family farming, learning from its dynamics / M. Calus, L. Lauwers // 111 EAAE-IAAE Seminar 'Small Farms: Decline or Persistence'. University of Kent, Canterbury, UK. 26th-27th June 2009. Pp. 1-15.
46. Europe 2020 A Strategy for Smart, Sustainable and Inclusive Growth; COMMUNICATION FROM THE COMMISSION / European Commission. 5 March 2010. Brussels, 3.3.2010. COM (2010) 2020 final. URL: <https://www.buildup.eu/en/practices/publications/europe-2020-strategy-smart-sustainable-and-inclusive-growth-communication>
47. Fairbairn M. Agri-food Tech Discovers Silver Linings in the Pandemic / M. Fairbairn, J. Guthman // Agriculture and Human Values. Rapid Response Opinion. 2020. Vol. 37. No. 3. Pp. 587-588.
48. Giddens A. The Constitution of Society Outline of the Theory of Structuration / A. Giddens. Oxford: Polity Press; Cambridge, in association with Basil Blackwell, 1984. XXXVII. 403 pp.
49. Hall P. A. Political science and the three new institutionalisms / P. A. Hall, R. C. R. Taylor // Political Studies. 1996. No. 44 (December). Pp. 936-957.
50. Legun K. Robot-ready: how apple producers are assembling in anticipation of new Artificial Intelligence robotics / K. Legun, K. Burch // Journal of Rural Studies. 2021. Vol. 82. Pp. 380-390. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2021.01.032
51. March J. G. Democratic Governance / J. G. March, J. P. Olsen. New York: Free Press, 1995. 256 pp.
52. March J. G. Elaborating the New Institutionalism / J. G. March, J. P. Olsen // The Oxford Handbook of Political Institutions // S. A. Binder, R. A. W. Rhodes, B. A. Rockman (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2009. Pp. 3-23.
53. March J. G. Z wprowadzeniem Jessop Bob / J. G. March, J. P. Olsen // Logika stosowności Zarządzanie Publiczne. 2014. No. 28 (2). Pp. 84-105. DOI: 10.7366/1898352922806
54. Merton R. K. Social Theory and Social Structure / R. K. Merton. New York: The Free Press, 1968. 702 pp.
55. Ryan R. M. Self-Determination Theory Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness / R. M. Ryan, E. L. Deci. New York: The Guilford Press, 2017. Pp. 756-769.
56. Seabrook J. Can a machine learn to write for The New Yorker? / J. Seabrook // The New Yorker. 2019. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2019/10/14/can-a-machine-learn-to-write-for-the-new-yorker>
57. Seabrook J. The age of robot farmers / J. Seabrook // The New Yorker. 2020. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2019/04/15/the-age-of-robot-farmers>
58. Scott W. R. Institutions and Organizations: Ideas, Interests and Identities / W. R. Scott. 4th edition. Los Angeles: SAGE Publications, Inc., 2013. Pp. 345-360.
59. Spash C. L. Facing the truth or living a lie: Conformity, radicalism and activism / C. L. Spash // Environmental Values. 2018. No. 27 (3). Pp. 215-222.
60. Vatn A. Critical institutional economics / A. Vatn // Routledge Handbook of Ecological Economics: Nature and Society / C. L. Spash (ed.). Abingdon-on-Thames: Routledge, 2018. Pp. 29-39.

Elena V. ANDRIANOVA¹

Vladimir A. DAVYDENKO²

Yuliya KHUDYAKOVA³

UDC 336.2

PARADOXES OF MODERN INSTITUTIONAL DEVELOPMENT OF PEASANT (FARMER) FARMS*

¹ Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Head of Department of General and Economic Sociology,
University of Tyumen;
Senior Researcher, West-Siberian Branch
of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences (Tyumen)
e.v.andrianova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-7769-9206

² Dr. Sci. (Soc.), Professor,
Head of the Research Center,
University of Tyumen
v.a.davydenko@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-8389-4254

³ Master Student,
Department of General and Economic Sociology,
University of Tyumen
y.khudyakova@utmn.ru

Abstract

The work is devoted to the study of the constructive nature of institutions in the space of rural territories in the context of social contradictions, often taking paradoxical formats. Methodologically, the article is written in the traditions of modern critical institutional

---

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research within the project no. 20-011-00087 “Institutional Factors and Forms of Rural Development”.

Citation: Andrianova E. V., Davydenko V. A., Khudyakova Yu. 2022. “Paradoxes of modern institutional development of peasant (farmer) farms”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 1 (29), pp. 51-101.
DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-51-101

economics and institutional sociology. The authors' results of the analysis of statistical data from open sources within the framework of the proposed issues over the past 20 years are presented. Three main historical stages of institutional dynamics in agriculture are characterized, the main of which included the introduction and institutionalization of private ownership of land, effectively returning Russia to the number of global players in the agricultural market.

The article presents data on the modernization of agriculture resulting from institutional changes "from above" and institutional mutual obligations in rural areas "from below". The conclusion is made about the increase in land assets and the growth of the total income of landowners. Quantitative indicators of the development of small- and medium-sized peasant (farmer) farms and large landholdings in Russia (agricultural holdings) according to various reporting data are presented. The socio-economic contradictions are revealed that point to the paradoxical development of rural areas of Russia. The foreign experience of managing modern rural business is presented, which can be considered as options for a possible future of Russia. The authors come to the conclusions that the Russian institutional dynamics in rural areas demonstrates several positive changes that have created the basis for the existence and further development of the country in a short period by historical standards. The article puts forward five hypotheses regarding the institutional development of rural areas, some of which are practically verified. It is proved that at present in Russia the risks and dangers of quantitative and qualitative food shortages have really been overcome, and that sufficiently powerful socio-class groups of landowners have been formed who are fundamentally interested in the qualitative reproduction of rural areas, despite the deepening processes of poverty, which marks the paradoxical institutional dynamics. However, there are indications that application of the concept of global instability (including determinants of COVID-19 pandemic and "special military operation in Ukraine" after 24 February 2022) marks the existence of a new paradox related to the tragedy of agriculture's future in Russia. It may realistically result in evolutionary crisis of the civilization if we take into account the paradigm of a "folding civilization" introduced by Arkady and Boris Strugatsky, which means that the civilization under study is left defenseless against "Masters of Fools".

Keywords

Peasant (farmer) farms, agricultural holdings, paradoxes of development, paradoxes of peasant life, state support, institutional development.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-51-101

REFERENCES

1. Andrianova E. V., Davydenko V. A., Ushakova Yu. V. 2021. "On the relationship between definitions of sociology of rural areas, social space and social geography: similarities and differences. Part 1". *Social Area*, vol. 7, no. 1, pp. 1-18. DOI: 10.15838/sa.2021.1.28.2. <http://socialarea-journal.ru/article/28856> [In Russian]

2. Official website of the Association of Peasant Farms and Agricultural Cooperatives of Russia (AKKOR). Unity. Confidence. Success. <https://www.akkor.ru/>
3. Bloch M. 1986. Apology for history or the historian's craft. Translated by E. M. Lysenko, note and article by A. Ya. Gurevich. 2nd Edition. Moscow: Nauka, USSR Academy of Sciences. 254 pp. [In Russian]
4. Veblen T. B. 1984. Theory of the leisure class. Translated from English, introductory article by S. G. Sorokina. Moscow: Progress. 367 pp. [In Russian]
5. Voronina Ya. V. 2018. "Organizational-economic preconditions of domestic peasant (farmer) farms, their socio-economic essence". Agrarian Bulletin of the Urals, no. 10 (177), pp. 64-70. [In Russian]
6. Golovina S. G., Loretts E. E., Mikolaychik I. N., Smirnova L. N. 2019. "Problems of farming development in the current environment". Agrarian Bulletin of the Urals, no. 8 (187), pp. 65-74. DOI: 10.32417/article_5d908ea8bc65f4.10403668 [In Russian]
7. Rosreestr. The Federal Service for State Registrations, Cadastre and Cartography. State (national) reports on the state and use of land in the Russian Federation in 2005-2200. <https://rosreestr.gov.ru/activity/gosudarstvennoe-upravlenie-v-sfere-ispolzovaniya-i-okhrany-zemel/gosudarstvennyy-natsionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-rossiyskoy-federatsii/> [In Russian]
8. Gudkov L. D. 2016. "Paradoxes of Russian social structure studies". Historical and Social-Educational Idea, volume 8, no. 2/2, pp. 207-224. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/2-207-224 [In Russian]
9. Gudkov L. D. 2016. "Paradoxes of Russia's social structure". The Russian Public Opinion Herald, no. 1-2 (122), January-June, pp. 95-125. [In Russian]
10. Davydenko V. A., Andrianova E. V., Khudyakova M. V. 2020. "Contemporary world contexts of rural sociology in the Russian rural life realities". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 6, no. 3 (23), pp. 79-129. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-3-79-129 [In Russian]
11. Zhukova T. A. 2020. Earth and people. Diary of a farmer: a documentary essay. Krasnodar: Kuban SAU. 188 pp. [In Russian]
12. Zaslavskaya T. I. 2003. Societal transformation of Russian society. Action-structural concept. 2nd Edition, revised. Moscow: Delo: Academy of National Economy under the Government of the Russian Federation; Moscow School of Social and Economic Sciences. 566 pp. [In Russian]
13. Zaslavskaya T. I. 2007. Modern Russian society: the social mechanism of transformation. Moscow: Moscow School of Social and Economic Sciences, Intertsender. 398 pp. [In Russian]
14. Kalugina Z. I. 2001. Paradoxes of agrarian reform in Russia. Sociological analysis of transformation processes. Moscow: Publishing house of IEIE SB RAS. 196 pp. [In Russian]
15. Kirdina S. G. 2014. Institutional matrices and development of Russia. Introduction to X-Y-theory. 3rd Edition, revised and illustrated. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 467 pp. [In Russian]
16. Kirdina-Chandler S. G. 2017. "Radical institutional economics and fakery for the 21st century". Journal of Institutional Studies, vol. 9, no. 4, pp. 6-15. [In Russian]
17. Kirdina-Chandler S. G. 2021. "Paradoxes of synthesis in economics". Terra Economicus, no. 19 (3), pp. 37-52. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-3-37-52 [In Russian]

18. Commons J. R. 2011. Legal foundations of capitalism. Translated from English by A. Appolonov, A. Markov, edited by M. Odintsova. Moscow: Publishing house of HSE, Higher School of Economics. 416 pp. https://id.hse.ru/data/2015/11/19/1250658652/%D0%A%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D1%81_site.pdf [In Russian]
19. Reports of the audit, corporate finance and consultancy company BEFL. 2021. The largest landowners in Russia in 2021. https://agrogard.ru/content/file/krupneishie_vladelci_selskohozyaistvennoy_zemli_v_Rossii_na_2021_god.pdf [In Russian]
20. Latov Yu. V., Tikhonova N. E. 2007. “A new society, a new resource, a new social class? (60th anniversary of the human capital theory)”. *Terra Economicus*, no. 19 (2), pp. 6-27. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-2-6-27 [In Russian]
21. Maximova T. P. 2017. “Peasant farms: institutional aspect”. *Russian Journal of Entrepreneurship*, vol. 18, no. 15(August), pp. 2277-2288. DOI: 10.18334/rp.18.15.38167 [In Russian]
22. Marx K., Engels F. 1956. Economic and philosophic manuscripts of 1844. Vol. 42. Moscow: Politizdat. Pp. 41-174. [In Russian]
23. Mitchell W. C. 1930. Business cycles: The problem and its setting. Translated from English by E. D. Kondratieva, O. E. Pryakhina and V. E. Shprink, introduction by A. G. Herzenstein. Vol. LXXX. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatelstvo. 504 pp. [In Russian]
24. Knight F. H. 2003. Risk, uncertainty and profit. Translated from English. Moscow: Delo. 360 pp. [In Russian]
25. Nelson R. R., Winter S. J., 2002. An evolutionary theory of economic change. Moscow: Delo. 536 pp. [In Russian]
26. Nefedova T. G. 2013. “The transformation of agriculture in Russia: myths and realities”. *Universe of Russia*, no. 1, pp. 29-61. [In Russian]
27. Nikulin A. M. 2002. “Kuban collective farm — to holding or hacienda?”. *Sociological Studies*, no. 1, pp. 41-50. [In Russian]
28. Stepin V. S., Guseynov A. A., Semigin G. Yu., Ogurtsov A. P. (eds.). 2010. New philosophical encyclopedia in 4 vols. Volume 3. Moscow: Mysl, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, National Scientific Foundation. 692 pp. [In Russian]
29. North D. C. 1997. Institutions, institutional change and economic performance. Moscow: Fond ekonomicheskoi knigi “Nachala”. 180 pp. [In Russian]
30. North D. C. 2010. Understanding the process of economic change. Translated from English by K. K. Martynov, N. V. Edelman, edited by A. V. Smirnov. Moscow: Publishing house of the HSE. 256 pp. [In Russian]
31. North D. C., Wallis J. J., Weingast B. R. 2011. Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history. Moscow: Gaidar Institute Press, 480 pp. [In Russian]
32. ConsultantPlus legal reference system. On peasant farm: Law of the RSFSR of 22 November 1990 No. 348-1 (ed. of 21 March 2002). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11050/ [In Russian]
33. ConsultantPlus legal reference system. On peasant farm: Federal Law of 11 June 2003 No. 74-FZ. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42662/
34. Parsons T. 2018. Social system. Translated from English. Moscow: Akademicheskii proekt. 530 pp. [In Russian]

35. Radaev V. V. 2001. A new institutional approach and the deformatization of rules in the Russian economy. Moscow: Higher School of Economics. 42 pp. [In Russian]
36. Radaev V. V. 2008. Economic sociology. 2nd Edition. Moscow: Publishing house of the HSE. 603 pp. [In Russian]
37. Sitkovsky A. L., Latov Yu. V. 2021. "Paradoxes of the Russian police assessment in the public opinion polls". Sociological Studies, no. 2, pp. 49-56. DOI: 10.31857/S013216250010880-1 [In Russian]
38. Tyulagin. On Economy, Investments, Technologies and Future. 2020. "The world's leading countries in wheat production and export". <https://tyulyagin.ru/ratings/strany-lidery-v-mire-po-proizvodstvu-i-eksportu-pshenicy.html> [In Russian]
39. Toshchenko Zh. T. 2012. Paradoxical man: monograph. 2nd Edition, revised. Moscow: UNITY-DANA. 543 pp. [In Russian]
40. Williamson O. 1996. The economic institutions of capitalism: Firms, markets, relational contracting. Translated from English. Saint Petersburg: Lenizdat: CEV Press. 702 pp. [In Russian]
41. Federal State Statistics Service: Rosstat. Operational results of agricultural micro-recording in 2021. Accessed 11 February 2022. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/oper_itogi_SXMP_2021.pdf [In Russian]
42. Ilyichev L. F. et al (eds.). 1983. Philosophical encyclopedic dictionary. Moscow: Sov. Encyclopedia. 839 pp. [In Russian]
43. Efendiev A. G., Balabanova E. S., Sorokin P. S. 2016. "Social institutions: an analysis of social changes in villages of Belgorod oblast". Sociological Studies, no. 12, pp. 62-68. [In Russian]
44. Calus M. 2009. Factors Explaining Farm Succession and Transfer in Flanders. Ghent: Ghent University, Department of Agricultural Economics. 229 pp.
45. Calus M., Lauwers L. 2009. "Persistence of family farming, learning from its dynamics". 111 EAAE-IAAE Seminar "Small Farms: decline or persistence" (26th-27th June 2009, University of Kent, Cantenbury, UK). Pp. 1-15.
46. European Commission. 2010. 5 March. Brussels, 3.3.2010. COM (2010) 2020 final. Europe 2020 A Strategy for Smart, Sustainable and Inclusive Growth; Communication from the Commission. <https://www.buildup.eu/en/practices/publications/europe-2020-strategy-smart-sustainable-and-inclusive-growth-communication>
47. Fairbairn M., Guthman J. 2020. "Agri-food tech discovers silver linings in the pandemic". Agriculture and Human Values. Rapid Response Opinion, vol. 37 (3), no. 3, pp. 587-588.
48. Giddens A. 1984. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Oxford: Polity Press; Cambridge, in association with Basil Blackwell. XXXVII. 403 pp.
49. Hall P. A., Taylor R. C. R. 1996. "Political science and the three new institutionalisms". Political Studies, no. 44 (December), pp. 936-957.
50. Legun K., Burch K. 2021. "Robot-ready: How apple producers are assembling in anticipation of new Artificial Intelligence robotics". Journal of Rural Studies, vol. 82, pp. 380-390. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2021.01.032
51. March J. G., Olsen J. P. 1995. Democratic Governance. New York: Free Press. 256 pp.
52. March J. G., Olsen J. P. 2009. "Elaborating the new institutionalism". In: Binder S. A., Rhodes R. A. W., Rockman B. A. (eds.). 2009. The Oxford Handbook of Political Institutions, pp. 3-23. Oxford: Oxford University Press.

53. March J. G., Olsen J. P. 2014 "Z wprowadzeniem Jessop Bob". *Logika stosowności Zarządzanie Publiczne*, no. 28 (2), pp. 84-105. DOI: 10.7366/1898352922806 [In Polish]
54. Merton R. K. 1968. *Social Theory and Social Structure*. New York: The Free Press. 702 pp.
55. Ryan R. M., Deci E. L. 2017. *Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness*. New York: The Guilford Press. pp. 756-769.
56. Seabrook J. 2019. "Can a machine learn to write for The New Yorker?". *The New Yorker*. <https://www.newyorker.com/magazine/2019/10/14/can-a-machine-learn-to-write-for-the-new-yorker>
57. Seabrook J. 2020. "The age of robot farmers". *The New Yorker*. <https://www.newyorker.com/magazine/2019/04/15/the-age-of-robot-farmers>
58. Scott W. R. 2014. *Institutions and Organizations: Ideas, Interests and Identities*. 4th Edition. Los Angeles: SAGE Publications, Inc. Pp. 345-360.
59. Spash, C. L. 2018. "Facing the truth or living a lie: Conformity, radicalism and activism". *Environmental Values*, no. 27 (3), pp. 215-222.
60. Vatn A. 2018. "Critical institutional economics". In: Spash C. L. (ed.). 2018. *Routledge Handbook of Ecological Economics: Nature and Society*, pp. 29-39. Abingdon-on-Thames: Routledge.

Елена Петровна ГАЛКИНА¹
Марина Ивановна КАДНИЧАНСКАЯ²

УДК 316

СТРУКТУРА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

¹ кандидат социологических наук, доцент
кафедры психологии и педагогики,
Ульяновский государственный университет
ryh2000@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6283-6653

² кандидат социологических наук, доцент
кафедры психологии и педагогики,
Ульяновский государственный университет
m-i-kad@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7328-0360

Аннотация

На современном этапе развития российского общества, осуществляющегося в условиях напряженной внешнеполитической ситуации, ухудшения социально-экономического положения, в том числе связанного с распространением COVID-19, затянувшихся трансформационных и модернизационных процессов, особенно остро проявляются проблемы молодого поколения в сфере общественно-политической активности и формирования соответствующих ценностей.

Целью статьи является выявление и описание структуры общественно-политических ценностей молодежи, а также латентных факторов, влияющих на построение иерархии ценностей молодежи.

В силу того, что современное молодое поколение весьма дифференцированно по уровню образования, культуры, материального положения, социально-профессионального

Цитирование: Галкина Е. П. Структура общественно-политических ценностей молодежи в современном российском обществе: региональный аспект / Е. П. Галкина, М. И. Кадничанская // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 102-119.
DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-102-119

статуса, для анализа ситуации в работе были использованы методы обобщения, сравнения, причинно-следственный анализ.

В статье представлены результаты авторского социологического исследования «Общественно-политическая активность молодежи города Ульяновска в возрасте 25-35 лет», проведенного в июле — августе 2021 г., осуществленного при финансовой поддержке Ульяновского общественного фонда «Региональная аналитика. Профессиональные исследования. Рейтинги» (РАПИР), частью которого было изучение структуры общественно-политических ценностей молодежи.

Для сбора социологической информации использовался метод социологического опроса в форме анкетирования с использованием сервиса Quizer и фокусированные интервью в группах. Для построения структуры общественно-политических ценностей молодежи г. Ульяновска 25-35 лет была применена балльно-рейтинговая шкала. Проведенный факторный анализ позволил выделить скрытые (латентные) факторы, влияющие на построение иерархии ценностей у молодежи и дающие возможность типологизировать группы молодежи г. Ульяновска 25-35 лет с разным уровнем присутствия общественно-политических ценностей.

Показано, что система общественно-политических ценностей молодежи имеет сложно-дифференцированную структуру, большинство ценностей носит вербально-декларативный характер с сильной патерналистской ориентацией и преобладанием индивидуальных ценностей над коллективными.

Ключевые слова

Ценности, система ценностей, структура общественно-политических ценностей, молодежь, поколение, регион, трансформация.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-102-119

Введение

В современных российских условиях актуальность темы исследования молодежной проблематики в региональном измерении очевидна в силу того, что регион как социально-территориальная структура выступает социальной средой мезоуровня, от специфики которой во многом зависит формирование и функционирование молодежи как социальной и демографической общности, в том числе ее общественно-политической активности и формирования соответствующих ценностей как отражения в сознании человека убеждений, признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров. Именно молодое поколение обеспечивает смену предыдущего, и именно оно определяет, какие ценности и нормы поведения будут в обществе следующие десятилетия.

Происходящие в мире трансформации способствуют формированию нового ценностного сознания, соединяющего в себе традиции с новым мышлением, связанным с процессами глобализации, цифровизации, охватившими все сферы

социальной жизни, а также пандемией, вызванной распространением новой опасной коронавирусной инфекции COVID-19 и повлекшей за собой ряд ограничительных мер.

Целью работы является выявление и описание сложно-дифференцированной структуры общественно-политических ценностей молодежи в современном российском обществе со своей региональной спецификой.

Ценность — это социальный «продукт» и формируется только на уровне социальной общности. Сложившиеся в процессе взаимодействия личные ценностные смыслы становятся общественными, коллективными [3, с. 104].

Ценностная сфера личности — это складывающаяся на базе первичной или уже вторичной социализации структура личных потребностей, организующихся в блоки — ценности, которые соответствуют существующим в обществе нормам, морали, этике. Социально одобряемые, все эти ценности родились в процессе эволюции общества под влиянием социальных, политических, экономических, духовных и других факторов и отличаются друг от друга [6]. Система ценностей индивида зависит от многих факторов: в каком государстве он живет, какая политическая идеология функционирует, каков экономический и социальный уровень и т. п.

Одним из первых, кто стал рассматривать «ценности» как научную категорию, стал древнегреческий философ Аристотель. Он выделял ценимые (божественные) и хвалимые (одобряемые со стороны окружающих) блага, а также блага-возможности, которые используются для достижения конкретных целей (власть, богатство, красота и сила).

Вслед за ним ценности изучал Сократ. Древнегреческий философ пытался отойти от вопроса ценности как блага для конкретного индивида. Мыслитель старался как можно шире описать содержательную сторону ценности личности, не фиксируя принадлежность к конкретному лицу.

Социологи обратились к категориям «ценность» и «ценностные представления» в связи с необходимостью изучения вопросов, связанных с регуляцией человеческого поведения и способствующих ей факторов.

Для французского социолога Э. Дюркгейма ценности — «это идеалы, которые являются основным двигателем поведения человека... Ученый выделил такие ценности, как метафизические, экономические, религиозные, нравственные, эстетические» [6, с. 74-90].

М. Вебер подчеркивал, что «социальное действие обязательно в себе несет определенный смысл, оно абсолютно осмыслено через ценности, которых придерживается индивид» [6, с. 74-90].

Согласно теории структурного функционализма Т. Парсонса, ценности «выполняют главную роль в воспроизводстве нормативного образца, выступая стандартом, с которым соотносят свои действия, свое поведение люди. ... Система ценностей способствует возникновению социальных классов, наций, народов. Для определенной общности существуют свои общепринятые ценности, в таком случае получается, что то, что для одних хорошо, для других оказывается плохо» [7, с. 327-332].

По мнению Э. Гидденса, «ценности — это представления о том, что хорошо, а что плохо» [6, с. 74-90].

В системе ценностей особое место отводится политическим ценностям. «Они являются неотъемлемой частью социальных ценностей, так как с помощью них происходит осмысление и усвоение социального опыта в политической сфере как на микроуровне (политические ценности граждан и социальных групп), так и на макроуровне (на уровне государства). Это формирует сложную дифференцированную систему общественно-политических ценностей. Такой „комплекс“ политических ценностей называют идеологией» [12].

Политические ценности анализировались с точки зрения разных подходов. Представители психологического направления Г. Алмонд и С. Верба рассматривали политические ценности как центральный компонент политической культуры, который определяется моделями поведения, присущими данной политической системе [15]. При культурологическом подходе (Р. Инглхарт, Л. Халман, Ш. Шварц, Р. Эриксон) особое место отводилось изучению механизмов формирования и трансформации политических ценностей, разработке их типологии, определению степени влияния на политическое поведение субъектов.

А. Г. Здравомыслов, Н. И. Лапин, Г. И. Саганенко, В. П. Тугаринов, В. А. Ядов и другие российские ученые также уделяли внимание изучению ценностей.

В. П. Тугаринов одним из первых стал использовать понятие «политические ценности». Для него «ценности суть предметы, явления и их свойства, которые нужны членам определенного общества или класса, или отдельной личности в качестве средств удовлетворения их потребностей и интересов, а также идеи и побуждения в качестве нормы, цели или идеала» [13, с. 261].

Ценности — это сложная система с выстроенной, упорядоченной, динамической структурой, которая регулирует и контролирует поведение человека в той или иной ситуации, определяет горизонты его развития в будущем, так как он принимает решения, основываясь на базе тех ценностей, которые были им усвоены.

Так как ценности трансформируются и видоизменяются в современном обществе, является актуальным их изучение именно через молодое поколение. Главная проблема молодежных ценностей заключается в том, что молодой человек в силу возраста открыто смотрит на мир, восприимчив и зависим от мнения окружающих его людей, политики, экономического и социального уровня развития. Всё это приводит к тому, что его набор ценностей постоянно «кидает» из крайности в крайность, в связи с этим сложно прогнозировать поведение молодежи в ближайшей перспективе.

Методы

С целью изучения круга вопросов, связанных с общественно-политической активностью молодежи г. Ульяновска и структурой ее общественно-политических ценностей, при финансовой поддержке Ульяновского общественного фонда «Региональная аналитика. Профессиональные исследования. Рейтинги»

было проведено авторское социологическое исследование на тему «Общественно-политическая активность молодежи г. Ульяновска в возрасте 25-35 лет».

В ходе сбора социологической информации использовался метод социологического опроса в форме анкетирования и фокусированные интервью в группах. Опрос был реализован с использованием сервиса Quizer в июне — сентябре 2021 г. Эмпирическим объектом исследования выбрана молодежь г. Ульяновска в возрасте от 25 до 35 лет как социальная общность, обладающая особым социальным статусом в обществе (уровень образования, семейное положение, наличие (отсутствие) детей, материальное положение, а также самостоятельность, активность, динамичность, перспективность), выступающая значимым социальным субъектом, который выполняет особую роль в социальном производстве и воспроизводстве. Отбор респондентов осуществлялся по заданным параметрам квот, соответствующим генеральной совокупности. Общее число опрошенных составило 400 респондентов. Выборка репрезентативна по полу и возрасту. Ошибка выборки не превышала 5%.

Исследование позволило выявить структуру общественно-политических ценностей молодежи г. Ульяновска и выделить два латентных фактора, влияющих на построение иерархии ценностей молодежи и позволяющих типологизировать группы молодежи г. Ульяновска 25-35 лет с разным уровнем присутствия общественно-политических ценностей.

Результаты

В изучении структуры общественно-политических ценностей молодежи г. Ульяновска в возрасте от 25 до 35 лет важным являлся вопрос о приверженности молодежи тем или иным ценностям/принципам. Социологическая проблема заключается в том, что современное молодое поколение весьма дифференцировано по уровню образования, культуры, материального положения, социально-профессионального статуса. Оно делится на разные субпоколения со своей определенной спецификой. К тому же данная тенденция продолжает усиливаться.

По мнению американских ученых Н. Хоува и В. Штрауса, которое они изложили в «Теории поколений», «базовые ценности индивидов изменяются через определенный промежуток времени и напрямую зависят от схожих событий, которые эти люди пережили (политических, экономических, социальных, технологических), а также от принципов их воспитания». Отечественные исследователи считают, что в России на сегодня последовательно появились и сменились шесть поколений [1, 2, 4, 10, 14].

В рамках авторского социологического исследования (где исследовалась молодежь в возрасте от 25 до 35 лет) более подробно рассмотрено поколение Y с его характеристиками (это поколение Миллениума, «нулевых», «игроки», «информационное поколение»). Годы рождения: 1985-2003.

Это первое поколение, которое росло в период доступности цифровых технологий. На формирование их ценностей повлияли критические события, происходившие в мире (террористические акты и военные конфликты), которые

получили широкое освещение с помощью современных технологий, что сделало их глобальными. С одной стороны, это поколение получило небывалую в истории человеческой цивилизации безопасность, с другой стороны, цифровые технологии спровоцировали индивидуализм и неспособность строить долгосрочные планы из-за сложившейся картины «хрупкого» мира.

Характерными чертами молодых людей поколения Y являются:

1. Наличие хорошо развитых социальных навыков, применимых как в повседневной жизни, так и в Сети.
2. Коммуникабельность, которая напрямую связана с цифровыми технологиями.
3. Преобладание индивидуализма над коллективизмом.
4. Высокие требования к материальному благосостоянию с одной стороны и огромное желание реализовать свой творческий потенциал, занимаясь «душевным» делом, даже если это не приносит высокий заработок и рост по карьерной лестнице, с другой стороны.
5. Отсутствие долгосрочных перспектив, готовность кардинально изменить свою жизнь в любой момент.

Представители поколения Миллениум соединили противоречивые жизненные ориентации. С одной стороны, у них оптимистический взгляд на мир, с другой стороны, они осознают «неустойчивость» современного мира, который постоянно изменяется. Они хотят индивидуального роста и общественного признания, но при этом не готовы к рутинной, однообразной и напряженной работе. Предпочитают иметь по возможности гибкий график, работать удаленно.

По мнению российского ученого Н. И. Лапина, «базовые ценности — это основные жизненные смыслы, которыми индивиды, включенные в различные формы социальной активности, руководствуются в своей повседневной жизни, смыслы, которые в значительной степени определяют отношение индивидов к окружающей их действительности и детерминируют основные модели социального поведения» [5].

Для построения структуры общественно-политических ценностей молодежи г. Ульяновска 25-35 лет была применена балльно-рейтинговая шкала, анализ которой позволил выделить структуру этих ценностей. В группу наиболее важных ценностей (ядро) вошли следующие: свобода, законность, безопасность, мир, справедливость, права человека, порядок и стабильность. К менее важным можно отнести следующие ценности: частную собственность, личную инициативу, демократию, солидарность, равенство, патриотизм. В периферию вошли толерантность, традиционность, коллективизм, национализм. Таким образом, ядро составляют те ценности, которые ассоциируются у респондентов с понятием безопасности в том или ином контексте (таблица 1).

В рамках исследования был проведен факторный анализ, который позволил выделить скрытые (латентные) факторы, повлиявшие на ответы респондентов.

Применив пакет SPSS, мы получили результаты теста Кайзера — Мейера — Олкина (КМО). В нашем случае тест КМО равен 0,933, из чего следует вывод о применимости факторного анализа.

Таблица 1

Иерархия общественно-политических ценностей молодежи

Table 1

Hierarchy of socio-political values of the youth

Ценности	Баллы	Ранг
Свобода	501	1
Законность	495	2
Безопасность	480	3
Мир	476	4
Справедливость	474	5
Права человека	473	6
Порядок	457	7
Стабильность	402	8
Частная собственность	357	9
Личная инициатива	324	10
Демократия	306	11
Солидарность	300	12
Равенство	299	13
Патриотизм	228	14
Толерантность	186	15
Традиционность	100	16
Коллективизм	86	17
Национализм	-39	18

На основе полученных данных мы имеем возможность выделить два основных фактора.

Фактор 1. Свобода, права человека, мир, справедливость, порядок, законность, безопасность, солидарность, стабильность, демократия, частная собственность, равенство, патриотизм, личная инициатива, толерантность.

Фактор 2. Национализм, традиционность, коллективизм.

Используя интерпретационный анализ, можно охарактеризовать факторы следующим образом.

Фактор 1 — Безопасность. Это ценностная модель характеризуется попыткой удовлетворения потребности в безопасности, обозначая реакцию на нестабильные социально-экономические условия жизни молодежи. С одной стороны, безопасность понимается как создание государством и обществом зоны безопасности

во всех смыслах (от физической и эмоциональной до материального благополучия). Но с другой стороны, не должна быть ограничена свобода (как возможность поступать как считаешь нужным и реализовывать свой творческий потенциал, добиваясь индивидуальных успехов).

Фактор 2 — Традиционализм. Это ценностная модель с характерными для нее верой в поддержку государства, уважением к традициям, в том числе и национальным.

Для определения типологических групп молодежи г. Ульяновска 25-35 лет проведен кластерный анализ на переменных, сформированных факторным анализом (фактор 1 и фактор 2), который выделил четыре кластера респондентов с разным уровнем присутствия общественно-политических ценностей.

Кластер 1. «Середняки» (14%). Респонденты, у которых не преобладают ни ценности традиционализма, ни ценности безопасности. В основном в этот кластер вошли мужчины (52%) и женщины (47,9%) до 28 лет (60%), с высшим (56%) и средним специальным (31,3%) образованием, не состоящие в браке (48%), без детей (58%) или имеющие одного (22,9%), реже двух (18,8%) детей, у которых затруднена покупка дорогих вещей, но кто без труда может приобрести вещи длительного пользования (33%), и те, кто может позволить себе достаточно дорогие покупки (29%). 41,7% из них интересуются политикой, 39,6% ею не интересуются. Они принимают участие в общественной жизни трудового коллектива (50%), в голосовании на выборах (63%), нейтрально относятся к протестным акциям (58%), решают проблемы сами (52%) или с помощью общественных организаций (17%), считают себя патриотами (50%).

Кластер 2. «Традиционалисты» (48%). Это респонденты, у которых преобладают ценности традиционализма, а ценности безопасности не ярко выражены. Это женщины (64%) и мужчины (36%) до 30 лет (61%), с высшим (66%) и средним специальным (28,1%) образованием, специалисты в разных секторах деятельности (44%), состоящие в зарегистрированном браке (49%), без детей (41%), с одним ребенком (34,7%) или с двумя (21%), у которых затруднена покупка дорогих вещей, но кто без труда может приобрести вещи длительного пользования (34%), и те, кто может позволить себе достаточно дорогие вещи (40%). 43,7% из них интересуются политикой, 40,1% — не интересуются. Они принимают участие в голосовании на выборах (68%), нейтрально относятся к протестным акциям (43%), свои проблемы решают сами (56%), считают себя патриотами (80%).

Кластер 3. «Устойчивые» (34%). Это респонденты, у которых преобладают ценности безопасности, а ценности традиционализма не ярко выражены. В него входят мужчины (47%) и женщины (53%) в возрасте до 30 лет (62%) с высшим (75%) и средним специальным образованием (13,3%), специалисты в разных секторах деятельности (55%), состоящие в зарегистрированном браке (48%), без детей (52%), у которых затруднена покупка дорогих вещей, но кто без труда может приобрести вещи длительного пользования (42%), и те, кто может позволить себе достаточно дорогие вещи (40%). Они интересуются политикой (55%), принимают участие в общественной жизни трудового коллектива (41%), ходят на выборы (60%), нейтрально относятся к протестным акциям (49%), считают себя патриотами (69%).

Кластер 4. «Безучастные» (4%). Это респонденты, у которых ценности традиционализма и ценности безопасности не являются приоритетными. Они равнодушно относятся к политической жизни, обывательски рассуждают о том, что от их мнения в политике «ничего не зависит», политика «не мое дело». Это женщины (57%) и мужчины (42,9%) до 27 лет (64%), с высшим (71%) и средним специальным образованием (14,3%), специалисты в коммерческом секторе (50%), не замужем (79%), без детей (86%) или с двумя детьми (14%), у которых хватает денег только на продукты и одежду, но покупка товаров длительного пользования является проблемой (57%). Они не интересуются политикой (64%), но при этом 21,4% затруднились ответить на этот вопрос. 79% не ходят на выборы, нейтрально относятся к протестным акциям (57%) и не стали бы отговаривать своих друзей от участия в них (57%). Они за умеренную демократию с сильной государственной властью (36%) и надеются в решении проблем на себя (50%) и на государство (29%). Считают себя патриотами (64%).

Анализ результатов показал, что преобладание тех или иных ценностей влияет на причины участия молодежи в общественно-политической жизни региона. «Традиционалисты» интересуются общественно-политической жизнью в школе (40,7%) в два раза чаще, чем «Устойчивые» (20%). Затем этот интерес уменьшается (вуз, ссуз, ПТУ) («Традиционалисты» — 24,6%, «Устойчивые» — 10,8%), но возрастает желание у «Традиционалистов» изменить жизнь к лучшему (в школе — 15%, в вузе, ссузе, ПТУ — 23,4%). На рабочем месте добавляются причины по решению своих личных проблем («Традиционалисты» — 13,8%, «Устойчивые» — 16,7%) и появляются такие люди, которым респонденты не могут отказать («Традиционалисты» — 10,8%, «Устойчивые» — 12,5%) и вынуждены принимать участие в общественно-политической жизни. Представители кластера «Устойчивые» более аполитичны. В школе они делятся на две группы — тех, кто не участвует в общественно-политической жизни (40,8%), и тех, кому это интересно и кто желает изменить жизнь к лучшему (39,2%). При этом интерес к общественно-политической жизни после школы затухает, но число желающих изменить жизнь к лучшему не уменьшается.

Среди респондентов, у которых не преобладают ни ценности традиционализма, ни ценности безопасности («Средняки»), прослеживается интересная динамика ответов. Они также начинают проявлять интерес к общественно-политической жизни в школе (37,5%), однако в дальнейшем, обучаясь в вузе, ссузе, ПТУ (20,8%), и на работе (14,6%) интерес снижается. Но в учреждениях профессионального обучения растет доля тех из них, кто хотел бы изменить жизнь к лучшему (33,3%). На рабочем месте главной мотивацией участия становится желание решить личную проблему (25%). Таким образом, у «Средняков» прослеживается личная мотивация участия в общественно-политической жизни. Это подтверждают и их выборы ответов на вопрос о причинах неучастия в общественно-политической жизни. Например, не видят пользы для себя от такого участия 37,5%, встречают противодействие тех, кто там участвует, 10,4%, не надеются на решение вопросов 29,2%, и никто из них не указал, что у него нет времени и сил (0%).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос анкеты: «Приходилось ли Вам публично высказывать свое мнение в ходе общественных дискуссий, собраний?» (в % от числа опрошенных; n = 400)

Table 2

Distribution of answers to the question "Have you ever publicly expressed your opinion during public discussions, meetings?" (in % of the number of respondents; n = 400)

Варианты ответа	Место жительства		Место работы		Как члену общественной организации		Как эксперту	
	Номер кластера		Номер кластера		Номер кластера		Номер кластера	
	2	3	2	3	2	3	2	3
Да	45,5	32,5	61,1	58,3	24,6	19,2	22,8	11,7
Нет	41,9	63,3	30,5	37,5	59,9	76,7	65,9	82,5
Не помню	12,6	4,2	8,4	4,2	15,6	4,1	11,4	5,8

«Традиционалисты» чаще высказывают публично свое мнение в ходе различных собраний и дискуссий, представители кластера «Устойчивые» лишь на рабочем месте так же активны в дискуссиях, как и «Традиционалисты» (таблица 2).

Различаются и способы взаимодействия общества и власти по мнению респондентов из разных типологических групп. Основные формы взаимодействия у них в основном совпадают (таблица 3). Однако представители кластера «Устойчивые» предпочитают такие формы, которые носят декларативный и демонстративный характер. Например, они чаще готовы обращаться во властные структуры или к их представителям, в том числе посредством социальных сетей, подписывать обращения к властям, петиции (48,3%), создавать оппозиционный контент в социальных сетях (20,8%), участвовать в санкционированных массовых мероприятиях: митингах, пикетах, демонстрациях (21,7%). «Традиционалисты» предпочитают формы, в которых есть личное участие, например, личное, систематическое участие в деятельности общественно-политических и религиозных организаций, объединений (44,3%), участие в публичных слушаниях, круглых столах, форумах и иных мероприятиях (28,7%) и т. п.

В настоящее время в России происходит трансформация ценности «патриотизм». Из года в год прослеживается тенденция снижения численности россиян, которые однозначно могут назвать себя патриотами, но вкладывая в это понятие самые разные смыслы [9].

Особенно это присуще молодежи. Большинство представителей опрошенной молодежи г. Ульяновска в возрасте 25-35 лет считают себя патриотами России (72,2%). При этом процент женщин, считающих себя патриотами, выше (56,3%), чем мужчин (43,7%). Среди респондентов, которые считают себя патриотами России, большинство тех, кто придерживается традиционных ценностей (62%) (таблица 4).

Таблица 3

Эффективные способы взаимодействия общества и власти (в % от числа опрошенных; n = 400)

Варианты ответа	Номер кластера	
	2	3
Личное, систематическое участие в деятельности общественно-политических и религиозных организаций, объединений	44,3	40,0
Обращения во властные структуры или к их представителям, в том числе посредством социальных сетей, подписание обращений к властям, петиций	39,5	48,3
Участие в выборах (в качестве избирателя, кандидата)	32,3	37,5
Участие в публичных слушаниях, круглых столах, форумах и иных мероприятиях	28,7	12,5
Создание оппозиционного контента в социальных сетях	15,0	20,8
Участие в санкционированных массовых мероприятиях: митингах, пикетах, демонстрациях и т. п.	13,2	21,7
Протестное голосование на выборах	13,2	13,3
Участие в несанкционированных массовых мероприятиях: митингах, пикетах, демонстрациях и т. п.	10,8	7,5

Table 3

Effective ways of interaction between society and government (in % of the number of respondents; n = 400)

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы себя патриотом России?» (в % от числа опрошенных; n = 400)

Варианты	Количество выборов, %
Да, вполне считаю	37,3
Скорее всего, да	34,9
Не считаю себя патриотом	11,8
Затрудняюсь ответить	10,5
Не понял(а) значение слова «патриот»	5,5
<i>Итого</i>	100

Table 4

Distribution of answers to the question “Do you consider yourself a patriot of Russia?” (in % of the number of respondents; n = 400)

Участники фокус-групп в рамках авторского исследования по-разному говорили об этом.

«Да, я патриот, я люблю и уважаю людей своей страны и их подвиги, свою культуру...» (Анна, 29 лет, высшее образование).

«Я люблю Родину и не люблю государство» (Владимир, 33 года, высшее образование).

«Я патриот, но, если будет возможность, я уеду. Наша страна — это компания. Если компания платит маленькую зарплату, вы же будете искать другую компанию. Значит, мир — это выбор компании, где ты хочешь работать» (Николай, 31 год, высшее образование).

«Сложно сказать. Назвать себя патриотом региона — нет. Патриотом страны, наверное, да» (Екатерина, 25 лет, средне-специальное образование).

«Я, скорее, патриот страны, но не власти. Власть неправильно использует ресурсы. Мы самая богатая страна, а живем как нищие...» (Кирилл, 25 лет, средне-профессиональное образование).

При этом 11,8% не считают себя патриотами.

«Скорее нет, чем да... Если бы была возможность, я бы уехала» (Юлия, 25 лет, средне-профессиональное образование).

Если рассматривать ценность «Патриотизм» в разрезе полученных типологических групп, то «Традиционалисты» относят себя к патриотам более однозначно («да, вполне считаю» — 46,1%), чем «Устойчивые» («да, скорее считаю» — 24,2%). При этом среди «Устойчивых» численность тех, кто не относит себя к патриотам, в два раза больше, чем у «Традиционалистов» (14,2 и 7,8% соответственно). Среди респондентов, у которых не преобладают ни ценности традиционализма, ни ценности безопасности («Средняки»), ответы на этот вопрос распределились практически равномерно: 22,9% из них относят себя к патриотам, 27,1% не очень в этом уверены, 22,9% не считают себя патриотами, 12,7% затруднились ответить, 14,6% попросили дать более конкретное определение понятия «патриот».

Можно отметить, что структура ценностей у типологических групп неустойчива. Некоторые различия очень тонки и зыбки. Это объясняется продолжающимся процессом формирования у молодежи ценностной системы. Она несет в себе дуалистичность. Это заметно в ответах респондентов на вопрос о роли социально-политических институтов в развитии демократических процессов в России. Вне зависимости от принадлежности к типологическим группам на первое место опрошенные поставили самих граждан (40,7% — «Традиционалисты», 56,7% — «Устойчивые»), а на второе место — государство (31,7 и 30,0% соответственно) (таблица 5). Таким образом, при вере в себя в той или иной степени респонденты не отделяют демократические процессы в России от деятельности государства.

Таким образом, выявление типологических групп на основе преобладания у респондентов тех или иных ценностей позволяет утверждать, что самая многочисленная группа состоит из приверженцев традиционных ценностей («Традиционалисты»), делающих упор на веру в государственность и традиционализм.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос анкеты: «По Вашему мнению, кто играет большую роль в развитии демократических процессов в России?» (в % от числа опрошенных; n = 400)

Варианты ответа	Номер кластера	
	2	3
Сами граждане	40,7	56,7
Государство	31,7	30,0
Общественные организации	16,8	22,5
Политические партии	9,0	4,2
Международные правозащитные организации	6,0	3,3

Table 5

Distribution of answers to the question “In your opinion, who plays a bigger role in the development of democratic processes in Russia?” (in % of the number of respondents; n = 400)

Вторая группа («Устойчивые») не отвергает традиционные ценности, но рассматривает их как условие для сохранения своей зоны безопасности, в которой респонденты, входящие в эту группу, могут реализовывать свой индивидуалистический творческий потенциал, добиваясь успехов в обществе. И необходимо упомянуть две малочисленные группы — это «Середняки», у которых не сформировалось четкое ядро ценностей, и «Безучастные», которые не интересуются общественно-политической жизнью, но ориентируются на помощь государства.

Заключение

Современная молодежь — это поколение, которое с рождения взаимодействует с новыми технологиями, влияющими на образ их мысли, жизни, работы. Это образованное поколение людей, использующее неиссякаемый источник информации — Интернет. Все их практики претерпевают интенсификацию, когда они совмещают несколько занятий одновременно. С одной стороны, молодежь проявляет толерантность и миролюбивость, но с другой стороны, у них очень велико чувство тревожности в отношении самих себя, своего будущего. Всё это отражается на структуре социальных ценностей, в частности общественно-политических. Наблюдается сложное переплетение индивидуальных и традиционных ценностей. Например, молодые люди желают видеть на выборах политически независимых кандидатов, желательно не относящихся ни к одной из ведущих политических партий. Это обусловлено индивидуализмом молодых людей, которые не хотят присоединяться к каким-либо группам и следовать их правилам. С другой стороны, уровень доверия к государственным институтам у них низок, однако государство, по их мнению, должно создавать условия для безопасного существования на достаточно высоком материальном уровне.

Обобщение полученных результатов позволяет сделать ряд выводов в отношении структуры общественно-политических ценностей молодежи г. Ульяновска 25-35 лет.

Во-первых, структура общественно-политических ценностей представляет собой достаточно сложную картину. Это означает, что все ценности между собой тесно переплетены, а их внутреннее наполнение не отличается четкостью и определенностью.

Во-вторых, молодежное сознание отличает падение интереса к системе смылосодержащих ценностей, что связано с ростом социальных проблем, и заставляет их концентрироваться на решении жизненно важных вопросов.

В-третьих, исследование показало, что большинство ценностей у молодежи носит вербально-декларативный характер с сильной патерналистской ориентацией. Они живут в обществе, которое обеспечивает законность и порядок, гарантирует соблюдение прав и свобод, и это воспринимается как изначально заданные условия.

В-четвертых, индивидуальные ценности преобладают над коллективными. Молодые люди становятся всё более прагматичными и рационально мыслящими, но не спешат брать на себя обязанности и ответственность. Они ориентируются на материальное благополучие, но больше всего стремятся обеспечить себе не только физическую безопасность, но и эмоциональную.

В-пятых, молодые люди ждут от государства создания условий для их самовыражения, при этом не ограничивая их свободу и творчество.

В-шестых, молодежь выбирает в большинстве своем конвенциональные формы общественно-политического поведения. Треть опрошенных не приняла участия ни в каких формах общественно-политической жизни за последние 2-3 года, отмечая неинтересный, скучный, формальный характер форм участия.

По результатам ряда социологических исследований «Российская молодежь в регионах среднего достатка», проведенных в 2008 г. в Ульяновской, Пензенской областях и в Республике Мордовия, а также совместного проекта по составлению социального портрета региональной молодежи, осуществленного социологами Курского и Ульяновского регионов (2013-2016 гг.), были сделаны выводы о том, что наиболее важными ценностями для молодежи являются семья, здоровье, дружба, безопасность, любовь, справедливость, свобода. А наименее важными — карьера, вера в бога, патриотизм [8; 11, с. 118].

Исследователями отмечается, что молодые люди испытывают низкий уровень доверия к политическим институтам и не хотят заниматься простым воспроизводством политических процессов. Преобладание индивидуалистических ценностей со стремлением к личному успеху направляет молодежь в сторону той деятельности, которая позволяет им достичь благополучия и поддерживать их саморазвитие, в том числе и в общественно-политической сфере. А так как временной ресурс ограничен, поэтому только при личной мотивации они могут проявлять стремление к реализации себя в политической сфере. При сохранении иерархической структуры ценностей молодые люди вкладывают совершенно

разные смыслы в понятия, относящиеся к наименованию ценностей. Это особенно заметно в отношении общественно-политических ценностей. Поэтому важно изучать не только структуру, но и смысловое содержание ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антипов А. Времена года и времена жизни / А. Антипов // Russian Valley. 2006. № 8 (192). URL: <https://rugenations.su/2009/04/30/%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B0-%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0-%D0%B8-%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B0-%D0%B6%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B8/>
2. Богачева Н. В. Мифы о «поколении Z» / Н. В. Богачева, Е. В. Сивак // Современная аналитика образования. М.: НИУ ВШЭ, 2019. № 1 (22). С. 1-64.
3. Гадзаова Л. П. Формирование ценностной картины мира у студентов / Л. П. Гадзаова // Высшее образование сегодня. 2007. № 10. С. 40-42.
4. Гудков Л. «Поколение Z»: молодежь времени путинского правления / Л. Гудков, Н. Зоркая, Е. Кочергина, К. Пипия, А. Рысева // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. Аналитический центр Ю. Левады. 2020. № 1-2 (130). С. 21-121.
5. Динамика ценностей населения реформируемой России / под ред. Н. И. Лапина и др. М.: УРСС, 1996. 224 с.
6. Елишев С. О. Теоретико-методологические подходы к изучению понятий «ценность», «ценностные ориентации» / С. О. Елишев // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2010. № 3. С. 74-90.
7. Павенков О. В. Нормативистские концепции ценностей и ценностных ориентаций в социологической науке (Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс) / О. В. Павенков // Известия Уральского государственного университета. 2011. № 2 (91). С. 163-171.
8. Пасовец Ю. М. Молодежь российских регионов: коллективная монография / Ю. М. Пасовец, М. И. Кадничанская, Е. П. Галкина. Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2017. 234 с.
9. Патриотизм сегодня: не только любить, но и работать // ВЦИОМ. Новости. Аналитический обзор. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnya-ne-tolko-lyubit-no-i-rabotat> (дата обращения: 12.02.2022).
10. Российская школа теории поколений RUGENERATIONS. URL: <https://rugenations.su/category/миллениумы-у-85-03/> (дата обращения: 18.02.2022).
11. Социальные аспекты жизни населения Ульяновской области / под ред. Н. В. Дергуновой, А. В. Волкова. Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2008. 131 с.
12. Степанищенко О. В. Понятие и природа политических ценностей / О. В. Степанищенко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. 2011. Вып. 2. С. 284-292.
13. Тугаринов В. П. Избранные философские труды / В. П. Тугаринов. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 344 с.
14. Шамис Е. Теория поколений. Необыкновенный Икс / Е. Шамис, Е. Никонов. 2-е изд., стер. М.: Ун-т Синергия: Школа бизнеса, 2017. 138 с.
15. Almond G. A. The Civil Culture / G. A. Almond, S. Verba. Boston: Little, Brown, 1965. 247 pp.

Elena P. GALKINA¹
Marina I. KADNICHANSKAYA²

UDC 316

**THE STRUCTURE OF SOCIO-POLITICAL VALUES
OF THE YOUTH IN MODERN RUSSIAN SOCIETY:
REGIONAL ASPECT**

¹ Cand. Sci. (Soc.),
Associate Professor,
Department of Psychology and Pedagogy,
Ulyanovsk State University
pyh2000@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6283-6653

² Cand. Sci. (Soc.),
Associate Professor,
Department of Psychology and Pedagogy,
Ulyanovsk State University
m-i-kad@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7328-0360

Abstract

At the present stage of the development of Russian society, which is carried out in the conditions of a tense foreign policy situation, the deterioration of the socio-economic situation, additionally associated with the spread of COVID-19, protracted transformation and modernization processes, the problems of the younger generation in the field of socio-political activity and the formation of appropriate values are particularly acute.

The purpose of the article is to identify and describe the structure of socio-political values of the youth, as well as latent factors affecting the construction of a hierarchy of values of the youth.

Due to the fact that the modern young generation is very differentiated by the level of education, culture, financial situation, socio-professional status, the authors used methods of generalization, comparison, causal analysis in the present research.

Citation: Galkina E. P., Kadnichanskaya M. I. 2022. "The structure of socio-political values of the youth in modern Russian society: regional aspect". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 1 (29), pp. 102-119.
DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-102-119

The article presents the results of the authors' sociological study "Socio-political activity of the youth aged 25-35 years of Ulyanovsk" conducted in July — August 2021 and carried out with the financial support of the Ulyanovsk Public Foundation "Regional analytics. Professional research. Ratings" (RAPIR), part of which was dedicated to the study of the structure of socio-political values of the youth.

To collect sociological information, the method of a sociological survey in the form of a questionnaire using the Quizer service and focused interviews in groups was used. To structure socio-political values of the youth aged 25-35 years of Ulyanovsk, a score-rating scale was applied. The factor analysis made it possible to identify hidden (latent) factors influencing the construction of a hierarchy of values among young people and making it possible to typologize groups of the Ulyanovsk youth aged 25-35 years with different levels of presence of socio-political values.

The article demonstrates that the system of socio-political values of the youth has a complexly differentiated structure; most of the values are verbally declarative in nature with a strong paternalistic orientation and the predominance of individual values over collective ones.

Keywords

Values, value system, structure of socio-political values, youth, generation, region, transformation.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-102-119

REFERENCES

1. Antipov A. 2006. "Seasons and times of life". Russian Valley, no. 8 (192). <https://rugenations.su/2009/04/30/%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B0-%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0-%D0%B8-%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B0-%D0%B6%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B8/> [In Russian]
2. Bogacheva N. V., Sivak E. V. 2019. "Myths about 'Generation Z'". Modern analytics of education, no. 1 (22), pp. 1-64. Moscow: HSE. [In Russian]
3. Gadzaova L. P. 2007. "Formation of a value worldview among students". Higher Education Today, no. 10, pp. 40-42. [In Russian]
4. Gudkov L., Zorkaya N., Kochergina E., Pipiia K., Ryseva A. 2020. "'Generation Z'. Young people of the Putin era". The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions, no. 1-2 (130), pp. 21-121. [In Russian]
5. Lapin N. I. (ed.). 1996. Value dynamics of the population of reforming Russia. Moscow: URSS. 224 pp. [In Russian]
6. Elishev S. O. 2010. "Theoretical and methodological approaches to the study of the concepts of 'value', 'value orientations'". Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science, no. 3, pp. 74-90. [In Russian]
7. Pavenkov O. V. 2011. "Normativistic concepts of values and valuable orientations in sociological science (E. Durkheim, M. Weber, T. Parsons)". Izvestia of the Ural State University, no. 2 (91), pp. 163-171. [In Russian]

8. Pasovets Yu. M., Kadnichanskaya M. I., Galkina E. P. 2017. Youth of Russian regions: a collective monograph. Kursk: Publishing House of Kursk State University. 234 pp. [In Russian]
9. Russian Public Opinion Research Center (VCIOM). News. Analytical review. 2020. "Patriotism today: not only to love, but also to work". Accessed 12 February 2022. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnya-ne-tolko-lyubit-no-i-rabotat> [In Russian]
10. Russian School of Generational Theory RUGENERATIONS. Accessed 18 February 2022. <https://rugenations.su/category/миллениумы-у-85-03/> [In Russian]
11. Dergunova N. V., Volkov A. V. (eds.). 2008. Social aspects of the life of the population of the Ulyanovsk region. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University. 131 pp. [In Russian]
12. Stepanishchenko O. V. 2011. "The concept and nature of political values". Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12, iss. 2, pp. 284-292. [In Russian]
13. Tugarinov V. P. 1988. Selected philosophical works. Leningrad: Publishing House of the Leningrad University. 344 pp. [In Russian]
14. Shamis E., Nikonov E. 2017. Generational theory. Extraordinary X. 2nd edition. Moscow: Synergy University: Business School. 138 pp. [In Russian]
15. Almond G. A., Verba S. 1965. The Civil Culture. Boston: Little, Brown. 247 pp.

Марина Петровна СУХАРЬКОВА¹
Нарендра СИНГ²

УДК 316.034

ВОЛОНТЕРЫ КРУПНЫХ СПОРТИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В РОССИИ И ИНДИИ

¹ аналитик, Научно-учебная лаборатория
междисциплинарных исследований некоммерческого сектора,
Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (г. Москва)
MSukharkova@hse.ru; ORCID: 0000-0002-5461-7925

² PhD (Social Studies), руководитель
Центра спортивного волонтерства (г. Нью-Дели, Индия)
narendra_singh_delhi@yahoo.com

Аннотация

Статья посвящена волонтерам крупных спортивных мероприятий в России и Индии. Рассматриваются причины, которыми руководствуются волонтеры при решении принять участие в волонтерской деятельности, их удовлетворенность от участия в организации и проведении крупных спортивных мероприятий. Также изучаются намерения волонтеров продолжать участие в практиках волонтерства в будущем, сравнивается мотивация и будущие намерения российских и индийских волонтеров. Кроме этого, в статье описаны причины, которые, по мнению волонтеров, мешают развитию волонтерства в России и Индии.

Волонтерская деятельность на крупных спортивных мероприятиях получает всё более широкое распространение, работа волонтеров позволяет не только решать многие организационные вопросы, создавать необходимую атмосферу, поддерживать безопасность, но и формирует имидж принимающей стороны, необходимый настрой для участников и зрителей. Актуальность статьи заключается в необходимости

Цитирование: Сухарькова М. П. Волонтеры крупных спортивных мероприятий в России и Индии / М. П. Сухарькова, Н. Синг // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 120-135.
DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-120-135

постоянного усовершенствования волонтерских программ для увеличения числа волонтеров и последующего их удержания в волонтерской деятельности. Реализация волонтерских программ для организации и проведения крупных спортивных мероприятий может способствовать формированию положительного наследия для сферы волонтерства и развития некоммерческого сектора, но для этого необходимо получение детальной информации о волонтерах этих мероприятий, их мотивации и удовлетворенности.

Эмпирической базой статьи является онлайн-опрос волонтеров Чемпионата Европы по футболу и индийских волонтеров Чемпионата Азии по боксу, которые проходили на территории России и Индии в 2021 г.

В статье представлен как российский, так и зарубежный опыт спортивного волонтерства. Научная новизна статьи заключается в сравнительном подходе к изучению участников волонтерских программ крупных спортивных мероприятий.

Ключевые слова

Волонтерство, событийное волонтерство, волонтеры крупных спортивных событий, российские волонтеры, индийские волонтеры.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-120-135

Введение

Волонтеры крупных спортивных мероприятий (мегасобытий) вносят значительный вклад в различные функциональные направления организации и проведения мероприятий этого типа [5-7]. Учитывая характерные черты крупных спортивных мероприятий, которые представляют собой международные мероприятия, периодически проводимые на разных принимающих площадках, работа волонтеров представляет собой временную занятость при продолжительной предварительной подготовке для оказания услуг. Таким образом, волонтерство на крупных спортивных мероприятиях носит скорее эпизодический (циклический), чем непрерывный характер.

Мотивация людей к волонтерской работе на крупных спортивных мероприятиях (спортивному волонтерству на спортивных мегасобытиях) может отличаться от таковой у волонтеров других направлений. Эксперты установили, что многие волонтеры, принимающие участие в организации и проведении крупного спортивного мероприятия, считают данный опыт уникальным [20]. Волонтеры ценят возможность участия в крупном спортивном мероприятии, которому уделяется повышенное внимание общества. Чтобы получить такой уникальный опыт, люди готовы вкладывать свое время и усилия для достижения успешного проведения мероприятия. Кроме того, по результатам зарубежных исследований, например, Элисон Доэрти [10] доказано, что волонтеры, принимающие участие в крупных спортивных мероприятиях, имеют более высокий показатель по намерениям продолжать волонтерство в рамках местного сообщества, чем не имеющие подобного

опыта. Таким образом, реализация волонтерских программ для организации и проведения крупных спортивных мероприятий может способствовать формированию положительного наследия для сферы волонтерства и развития некоммерческого сектора.

Наследие волонтерских программ крупных спортивных мероприятий может быть зафиксировано через формирование базы или инфраструктуры для подготовки и работы волонтеров других мероприятий, повышение уровня вовлеченности людей в волонтерскую деятельность или повышение доверия к волонтерам [10]. Для увеличения вовлеченности населения в практики волонтерства как наследия волонтерской программы крупного спортивного мероприятия важно понимать, как мотивация и удовлетворенность волонтеров влияют на их намерения работать в качестве волонтеров в будущем. Применяя теорию социального обмена [24] к волонтерской деятельности, получим, что люди желают принимать участие или продолжать свою волонтерскую работу в том случае, когда их предполагаемые выгоды превышают предполагаемые затраты. Таким образом, если мотивы волонтеров удовлетворены, их намерение продолжать волонтерскую деятельность будет устойчивым.

Более того, исследования показали положительную взаимосвязь между мотивацией и удовлетворением волонтеров [6, 12, 17]. Однако недостаточно изучено влияние волонтерского опыта на крупных спортивных мероприятиях на желание продолжить волонтерство. Предыдущий волонтерский опыт является важным фактором, который способствует продолжению волонтерской деятельности [13], потому что степень удовлетворенности волонтеров и намерения в будущем различаются между людьми, у которых есть предыдущий опыт волонтерской деятельности, и теми, кто впервые принимал участие в практиках волонтерства [10, 19]. В этой статье будет рассмотрен вопрос о влиянии предыдущего волонтерского опыта на намерение продолжать работать на волонтерских началах.

Мотивация и удовлетворенность волонтеров

Причины, по которым люди принимают решение работать в качестве волонтеров, могут отличаться в зависимости от мероприятия [6]. Исследования выявили несколько факторов мотивации волонтеров спортивных мероприятий. В одной из ранних работ по мотивации волонтеров крупных спортивных мероприятий, проведенной Джоселин Фаррелл, Маргарет Джонстон и Дэвид Твинэмом [11], ученые разработали специальную шкалу мотивации волонтеров спортивных мероприятий. Они выделили четыре категории мотивации волонтеров: 1) целенаправленные (желание делать что-то полезное и вносить свой вклад в сообщество и мероприятие); 2) солидарные (взаимодействие, групповая идентификация и создание сетей); 3) внешние традиции (относящиеся к семейным традициям и использованию бесплатного времени, которое можно рассматривать как внешнее влияние на волонтерскую карьеру человека); 4) обязательства (связывающие внешние ожидания и личные навыки с приверженностью к волонтерской деятельности).

Расширяя данную шкалу, другие исследователи — Афанассиос Стригас и Ньютон Джексон [23] обнаружили пятифакторную модель мотивации волонтеров спортивных мероприятий, которая состоит из 1) целенаправленных причин (желания получить пользу от волонтерских действий и внести свой вклад в спортивные мероприятия и сообщества); 2) досуга (потребности в выборе досуга); 3) внешнего влияния (относящегося к внешним факторам, таким как семейные традиции и другие значимые); 4) материальных причин (относящихся к вознаграждению материальными благами или услугами в обмен на волонтерскую службу); 5) эгоистических причин (потребности в социальном взаимодействии и нетворкинге, самоактуализации, самооценке и достижениях).

Позже эта модель была модифицирована Хризостомосом Гианнулакисом, Цзянь-Синь Ван и Натаном Фелвером [12] в трехфакторную: 1) причины, связанные с крупными спортивными мероприятиями (желание стать частью олимпийского движения, Олимпийских игр или встретиться с олимпийскими спортсменами); 2) эгоистические (потребность в социальном взаимодействии, межличностных отношениях и нетворкинге); 3) целенаправленные причины (желание принести пользу своими действиями, такими как выполнение опыта «за сценой» и встречи с олимпийскими спортсменами во время Игры).

Результаты исследований Х. Гианнулакиса, Цзянь-Синь Ван и Н. Фелвера также показывают [12], что волонтеры крупных спортивных мероприятий с большей вероятностью будут мотивированы самим мероприятием и в меньшей степени — ценностными причинами. Все мотивационные аспекты, предложенные вышеупомянутыми исследованиями, были уникальными для каждого спортивного мероприятия, поэтому большое значение в мотивации волонтеров имеет контекст самого мероприятия, но недостаточно изучены универсальные причины, которые побуждают людей вступать в практики волонтерства на крупных спортивных мероприятиях [6]. Однако проведено исследование, в котором одновременно изучались причины, по которым люди становятся волонтерами нескольких спортивных мегасобытий [5]. Результаты этого исследования позволили сформировать семифакторную классификацию мотивов волонтеров, среди которых также были выделены как эгоистические, так и альтруистические причины, которыми руководствуются люди, выбирающие волонтерство на крупных спортивных мероприятиях [16].

Вместе с этим в литературе говорится о том, что факторы мотивации волонтеров могут изменяться спустя время независимо от организации, в которой человек занимается волонтерством, по причине удовлетворения от волонтерской работы [15]. Это указывает на то, что, если человек изначально был мотивирован несколькими функциональными факторами, чтобы стать волонтером спортивного мегасобытия, не все те же мотивационные факторы могут быть значимы для его будущего волонтерства. Высокой значимостью обладает удовлетворенность волонтеров, вызывающая положительное намерение продолжать волонтерство на будущих мероприятиях.

Предыдущий волонтерский опыт оказывает разное влияние на мотивацию, удовлетворенность, будущее волонтеров и их намерение продолжить волонтерство. Одно из немногих исследований, в которых изучались различия между новыми и опытными волонтерами в их намерении продолжить волонтерскую деятельность, обнаружило, что волонтеры, обладающие опытом волонтерства, имели более высокий уровень удовлетворенности работой, чем добровольцы, которые выше сообщили о своем намерении участвовать в будущих спортивных и общественных мероприятиях [19].

За рубежом были проведены исследования взаимосвязи между предыдущим опытом волонтерства и намерениями продолжать волонтерскую деятельность. Например, это работы Джини Поулин [19] и Тронда Свела Санда, Анны-Марии Стритматтер и Дага Видара Ханстада [22]. Вместе с тем результаты исследования Э. Доэрти [10] показали, что у людей, не имеющих предыдущего опыта волонтерства, вероятно, будут повышенные намерения работать в качестве волонтеров. Также люди, которые только начали заниматься волонтерством на мероприятиях [4], и те, кто часто принимал участие в волонтерской деятельности на крупных спортивных мероприятиях [18], были более склонны к участию в том же или другом мероприятии, чем люди с большим опытом волонтерства в других направлениях. Также «новые» волонтеры и волонтеры мегасобытий с большей вероятностью намеревались расширить спектр своей волонтерской работы по другим направлениям, например, в социальной или др. сферах [4, 9, 19], в то время как те, кто уже принимал участие в разных направлениях волонтерства, скорее всего, сохраняют, но не желают повышать свою вовлеченность в волонтерство на крупных спортивных мероприятиях [4, 18]. Результаты еще одного исследования, которое было проведено Трейси Диксон [9], выявили, что волонтеры без предыдущего опыта с большей вероятностью чаще будут принимать участие в волонтерской деятельности или сохраняют свой уровень волонтерства после мероприятий. Результаты этой работы подтвердили результаты ранее проведенного исследования Э. Доэрти [10], в рамках которого осуществлялось наблюдение за волонтерами.

Таким образом, исследователи сходятся во мнении, что для исключения или минимизации текучести кадров среди волонтеров крупных спортивных мероприятий необходимо уделять повышенное внимание программе мотивации и удержания волонтеров. Также эксперты подчеркивают, что необходимо изучать причины, которые побуждают волонтеров продолжать работу после приобретения опыта волонтерства на крупных спортивных мероприятиях [9, 10].

Волонтерство в Индии

В Индии филантропия представляет собой древнюю традицию, в основе которой лежали в первую очередь религиозные представления. Хотя сейчас религия продолжает играть важную роль в жизни индийцев, существуют также определенные светские культурные традиции, которые способствуют развитию волонтерства и благотворительности [14]. Начиная с 1990-х гг., вместе с развитием

рыночных институтов, в Индии стал укрепляться некоммерческий сектор, в том числе волонтерские и благотворительные организации, как активные участники общественной жизни [8]. В Индии, как и в большинстве стран в настоящее время, государственная политика дополняется деятельностью некоммерческих организаций, к деятельности которых привлекаются волонтеры. Волонтерство и благотворительность в Индии адаптируются к современным условиям, их эффекты катализируют социальные изменения в стране, хотя и не способны решить все социальные проблемы Индии [21]. В Индии волонтеры привлекаются для участия в организации и проведении мероприятий, при участии некоммерческих организаций. Одни из крупных волонтерских программ были реализованы в Индии в 2008 и 2010 гг. во время проведения Игр Содружества, участие в этих программах приняли около 5 000 [25] и 14 800 [26] волонтеров соответственно. В рамках волонтерской программы Игр Содружества 2010 г. было подготовлено 30 000 волонтеров [27]. Также за последние годы волонтеры привлекались для участия в организации и проведении таких крупных спортивных мероприятий, как Чемпионат мира по крикету среди мужчин 2016 г., Чемпионат мира FIFA U-17 2017 г. Опыт организации спортивных мероприятий и реализации волонтерских программ для них способствовали формированию спортивного направления событийного волонтерства в Индии.

Волонтерство в России

В современной России волонтерство стало значимым явлением и за последние годы вышло на новый качественный уровень развития [1]. В 2021 г. Минэкономразвития России подсчитало, что в России около 7,5 млн человек вовлечены центрами поддержки волонтерства на базе НКО, государственных и муниципальных учреждений в добровольческую деятельность [2]. Эксперты пришли к мнению, что в нашей стране активное развитие практик волонтерства связано с олимпийской волонтерской программой [3]. Добровольное участие граждан в организации и проведении мероприятий зачастую относят к событийному или эпизодическому волонтерству, которое предполагает участие в организации и проведении мероприятий без прямого денежного вознаграждения. Российские программы по работе с событийными волонтерами связаны в первую очередь с теми мероприятиями, которые проводились в стране, такими спортивными событиями, как Олимпийские и Паралимпийские игры, Чемпионат мира по футболу, Летняя и Зимняя универсиады и др. Таким образом, в нашей стране накоплен достаточный опыт по работе с событийными спортивными волонтерами.

Методология исследования

Для изучения влияния волонтерского опыта на крупных спортивных мероприятиях на желание продолжать волонтерскую деятельность нами был проведен опрос российских волонтеров Чемпионата Европы по футболу и индийских волонтеров Чемпионата Азии по боксу. Данные крупные спортивные мероприятия проходили

в 2021 г. на территории России и Индии соответственно. При проведении Чемпионата Европы по футболу в России привлекалось 1 200 волонтеров (300 человек находилось в резерве), в Индии в организации и проведении Чемпионата Азии по боксу приняли участие 2 000 волонтеров.

На вопросы анкеты в общей сложности ответили 400 волонтеров, из которых 198 участников исследования были из России и 202 — из Индии. Среди участников опроса 55% мужчин и 45% женщин; 59% респондентов в возрасте от 18 до 30 лет, 27% — от 31 года до 55 лет и 14% — старше 55 лет; 64% проживают в региональных столицах, 20% — в мегаполисах, 14% — в небольших городах (с населением до 500 000 чел.), 2% — в поселках и деревнях.

Результаты

В начале участникам исследования предлагалось рассказать о их мотивации участия в крупном спортивном мероприятии в качестве волонтеров. Участникам исследования предлагалось выбрать варианты ответа, которые обладали для них наибольшей важностью при вступлении в практики волонтерства в рамках крупного спортивного мероприятия. Авторами применялась пятифакторная модель мотивации волонтеров. Так, ценностные основания (возможность помогать другим; возможность улучшить жизнь вокруг; уважение окружающих) выбрали 62% индийских и 46% российских волонтеров. Образовательные основания (новые знания, умения, квалификации; возможность узнать новые культуры; доступ к нужной информации) отметили 55% индийских и 43% российских волонтеров. 61% российских и 42% индийских волонтеров выбрали социальные основания (общение с интересными людьми; возможность лучше понимать других людей; возможность завести друзей; связи с необходимыми людьми; полезные знакомства). Профессиональные основания (перспективы профессиональной карьеры; возможность получить профессиональный опыт; опыт общественной деятельности) выбрали 66% индийских и 60% российских волонтеров. 39% российских и 30% индийских волонтеров выбрали личностные основания (возможность путешествовать; решение конкретных проблем; возможность организовать свой досуг; любимое дело, хобби; продвижение своих целей; возможность повысить самооценку; возможность решения своих проблем). Защитные основания (восстановление социальной справедливости; социальное равенство; перераспределение ресурсов) отметили 45% индийских и 33% российских волонтеров.

Таким образом, российские волонтеры выше оценивали социальные и личностные основания мотивации участия в волонтерской деятельности; вместе с тем индийские волонтеры чаще выбирали ценностные, образовательные, профессиональные и защитные основания мотивации.

Далее авторами было рассмотрено удовлетворение волонтеров от участия в крупном спортивном мероприятии. Отвечая на вопрос об удовлетворенности от участия в качестве волонтеров крупного спортивного мероприятия, 63% индийских и 51% российских волонтеров сказали, что они удовлетворены своим

участием в практиках волонтерства в крупном спортивном мероприятии, 45% российских и 35% индийских волонтеров ответили, что не удовлетворены. В итоге по результатам исследования можно зафиксировать, что среди индийских респондентов более высокий уровень удовлетворения от участия в волонтерской программе крупного спортивного мероприятия, по сравнению с российскими волонтерами. Вместе с тем в общем более четверти волонтеров сказали, что они остались не удовлетворены участием в волонтерской программе.

Кроме этого, участникам исследования предлагалось рассказать о своих планах продолжать волонтерскую деятельность. 77% индийских и 70% российских волонтеров ответили, что они планируют принимать участие в качестве волонтеров в организации и проведении других крупных мероприятий в будущем. 21 и 25% волонтеров соответственно не планируют принимать участие в волонтерской деятельности в рамках других крупных спортивных мероприятий в будущем. Российские и индийские участники исследования показали довольно высокий уровень намерений продолжать волонтерскую деятельность. Этот факт свидетельствует о том, что значительных причин для прерывания участия в волонтерской деятельности у участников спортивного волонтерства на крупных мероприятиях в России и Индии нет.

Вместе с тем 65% индийских и 58% российских волонтеров рассказали нам о том, что они планируют продолжать волонтерскую деятельность в других сферах, например, социальной, образовательной, культурной и др. 37% российских и 32% индийских волонтеров ответили, что они не планируют работать в качестве волонтеров в других сферах в будущем. Это подтверждает, что волонтеры крупных спортивных мероприятий довольно открыты для участия в разных направлениях волонтерства.

72% российских участников исследования сказали, что они в будущем планируют принимать участие в событийном волонтерстве (волонтерской деятельности в процессе подготовки и проведения различных мероприятий); 70% — в социальном волонтерстве (волонтерской деятельности, направленной на оказание помощи людям с ограниченными возможностями здоровья, пожилым людям, воспитанникам детских домов или нуждающимся во внимании и постоянном уходе). Это были наиболее популярные направления волонтерской деятельности, в которых планируют принимать участие волонтеры в будущем. 45% участников исследования сказали, что они планируют участвовать в образовательном волонтерстве (волонтерской деятельности в сфере образования, преподавании на безвозмездной основе по программам общего и дополнительного образования, организации мастер-классов, научных лагерей, экспедиций и олимпиад); 42% — в корпоративном волонтерстве (волонтерской деятельности представителей государственных и/или коммерческих структур, которые при поддержке организации, где они работают, принимают активное участие в социально значимой деятельности на безвозмездной основе); 37% — в культурно-просветительском волонтерстве (волонтерской деятельности в проектах культурной направленности, проводимых в музеях, библиотеках, домах культуры,

театрах, кинотеатрах, культурных центрах, парках и т. д.); 31% — в экологическом волонтерстве (волонтерской деятельности, направленной на сохранение окружающей среды, решение экологических проблем).

81% участников исследования из Индии сказали, что они планируют принимать участие в социальном волонтерстве в будущем; 63% — в событийном волонтерстве; 60% — в образовательном волонтерстве; 50% — в онлайн-волонтерстве (волонтерской деятельности с помощью Интернета, создании и обновлении веб-страниц, ведении профилей в социальных сетях, создании баз данных, написании, подготовке, оформлении и редактировании пресс-релизов и новостных статей); 48% — в корпоративном волонтерстве; 45% — в экологическом волонтерстве.

Спортивные событийные волонтеры не ограничиваются намерениями принимать участие в практиках лишь спортивного или событийного волонтерства в будущем — более половины участников исследования рассказали нам о том, что они также рассматривают свое участие и в других направлениях волонтерской деятельности. Участники исследования выбрали разные направления волонтерства в качестве приемлемых для себя в будущем.

Важной частью исследования было изучение мнения волонтеров по поводу проблем, которые мешают развитию волонтерства в России и Индии. Так, 66% российских волонтеров считают, что развитию волонтерства в нашей стране мешает «нехватка времени на все волонтерские инициативы»; 58% — «недоверие людей к волонтерам и их деятельности»; 55% — «отсутствие информации о возможности участия в волонтерских проектах»; 50% — «потребительское отношение людей к жизни»; 49% — «социальная апатия»; 47% — «низкий уровень жизни людей, необходимость постоянного поиска источника дохода»; 46% — «высокая занятость (трудовая загруженность, семейные обязательства)»; 35% — «лень тех, кто мог бы, но не захотел участвовать в волонтерской деятельности»; 34% — «недоверие граждан к некоммерческим (благотворительным) организациям».

Менее популярными вариантами среди российских волонтеров были следующие причины: 29% — «низкий уровень доверия людей друг другу»; 26% — «трудность получения теоретической и практической подготовки для работы в качестве волонтера»; 23% — «„озлобленность“ людей»; 20% — «отсутствие государственной поддержки волонтеров»; по 16% — «разобщенность волонтерского сообщества», «необходимость соблюдения эпидемиологических требований» и «несовершенство законодательства, регулирующего сферу волонтерства»; 14% — «опасность заражения в процессе работы»; 13% — «низкое качество управления волонтерами»; 9% — «сложность выбора направления для волонтерской работы».

Среди участников исследования из Индии 64% респондентов считают, что основными причинами, мешающими развитию волонтерства в их стране, являются «низкий уровень жизни людей, необходимость постоянного поиска источника дохода»; 62% — «нехватка времени на все волонтерские инициативы»;

60% — «высокая занятость (трудовая загруженность, семейные обязательства)»; 53% — «отсутствие информации о возможности участия в волонтерских проектах»; 46% — «лень тех, кто мог бы, но не захотел участвовать в волонтерской деятельности»; 44% — «необходимость соблюдения эпидемиологических требований»; 41% — «недоверие граждан к некоммерческим (благотворительным) организациям»; 37% — «социальная апатия»; 35% — «недоверие людей к волонтерам и их деятельности»; 33% — «потребительское отношение людей к жизни»; 30% — «опасность заражения в процессе работы».

Менее популярными причинами, мешающими развитию волонтерства в Индии, по мнению индийских волонтеров, были: 25% — «низкое качество управления волонтерами»; 22% — «сложность выбора направления для волонтерской работы»; по 20% — «трудность получения теоретической и практической подготовки для работы в качестве волонтера» и «низкий уровень доверия людей друг другу»; 17% — «отсутствие государственной поддержки волонтеров»; 13% — «„озлобленность“ людей»; 8% — «разобщенность волонтерского сообщества»; 5% — «несовершенство законодательства, регулирующего сферу волонтерства».

26% индийских и 19% российских волонтеров ответили, что они не сталкивались с проблемами, которые могли бы препятствовать развитию волонтерства.

Российские и индийские участники исследования выделяют разные причины среди значимых проблем для развития волонтерства. Однако они сходятся во мнении, что необходимо уделять повышенное внимание распространению информации о возможностях волонтерства и повышению доверия населения к волонтерам и их деятельности. Также помочь в развитии волонтерства может сопровождение людей в выборе направления волонтерской деятельности и совмещении повседневной жизни и волонтерства.

Заключение

В этой статье рассматриваются волонтеры крупных спортивных мероприятий в России и Индии. На основе онлайн-опроса российских волонтеров Чемпионата Европы по футболу и индийских волонтеров Чемпионата Азии по боксу была выявлена их мотивация и удовлетворение от участия в мероприятиях, а также планы волонтеров в отношении будущего участия в волонтерской деятельности.

Анализ результатов исследования показал, что в среднем для волонтеров более важны возможности, которые предоставляет волонтерство в профессиональной сфере, ценностные причины и возможность расширить свои социальные контакты. При этом среди российских волонтеров были выше оценены социальные и личностные основания мотивации, а среди индийских волонтеров — ценностные, образовательные, профессиональные и защитные.

Более половины участников исследования удовлетворены участием в процессе подготовки крупного спортивного мероприятия; вместе с тем индийские волонтеры продемонстрировали более высокий уровень удовлетворенности.

Значительная часть волонтеров, которые приняли участие в исследовании, сказали, что они планируют принимать участие в организации и проведении других крупных спортивных мероприятий в будущем. Меньше волонтеров планируют принимать участие в других направлениях волонтерства.

Говоря о своих планах на участие в волонтерской деятельности, российские волонтеры чаще хотели бы принимать участие в событийном и социальном волонтерстве, индийские волонтеры — в социальном, событийном, образовательном и онлайн-волонтерстве. Эти направления волонтерства выбрали более половины участников исследования.

Авторами также были рассмотрены те проблемы, которые, по мнению волонтеров, мешают развитию волонтерства в России и Индии. Так, по мнению российских волонтеров, развитию волонтерства в нашей стране мешают: нехватка времени на все волонтерские инициативы, недоверие людей к волонтерам и их деятельности, отсутствие информации о возможности участия в волонтерских проектах и потребительское отношение людей к жизни. По мнению индийских волонтеров, развитию волонтерства в Индии препятствуют: отсутствие информации о возможности участия в волонтерских проектах, высокая занятость (трудовая загруженность, семейные обязательства), нехватка времени на все волонтерские инициативы, низкий уровень жизни людей, необходимость постоянного поиска источника дохода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Задорожная И. И. Анализ благотворительной деятельности и волонтерства в России и за рубежом / И. И. Задорожная, Т. Э. Петрова, А. Лымар, Н. Лымар // Вопросы управления. 2021. № 1 (68). С. 89-102.
2. Павлова А. Помощь рядом. Всё больше россиян выбирают для себя волонтерство / А. Павлова // Российская газета: оф. сайт. URL: <https://rg.ru/2021/06/15/v-rossii-za-sem-let-na-13-vyroslo-kolichestvo-dobrovolcev.html>
3. Телепаева Д. Ф. Социальный капитал спортивных волонтеров крупного российского региона / Д. Ф. Телепаева, М. В. Певная, А. А. Кузьминчук // Научный результат. Социология и управление. 2018. Том 4. № 3. С. 108-120.
4. Aisbett L. Future volunteer intentions at a major sport event / L. Aisbett, E. Randle, P. Kappelides // Annals of Leisure Research. 2015. Vol. 18. No. 4. Pp. 491-509.
5. Bang H. Validation of the revised volunteer motivations scale for international sporting events (VMS-ISE) at the Athens 2004 Olympic Games / H. Bang, K. Alexandris, S. Ross // Event Management. 2009. Vol. 12. No. 3-4. Pp. 119-131.
6. Bang H. Volunteer motivation and satisfaction / H. Bang, S. Ross // Journal of Venue and Event Management. 2009. No. 7 (1). Pp. 61-77.
7. Bang H. Motivations, commitment, and intentions to volunteer for sporting events / H. Bang, D. Won, Y. Kim // Event Management. 2009. No. 13 (2). Pp. 69-81.
8. Das G. The Elephant Paradigm: India Wrestles with Change / G. Das. New Delhi: Penguin Books, 2002. 320 pp.

9. Dickson T. J. Sport mega-event volunteers' motivations and postevent intention to volunteer: The Sydney World Masters Games, 2009 / T. J. Dickson, S. Darcy, D. Edwards, F. A. Terwiel // *Event Management*. 2015. Vol. 19. No. 2. Pp. 227-245.
10. Doherty A. The volunteer legacy of a major sport event / A. Doherty // *Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events*. 2009. Vol. 1. Iss. 3. Pp. 185-207.
11. Farrell J. M. Volunteer motivation, satisfaction, and management at an elite sporting competition / J. M. Farrell, M. E. Johnston, D. G. Twynam // *Journal of Sport Management*. 1998. No. 12. Pp. 288-300.
12. Giannoulakis C. A modeling approach to sport volunteer satisfaction / C. Giannoulakis, C. H. Wang, N. Felver // *International Journal of Event and Festival Management*. 2015. Vol. 6. No. 3. Pp. 182-199.
13. Hall M. Caring Canadians, Involved Canadians: Highlights from the 2004 National Survey of Giving, Volunteering and Participating (Catalogue No. 71-542-XIE) / M. Hall, D. Lasby, G. Gumulka, C. Tryon. Ottawa, ON: Statistics Canada, 2006. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/71-542-x/71-542-x2006001-eng.pdf>
14. Kassam M. *Philanthropy in India: Promise to Practice* / M. Kassam, F. Handy, E. Jansons. SAGE Publications India, 2016. 252 pp.
15. Kenyatta G. N. An evaluation of the motives behind volunteering and existing motivational strategies among voluntary organizations in Kenya / G. N. Kenyatta, A. P. Zani // *Research on Humanities and Social Sciences*. 2014. Vol. 4. No. 23. Pp. 84-95.
16. Kim M. Volunteer management in sport / M. Kim, H. Bang // *Routledge Handbook of Sport Management* / L. Robinson, P. Chelladurai, G. Bodet, P. Downward (eds.). London: Routledge, 2012. Pp. 159-177.
17. Love R. Effects of motives on satisfaction and behavioral intentions of volunteers at a PGA TOUR event / A. Love, R. Hardin, G. Y. Koo, A. Morse // *International Journal of Sport Management*. 2011. Vol. 12. No. 1. Pp. 86-101.
18. Neufeind M. The impact of job design on event volunteers' future engagement: Insights from the European Football Championship 2008 / M. Neufeind, S. T. Güntert, T. Wehner // *European Sport Management Quarterly*. 2013. Vol. 13. No. 5. Pp. 537-556.
19. Pauline G. Volunteer satisfaction and intent to remain: an analysis of contributing factors among professional golf event volunteers / G. Pauline // *International Journal of Event Management Research*. 2011. Vol. 6. No. 1. Pp. 10-32.
20. Preuss H. Social structure, recruitment and opinions of volunteers about Nagano'98 / H. Preuss, B. Kebernik // *Volunteers, Global Society and The Olympic Movement. International Symposium on Volunteers, Global Society and the Olympic Movement* / M. de Moragas, A. B. Moreno, N. Puig (eds.). Lausanne: International Olympic Committee, 2000. Pp. 315-324.
21. Reddy N. M. *Catalytic Philanthropy in India* / N. M. Reddy, L. Vaidyanathan, K. Balasubramanian, K. Gorapalli, S. Sharma. Hyderabad and Mumbai: Indian School of Business and FSG Consultants, 2012. URL: <https://www.yumpu.com/en/document/view/35063333/catalytic-philanthropy-in-india-evpa>
22. Sand T. S. 2016 Winter Youth Olympic Games: planning for a volunteer legacy / T. S. Sand, A. M. Strittmatter, D. V. Hanstad // *International Journal of Sport Management and Marketing*. 2017. Vol. 17. No. 4-6. Pp. 242-260.

23. Strigas A. D. Motivating volunteers to serve and succeed: design and results of a pilot study that explores demographics and motivational factors in sport volunteerism / A. D. Strigas, N. E. Jackson // *International Sports Journal*. 2003. Vol. 7. No. 1. Pp. 111-123.
24. Thibault J. W. *The Social Psychology of Groups* / J. W. Thibault, H. H. Kelley. New York: John Wiley & Sons, 1959. URL: <https://archive.org/details/socialpsychology00thib/page/306/mode/2up>
25. 2008 राष्ट्रमंडल युवा खेलों [Молодежные Игры Содружества — 2008]. URL: https://www.hmoob.in/wiki/2008_Commonwealth_Youth_Games
26. राष्ट्रमंडल खेल : दिल्ली में तैनात होंगे 15,00 स्वयंसेवक [Игры Содружества: 15 000 волонтеров отправятся в Дели]. URL: <https://hindi.oneindia.com/news/2010/09/29/1285774037.html>
27. राष्ट्रमंडल खेलों के लिए 30 हजार स्वयंसेवकों की प्रशिक्षण [30 000 волонтеров подготовили к Играм Содружества]. URL: <https://www.livehindustan.com/news/cricket/sportsnews/43-38-106265.html>

Marina P. SUKHARKOVA¹
Narendra SINGH²

UDC 316.034

VOLUNTEERS OF SPORT MEGA-EVENTS IN RUSSIA AND INDIA

¹ Analyst, Laboratory for Interdisciplinary Studies in Non-Commercial Sector,
Centre for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector,
National Research University Higher School of Economics (Moscow)
MSukharkova@hse.ru; ORCID: 0000-0002-5461-7925

² PhD (Social Studies), Director of the Center for Sports Volunteering (New Delhi, India)
narendra_singh_delhi@yahoo.com

Abstract

The article is devoted to volunteers of major sporting events (sport mega-events) in Russia and India. The authors investigate the reasons that volunteers are guided by when deciding to participate in volunteering, their satisfaction from participating in the organization and holding of major sporting events, as well as their intentions to continue participating in volunteering practices in the future. In addition, the authors compare the motivation and future intentions of the Russian and Indian volunteers. The article also describes the reasons that, according to volunteers, hinder the development of volunteering in Russia and India. Volunteering during sport mega-events is becoming more and more common. The work done by volunteers allows not only to solve many organizational issues, create the necessary atmosphere, maintain security, but also shapes the image of the host, the necessary mood for participants and spectators. The relevance of the article lies in the necessity for constant improvement of volunteer programs to increase the number of volunteers and to further maintain their retention in volunteer activities. In addition, the implementation of volunteer programs for the organization and holding of sport mega-events can contribute to the formation of a positive legacy in the field of volunteering and to the development of the nonprofit sector. However, this requires obtaining detailed information about the volunteers of these events, their motivation and satisfaction.

Citation: Sukharkova M. P., Singh N. 2022. "Volunteers of sport mega-events in Russia and India". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 1 (29), pp. 120-135.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-120-135

The empirical basis of the article is an online survey of volunteers of the European Football Championship and Indian volunteers of the Asian Boxing Championship. These events took place in Russia and India in 2021.

The article presents both Russian and foreign experience in sports volunteering. The scientific novelty of the article lies in the comparative approach to the study of participants in volunteer programs of sport mega-events.

Keywords

Volunteering, event volunteering, volunteers of major sporting events, Russian volunteers, Indian volunteers.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-120-135

REFERENCES

1. Zadorozhnaya I. I., Petrova T. E., Lyman A., Lyman N. 2021. "Analysis of charitable work and volunteering activities in Russia and abroad". *Management Issues*, no. 1 (68), pp. 89-102. [In Russian]
2. Pavlova A. "Help is nearby. More and more Russians choose to volunteer". *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper]. <https://rg.ru/2021/06/15/v-rossii-za-sem-let-na-13-vyroslo-kolichestvo-dobrovolcev.html> [In Russian]
3. Telepaeva D. F., Pevnaya M. V., Kuzminchuk A. A. 2018. "Social capital of sports volunteers in the large Russian region". *Research Results. Sociology and Management*, vol. 4, no. 3, pp. 108-120. [In Russian]
4. Aisbett L., Randle E., Kappelides P. 2015. "Future volunteer intentions at a major sport event". *Annals of Leisure Research*, vol. 18, no. 4, pp. 491-509.
5. Bang H., Alexandris K., Ross S. 2009. "Validation of the revised volunteer motivations scale for international sporting events (VMS-ISE) at the Athens 2004 Olympic Games". *Event Management*, vol. 12, no. 3-4, pp. 119-131.
6. Bang H., Ross S. 2009. "Volunteer motivation and satisfaction". *Journal of Venue and Event Management*, no. 7 (1), pp. 61-77.
7. Bang H., Won D., Kim Y. 2009. "Motivations, commitment, and intentions to volunteer for sporting events". *Event Management*, no. 13 (2), pp. 69-81.
8. Das G. 2002. *The Elephant Paradigm: India Wrestles with Change*. New Delhi: Penguin Books. 320 pp.
9. Dickson T. J., Darcy S., Edwards D., Terwiel F. A. 2015. "Sport mega-event volunteers' motivations and postevent intention to volunteer: The Sydney World Masters Games, 2009". *Event Management*, vol. 19, no. 2, pp. 227-245.
10. Doherty A. 2009. "The volunteer legacy of a major sport event.". *Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events*, vol. 1, iss. 3, pp. 185-207.
11. Farrell J. M., Johnston M. E., Twynam D. G. 1998. "Volunteer motivation, satisfaction, and management at an elite sporting competition". *Journal of Sport Management*, no. 12, pp. 288-300.
12. Giannoulakis C., Wang C. H., Felver N. 2015. "A modeling approach to sport volunteer satisfaction". *International Journal of Event and Festival Management*, vol. 6, no. 3, pp. 182-199.

13. Hall M., Lasby D., Gumulka G., Tryon C. 2006. *Caring Canadians, Involved Canadians: Highlights from the 2004 National Survey of Giving, Volunteering and Participating* (Catalogue No. 71-542-XIE). Ottawa, ON: Statistics Canada. <https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/71-542-x/71-542-x2006001-eng.pdf>
14. Kassam M., Handy F., Jansons E. 2016. *Philanthropy in India: Promise to Practice*. SAGE Publications India. 252 pp.
15. Kenyatta G. N., Zani A. P. 2014. "An evaluation of the motives behind volunteering and existing motivational strategies among voluntary organizations in Kenya". *Research on Humanities and Social Sciences*, vol. 4, no. 23, pp. 84-95.
16. Kim M., Bang H. 2012. "Volunteer management in sport". In: Robinson L., Chelladurai P., Bodet G., Downward P. (eds.). 2012. *Routledge Handbook of Sport Management*, pp. 159-177. London: Routledge.
17. Love A., Hardin R., Koo G. Y., Morse A. 2011. "Effects of motives on satisfaction and behavioral intentions of volunteers at a PGA TOUR event". *International Journal of Sport Management*, vol. 12, no. 1, pp. 86-101.
18. Neufeind M., Güntert S. T., Wehner T. 2013. "The impact of job design on event volunteers' future engagement: Insights from the European Football Championship 2008". *European Sport Management Quarterly*, vol. 13, no. 5, pp. 537-556.
19. Pauline G. 2011. "Volunteer satisfaction and intent to remain: An analysis of contributing factors among professional golf event volunteers". *International Journal of Event Management Research*, vol. 6, no. 1, pp. 10-32.
20. Preuss H., Kebernik B. 2000. "Social structure, recruitment and opinions of volunteers about Nagano'98". In: de Moragas M., Moreno A. B., Puig N. (eds.). 2000. *Volunteers, Global Society and the Olympic Movement*, pp. 315-324. Lausanne: International Olympic Committee.
21. Reddy N. M., Vaidyanathan L., Balasubramanian K., Gorapalli K., Sharma S. 2012. *Catalytic Philanthropy in India*. Hyderabad and Mumbai: Indian School of Business and FSG Consultants. <https://www.yumpu.com/en/document/view/35063333/catalytic-philanthropy-in-india-evpa>
22. Sand T. S., Strittmatter A. M., Hanstad D. V. 2017. "2016 Winter Youth Olympic Games: Planning for a volunteer legacy". *International Journal of Sport Management and Marketing*, vol. 17, no. 4-6, pp. 242-260.
23. Strigas A. D., Jackson N. E. 2003. "Motivating volunteers to serve and succeed: Design and results of a pilot study that explores demographics and motivational factors in sport volunteerism". *International Sports Journal*, vol. 7, no. 1, pp. 111-123.
24. Thibault J. W., Kelley H. H. 1959. *The Social Psychology of Groups*. New York: John Wiley & Sons. <https://archive.org/details/socialpsychology00thib/page/306/mode/2up>
25. 2008 राष्ट्रसंघ युवा खेलों [2008 Commonwealth Youth Games]. https://www.hmoob.in/wiki/2008_Commonwealth_Youth_Games [In Hindi]
26. राष्ट्रसंघ खेल: दलिली में तैनात होंगे 15,00 स्वयंसेवक [Commonwealth Games: 15,000 volunteers to be stationed in Delhi]. <https://hindi.oneindia.com/news/2010/09/29/1285774037.html> [In Hindi]
27. राष्ट्रसंघ खेलों के लिए 30 हजार स्वयंसेवकों की प्रशिक्षण [30,000 volunteers training for Commonwealth Games]. <https://www.livehindustan.com/news/cricket/sportsnews/43-38-106265.html> [In Hindi]

ПРАВО

Юрий Владимирович КИМ¹

УДК 342.34:342.571

А БЫЛА ЛИ РЕФОРМА: К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ЗНАЧЕНИИ ПОПРАВОК К КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 2020 ГОДА

¹ доктор юридических наук, профессор
кафедры государственного и административного права,
Юридический институт,
Кемеровский государственный университет
Yu_kim@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7389-7670

Аннотация

Вопрос о том, можно ли рассматривать масштабное изменение текста Конституции России в 2020 г. как конституционную реформу, не так прост. Обычно реформам предшествует основательная подготовка. Реформы, рассчитанные на успех, нуждаются в надлежащем организационном, правовом, доктринальном и кадровом обеспечении. Объективно в российском обществе нарастала потребность в системной корректировке текста Конституции. Общественный запрос на конституционную реформу стал формироваться с момента появления Конституции на свет, что обусловлено множеством существенных недостатков, обнаружившихся в дальнейшем, в ходе ее реализации. Вместе с тем процесс трансформации Конституции стартовал для общества неожиданно, проходил скоротечно, не имел должного обеспечения, привел к неоднозначным и противоречивым результатам. Целью исследования явился анализ

Цитирование: Ким Ю. В. А была ли реформа: к вопросу о правовом значении поправок к Конституции Российской Федерации 2020 года / Ю. В. Ким // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 136-151.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-136-151

организационно-правовых, доктринальных и формально-юридических аспектов произведенной новеллизации на основе апробированных научных методов. В результате выявлены существенные отступления от должной правовой процедуры внесения поправок, установленные самой Конституцией и законами. Критически оценены использованные приемы конституционализации законодательства, нарушение структурной и содержательной целостности текста, погрешности технико-юридического характера, правовое значение проведенного плебисцита по вопросу одобрения изменений в Конституции России. В этой связи сохраняет свою актуальность вопрос о состоянии конституционализма в России и возможных мерах по его укреплению.

Ключевые слова

Конституция, конституционализм, конституционный строй, публичная власть, реформа, поправка, новелла, Президент, Конституционный Суд.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-136-151

Введение

Внесение объемных изменений в текст Конституции Российской Федерации в июле 2020 г. получило название «конституционной реформы». Если же приглядеться к тому, как была организована работа над поправками и к каким результатам она привела, то невольно задаешься вопросом: а была ли реформа?

В авторитетных словарях под реформой подразумеваются коренные преобразования в каких-нибудь сферах государственной, экономической и политической жизни, но не затрагивающие *основ существующего социального строя, в целом имеющие прогрессивный характер* [16, с. 678; 20, с. 580].

Если обратиться к количественным параметрам, то новеллизация действительно имела масштабный характер. Примерный объем поправок составил 30% к первоначальному тексту Конституции (прежняя редакция включала 11 536 слов, новая — 14 797). Вместе с тем для объективной оценки правового значения изменений, которые претерпел Основной закон, опора лишь на количественные характеристики недостаточна. Экспертной оценке должны подвергаться разные аспекты произошедшего события, несомненно значимого в политико-правовом отношении — и организационно-правовые, и доктринальные, и технико-юридические, и прочие. Ибо беспристрастная оценка того, что происходит с нашей Конституцией, невозможна без опоры на системный подход. Тем более что мнения и оценки, в том числе и в сообществе государствоведов, отличаются редкостной пестротой [3-4, 6-9]. При этом всё же преобладают критические суждения и выводы.

Методы

Методологическую основу статьи составляют традиционные приемы исследования — как общенаучные, так и специальные, — применяемые в конституционно-правовых разработках комплексного характера: системный, логический,

статистический подходы, а также сравнительно-правовой, специально-юридический и др. методы.

В частности, представляющим более широко и объективно подходы к оценке правового значения поправок к Конституции РФ явился метод сравнительно-правового исследования.

При этом наиболее широко использованным и продуктивным при анализе внесенных новелл явился специально-юридический (формально-правовой или же нормативно-догматический) метод.

Обсуждение и результаты

Следует отметить, что объективно общественный запрос на конституционную реформу — и именно со стороны сообщества конституционалистов — действительно был и для этого имелись резонные основания. Он начал формироваться чуть ли не с самого появления на свет Конституции РФ. Это было обусловлено множеством существенных дефектов и пробелов, вкравшихся в текст при доработке проекта, осенью 1993 г. По свидетельству С. С. Алексеева, принимавшего деятельное участие в работе Конституционного совещания, завершающие проработки текста Конституции шли внутри административного аппарата; производившиеся корректировки были известны лишь посвященным. Мало того, сам С. С. Алексеев и другие авторы проекта «демонстративно» не были допущены к завершающему этапу работы над конституционным текстом непосредственно перед референдумом [1, с. 34]. По его мнению, недостатки Конституции не сводились к одним лишь недоработкам, упущениям, огрехам в юридических конструкциях. Существенным недостатком явилась неоднородность текста Конституции. В нем наряду с фундаментальными демократическими основами и соответствующими началами (разделением властей, парламентаризмом и др.) обнаружались фрагменты иной направленности, обрисовывающие действительные государственно-властные приоритеты. Они послужили известным основанием для формирования образа Конституции, не согласующегося с ее базовыми положениями [1, с. 28-29]. С. С. Алексеев акцентировал внимание на наличии большого количества наслоений и «несистемных» фрагментов [1, с. 36]. Главную же опасность он видел в том, что Конституция РФ закладывает предпосылки для наделения Президента РФ неограниченными полномочиями по управлению страной, становления авторитарного режима. И вся Конституция РФ была пронизана этим духом [1, с. 29-33].

В последующем, с накоплением правоприменительной практики, потребность в системной корректировке Конституции (вплоть до постановки вопроса о ее пересмотре) лишь нарастала. Эта проблема была предметом неослабевающих научных дискуссий, рассматривалась периодически на самом высоком уровне управления страной, в том числе и с участием ведущих правоведов-конституционалистов страны. И реакция обычно была сдержанной, мотивированной необходимостью бережного отношения к действующему Основному закону и нераскрытостью в полной мере его регулятивного потенциала.

Вместе с тем поправки в Конституцию вносились. Характерно, что они для большинства были неожиданны и не являлись ответом на те проблемные вопросы, которые обозначались специалистами. Как правило, инициатива поправок исходила сверху, преследовала иные цели и реализовывалась «аврально». Так было в 2008 г., когда произошло увеличение сроков полномочий Президента и Государственной Думы. История повторилась в 2014 г., когда подверглась корректировке глава 7 о судебной власти и был упразднен Высший Арбитражный Суд РФ. Наконец, нечто аналогичное произошло и в 2020 г., когда стало известно о намечающихся изменениях в Конституции и о проведении в короткий срок «общероссийского голосования» по вопросу об их одобрении.

Как известно, всякая масштабная реформа требует серьезной подготовки, и в работу над ее организацией вовлекается достаточное количество профессионалов. Особенно когда речь идет о преобразованиях институционально-правового характера, требующих фундаментальной проработанности. Если этого не происходит, всё делается спонтанно, то неизбежны серьезные институциональные провалы. К сожалению, прецеденты подобной порочной практики в сфере законотворчества и конституционного строительства у нас приобретают регулярный характер и становятся неустранимой составляющей отечественной государственно-правовой традиции.

Интерес к процессу трансформации Конституции РФ был проявлен и со стороны международных наблюдателей. Так, обстоятельное Заключение представлено Европейской комиссией за демократию через право — консультативным органом по конституционному праву при Совете Европы (Венецианская комиссия) (март 2021 г.) [21].

Венецианская комиссия положительно оценила отдельные поправки, в частности:

- усиление защищенности социальных прав;
- ограничение периода пребывания в должности Президента двумя сроками;
- правомочие Президента обращаться в Конституционный Суд с запросом о предварительной проверке конституционности федеральных законов;
- придание конституционного статуса Государственному Совету, действовавшему на основании лишь подзаконного правового акта;
- расширение института парламентского контроля, в том числе благодаря возможности направления запросов к руководителям государственных органов и «заслушивать» годовой доклад Генерального прокурора Российской Федерации и пр.

Вместе с тем она критически отнеслась к следующим позициям.

Небезупречными и не согласующимися со ст. 135 и 136 Конституции РФ явились реализованные процедуры принятия поправок (включая общероссийское голосование); по значимости новелл и глубине затрагиваемых вопросов требовался созыв Конституционного собрания.

Изложенное находится в очевидном противоречии со ст. 16 Конституции, провозглашающей неизбежность основ конституционного строя.

Поправки непропорционально усилили позицию Президента Российской Федерации и усилили дисбаланс в системе разделения властей, установленной Конституцией.

Конституционные оговорки относительно сроков полномочий действующего и предыдущего президентов основываются на приеме *ad hominem* (т. е. рассчитанном на чувства, а не на разум) и противоречат духу принятой поправки, ограничивающей мандат президента двумя сроками.

Произошло расширение полномочий Президента за счет Председателя Правительства, что привело к «маргинализации» статуса последнего.

Увеличение числа сенаторов, назначаемых Президентом, создает предпосылки для усиления зависимости Совета Федерации от исполнительной власти и эффективность реализуемой им функции парламентского контроля.

Поправки снижают уровень самостоятельности субъектов Федерации и органов местного самоуправления.

Предоставление Президенту права инициировать перед Советом Федерации прекращение полномочий председателей высших судов, а также председателей, заместителей председателей и судей кассационных и апелляционных судов на очень неопределенном основании существенным образом затрагивают принцип независимости судей и вместе с иными поправками, относящимися к судебной системе, создает опасность для верховенства закона в Российской Федерации.

Как представляется, в целом выводы, к которым пришла Венецианская комиссия, обоснованы и объективны. По большинству позиций они совпадают с мнением многих отечественных авторов, высказывавшихся по данному вопросу [7, с. 22-31; 9].

Между тем Венецианская комиссия многие важные моменты упустила. Или обошла...

Например, касаясь организационно-правового аспекта, нельзя пройти мимо вопроса о наличии надлежащих правовых оснований (или же соблюдения юридических процедур) для запуска конституционной реформы и процесса подготовки к проведению общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию РФ. Правовым актом, введшим внеконституционный институт общероссийского голосования, аналогичный конституционно установленному референдуму как *форме высшего непосредственного выражения власти народа* (ч. 3 ст. 3 Конституции РФ), явилось распоряжение Президента РФ от 14.02.2020 № 32-рп «Об обеспечении участия граждан Российской Федерации в решении вопросов о внесении изменений в Конституцию Российской Федерации» [15]. Известно, что в российском законодательстве отсутствует подробная регламентация нормотворческой компетенции главы государства. Согласно ч. 1 ст. 90 Конституции РФ Президент РФ издает указы и распоряжения, которые не должны противоречить Конституции РФ и федеральным законам. Указы

обычно издаются Президентом РФ при реализации им своих конституционных полномочий и имеют нормативный характер. Распоряжения, как правило, принимаются по вопросам организационно-оперативного характера, адресуются узкому кругу лиц, ограничены по пространству и времени действия, имея по преимуществу локальный характер, не содержат правовых норм и, стало быть, источниками права не являются.

Между тем нормативный характер распоряжения Президента РФ от 14.02.2020 № 32-рп налицо. Им не только вводится новый государственно-правовой институт *учредительной природы* в виде общероссийского голосования, но и адресуются предписания *всем* «органам государственной власти, органам местного самоуправления, иным государственным органам и организациям подготовиться к проведению общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации» (п. 1). Президент РФ возлагает на Центральную избирательную комиссию РФ организацию подготовки проведения общероссийского голосования, что прямо не отнесено Конституцией РФ и федеральными законами к его компетенции (п. 2). Соответствующие предписания, также не согласующиеся с Конституцией РФ и федеральными законами, сформулированы в адрес Правительства РФ, федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, их должностных лиц.

Нет легальных оснований рассматривать данное распоряжение в качестве акта, изданного в порядке, опережающем принятие законодательных актов. Как некогда было установлено Конституционным Судом РФ, правомерно издание Президентом *указов*, восполняющих пробелы в правовом регулировании по вопросам, требующим законодательного решения. Такие *указы не должны противоречить* Конституции РФ и федеральным законам. Их действие во времени ограничивается периодом до принятия соответствующих законодательных актов [17]. Во-первых, это не указ. Во-вторых, распоряжение безусловно противоречит Конституции РФ.

К организационно-правовым, а точнее, процессуально-процедурным аспектам следовало бы отнести ход подготовки и проведения общероссийского голосования. Думается, что здесь оценки Венецианской комиссии в целом справедливы. Помимо прочего, отмеченного ею в Заключении, представляется бросающимся в глаза, и потому еще более обескураживающим и дискредитирующим институт всенародного голосования, факт подмены агитационной кампании по выносимым на него вопросам (ведь речь всё-таки идет о прямом народном волеизъявлении, осуществляемом с соблюдением хоть каких-то приличествующих ему правовых традиций) политической рекламой, осуществляемой известными деятелями культуры, параллельно задействованными в рекламе коммерческой (например, услуг различных банков, включая небезызвестную банковскую карту «Халва» Совкомбанка).

Касаюсь доктринальных аспектов, затронем лишь отдельные из многих прочих вкрапившихся в текст поправок, небезупречных в теоретико-методологическом и правовом планах положений.

Первое касается *публичной власти*. В тексте Конституции РФ термин «публичный» употреблен в пяти несовпадающих по смыслу словосочетаниях: «организация публичной власти» (п. «г» ст. 71), «органы публичной власти» (п. «е.5» ст. 83), «основы публичного правопорядка» (п. «б» ч. 5.1 ст. 125), «осуществление публичной власти» (ч. 3 ст. 131), «единая система публичной власти» (ч. 2 ст. 80, ч. 3 ст. 132).

Прежде всего, представляется сомнительной поправка к п. «г» ст. 71 Конституции РФ об «организации публичной власти» по двум причинам.

Во-первых, термин этот, равно как и остальные приведенные, имеет существенную смысловую неопределенность. Вкладываемое в него понятие нельзя считать вполне устоявшимся в теоретическом отношении, несмотря на то, что Федеральным законом от 08.12.2020 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» [12] как будто дано законодательное определение единой системы публичной власти. Под ней подразумеваются «федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности» (ч. 1 ст. 2).

Достаточно вспомнить о том, что носителями публичной власти на самом деле являются не только государственные и муниципальные органы. Ими могут быть так называемые «юридические лица публичного права» (например, государственные корпорации), наделяемые соответствующими публично-властными функциями федеральными законами и подзаконными актами (Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», Государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос», ОАО «РЖД» и прочие подобные формирования, в том числе регионального и местного значения). Более того, на сайте федеральных органов исполнительной власти государственные корпорации «Росатом» и «Роскосмос» обозначены как «уполномоченные органы управления в отдельных отраслях» [19]. В качестве фактических носителей публичной (политической) власти следует рассматривать политические партии, ведущие фракционную деятельность в парламенте, либо участвующие в избирательных кампаниях, формировании и деятельности избирательных органов, органов публичной власти субъектов РФ и т. д. Круг субъектов публично-властной деятельности существенно расширился в связи с принятием Федерального закона от 03.07.2016 № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [14] и внесением соответствующих изменений в Гражданский кодекс РФ (ч. 3 ст. 50). Поэтому система публичной власти, действующая в нашей стране, изначально не вписывается в рамки, обрисованные соответствующими поправками к Конституции и приведенной законодательной формулой.

Во-вторых, даже если ограничиться составом государственных и муниципальных органов, то отнесение данного вопроса в условиях федеративной государственности к исключительному ведению Российской Федерации является некорректным. Поскольку фактически в сфере организации публичной власти

Конституция РФ наделяет субъекты РФ и муниципальные образования известными самостоятельными полномочиями по всему комплексу вопросов организационно-правового характера, начиная с создания нормативно-правовой базы до образования, формирования и регулирования деятельности законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ, представительных и исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления и пр. Наверное, это положение уместней было бы включить в ст. 72, определяющую круг совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов.

В-третьих, основанием для неограниченного расширения правоприменительных дискреций для Конституционного Суда РФ становится норма, предоставляющая правомочие разрешать вопрос о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит *основам публичного правопорядка* Российской Федерации (п. «б» ч. 5-1 ст. 125). При отсутствии отчетливого представления о единой системе публичной власти вряд ли возможно и имеет реальную перспективу рассматривать категорию «основы публичного правопорядка», имеющей такую же смысловую неопределенность, в качестве приемлемой и допустимой для целей правоприменения юридической модели.

В целом же, повторимся, данные поправки кажутся избыточными, нецелесообразными, вконец размывающими и запутывающими представления о государственной власти и механизме государства. Это — с одной стороны. С другой стороны, тезис о главе государства, обеспечивающего «согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти» (ч. 2 ст. 80), не имеет зримых очертаний и границ в функциональном плане. Он попросту лишен рационального смысла и усиливает иллюзию всевластия главы государства. И вряд ли такого эффекта на самом деле осознанно добивался конституционный законодатель.

К разряду казуистичных относятся поправки к п. «б» ст. 83 Конституции РФ, ч. 1 ст. 110, согласно которым Президент РФ «осуществляет *общее руководство* Правительством Российской Федерации»; «исполнительную власть в Российской Федерации осуществляет Правительство Российской Федерации под *общим руководством* Президента Российской Федерации».

В теории управления является аксиоматичным положение о том, что *общее руководство* — это организационная функция, относящаяся к исключительной прерогативе *высшего руководителя (руководства) организации*, заключающаяся в интеграции, координации и руководстве различными видами функциональной деятельности для достижения общих целей *этой организации* [2, с. 91-92]. В соответствии со ст. 113 Конституции РФ, Председатель Правительства РФ *организует работу* Правительства РФ и несет *персональную ответственность* за осуществление возложенных на последнее полномочий. При этом в Федеральном конституционном законе от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ осталась неизменной норма о том, что Председатель РФ *возглавляет* Правительство РФ (ч. 1 ст. 24).

А может быть, здесь нет никакой ошибки? И рассматриваемая поправка на самом деле закрепляет сложившееся status quo, дававшее резонный повод для рассмотрения системы исполнительной власти России в качестве модификации «бицефальной» организационной структуры. В чем в таком случае казуистика? В том, что при рассмотрении всех приведенных положений во взаимосвязи, складывается анекдотическая ситуация: руководит организацией одно лицо, а организует работу и несет всю ответственность за ее результаты другое... Видимо, всё же, мы имеем дело с очередным институциональным недоразумением. Между тем Венецианская комиссия абсолютно права в том, что на самом деле при таком подходе маргинализируется и ослабляется роль Председателя Правительства РФ.

В технико-юридическом отношении характерными и наиболее широко использованными явились два приема корректировки содержания Конституции РФ:

- 1) перефразирование имеющихся в тексте Основного закона положений глав 1 и 2 и дополнительное их включение в иные главы (в основном, в главу 3);
- 2) перенесение («конституционализация») норм действующих федеральных законов (о труде, о государственной службе, о противодействии коррупции, о выборах и др.) (ч. 5 ст. 75, ч. 2 ст. 81, ч. 1 ст. 97, ч. 1 ст. 97, п. «е» ст. 103, ч. 4 ст. 110, ст. 119, ч. 2 ст. 129 и др.).

Примером перефразировки одного из тезисов Конституции является следующее положение, вызвавшее заметный общественный резонанс: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, *сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога*, а также преемственность в развитии Российского государства, *признает исторически сложившееся государственное единство*» (ч. 2 ст. 67.1). Нетрудно заметить, что он воспроизводит чуть ли не дословно фрагмент преамбулы Конституции РФ: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации... *сохраняя исторически сложившееся государственное единство... чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость*, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы...». Думается, что примененная тавтология могла бы с некоторыми натяжками рассматриваться в качестве риторического приема либо фигуры речи, добавляющих пафоса некогда сформулированному суждению. Но оправдан ли такой подход к конституционным положениям?

Характерными и многократно воспроизведенными вариациями переноса положений текущего законодательства в текст Конституции РФ являются ограничения, установленные для занятия государственных должностей Российской Федерации и ее субъектов (наличие гражданства иностранного государства, вида на жительство, счетов (вкладов), наличных денежных средств и ценностей в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации и пр.). Как известно, они установлены многочисленными федеральными законами как общего характера (например, Федеральным законом от 25.12.2008

№ 273-ФЗ «О противодействии коррупции»; Федеральным законом от 07.05.2013 № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» и т. д.), так и тематическими, устанавливающими статус лиц, занимающих соответствующие должности (уполномоченных по правам человека, прокуроров, судей, депутатов и пр.).

Представляется парадоксальным с точки зрения техники юриспруденции такой подход конституционного законодателя, когда после неоднократного воспроизведения в текущем законодательстве одних и тех же норм-ограничений (что само по себе казуистично), они также многократно — десять раз (!) — дублируются в Конституции РФ применительно ко всем лицам, занимающим государственные и муниципальные должности, должности государственной и муниципальной службы (п. «т» ст. 71), в том числе к высшему должностному лицу субъекта РФ (п. 3 ст. 77), руководителям федерального государственного органа (ч. 5 ст. 78), Президенту РФ (ч. 2 ст. 81), сенаторам РФ (ч. 4 ст. 95), депутатам Государственной Думы РФ (ч. 1 ст. 97), Уполномоченному по правам человека (п. «е» ч. 1 ст. 103), Председателю Правительства РФ, его заместителям, федеральным министрам и руководителям органов исполнительной власти (ч. 4 ст. 110), судьям (ст. 119), прокурорам (ч. 2 ст. 129).

Возникает вопрос: каково правовое значение проиллюстрированной схемы так называемой «конституционализации» ограничений и запретов, установленных в текущем законодательстве? Другой вопрос: в чем смысл дублирования в тексте Конституции РФ законодательных положений, скажем, о гарантиях минимальной оплаты труда не менее величины прожиточного минимума (ч. 5 ст. 75), если механизм формирования последнего показателя находится за рамками конституционного регулирования и полностью зависит от усмотрения правительства? Следующий вопрос: является ли вообще удовлетворительной и отвечающей правовым началам конституционализма практика возведения в ранг конституционных положений неких «добрых намерений», прежде продекларированных многократно в законодательных актах, но без закрепления в конституции адекватного механизма обеспечения?

Приведем еще один очевидный и уже неустрашимый «ляпсус» конституционного законодателя. Поправками к ст. 95 Конституции РФ государственная должность члена Совета Федерации переименована в должность сенатора Российской Федерации, что нашло отражение в заново принятом Федеральном законе от 22.12.2020 № 439-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» [13] и ряде иных законодательных актов. Однако в ст. 134 и ч. 2 ст. 135 наименование этой должности останется неизменным — член Совета Федерации.

К сожалению, подобного рода необъяснимых с точки зрения логики и здравого смысла нововведений набирается довольно много. Их не охватить в рамках одной журнальной публикации.

Весьма незавидной в этом процессе выглядела роль Конституционного Суда РФ, функциональная направленность которого в структуре государственности приобрела отчетливо двойственный характер. С одной стороны, он на протяжении длительного времени позиционировался и самоутверждался — возможно, резонно, и это навевало известные оптимистические настроения — в качестве единственного легитимного субъекта конституционализации [10] и генератора «судебного („живого“) конституционализма» [5, с. 45]; с другой стороны, «тенденция была такова, что Конституционный Суд подстраивается под генеральную политическую линию, всё более встраиваясь в „вертикаль власти“» (Н. В. Витрук) [18]. В свете наблюдаемой тенденции положительное заключение Конституционного Суда РФ, шаг за шагом уступавшего свои позиции перед этой самой «генеральной политической линией», по всем без исключения правовым вопросам, затрагиваемым поправками к Конституции РФ, выглядело парадоксальным, но вполне предсказуемым...

Заключение

Конституция РФ стала более многословной, в том числе вследствие включения в нее новых нагромождений лексических единиц (терминов), абстрактных, либо страдающих существенной смысловой неопределенностью и потому не несущих регулятивной нагрузки («идеалы и вера в Бога», «организация публичной власти», «устойчивый экономический рост и повышение благосостояния граждан», «взаимное доверие государства и общества», «социальное партнерство», «солидарность поколений», «экономическая, политическая социальная солидарность», «общероссийская культурная идентичность» и пр.), появления новых наслоений и несистемных включений (ч. 5-7 ст. 75, ст. 75.1, ст. 79 (поправка, дублирующая фрагмент поправки в п. «б» ч. 5.1 ст. 125, ст. 79.1), ч. 1 ст. 132 — фрагмент об обеспечении доступности медицинской помощи и т. д.).

Соответственно, структурно-содержательное наполнение Конституции РФ, более или менее упорядоченное прежде, стало рыхлым и алогичным. И, как бы ни отрицали данное обстоятельство авторы поправок, вторжение в основы конституционного строя вопреки требованиям ст. 16 Конституции РФ всё же произошло.

Резонный вопрос: не многовато ли погрешностей и казуистики для одного сезона так называемой «конституционной реформы»?

Если вернуться к началу нашего разговора и попытаться ответить на поставленный вопрос («а была ли реформа?»), то получается, что под популярные дефиниции реформы итоги новеллизации Конституции, похоже, не подпадают: и основы конституционного строя затронуты, и прогресс неочевиден.

В свое время О. Е. Кутафин следующим образом — и прозорливо — охарактеризовал действительное положение дел с российским конституционализмом: «Говоря о современном российском конституционализме, нельзя не заметить, что он носит в значительной мере характер мнимого конституционализма, поскольку отличается неустойчивостью, возможностью обращения вспять, очевидной вероятностью перехода конституционных по происхождению и политической терминологии феноменов в свою противоположность — авторитаризм» [11, с. 7].

Что же это было? Закономерный этап «мнимой» конституционализации законодательства или же завершающая фаза деконституционализации действующего Основного закона?

Почему «завершающая»? Потому что на самом деле никакой реформы не было. При этом возникло вполне отчетливое понимание того, что институционально-правовые средства, призванные обеспечивать конституционность правового порядка и нерушимость основ конституционного строя, всё еще слабы и нуждаются в совершенствовании. И на повестке дня вновь с особой остротой, так же, как и в конце 1993 г., всплывает краеугольный для будущности отечественной правовой государственности вопрос: в чем смысл российского конституционализма?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С. С. У истоков Конституции России (субъективные заметки) / С. С. Алексеев. Екатеринбург, 2009. 43 с.
2. Ансофф И. Стратегическое управление / И. Ансофф; под ред. Л. И. Евенко. М.: Экономика, 1989. 519 с.
3. Бабурин С. Н. Конституционная реформа 2020 года в Российской Федерации как путь укрепления нации / С. Н. Бабурин // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 3-6.
4. Боброва Н. А. Конституционная реформа — 2020 как решение проблемы «транзита власти» — 2024 / Н. А. Боброва // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 2. С. 3-9.
5. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия / Н. С. Бондарь. М.: Формула права, 2012. 544 с.
6. Клеандров М. И. О проблемных нововведениях 2020 года в Конституцию РФ в сфере механизма правосудия / М. И. Клеандров // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 7-11.
7. Комарова В. В. Конституционная реформа 2020 г. в России (некоторые аспекты) / В. В. Комарова // Актуальные проблемы российского права. 2020. Том 15. № 8. С. 22-31. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.117.8.022-031
8. Кондрашев А. А. Конституционные поправки — 2020: о коллизиях и дефектах, порождающих неустраняемые конфликты между «вечными главами» и главами 3-8 Конституции России / А. А. Кондрашев // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 18-29.
9. Конституционная реформа в России 2020 года: политическое и правовое значение: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. с международным участием (4 декабря 2020). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. 186 с.
10. Крусс В. И. Конституционализация национального права и международный правопорядок / В. И. Крусс // Конституция — Основной Закон белорусского государства и общества (к 20-летию принятия): материалы Международной науч.-практ. конф. (Минск, 11-12 марта 2014 г.) / отв. ред. Г. А. Василевич; Белорусский государственный университет. Минск: Право и экономика, 2014. С. 56-58.

11. Кутафин О. Е. Российский конституционализм: монография / О. Е. Кутафин. М.: НОРМА, 2008. 544 с.
12. О Государственном Совете Российской Федерации: Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. 394-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 50 (часть III). Ст. 8039.
13. О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 439-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 52 (часть I). Ст. 8585.
14. О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (часть I). Ст. 4169.
15. Об обеспечении участия граждан Российской Федерации в решении вопросов о внесении изменений в Конституцию Российской Федерации: Распоряжение Президента РФ от 14 февраля 2020 г. № 32-рп // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 7. Ст. 822.
16. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
17. По делу о проверке конституционности п. 2 Указа Президента РФ от 3 октября 1994 г. № 1969 «О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в РФ» и п. 2.3 Положения о главе администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа, утвержденного названным Указом: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 апреля 1996 г. № 11-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 3.
18. Судебный («живой») конституционализм: доктрина и практика. Стенограмма Круглого стола кафедры государственного и административного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, 5 марта 2011 г.) // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 3. С. 1-30.
19. Федеральные органы исполнительной власти Российской Федерации // Официальный сайт Сервера органов государственной власти Российской Федерации «Официальная Россия». URL: <http://gov.ru/main/ministry/isp-vlast44.html> (дата обращения: 16.10.2021).
20. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
21. CDL-AD (2021)005-e. Russian Federation — Interim opinion on constitutional amendments and the procedure for their adoption, adopted by the Venice Commission at its 126th Plenary Session (online, 19-20 March 2021) // Council of Europe; European Commission for Democracy through Law (Venice Commission). Strasbourg, 23 March 2021. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2021\)005-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2021)005-e) (дата обращения: 14.02.2022).

Yuriy V. KIM¹

UDC 342.34:342.571

**WAS THERE A REFORM: TO THE QUESTION
OF THE LEGAL SIGNIFICANCE
OF THE AMENDMENTS TO THE CONSTITUTION
OF THE RUSSIAN FEDERATION OF 2020**

¹ Dr. Sci. (Jur.), Professor,
Department of State and Administrative Law,
Law Institute of Kemerovo State University
Yu_kim@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7389-7670

Abstract

The question of whether a major change in the text of the Russian Constitution in 2020 can be considered as a constitutional reform is not that simple. Usually, reforms are preceded by thorough preparation. Successful reforms require adequate organizational, legal, doctrinal and human resources support. Objectively, the need for a systematic adjustment of the text of the Constitution was growing in Russian society. The societal demand for constitutional reform has been developing since the moment the Constitution was adopted. This is due to many flaws and gaps that were found later during its implementation. At the same time, the process of transformation of the Constitution started unexpectedly for society, passed quickly, did not have proper support and led to contradictory results. The purpose of this research is to analyze organizational and legal, doctrinal as well as formal and legal aspects of the innovation based on scientific methods. Moreover, deviations from the due legal procedure for amending stated by the Constitution itself and other laws are identified. The methods used for the constitutionalization of legislation, violation of the structural and content-related integrity of the text, technical and legal errors, the legal significance of the plebiscite on the approval of amendments to the Constitution of Russia are critically assessed. In this regard, the question of the state of constitutionalism in Russia and possible measures to strengthen it remains relevant.

Citation: Kim Yu. V. 2022. "Was there a reform: to the question of the legal significance of the amendments to the Constitution of the Russian Federation of 2020". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 1 (29), pp. 136-151.
DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-136-151

Keywords

Constitution, constitutionalism, constitutional system, public authority, reform, amendment, innovation, President, Constitutional Court.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-136-151

REFERENCES

1. Alekseev S. S. 2009. At the origin of the Constitution of Russia (subjective notes). Yekaterinburg. 43 pp. [In Russian]
2. Ansoff I. 1989. Strategic management. Edited by L. I. Evenko. Moscow: Ekonomika. 519 pp. [In Russian]
3. Baburin S. N. 2021. "The 2020 Constitutional reform in the Russian Federation as a way to strengthen the nation". Constitutional and Municipal Law, no. 1, pp. 3-6. [In Russian]
4. Bobrova N. A. 2021. "The 2020 Constitutional Reform as a solution of the transit of power problem of 2024". Constitutional and Municipal Law, no. 2, pp. 3-9. [In Russian]
5. Bondar N. S. 2012. Judicial constitutionalism in Russia in relation to constitutional justice. Moscow: Formula prava. 544 pp. [In Russian]
6. Kleandrov M. I. 2021. "On challenging justice mechanism novelties of 2020 to the Constitution of the Russian Federation". Constitutional and Municipal Law, no. 1, pp. 7-11. [In Russian]
7. Komarova V. V. 2020. "Constitutional reform 2020 in Russia (selected issues)". Actual Problems of Russian Law, vol. 15, no. 8, pp. 22-31. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.117.8.022-031 [In Russian]
8. Kondrashev A. A. 2021. "The Constitutional amendments of 2020: on collisions and defects giving birth to unavoidable conflicts between the 'Eternal Chapters' and Chapters 3 to 8 of the Russian Constitution". Constitutional and Municipal Law, no. 3, pp. 18-29. [In Russian]
9. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation "Constitutional reform in Russia 2020: political and legal significance" (4 December 2020). 2021. Krasnodar: Kuban State University. 186 pp. [In Russian]
10. Kruss V. I. 2014. "Constitutionalization of national law and international law order". Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "The Constitution — the main law of the Belarus state and society (to the 20th anniversary of the adoption)" (11-12 March 2014, Minsk). Edited by G. A. Vasilevich. Pp. 56-58. Minsk: Pravo i ekonomika. [In Russian]
11. Kutafin O. E. 2008. Russian constitutionalism: monograph. Moscow: NORMA. 544 pp. [In Russian]
12. Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 50 (part 3). Art. 8039. On the State Council of the Russian Federation: Federal Law of 8 December 2020 No. 394-FZ. [In Russian]
13. Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 52 (part 1). Art. 8585. On the procedure of the formation of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation: Federal Law of 22 December 2020 No. 439-FZ. [In Russian]

14. Collected Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 27 (part 1). Art. 4169. On public law companies in the Russian Federation and on amending certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of 3 July 2016 No. 236-FZ. [In Russian]
15. Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 7. Art. 822. On ensuring the participation of citizens of the Russian Federation in resolving issues on amending the Constitution of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 14 February 2020 No. 32-rp. [In Russian]
16. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. 1999. Dictionary of the Russian language. Moscow: Azbukovnik. 944 pp. [In Russian]
17. Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 1996. No. 3. On verification of the constitutionality of paragraph 2 of the Decree of the President of the Russian Federation of 3 October 1994 no. 1969 “On measures to strengthen the unified system of executive power in the Russian Federation” and of paragraph 2.3 of the Regulation on the head of the administration of a territory, region, federal city, autonomous region, autonomous district approved by the named Decree: Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of 30 April 1996 No. 11-P. [In Russian]
18. Journal of Constitutional Justice. 2011. No. 3. “Judicial (‘living’) constitutionalism: doctrine and practice. Transcript of the Round Table of the Department of State and Administrative Law of the Law Faculty of St. Petersburg State University (St. Petersburg, March 5, 2011)”. 1-30 pp. [In Russian]
19. Official Internet Website of the Server of Public Authorities of the Russian Federation “Ofitsialnaya Rossiya”. Accessed 16 October 2021. <http://gov.ru/main/ministry/isp-vlast44.html> [In Russian]
20. Ilichev L. F., Fedoseev P. N., Kovalev S. M., Panov V. G. (eds.). 1983. Philosophic encyclopedic dictionary. Moscow: Sovetskaya entsiklopedia. 840 pp. [In Russian]
21. Council of Europe; European Commission for Democracy through Law (Venice Commission). 2021. 23 March. CDL-AD (2021)005-e. Russian Federation — Interim opinion on constitutional amendments and the procedure for their adoption, adopted by the Venice Commission at its 126th Plenary Session (online, 19-20 March 2021). Strasbourg. Accessed 14 February 2022. [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2021\)005-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2021)005-e)

Алина Сергеевна ГАМИРОВА¹
Николай Михайлович ДОБРЫНИН²

УДК 342.2

ГОСУДАРСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

¹ студентка 2 курса,
Институт государства и права,
Тюменский государственный университет
matweewaalina@yandex.ru

² Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук,
профессор кафедры теоретических
и публично-правовых дисциплин,
Институт государства и права,
Тюменский государственный университет
belyavskaya@partner72.ru

Аннотация

От положения дел, сложившегося в политической сфере российского государства, напрямую зависит не только юридическая регламентация, касающаяся вопросов территориальной организации страны, но и укрепление такого принципа, как федерализм. Наряду с этим, вопросы территориальной организации государства непосредственно связаны с различными обстоятельствами, имеющими демографический характер, касающимися исторического аспекта развития, а также культурной сферы. Обращается внимание на то, что прямое влияние на понимание и закрепление юридического статуса субъектов РФ оказывают проблемные стороны федеративной формы устройства самого государства.

Цитирование: Гамирова А. С. Государственно-территориальное устройство Российской Федерации: история и современное состояние / А. С. Гамирова, Н. М. Добрынин // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 152-172.
DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-152-172

В статье авторами подчеркивается, что суверенитет российского государства действует на всей территории России, которая, в свою очередь, является неразделимой и целостной. В статье находит подтверждение мысль о том, что субъекты Федерации не выступают суверенными единицами в связи с тем, что суверенным считается исключительно российское государство в целом. Утверждается, что территориальную организацию отдельных субъектов Федерации, а также территориальную организацию государства Российской Федерации следует рассматривать масштабно, даже в тех случаях, когда речь идет о сложноустроенных субъектах Российской Федерации. Опираясь на исследования отечественных представителей научного сообщества, авторы в статье отмечают, что в составе РФ существуют сложноустроенные субъекты — области, в состав которых входит дополнительно еще один или несколько субъектов РФ, например, автономный округ. Несмотря на территориальную специфику устройства субъектов Российской Федерации, авторы приходят к выводу о равноправии статусов сложноустроенных субъектов Российской Федерации.

Методология исследования основана на применении таких общенаучных и специальных методов научного познания, как эмпирический, диалектический, исторический методы, а также методы анализа и синтеза, индукции и дедукции.

Ключевые слова

Государство, территория, конституционно-правовой статус, субъект Федерации, сложноустроенный субъект РФ, федерация, Тюменская область.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-152-172

Введение

С юридической точки зрения, полномочия, ответственность за исполнение которых возложена на государственные органы власти, а также суверенитет Российской Федерации, напрямую взаимосвязаны с ее территорией. Такой термин, как «территория государства», трактуется в различных литературных источниках неодинаково. В данном контексте необходимо подчеркнуть, что в качестве основания, имеющего материальную природу происхождения, для каждого государства вступает его территория. Вместе с тем, никакое государство не может обойтись без территории. По мнению О. Е. Кутафина, территория государства представляет собой пространство, в пределах которого осуществляется государственная власть [6, с. 66].

Территория государства является основой и пределом осуществления публичной власти и жизнедеятельности общества. Принцип национально-территориального формирования является главным критерием формирования республик, а также основой образования различных автономных округов и автономной области. В данном контексте целесообразно уточнить, что в РФ на законных основаниях могут существовать два типа субъектов — равноправные субъекты, которые входят напрямую в состав России, и субъекты, которые входят в состав РФ через отдельные области. В советский период в состав РСФСР входило

пять автономных округов, четыре из которых с провозглашением независимости РФ и распадом Советского Союза признали себя республиками. Исключение составила только Еврейская автономная область, которая длительное время входила в состав Хабаровского края, однако к настоящему времени из его состава исключена и непосредственно включена в состав РФ.

В рамках настоящего исследования особый интерес представляет конституционно-правовой статус сложноустроенных субъектов Российской Федерации. В частности, речь идет об областях, в состав которых входят другие субъекты Федерации (как правило, автономные округа). С точки зрения конституционно-правового статуса субъектов РФ, автономные округа, входящие в состав областей, именуются «матрешечными субъектами», поскольку, с одной стороны, такие субъекты полноправны в своем статусе, полномочиях и правах, но, с другой стороны, такие субъекты являются составной частью других субъектов РФ. Обозначенные аспекты обусловили постановку цели настоящей статьи, которая состоит в том, чтобы осмыслить конституционно-правовой статус сложноустроенных субъектов РФ (принимая во внимание опыт Тюменской области), исследовать исторические моменты становления и развития субъектов РФ с учетом территориальной специфики России как федеративного государства.

Методы

При подготовке статьи использовались общенаучные и специальные методы научного познания. Особенно полезными с практической точки зрения оказались эмпирический, диалектический, исторический методы, а также методы анализа и синтеза, индукции и дедукции.

Результаты

В каждом государстве его территориальное устройство обусловлено степенью зрелости институтов права, историческим аспектом формирования государственности и дальнейшего совершенствования экономической сферы страны, национальной историей развития в целом, а также особенностями развития культуры в обществе. В своем статусе сложноустроенного субъекта РФ Тюменская область прошла длительный путь становления и формирования. Центр губернии сформировался еще в советское время: в 1918 г. его официально перенесли в Тюмень, хотя ранее он располагался в Тобольске. В 20-40-х гг. прошлого века территория современной Тюменской области подверглась определенным трансформациям. Прежде всего, в 1930 г. было учреждено два важных с конституционно-правовой точки зрения национальных округа — Ямало-Ненецкий и Остяко-Вогульский (с 1940 г. более известный как Ханты-Мансийский). В основу произошедших территориальных преобразований был положен фактор преобладания на той или иной территории коренного населения (70 и 50% соответственно) [4, с. 14]. Для анализируемого региона переломным моментом стало образование в 1944 г. Тюменской области, которая фактически включила в себя два упомянутых округа. Согласно действующему советскому законодательству, к 1977 г. оба округа стали именоваться автономными.

К концу 80-х гг. прошлого века модель советского федерализма испытывала серьезные затруднения, что не могло не повлечь сложности в процессе управления автономными территориями. Центробежные тенденции, возникшие вследствие обозначенных тенденций, привели к тому, что депутаты окружных и областных советов выступали против самостоятельности территорий, вследствие чего было выдвинуто предложение о преобразовании автономного округа в автономную республику. Данная идея получила соответствующую поддержку в средствах массовой информации, ввиду чего к 1990 г. назрела необходимость проведения социологического исследования среди населения. Например, итоги опроса по Югре показали, что население активно поддерживает мысль о расширении автономии. Аналогичным образом разворачивалась ситуация и в Ямало-Ненецком автономном округе [14, с. 87-88]. Ситуация сильно запуталась после фактического вхождения автономных округов в состав Тюменской области, а также признания равноправия всех субъектов.

С наступлением 2000-х гг. возникла новая политическая проблема, которая требовала обращения к вопросу функционирования сложноустроенных субъектов РФ. В частности, актуализировалась задача построения вертикали власти, которой не удалось бы добиться без проведения административной реформы. Теперь тема сложноустроенных субъектов Федерации рассматривалась уже не в контексте выделения округов из состава Тюменской области, а с позиции их разумного слияния с учетом всей специфики территорий [13].

К настоящему времени Тюменская область является крупнейшим российским регионом, который по праву может считаться сложноустроенным субъектом РФ. Становление области в современном виде и признание конституционного статуса длилось несколько десятилетий.

Применительно к сложноустроенным субъектам РФ термин «территориальное устройство» может быть исследован с различных точек зрения. В данной ситуации существует взаимосвязь между обществом и правительством страны, которая формируется в соответствии с принципом территориальной организации. Следует отметить, что под понятием государственного территориального устройства необходимо рассматривать государственную организацию территорий, что в том числе подразумевает выявление единиц, в совокупности образующих целое государство. Вместе с тем к указанному понятию также относится организационная система отношений, возникающих как между отдельными субъектами Федерации, так и между субъектами и государством в целом.

В качестве научно установленного не признается такой термин, как «территориальное устройство государства». В большинстве случаев представителями научного сообщества употребляется иной термин — «государственное устройство», который, в свою очередь, в различных литературных источниках определяется посредством рассмотрения устройства внутри страны, путем исследования разделения государства на отдельные территориальные единицы, которое основывается на использовании различных организационных методов построения взаимодействия среди властей, действующих на различных уровнях.

Под понятием государственного устройства целесообразно понимать статус, присущий тому или иному государству, его национальную организацию, а также статус административных единиц, входящих в состав государства, в частности взаимодействие между такими отдельными территориальными единицами государства. Большинство специалистов растолковывают указанное понятие в качестве построения власти с точки зрения политического устройства отдельных субъектов государства, где устанавливается их юридический статус, а также определяются отношения данных административных единиц с государством в целом.

Такой термин, как «территориальное устройство», по мнению А. Н. Черткова, необходимо рассматривать в широком смысле слова. Это позволит, по мнению специалиста, осуществлять анализ состава общего устройства территорий, принадлежащих тому или иному государству. Кроме того, на основании этого, представляется возможным наиболее верно установить, каким образом между собой взаимосвязаны отдельные субъекты государства; вместе с тем это оказывает положительное влияние на согласованность в отношении административных единиц, в частности, способствует непрерывному совершенствованию различных уровней территорий российского государства и содействует прогрессу в процессе развития различных уровней территориального устройства в целом [14, с. 14].

Историческое развитие территориальных образований берет свое начало еще со времен X в. В данный период времени еще нельзя было говорить о существовании полноценного государства с надлежащим территориальным делением, однако правителями предпринимались различные меры для того, чтобы сделать управление государственными землями удобным.

Так, уже в X в. княгиня Ольга одна из первых разделила на погосты Новгородскую землю. Безусловно, этого было недостаточно, в полноценном делении нуждалась вся территория развивающегося Российского государства. В буквальном смысле слова Российское государство выстраивалось по принципу общественного договора: благодаря договоренности княжеской власти и земельных владельцев существовало государственное управление. Регулярно посещая волости, князю требовалось заключать договоры с вече («ряды»). Русские князья были одними из первых правителей, занявшихся вопросом территориального устройства земель [5, с. 42]. Учитывая постоянные междоусобицы между князьями, их активное участие в завоевании новых земель и стремление к нераздельной власти, проблема полноценного территориального устройства обострялась, чем в то же время способствовала национальному самосознанию и объединению.

Фактически происходил созидательный процесс, внутри которого общественная жизнь пребывала в сильнейшей зависимости от княжеской власти, которая стремительно усиливалась под давлением экономического расслоения. «Вече старше князя, но зато князь часто виднее веча; последнее иногда на время уступает ему свое значение» [5, с. 42].

Пётр I, а после него и Екатерина II попытались укрепить в Российской империи некоторые формы устройства территорий, которые были популярны в то время в Западной Европе, однако эти формы не были восприняты и не прижились

в России. Проблема территориального устройства государства долгое время оставалась практически неразрешимой, поскольку население совершенно индифферентно относилось к любым нововведениям, включая территориальную организацию, они воспринимались как тяжкие повинности, невыполнимые обязанности. В 1708 г. Пётр I издал указ, которым разделил территорию России на восемь губерний. Благодаря изданному Указу было упразднено деление на уезды [11, с. 19].

В 1775 г. Екатерине II удалось предпринять попытку увеличить количество губерний, уменьшив их размеры. В составе губерний были ликвидированы провинции, которые заменили областями. Через некоторое время были учреждены наместничества. Завершение реформы административного устройства Екатерины II пришлось только на 1785 г. По ее результатам территория России была разделена на 1 область, 3 губернии и 38 наместничеств.

Следует отметить, что каждый новый правитель вносил свои коррективы в административно-территориальное устройство Российской империи. Так, уже в 1847 г. было 55 губерний, а в 1861 г. возникло дополнительное деление на волости и земства. Демократической чертой такого деления было стремление достичь целостности не единогласием, а механическим большинством. Кроме того, в России существовали общины, которые считались самой низшей формой самоорганизации. Однако созданное Екатериной II территориальное деление базировалось исключительно на закреплённом численном признаке и оказалось весьма востребованным на практике, поскольку сохранилось до начала XX в. Несмотря на это, с наступлением Октябрьской революции в территориальном устройстве Российского государства произошли существенные перемены. В своем большинстве многие нововведения были обусловлены желанием тотального контроля и получения регулярных налогов с населения. Районирование территории России с экономической точки зрения имеет свои особенности. В XVIII в. С. И. Плещеев писал о возможности деления страны на северную, полуденную и среднюю части. В 1818 г. К. И. Арсеньев, вновь основываясь на географических признаках административного устройства, выделяет десять пространств (Северное, Алаунское, Низменное, Балтийское и др.) [5, с. 15].

Достаточно многие ученые и исследователи предполагали, что районирование территории России следует осуществлять по географическим, климатическим признакам. Географ П. П. Семенов-Тян-Шанский предполагал, что районирование должно соответствовать природно-хозяйственным и сельскохозяйственным условиям территории. Так, ученым выделялись четырнадцать естественных областей. Второе районирование было проведено им только в конце XIX в. и выделяло уже двенадцать областей. Данные районы были компактными и в полной мере соответствовали природным и хозяйственным условиям.

В 1893 г. районирование России проводилось даже Д. И. Менделеевым: он условно разделил территорию на четырнадцать краев, которые обладали особыми топливными, сырьевыми, промышленными ресурсами и особыми природными факторами. Н. М. Штрупп в 1911 г. выделил более одной тысячи

торгово-промышленных микрорайонов, по итогу они были собраны в 12 полос. Но, как ни странно, такое природное, экономическое, промышленное и иное районирование в условиях становления и развития царской России имело лишь познавательное значение [5, с. 15-16].

В дореволюционный период территориальное деление России практически не развивалось и не совершенствовалось, поскольку основной упор был сделан на капиталистическую экономику и обеспечение свободы рыночных отношений. Территориальное деление не вписывалось в рамки капитализма. В основном территориальное устройство в России оставалось неизменным в начале XX в. В Советском Союзе была сделана ставка на создание единого хозяйственного комплекса для всего народа, который бы развивался не в рамках рыночных отношений, а базировался на планах и интересах народа. Поэтому территориальное устройство уже требовало не только учета природных и экономических признаков территорий, но и наличия условий, которые бы позволили обеспечить комплексное развитие. В связи с этим в национальных районах были созданы союзные республики [1, с. 3].

Заметим, что развитие территориальных единиц, как и всего местного самоуправления в России, прошло длительный путь становления. Оно не всегда было удачным или положительным, однако достаточно часто перспектива в достижении цели имела место. С уверенностью можно утверждать, что полноценной территориальной организации невозможно добиться без соответствующего территориального устройства, к которому в России как крупной стране надлежит относиться внимательно. При этом в такой стране, как Россия, следует учитывать разнообразные факторы: географическое расположение, климат, многонациональность, языковое многообразие, культурные особенности, традиции и обычаи.

Административно-территориальное деление нельзя путать с делением территории, классификацией населенных пунктов для нужд строительной деятельности. Так, административно-территориальной единицей является внутренняя, составляющая часть территории отдельного субъекта Федерации в установленных границах, которая имеет свое наименование, центр, характеризуется непрерывностью и единством.

Территориальная единица может включать один или несколько населенных пунктов, которые выделяются для комплексного решения вопросов государственного и местного значения, необходимых для обеспечения жизнедеятельности населения единицы, муниципальных образований и всего субъекта РФ. В современной науке сложилось несколько подходов к пониманию и трактовке территориального устройства.

Так, некоторые исследователи полагают, что в основе территориального устройства России лежит принцип совмещения территорий, при котором муниципальные образования отождествлялись с территориальными единицами. Следовательно, для таких единиц определяющим условием их существования будут являться органы местного самоуправления. Существует и противоположная точка зрения, согласно которой территориальные единицы и муниципальные

образования пребывают во взаимосвязи, но существуют обособленно, что позволяет определять специфику устройства территории того или иного субъекта Федерации [цит. по: 2, с. 42].

Соответственно, муниципальное управление осуществляется на территории муниципальных образований, а государственное — на территории территориальных единиц. Наиболее рациональным представляется третий подход, согласно которому муниципальное деление и территориальное устройство не смешиваются. При таком подходе все территориальные единицы рассматриваются как элементы государственного управления, необходимые для создания в дальнейшем муниципальных образований.

Итак, в таком многонациональном и территориально крупном государстве, как Российская Федерация, невозможно пренебрегать спецификой территориального устройства, которое позволяет не только учитывать географические, климатические и национальные особенности населения, но и способствует культурному развитию народа, сохранению его идентичности, традиций и обрядов.

Обсуждение

Конституционно-правовой статус субъекта РФ во многом предопределяется наличием у него соответствующей территории. О территориальных границах имеется соответствующее упоминание в уставах и конституциях субъектов РФ (например, в уставах Ивановской, Белгородской, Тверской, Волгоградской областей, Камчатского и Забайкальского краев). Так, в уставе Алтайского края особым образом подчеркивается правовой статус края как субъекта РФ. В частности, ст. 3 Устава уточняет, что для определения правового статуса Алтайского края важны установленные Конституцией РФ гарантии. Интересен в данном контексте и другой пример: Устав Кировской области не содержит каких-либо упоминаний или указаний на наличие в структуре статуса субъекта РФ территории. Аналогичная ситуация наблюдается и в Уставе Мурманской области, Уставе Нижегородской области, где среди элементов правового статуса субъекта РФ отсутствуют упоминания о территории [4, с. 15-16].

Среди субъектов РФ в Конституции России упоминаются республики — «государства внутри государства». Конституционный Суд РФ в определении от 27 июня 2000 г. № 92-О подчеркнул, что статус субъекта РФ как республики не влечет за собой признания их государственного суверенитета. Республика как вид юридического статуса субъекта РФ сопровождается определенными специфическими чертами, чаще всего обусловленными историческими и национальными факторами [10]. В связи с этим целесообразно отметить, что применительно к территории республики недопустимо использовать формулировку «территория государства», поскольку это противоречит общепризнанным принципам международного права и не соответствует нормам действующей Конституции.

Кроме федерального законодательства на территории субъекта РФ всегда действуют конституция (устав) и нормативные правовые акты данного субъекта. Как правило, устав или конституция субъекта Федерации применяется на всей

его территории и наделяется силой прямого действия. Так, в Уставе Томской области в статье 1 предусматривается, что прямым действием обладает Устав области, который распространяется на всех без исключения граждан, что проживают на территории субъекта Федерации, юридических лиц. Положения Устава должны исполняться наравне с другими законами федерального и регионального уровня, поскольку пребывают под защитой государства.

Кроме того, в существующих субъектах Федерации в настоящее время сложились достаточно разнообразные и в то же время своеобразные системы органов власти, структура и функциональность которых обусловлена не только территориальными, демографическими особенностями, но и конституционно-правовой спецификой статуса субъекта и самих органов власти. Интересным является тот факт, что в большинстве уставов и конституций субъектов Российской Федерации определения органов власти нет, однако большое внимание региональных властей уделяется структуре и их системе. Например, в Уставе Томской области есть глава 23, посвященная законодателем субъекта РФ системе исполнительных органов области и непосредственно структуре высшего исполнительного органа власти Томской области [12]. В то же время в отдельных субъектах Российской Федерации наблюдается дублирование федеральной системы органов исполнительной власти на уровне региона. Например, данная практика нашла свое закрепление в законодательстве Иркутской области [7] и Красноярского края [8].

На уровне субъектов Федерации органы власти:

- а) являются самостоятельными при осуществлении своих полномочий;
- б) пребывают в тесном взаимодействии с другими органами власти не только регионального уровня, но и федерального;
- в) имеют все необходимые государственно-властные полномочия для реализации своей компетенции на уровне субъекта Федерации;
- г) пребывают на бюджетном финансировании;
- д) деятельность данных органов власти имеет подзаконный характер.

Учитывая обозначенную специфику, следует отметить, что территориально субъекты РФ существенно различаются между собой (например, площадь Адыгеи не превышает 7,6 тыс. км², тогда как Саха (Якутия) занимает более 3 100 тыс. км²), однако различия в масштабах и по площади не мешают им занимать внутри страны равноправное положение. Также не препятствует определению их правового статуса географическое расположение внутри государства. Например, Калининградская область фактически полностью отделена от основной территории РФ сухопутными границами Польши и Литвы, международными водами. В свою очередь, Сахалинская область отделена от сухопутной территории самой России Татарским проливом. Особенности географического расположения, территориальные масштабы и специфика субъектов РФ не умаляют их равноправного статуса, который закреплен за субъектами на уровне Конституции РФ.

Субъекты РФ — это составные элементы государства, неотъемлемые части единой страны — Российской Федерации; они равноправны между собой, однако признаками самостоятельного государства не обладают.

В качестве неотделимого элемента общей территории российского государства является территория субъектов, входящих в состав Российской Федерации [2, с. 43]. Вследствие этого существуют специальные нормы, регулирующие порядок изменения территорий, принадлежащих субъектам российского государства. Это, безусловно, является определенной гарантией, обеспечивающей государственно-территориальное единство. В связи с этим, несмотря на то, что к компетенции отдельных субъектов российского государства относится разрешение задач, связанных с устройством территории субъектов Федерации, полномочия по территориальным изменениям отдельных субъектов, касающихся изменения территории российского государства в целом, возложены на центральную власть.

Отдельные конституции и уставы субъектов РФ особым образом подчеркивают важность и значимость принципа единства и неделимости своих территорий. Например, упоминания о данном принципе присутствуют в документах Чеченской Республики, Северной Осетии — Алании. В Конституции Башкортостана 1993 г. первоначально предполагалось, что учитывать волеизъявление необходимо с помощью референдума, но если в нем не приняли участия башкиры, то его следует считать недействительным.

Становится очевидным тот факт, что указанные нормы, предусмотренные Конституцией Республики Башкортостан, не могли иметь практического воплощения с отсутствием нарушений. Данные конституционные нормы не соответствуют юридическим положениям федеральных законов. В связи с этим такие нормы были исключены.

Принцип, сущность которого сводится к неприкосновенности территории, принадлежащей отдельным субъектам российского государства, а также принцип, суть которого заключается в целостности данных территорий, подразумевают под собой, что при отсутствии согласия отдельного субъекта, входящего в Российскую Федерацию, на внесение изменений в отношении его административной площади, осуществить это не представляется возможным. Каждый отдельный субъект российского государства в независимом порядке реализует государственное регулирование властной компетенции в пределах собственной территории.

Для внесения ясности в понимание данного принципа, а также в целях его правильного применения на практике отдельные уставные суды субъектов РФ вынесли свое толкование по данному вопросу. В частности, Конституционный Суд Республики Татарстан отметил, что республика как полноценный субъект РФ обладает не только своей территорией, но и наделен соответствующей властью, что позволяет ему устанавливать и поддерживать ее пространственные пределы в рамках региона. Каждый субъект Федерации, в том числе и Татарстан, вправе определить и надлежащим образом закрепить свое территориальное устройство, что необходимо для полноценного функционирования органов власти [9]. Субъект РФ является целостным образованием, следовательно, какие-либо административные единицы или части отдельных территорий не могут быть выделены из состава без надлежащего согласия.

Конституционный Суд Республики Северная Осетия — Алания отдельно обратил внимание на условие неделимости территории субъекта РФ и его строгое единство в территориальном масштабе. Любые изменения границ должны сопровождаться проведением референдумов на уровне республики. При этом Конституционный Суд Республики посчитал, что в законодательстве субъекта РФ о референдуме необходимо закрепить действенные положения о проведении предварительного переговорного процесса об изменении границ Северной Осетии — Алании.

Данные примеры показательны тем, что, с одной стороны, республики действительно признаны государствами на уровне Конституции РФ, следовательно, можно вести речь об их государственном устройстве, но, с другой стороны, вопросы федеративного устройства всегда будут принадлежать именно России, а субъекты, входящие в ее состав, могут самостоятельно решать вопросы об устройстве территориальном. В науке принято термин «государственное устройство» применять исключительно к государствам, обладающим суверенитетом, поэтому использовать подобного рода терминологию применительно к субъектам РФ не вполне целесообразно. Весьма оправданной представляется позиция Конституционного Суда РФ в данном вопросе, который использует формулировку «территориальное устройство», если дело касается субъектов РФ.

При осуществлении публичной власти и определении ее пределов необходимо принимать во внимание установленные границы на том или ином уровне. Именно благодаря им властные структуры не вторгаются в сферу деятельности других территориальных образований. Данная цель — одна из ключевых, которую преследуют при определении и установлении границ. Кроме того, благодаря границам определяются и закрепляются пределы реализации компетенции органов власти субъектов Федерации. Точное определение границ субъектов Федерации позволяет избежать путаницы и дублирования полномочий, а также минимизировать столкновение интересов органов власти различных субъектов РФ.

В Основном законе государства закреплён не только федеративный характер России, но и определена конституционно-правовая природа субъектов Федерации. Несмотря на это, Россия — суверенное государство, что предполагает ее территориальную целостность. Так, согласно ст. 4 Конституции России, территория России состоит из отдельных субъектов, которые имеют пространственный предел, на который распространяется суверенитет государства. Статья 67 Конституции РФ устанавливает, что территория России включает в себя не только субъекты Федерации, но и внутренние воды, воздушное пространство, территориальное море, а также федеральные территории, созданные в соответствии с федеральным законом. Россия обладает государственными границами, которые являют собой линии, определяющие пределы государственной территории.

Как суверенное государство, Россия обладает системой федеральных органов власти, которые функционируют на основе принципа разделения властей. Президент России является ее главой, гарантом прав и свобод человека, Основного закона государства. Федеральное Собрание является органом законодательной

власти, состоящим из Государственной Думы и Совета Федерации. Правительство России является высшим органом исполнительной власти. Конституционное правосудие и контроль осуществляет Конституционный Суд РФ. Кроме того, судебная власть возложена на суды первой и апелляционной инстанций, Верховный Суд России. Органы государственной власти общефедерального уровня сочетают свои полномочия и сферу действия с органами власти субъектов Федерации. К тому же, согласно ч. 1 ст. 78 Конституции РФ, органы государственной власти вправе создавать свои территориальные органы. Еще одним важнейшим элементом конституционно-правового статуса РФ является наличие единых Вооруженных Сил, которые призваны осуществлять обеспечение обороны и безопасности всего государства и его территорий. Осуществление обороны государства сопровождается исполнением воинской обязанности гражданами России.

Конституционно-правовая основа Российской Федерации подкрепляется наличием федеральной собственности, денежной системы и единого экономического пространства. Статья 8 Конституции РФ устанавливает существование государственной собственности наравне с иными ее видами, признанными в государстве. Собственностью государства могут быть земельные участки или природные ресурсы. В России существует единая система взимания налогов и сборов, на основе которых формируется государственный бюджет и местные бюджеты. Уплата налогов является конституционной обязанностью граждан России (ст. 57 Конституции России).

Обеспечение денежной системы России возложено на Центральный Банк России. В рамках ст. 79 Конституции, Россия обладает международной правосубъектностью, согласно которой Россия имеет право принимать участие в межгосударственных объединениях. Россия как полноправное, суверенное государство вправе заключать различные соглашения и договоры международного уровня. Согласно ст. 68 Конституции Российской Федерации, к конституционно-правовым признакам России как федерации относится установление государственного языка. На территории России также существуют государственные символы — флаг, герб, гимн и столица (ст. 70 Конституции России).

Российская Федерация — это конституционно-договорная федерация, другие же уверены, что Российскую Федерацию можно признать конституционной федерацией [цит. по: 3, с. 72]. Весьма интересной в данном аспекте является мысль о наличии в российском федерализме как конституционных, так и договорных начал. Отчасти нормы Конституции РФ позволяют утверждать, что в системе разделения властей преобладают конституционные начала, хотя изначально российский федерализм характеризовался и проявлениями договорных начал. Если называть Россию исключительно конституционной федерацией, то в характере ее правления преобладает договорное регулирование.

Сформулированные в академической среде мнения можно объединить в две группы. В соответствии с первой позицией, на развитии договорных начал в России сказало заключение Федеративного договора, который не утратил своей актуальности до сих пор, что подтверждается и конституционно-правовыми

нормами. Важно отметить, что положения Конституции РФ не вступают в противоречие с другими нормативными правовыми актами, не допускают двусмысленного или неоднозначного толкования, не умаляют значимости и важности принимаемых федеральных законов. Например, в Заключительных положениях Конституции РФ указано, что Федеративный договор 1992 г. признается действующим на территории Российской Федерации, поскольку его положения не противоречат конституционным нормам.

Признавая действие Федеративного договора, Российская Федерация признает значимость и важность договорных начал, нашедших отражение в ее характере и юридическом статусе. Важно помнить, что Федеративный договор был подписан раньше, чем Конституция РФ вступила в силу, поэтому частично в нем нашли отражение положения ранее действовавшей Конституции РСФСР. Учитывая федеративное устройство России, на уровне субъектов Федерации также функционируют законодательные (представительные) органы власти. В научном сообществе и средствах массовой информации такие органы часто именуется региональными парламентами. Нельзя забывать, что субъекты Российской Федерации обладают специфическими чертами, которые нашли закрепление прежде всего в Конституции России. По взаимному согласию и в рамках федерального конституционного закона статус субъекта может быть изменен. Отметим, что в 2014 г. по результатам референдума, проведенного среди населения Республики Крым, она официально обрела независимость от Украины.

Следует подчеркнуть, что в Основном законе государства закреплена не только федеративный характер России, но и определена конституционно-правовая природа субъектов Федерации. При этом данный принцип равноправия не является абсолютным. Россия — суверенное, независимое, демократическое государство, которое признает принцип разделения властей и стремится к его реализации и обеспечению. В свою очередь, Конституция России регламентирует и устанавливает два уровня правотворчества: федеральное правотворчество и правотворчество субъектов Федерации (ст.ст. 5, 72, 76 Конституции России). Подобное разделение имеет под собой весьма законные основания и обусловлено федеративным устройством Российской Федерации, что признано в ч. 3 ст. 5 Конституции России.

Основные принципы федерализма России заключены в ст. 5 Конституции России и предполагают наличие государственной целостности, самоопределения и равноправия народов, единства системы государственной власти в России. Закрепление таких принципов должно находить практическое воплощение в жизни, что будет способствовать укреплению основ Российского государства. Субъекты Федерации, наравне с Россией как полноценным суверенным государством, обладают своими особыми конституционно-правовыми признаками, которые и определяют их правовой статус. Статьей 5 Конституции России определено, что субъекты Федерации имеют свою конституцию (устав) и законодательство. В рамках законодательства субъекта Федерации определены и органы государственной власти, закреплена их система и полномочия. Функционирование органов власти субъекта Федерации осуществляется в пределах законодательства субъекта и положений Конституции России.

Россия является государством и по своему определению обладает основными признаками, присущими всем государствам. Ввиду ее федеративного устройства субъекты Российской Федерации обладают специфическими чертами, которые нашли закрепление, прежде всего, в Конституции России. По взаимному согласию и в рамках федерального конституционного закона статус субъекта может быть изменен.

При этом следует отметить существование федеральных округов (ФО) в России, которые в качестве единицы административно-территориального деления не закреплены в Конституции РФ. Кроме того, ФО не приравнены к субъектам Федерации. На момент их учреждения (2000 г.) насчитывалось семь федеральных округов. В 2010 г. количество ФО достигло восьми, поскольку из состава Южного ФО был выделен Северо-Кавказский ФО. В 2014 г. был образован Крымский ФО, ввиду присоединения к России территорий полуострова. В 2016 г. Крымский ФО фактически был упразднен, поскольку его структурно присоединили к Южному ФО. Последние изменения коснулись федеральных округов в 2018 г., когда Забайкальский край и Бурятия были переведены из Сибирского ФО в Дальневосточный ФО.

Также следует уточнить, что среди исследователей давно обсуждается вопрос объединения регионов, и в том числе Санкт-Петербурга и Ленинградской области, что обусловлено некоторыми экономическими и управленческими аспектами. Например, на границе города и области два района — Кудрово и Мурино, население которых за последние два года увеличилось с 6 тыс. до 100 тыс. человек. При этом необходимо пояснить, что объединение регионов РФ — это экономико-политический процесс, предполагающий объединение двух или более граничащих между собой взаимосвязанных субъектов Федерации, который в России уже происходил в период с 2003 по 2008 г. (при поддержке федерального центра). В рамках случившегося объединения прекратили свое самостоятельное существование 6 из 10 автономных округов. Кроме того, в рамках объединения количество субъектов Федерации сократилось с 89 до 83 субъектов. Однако в свете последних событий, связанных с присоединением Крыма к России, количество субъектов Федерации увеличилось до 85.

В современной Российской Федерации каждый субъект наделен определенной компетенцией и полномочиями, которые находят проявление при решении споров, в том числе и территориальных. Согласовать, учесть все возникающие спорные моменты между субъектами — вот главная задача, которая может быть решена только на федеральном уровне. Являясь многонациональным государством со сложной исторической судьбой, Россия постоянно сталкивается с проблемой территориального устройства.

Основываясь на действующем законодательстве и международном правовом опыте, иметь непротиворечивую законодательную основу регулирования отношений между субъектами в части, касающейся вопросов установления границ, подразумевает создание компетентных институций, позволяющих выходить подчас из тупиковых ситуаций. На протяжении многих лет неоднократно

дискутировался вопрос, в том числе и на уровне Государственной Думы РФ с привлечением специалистов, юристов, занимающихся данной темой, о принятии закона о границах между субъектами РФ.

В некоторых субъектах Российской Федерации территориальные споры уходят своими корнями в глубину веков, и решить их принятием даже самого совершенного закона вряд ли удастся. Здесь нужен комплексный подход и заинтересованность всех участников процесса. Некоторую ясность по данному вопросу внесло Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2018 г. № 44-П, где достаточно четко определяется конституционное содержание института границ субъектов Российской Федерации. В этом решении отражается и исторический аспект данной проблемы. Слом всех правовых норм и институтов, случившийся в России в 1917 г., доходит и до наших дней. Отмечается, что автономии РСФСР регулярно сталкивались с проблемами установления своих границ. Во многом возникающие противоречия были вызваны ассимилятивными движениями, вследствие чего очень часто территория расселения людей не совпадала с экономическими районами [4, с. 16]. Однако советская власть придерживалась строгого мнения о том, что любые границы между народами обычно утрачивают свой политический характер, а противоречия с течением времени ослабевают. Неукоснительная приверженность данной позиции привела к тому, что при решении каждой спорной ситуации предпочтительным представлялся определенный компромисс.

Вопросы размежевания территорий так или иначе возникают по всей стране, но особенно в острой фазе они наблюдаются на Кавказе, также в ряде других регионов, например, в Поволжье. Как и сейчас, хотя уже нет автономных республик, так и тогда при установлении границ между автономными республиками использовались процедуры и правовые акты, носящие достаточно общий, не детализующий существенные вопросы, возникающие в процессе размежевания и установления границ, характер. При этом надо учитывать, что территориальное устройство Российской Федерации, а также территориальное устройство ее субъектов имеют настолько важное значение, что, как правило, отражается не только в Конституции РФ, но и в учредительных документах субъектов РФ.

Основой конституционно-правового статуса субъектов Российской Федерации, в числе прочего, является официальная граница, которая как бы формально устанавливает и скрепляет сущность данной административно-территориальной единицы. Обладание собственной границей является не только формальным признаком, определяющим правосубъектность данной территории и проживающего на ней народа, но и существенным фактором, влияющим на определение идентичности того или иного народа.

Несмотря на всю правовую разработку относительно границ между субъектами России, как уже отмечалось ранее, ответы на многие вопросы, возникающие при решении конкретных проблем, лежат в далекой истории. Традиционные общества основываются на исторически сложившихся принципах, в том числе и определения своей территории, и на них очень трудно влиять нормативно-правовыми актами.

При этом решения органов государственной власти Российской Федерации, в частности постановления Конституционного Суда РФ, настаивают на том, что участие субъектов Федерации в установлении, уточнении и изменении границ является их конституционной обязанностью, т. е. мы опять наблюдаем некое противоречие между традицией и новацией.

Заключение

Подводя итоги, представляется правильным применять термин «государственное устройство» только к РФ целиком, а применительно к республикам в составе РФ и другим субъектам Федерации применять термин «территориальное устройство». В качестве составных частей конституционного правового статуса субъектов российского государства выступает целостность и неприкосновенность принадлежащих им административных территорий. Данные субъекты, выступая в качестве участников правоотношений федеративного характера, осуществляют государственное регулирование в отношении территорий, входящих в их состав. Реализуя собственную власть, такие образования занимаются решением задач, связанных с предметом ведения субъектов Федерации, а также в соответствии с возложенными на них полномочиями осуществляют разрешение вопросов, касающихся предметов совместного ведения Федерации и ее субъектов.

Следует отметить, что конфликтные ситуации, возникающие между территориальными образованиями российского государства, которые напрямую связаны с определением соответствующих территориальных границ, с их изменениями, а также различные вопросы, касающиеся экономической сферы и имеющие национальный характер, требуют разрешения. В противном случае такие проблемы могут оказать негативное влияние на степень эффективности реализации властных полномочий в рамках территорий, в отношении которых возникают спорные ситуации. Кроме того, это создает преграды в части предоставления различных муниципальных услуг, а также определенные трудности в рамках государственного регулирования.

Также следует подчеркнуть, что создание нормативно-правовой базы установления границ между субъектами Российской Федерации, естественно, займет колоссальное количество времени, возможно, не одно десятилетие, и является большой целью. Сложность заключается в том, что информацию о границах населенных пунктов и муниципальных образований можно получить из официально опубликованных региональных или муниципальных нормативно-правовых актов. Но данная информация носит лишь описательный характер и не содержит сведений о координатах границ объектов землеустройства, к которым относятся границы населенных пунктов и муниципальных образований. В науке высказывается мысль о том, что процесс установления границ следует сделать максимально универсальным. Представляется, что в ближайшей перспективе необходимо устранить законодательные пробелы и неточности, которые на сегодняшний день отрицательно влияют на отношения, что складываются между субъектами РФ, препятствуют точному и последовательному установлению границ субъектов Федерации.

Неточности действующего законодательства в данной сфере приводят к тому, что правовой статус субъектов РФ определяется несвоевременно, содержит определенные ошибки. Следует отметить, что конституционно-правовой идентичности субъектов РФ невозможно достичь, если в полной мере не разрешить проблемные аспекты в сфере установления и изменения их границ. Кроме того, любые публичные образования внутри государства не могут существовать без четко установленных территориальных границ, что обусловлено федеративным статусом самой России.

В свою очередь, ч. 3 ст. 67 Конституции РФ институт границ между субъектами закрепила, но фактически не участвует в их разграничении. Негативным образом на сферу понимания границ субъектов РФ повлияли различные политические и исторические факторы: стремительные перемены в территории союзных республик еще в советское время, регулярное, но не вполне обоснованное межевание территорий, изменения, вносимые в Основной закон государства. К настоящему времени обострилась проблема методологического характера: наблюдаются постоянные противоречия при легализации границ субъектов РФ и размежевании сопредельных территорий. Обозначенную проблему решить только на региональном уровне невозможно, поскольку границы — это вопрос федерального масштаба. Длительное время без ответа был вопрос об определении прохождения границы между субъектами РФ в спорных ситуациях. В складывающейся ситуации сложные и противоречивые вопросы можно разрешить, например, путем заключения договоров и соглашений между органами власти субъектов РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данько А. А. Проблемы территориального устройства субъектов Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Данько. М., 2015. 26 с.
2. Добрынин Н. М. О сущности российского конституционализма / Н. М. Добрынин // Российский юридический журнал. 2020. № 4. С. 40-51.
3. Добрынин Н. М. Российский федерализм и федерация: конъюнкция смыслов и реалий / Н. М. Добрынин // Российский юридический журнал. 2020. № 2. С. 71-79.
4. Добрынин Н. М. Системные свойства федерации / Н. М. Добрынин, М. В. Глигич-Золотарева // Федерализм. 2010. № 4 (60). С. 7-24.
5. Ермолаева Ю. В. Административно-территориальное устройство субъектов Российской Федерации: конституционно-правовые вопросы / Ю.В. Ермолаева. Саратов: Научная книга, 2015. 197 с.
6. Кутафин О. Е. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации / О. Е. Кутафин. М.: Юрист, 2004. 405 с.
7. О системе исполнительных органов государственной власти Иркутской области: Закон Иркутской области от 11 мая 2010 г. № 30-ОЗ // Гарант: справочно-правовая система. URL: <https://base.garant.ru/34717561/> (дата обращения: 05.03.2022).

8. О структуре органов исполнительной власти Красноярского края: Указ губернатора Красноярской области от 10 июля 2008 г. № 116-уг // Официальный интернет-портал правовой информации Красноярского края. URL: <http://www.zakon.krskstate.ru/0/doc/485> (дата обращения: 09.02.2022).
9. По делу о толковании положения части первой статьи 1 Конституции Республики Татарстан: Постановление Конституционного суда Республики Татарстан от 7 февраля 2003 г. № 8-П // Гарант: справочно-правовая система. URL: <https://base.garant.ru/8111249/> (дата обращения: 05.03.2022).
10. По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений Конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия — Алания и Республики Татарстан: Определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 92-О // Гарант: справочно-правовая система. URL: <https://base.garant.ru/182298/> (дата обращения: 05.03.2022).
11. Спрыгина О. Р. Субъекты Российской Федерации с территориями с особым статусом: правовые основы и опыт административно-территориального устройства: дис. ... канд. юрид. наук / О. Р. Спрыгина. М., 2016. 190 с.
12. Устав (Основной Закон) Томской области (принят решением Государственной Думы Томской области от 26 июля 1995 г. № 136) (с изменениями и дополнениями) // Гарант: справочно-правовая система. URL: <https://base.garant.ru/7726142/> (дата обращения: 09.02.2022).
13. Устав Тюменской области от 30 июня 1995 г. № 6 (с изменениями и дополнениями) // Гарант: справочно-правовая система. URL: <https://base.garant.ru/18701389/> (дата обращения: 09.02.2022).
14. Чертков А. Н. Территориальное устройство Российской Федерации. Правовые основы / А. Н. Чертков. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2009. 344 с.

Alina S. GAMIROVA¹
Nikolai M. DOBRYNIN²

UDC 342.2

**STATE-TERRITORIAL STRUCTURE
OF THE RUSSIAN FEDERATION:
HISTORY AND CURRENT STATUS**

¹ Undergraduate Student, Institute of State and Law,
University of Tyumen
matweewalina@yandex.ru

² Honored Lawyer of the Russian Federation,
Dr. Sci. (Jur.), Professor,
Department of Theoretical and Public Law Disciplines,
Institute of State and Law,
University of Tyumen
belyavskaya@partner72.ru

Abstract

The state of affairs that has developed in the political sphere of the Russian state directly affects not only legal regulation concerning the issues of the country's territorial organization, but also the strengthening of such a principle as federalism. In addition, the issues of the territorial organization of the state are directly related to various circumstances of a demographic nature and connected to the historical aspect of development, as well as the cultural sphere. This article draws attention to the fact that the problematic aspects of the federal form of the structure of the state itself have a direct impact on the understanding and consolidation of the legal status of the subjects of the Russian Federation.

In the article, the authors emphasize that the sovereignty of the Russian state operates on the entire territory of Russia, which, in turn, is inseparable and integral. The article confirms the idea that the subjects of the Federation do not act as sovereign units due to the fact that only the Russian state as a whole is considered sovereign. It is argued that

---

Citation: Gamirova A. S., Dobrynin N. M. 2022. "State-territorial structure of the Russian Federation: history and current status". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 1 (29), pp. 152-172.
DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-152-172

---

the territorial organization of individual subjects of the Federation as well as the territorial organization of the state of the Russian Federation should be considered on a larger scale, even when it comes to complex subjects of the Russian Federation. Based on the research of Russian representatives of the scientific community, the authors in the present article note that within the Russian Federation there are complex subjects — oblasts (regions), which include an additional subject (or multiple subjects) of the Russian Federation, for example, an autonomous okrug (district). Despite the territorial specifics of the structure of the constituent entities of the Russian Federation, the authors come to the conclusion that the statuses of complex subjects of the Russian Federation are equal.

Regarding the research methodology, such general and specific scientific research methods as empirical, dialectical, historical methods, as well as methods of analysis and synthesis, induction and deduction were used.

Keywords

State, territory, constitutional and legal status, subject of the Federation, complex subject of the Russian Federation, federation, Tyumen region.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-152-172

REFERENCES

1. Danko A. A. 2015. “Problems of the territorial structure of the constituent entities of the Russian Federation”. Cand. Sci. (Jur.) dissertation abstract. Moscow. 26 pp. [In Russian]
2. Dobrynin N. M. 2020. “On the nature of Russian constitutionalism”. Russian Juridical Journal, no. 4, pp. 40-51. [In Russian]
3. Dobrynin N. M. 2020. “Russian federalism and federation: a conjunction of meanings and realities”. Russian Juridical Journal, no. 2, pp. 71-79. [In Russian]
4. Dobrynin N. M., Gligich-Zolotareva M. V. 2010. “Systematical properties of a federative state”. Federalism, no. 4 (60), pp. 7-24. [In Russian]
5. Ermolaeva Yu. V. 2015. Administrative-territorial structure of the subjects of the Russian Federation: constitutional and legal issues. Saratov: Nauchnaya kniga, 197 pp. [In Russian]
6. Kutafin O. E. 2004. Inviolability in the constitutional law of the Russian Federation. Moscow: Yurist. 405 pp. [In Russian]
7. Garant legal reference system. 2010. On the system of executive bodies of state power of the Irkutsk region: Law of the Irkutsk region of 11 May 2010 No. 30-OZ. Accessed 5 March 2022. <https://base.garant.ru/34717561/> [In Russian]
8. Official website of legal information of Krasnoyarsk krai. 2008. On the structure of the executive bodies of the Krasnoyarsk krai: Decree of the Governor of the Krasnoyarsk Region of 10 July 2008 No. 116-ug. Accessed 9 March 2022. <http://www.zakon.krskstate.ru/0/doc/485> [In Russian]
9. Garant legal reference system. 2003. On the case on the interpretation of the provision of Part 1 of Article 1 of the Constitution of the Republic of Tatarstan: Judgement of the Constitutional Court of the Republic of Tatarstan of 7 February 2003 No. 8-P. Accessed 5 March 2022. <https://base.garant.ru/8111249/> [In Russian]

10. Garant legal reference system. 2000. On request of deputies of the State Duma on verification of correspondence to the Constitution of the Russian Federation of certain provisions of the Constitutions of the Republic of Adygea, the Republic of Bashkortostan, the Republic of Ingushetia, the Republic of Komi, the Republic of North Ossetia — Alania and the Republic of Tatarstan: Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 27 June 2000 No. 92-O. Accessed 5 March 2022. <https://base.garant.ru/182298/> [In Russian]
11. Sprygina O. R. 2016. “Subjects of the Russian Federation with territories having a special status: legal foundations and experience of the administrative-territorial structure”. Cand. Sci. (Jur.) dissertation. Moscow. 190 pp. [In Russian]
12. Garant legal reference system. Charter of the Tomsk region (approved by the Decision of the State Duma of the Tomsk Region of 26 July 1995 No. 136) (revised and amended). Accessed 9 March 2022. <https://base.garant.ru/7726142/> [In Russian]
13. Garant legal reference system. Charter of the Tyumen region of 30 June 1995 No. 6 (revised and amended). Accessed 9 March 2022. <https://base.garant.ru/18701389/> [In Russian]
14. Chertkov A. N. 2009. Territory structure of the Russian Federation. Legal basis. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. 344 pp. [In Russian]

Валентина Викторовна РУДЕНКО¹

УДК 342.3

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ В РОССИИ*

¹ кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник,
Институт философии и права
Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург)
emikh.valentina@gmail.com; ORCID: 0000-0002-6641-691X

Аннотация

В статье решаются следующие задачи: проанализировать значение концепта общероссийской идентичности; сравнить концепцию общероссийской идентичности со смежными концепциями; определить место общероссийской гражданской идентичности как института и ценности в системе конституционного права; сформулировать предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации. Аксиологический подход имел существенное значение для оценки и анализа системы ценностей общероссийской идентичности, содержания этих ценностей, а также для рассмотрения общероссийской идентичности как конституционно-правовой ценности. Телеологический подход позволил учесть целеполагание российского государства в процессе конституционализации общероссийской гражданской идентичности. В статье анализируется концепция общероссийской гражданской идентичности и ее соотношение с культурной и этнической идентичностью, система ценностей,

---

* Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности», 2020-2022 гг. (проект «Общественное согласие в России и конструирование гражданской идентичности как способ его достижения», рук. академик РАН В. Н. Руденко).

Цитирование: Руденко В. В. Общероссийская гражданская идентичность как конституционно-правовая категория в России / В. В. Руденко // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 173-188.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-173-188

формирующих гражданскую идентичность; определяется место гражданской идентичности в системе конституционного права; соотносится концепция гражданской идентичности с концепцией конституционной идентичности. Автор предлагает возможные способы разграничения гражданской и культурной идентичности, варианты дополнения системы ценностей, формирующих гражданскую идентичность. Автор положительно оценивает попытки российского государства выстроить государственную национальную политику на основе концепций гражданской и культурной идентичности в условиях вызовов современности. В то же время автор выделяет ряд проблем. Система ценностей, формирующих общероссийскую гражданскую идентичность, формализована не в полной мере. Требуется ввести механизмы формирования и сохранения общероссийской гражданской идентичности и скорректировать государственную политику в различных сферах, от национальной государственной политики до государственной политики в области образования, культуры и здравоохранения. Наконец, этническая проблема в контексте общероссийской гражданской идентичности сохраняет свою актуальность.

Ключевые слова

Идентичность, российская нация, культура, преемственность, самобытность, основы конституционного строя, конституционные ценности, конституционная реформа 2020 г.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-173-188

Введение

В ходе конституционной реформы 2020 г. существенным образом изменилась система ценностей, лежащая в основе общероссийской идентичности: акцентированы ранее включенные в текст Конституции РФ и включены новые ценности, в том числе и те, на которых базируется общероссийская идентичность. Первая попытка сформулировать на законодательном уровне признаки общероссийской идентичности предпринята еще в 2012 г., когда была принята Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации, которая была существенным образом изменена в 2018 г., в том числе в части формулировки признаков общероссийской национальной идентичности. Лингвистический анализ Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации функционирования публичной власти» показывает увеличение употребления слов и словосочетаний, связанных с общероссийской идентичностью [11]. Если в прежней редакции Конституции Российской Федерации слово «культура» и производные от него слова упоминаются 12 раз (два раза речь идет о физической культуре), то в новой редакции — 19 раз (из них: два раза — о физической культуре, один раз — о культуре ответственного отношения к здоровью, один раз — об экологической культуре), «история»

и производные от него слова — пять и восемь раз, «предки» — один и два раза, «поколение» — один и два раза, «Отечество» — два и пять раз, «память» — три и пять раз, «гражданский мир и согласие» — один и три соответственно. Более того, в ходе реформы 2020 г. впервые в ст. 69 Конституции Российской Федерации появилось понятие общероссийской идентичности в контексте оказания поддержки соотечественникам за рубежом. В свете изменений конституционного текста, произошедших в ходе реформы 2020 г., актуализировались вопросы о содержательном наполнении общероссийской идентичности, закреплении ее признаков на уровне нормативных правовых актов Российской Федерации и дальнейшего совершенствования механизма формирования общероссийской идентичности у граждан, их отдельных групп, российской нации в целом. Целью настоящей работы является определение путей совершенствования нормативных правовых актов Российской Федерации по указанным выше вопросам на основе решения следующих задач:

- 1) проанализировать смысл понятия общероссийской идентичности, вкладываемый в данное понятие в нормативных правовых актах и судебных решениях, прежде всего, Конституционного Суда Российской Федерации;
- 2) сравнить понятие общероссийской идентичности и смежных с ним понятий, используемых в нормативных правовых актах Российской Федерации;
- 3) определить роль общероссийской гражданской идентичности как института и как ценности в системе конституционного права;
- 4) сформулировать предложения по совершенствованию законодательства РФ по анализируемым вопросам.

Методы

Использованы как общенаучные методы познания (диалектический метод, метод системного анализа, индукции и дедукции, метод синтеза, сравнительный метод), так и специальные правовые, частнонаучные исследовательские методы (формально-юридический, сравнительно-правовой и др. методы). Существенное эвристическое значение имеют аксиологический подход для оценки и анализа системы ценностей, лежащей в основе общероссийской идентичности, содержания данных ценностей, а также для рассмотрения общероссийской идентичности как конституционно-правовой ценности, и телеологический подход для учета целеполагания Российского государства в процессе конституционализации общероссийской гражданской идентичности, а также для ее оценки в контексте конституционных целей ограничения прав личности.

Общероссийская гражданская идентичность и общероссийская культурная идентичность

Законодательное определение общероссийской гражданской идентичности было закреплено в 2018 г. в Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. (утв. Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666) [12].

Гражданское самосознание предполагает, во-первых, «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения прав и обязанностей», а во-вторых, «приверженность базовым ценностям российского общества» [12]. Конечно, стратегия ориентирована прежде всего на отношения внутри страны, но предполагает и продвижение российских духовно-нравственных и культурных ценностей среди соотечественников, проживающих за рубежом, посредством их поддержки, содействия развитию их связей с РФ и добровольному переселению в Россию.

Наличие у лица гражданства Российской Федерации, то есть устойчивой правовой связи с государством, как правило, подразумевает наличие у него общероссийской гражданской идентичности, но это не всегда так в силу разных причин, что нашло отражение в использованных в Стратегии юридических конструкциях. К признакам российской нации отнесено не только наличие гражданства РФ у лиц, ее составляющих, но и общероссийской гражданской идентичности. Более того, в качестве одного из показателей реализации Стратегии предусмотрена оценка уровня общероссийской гражданской идентичности (в процентах). Если гражданство выступает как юридическая конструкция, имеющая целью фиксацию связи лица с конкретным государством, то гражданская идентичность характеризует эмоционально-волевою сторону личности и отражает принадлежность лица к коллективному субъекту — нации.

Будучи ключевым признаком российской нации, понятие общероссийской гражданской идентичности тесно связано с российской государственностью и суверенитетом Российского государства. Общероссийская гражданская идентичность не является составной частью суверенитета, но фундирует его, в том числе и суверенитет в сфере культуры — культурный суверенитет РФ.

В контексте национальной безопасности общероссийская гражданская идентичность рассматривается как основа для защиты такого национального интереса России, как укрепление традиционных российских духовно-культурных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России, и реализации такого стратегического национального приоритета, как защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти [13], а насаждение чуждых идеалов и ценностей расценивается как угроза национальной безопасности.

В обоих документах прослеживается деление ценностей на духовно-нравственные и культурно-исторические. Сложность отбора ценностей, составляющих общероссийскую идентичность, обусловлена не только тем, что данные ценности должны быть универсальными, но и тем, что данные ценности должны быть поддерживаемы самим российским обществом [4, с. 23]. Всенародное голосование за поправки к Конституции РФ в 2020 г. стало по сути проявлением этой поддержки. К числу ценностей первой группы на нормативном уровне отнесены жизнь, достоинство, права и свободы человека и гражданина, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность

за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Причем подобная система базовых ценностей впервые получила закрепление на законодательном уровне в истории развития Российской Федерации как отдельного государства [13]. Анализ Закона Российской Федерации о поправке показывает, что список может быть дополнен такими ценностями, как здоровье, уважение к старшим, забота о родителях и др.

Ценности второй группы напрямую в нормативных правовых актах не названы. Вместе с тем анализ документов стратегического планирования показывает, что к ним могут быть отнесены: историческое наследие и чувство гордости за историю России, преемственность исторических традиций России, в том числе таких как солидарность и взаимопомощь, культурное наследие, культура межнационального общения, русский язык. В 2018 г. в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации был введен пункт 11.1, согласно которому «общероссийская гражданская идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты» и объединяющим началом российского общества является «единый культурный (цивилизационный) код» [12]. Лейтмотивом и Стратегии государственной национальной политики РФ, и Стратегии национальной безопасности звучит тема преемственности. В Стратегии национальной безопасности [13] говорится об угрозе утраты РФ своего культурного суверенитета вследствие попыток фальсификации российской и мировой истории, искажения исторической правды и уничтожения исторической памяти, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов, ослабления государствообразующего народа, то есть преемственность непосредственно связывается с культурным суверенитетом РФ. Неслучайно и в ходе конституционной реформы 2020 г. в тексте Конституции РФ появились ценности исторической направленности, которые также свидетельствуют о значимости преемственности в развитии Российского государства: вера в Бога в историческом контексте (ч. 3 ст. 67¹), память предков (дополнительная фиксация помимо преамбулы в ч. 3 ст. 67¹), память защитников Отечества (ч. 3 ст. 67¹), историческая правда (ч. 3 ст. 67¹), тысячелетняя история (ч. 2 ст. 67¹), идеалы предков (ч. 3 ст. 67¹). Очевидно, что система ценностей, составляющая основу гражданской идентичности, обозначенная в документах стратегического планирования подлежит дальнейшему совершенствованию исходя из приоритетов, обозначенных в ходе конституционной реформы 2020 г.

Что касается понятия общероссийской культурной идентичности, то действующее российское законодательство не содержит его определения. В тексте Конституции РФ речь идет о поддержке соотечественникам за рубежом со стороны Российского государства в сохранении общероссийской культурной идентичности. Очевидно, что в продолжение конституционного текста наиболее подходящим будет определение данного понятия в контексте государственной

политики РФ в отношении соотечественников за рубежом. Однако если в контексте определения российской нации именно наличие гражданской идентичности выступает ключевым критерием отнесения конкретного гражданина РФ к российской нации как к коллективному субъекту права, то применительно к соотечественникам за рубежом затруднительно применить критерий наличия культурной идентичности как ключевую их характеристику как общности. Формально попадая под критерий соотечественника за рубежом, а именно имея гражданство РФ и проживая на территории иностранного государства, лицо может утратить как гражданскую, так и культурную идентичность. Часть 3 статьи 69 Конституции РФ, гарантируя соотечественникам поддержку в сохранении общероссийской культурной идентичности, не исключает формирование и сохранение у них гражданской идентичности, тем более что Российское государство заинтересовано в получении ресурсов от российской диаспоры за рубежом, что более вероятно при сохранении национальной идентичности, нежели ориентации исключительно на культурную идентичность, ведь в этом контексте соотечественники скорее становятся составной частью этноса как культурно-цивилизационного явления, а не нации и народа как явлений политико-государственного свойства. Национальная идентичность основана на чувстве общей судьбы, общих переживаниях, коллективной памяти и имеет не только культурный пласт, но также исторический и социально-психологический. Государственная национальная политика РФ включает, в том числе, работу с соотечественниками за рубежом, а значит и формирование у них гражданской идентичности. Именно соотечественники за рубежом, сохранившие гражданскую и (или) культурную идентичность, представляют для Российского государства интерес для реализации национальных интересов.

В настоящее время в законодательстве используется понятие самобытности для характеристики родного языка, традиций и обычаев соотечественников, особенностей их культурного наследия и религии в совокупности. Понятия идентичности и самобытности тесно связаны между собой, но имеют, как представляется, разные акценты: самобытность больше отражает поведение субъекта, в то время как идентичность характеризует эмоционально-волевую сферу (более подробно о разграничении понятий идентичности и самобытности нации в философском научном дискурсе см. [5]). Последнее представляется более удачным с точки зрения понимания сущности явления — понятие идентичности отражает связь (тождество) индивида и тех ценностей, носителем которых он является. Вместе с тем, когда законодатель подчеркивает необходимость сохранения самобытности российской нации в значении ее специфических критериев, то использование термина самобытности вполне уместно.

Ценности, составляющие основу культурной идентичности, на сегодняшний день в законодательстве не названы. Посредством толкования текста Конституции можно сделать вывод, что к таковым можно отнести культурное и историческое наследие, русский язык как язык государствообразующего народа, преемственность. В контексте суверенизации так называемых «знаниевых» областей

(отечественных науки, культуры, образования) и их привязки к национальным интересам в Стратегии национальной безопасности, хотя обычно они глобально ориентированы [7, с. 12], появление терминов культурной идентичности и культурного суверенитета являются вполне логичными.

Культура составляет и базовую ценность гражданской идентичности. Оба эти понятия характеризуют эмоционально-волевую сторону и связаны с сознанием индивида. Что же их отличает? Гражданская идентичность подразумевает под собой, в том числе, наличие культурной идентичности, в то же время человек может иметь культурную идентичность, не имея при этом гражданской идентичности. Осознание своей принадлежности к определенной культуре и культурно-историческому наследию не предполагает, на наш взгляд, готовности лица отстаивать национальные интересы, «служить Отечеству», что является неотъемлемой частью гражданского самосознания.

Общероссийская гражданская идентичность и этническая идентичность

В нормативных правовых актах термин «этническая идентичность» не используется и заменяется на более нейтральную терминологию: этнокультурное многообразие, культурно-историческое наследие и самобытность народов России, межэтническое взаимодействие. Этнический вопрос остается по-прежнему одним из самых уязвимых в концепции российской нации: требуются значительные усилия, чтобы она не воспринималась как «скрытая форма нивелировки этнических культур в пользу доминирующего русского большинства» и предоставление особых прав одной этнической общности в ущерб остальным [15, с. 17]. Российское государство решает две разновекторные задачи: обеспечение территориальной целостности, единства государства и общественного согласия, с одной стороны, и учет интересов многочисленных этнических сообществ и обеспечение их права на развитие. Скрепляет эти задачи воедино, на наш взгляд, человек как носитель и гражданской, и этнической идентичности и, соответственно, необходимость защиты прав личности.

Конституция РФ напрямую не ориентирует на приоритетную роль русского народа в становлении и развитии российской государственности. Вместе с тем в ходе конституционной реформы 2020 г. в текст Конституции впервые включена концепция государствообразующего народа применительно к русскому языку. Как пояснил Конституционный Суд Российской Федерации, «положение о русском языке как языке государствообразующего народа основано на объективном признании роли русского народа в образовании российской государственности, продолжателем которого является РФ. Оно не умаляет достоинства других народов, не может рассматриваться как несовместимое с положениями Конституции РФ о многонациональном народе РФ, равноправии и самоопределении народов» (Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1-3). В Стратегии государственной национальной политики РФ русский народ назван системообразующим звеном единения народов, формирование

общероссийской гражданской идентичности сориентировано именно на русскую культурную доминанту [12].

Принцип территориальной целостности и право народа на самоопределение могут быть согласованы в рамках одного государства, но для этого требуется развитие институтов, не предполагающих отделение этнических общностей от государства, на что ориентируют новейшие исследования в области этнической политики [16, с. 37-76]. Представляется чрезвычайно важным для Российского государства не только делать ставку на объединяющую роль русского народа, но и развивать механизмы реализации права народов на самоопределение, что должно найти отражение в том числе при реализации государственной политики РФ в отношении соотечественников за рубежом. Несмотря на кажущуюся рассогласованность, гражданская и этническая идентичность становятся действенными инструментами борьбы государства с иновлияниями. Глобализация несет в себе множество неукорененных, оторванных от гражданской и этнической идентичности идейных конструктов, что лишь создает иллюзию многообразия [10, с. 10].

Общероссийская гражданская идентичность в системе конституционного права

Идентичность характеризует эмоционально-волевую сторону личности и представляет собой добровольный акт самоидентификации лица. Факт наличия или отсутствия идентичности у лица установить весьма затруднительно, хотя бы в силу того, что его можно скрывать, но это не значит, что законодатель игнорирует наличие или отсутствие идентичности. Процедура получения гражданства в определенной степени учитывает наличие у лица общероссийской идентичности (подтверждение знания языка, длительность проживания на территории РФ и др. факторы). Имеет значение наличие идентичности и для приобретения статуса «соотечественник за рубежом» и «участник программы добровольного переселения», что должно подтверждаться свидетельствами выбора в пользу связи с РФ, в том числе деятельность по сохранению русского языка, развитию российской культуры за рубежом, укреплению дружественных отношений государств и др. Для занятия ряда должностей требуется наличие только гражданства РФ и установлен запрет на наличие гражданства иностранного государства. Поэтому представляется, что общероссийская гражданская идентичность может рассматриваться как условие получения отдельных конституционно-правовых статусов. В свою очередь, право на сохранение идентичности можно рассматривать в качестве отдельного элемента конституционно-правового статуса гражданина РФ, соотечественника за рубежом. В этом смысле нормы, закрепляющие общероссийскую идентичность, являются составной частью гражданско-публичного права как отдельного образования в рамках конституционного права, состоящего из правовых норм, регламентирующих вопросы гражданства, статуса иностранных граждан и лиц без гражданства, беженцев и вынужденных переселенцев, предоставления политического убежища.

Будучи одним из проявлений социальной идентичности и проявлением автономии личности, общероссийская идентичность выступает одновременно ключевым признаком российской нации и в этом качестве входит в плоскость государственного права. В контексте противодействия такой угрозе национальной безопасности РФ, как насаждение чуждых ценностей, укрепление традиционных духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, лежащих в основе общероссийской гражданской идентичности, становится национальным интересом. Институционально общероссийская гражданская идентичность связан с институтами основ конституционного строя и государственного суверенитета Российской Федерации.

Конституционно-правовой институт общероссийской идентичности, как представляется, на сегодняшний день находится в процессе формирования — его институализация не завершена: не полностью сформирована система ценностей, лежащая в основе общероссийской идентичности, отсутствует законодательное определение понятия общероссийской культурной идентичности, на нормативном уровне не решен вопрос о соотношении гражданской и культурной идентичности, отсутствуют механизмы реализации права на сохранение идентичности.

Вопросы общероссийской идентичности получили достаточно детальную разработку в исследованиях политологической, социологической и антропологической направленности [3], в то время как в науке конституционного права данные вопросы сравнительно недавно начали активно исследоваться [1, 4], хотя процесс формирования и утверждения новой идентичности начался еще в начале 1990-х гг. «в связи с геополитическим катаклизмом распада исторического российского государства — СССР» [14, с. 107]. Появление термина общероссийской идентичности в тексте Конституции РФ, на наш взгляд, символично и не случайно и актуализирует конституционно-правовые исследования по данной проблематике.

Общероссийская гражданская идентичность как конституционная ценность

Для сущностного понимания общероссийской гражданской идентичности как конституционной ценности воспользуемся телеологическим подходом к понятию конституционных ценностей, в рамках которого учитывается целеполагание законодателя при придании особой значимости отдельным конституционным категориям и положениям, и конституционные ценности понимаются как ориентирующие положения, предопределяющие содержание норм текущего законодательства [1, с. 76].

Общероссийская гражданская идентичность ценна не сама по себе — она вплетается Российским государством в государственную национальную политику РФ в качестве инструмента укрепления государственного суверенитета. Можно выделить следующие векторы ценностного потенциала общероссийской гражданской идентичности.

Во-первых, общегражданская идентичность имеет весомый консолидирующий потенциал, создавая фундамент для общественного согласия в РФ. Появление данной категории в Конституции РФ повышает и ее консолидирующую роль. Именно наличие общих ценностей является побуждающим мотивом для отстаивания общих интересов в случае необходимости.

Во-вторых, общегражданская идентичность становится ориентиром для органов публичной власти при формировании и реализации государственной политики по разным направлениям: в сфере культуры, образования, здравоохранения, национальной государственной политики, государственной политики в отношении соотечественников за рубежом, что предполагает и коррекцию компетенции органов публичной власти.

В-третьих, невозможно переоценить антиколлизийный, или балансирующий, потенциал доктрины общероссийской идентичности. Возведение общероссийской идентичности в ранг конституционной ценности воздействует на правопонимание субъектов, действующих в конституционном поле, в том числе и органов конституционного контроля. Конституционные ценности позволяют учитывать особенности каждого отдельно конфликта и способствуют усилению правовой аргументации [8, с. 78]. Несложно заметить, что общероссийская идентичность как конституционно-правовая категория фиксируется в главе «Федеративное устройство», то есть данному понятию не придается ни значение основ конституционного строя, ни конституционно значимой цели в контексте ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, иное бы требовало пересмотра Конституции РФ. Тем не менее, будучи встроенной в конституционную аксиологию, доктрина общероссийской идентичности будет влиять на содержательное наполнение основ конституционного строя и на применение принципа пропорциональности в контексте ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Общероссийская идентичность и конституционная идентичность

Конструирование и общероссийской идентичности, и конституционной идентичности базируется на общем целеполагании Российского государства — укреплении суверенитета. Вместе с тем, как показано ниже, содержательное наполнение данных понятий различно.

Понятие конституционной идентичности отсутствует в нормативных правовых актах, но оно использовано Конституционным Судом Российской Федерации в ходе формирования и последующей реализации полномочия по рассмотрению дел о возможности исполнения решения межгосударственного органа. Конституционный Суд Российской Федерации оперирует термином «национальная конституционная идентичность» в трех постановлениях (от 14.07.2015 № 21-П, от 18.04.2016 № 12-П, от 19.01.2017 № 1-П), апеллируя к принципу уважения Европейским судом по правам человека как межгосударственным субсидиарным органом национальной конституционной идентичности государств-участников Конвенции о защите прав человека и основных свобод в контексте диалога между

различными правовыми системами как основы взаимодействия европейского и конституционного правопорядка и называя ее базовыми элементами фундаментальные права и свободы, также гарантирующие эти права нормы об основах конституционного строя. В таком понимании конституционная идентичность характеризует «юридическую личность» государства, формируемую его конституционными характеристиками. Как поясняет В. Д. Зорькин, «конституционная идентичность, по сути, есть отражаемая в основах конституционного строя, в принципах и нормах Конституции духовная суть (*этнос*) нации-государства» и отражает результат общественного согласия граждан государства по вопросам понимания прав человека [6, с. 10, 129].

Профессор И. А. Кравец изначально рассматривает конституционную идентичность в связке с телеологическим конституционализмом и конституционным правопониманием [9, с. 209]. Нормы-принципы, нормы-цели, нормы-программы, сформировавшиеся в ходе конституционного целеполагания, сегодня получают новое звучание в доктрине конституционной идентичности. Отраженные в преамбуле ценности-цели: гражданский мир и согласие, любовь и уважение к Отечеству, вера в добро и справедливость, права и свободы человека становятся столпами конституционной идентичности современного Российского государства.

Конституционная идентичность государства и общероссийская гражданская идентичность тесно связаны между собой, поскольку фундирующие данные понятия ценности частично совпадают и формируются одним и тем же субъектом — государством. Однако общероссийская гражданская идентичность тесно связана с личностью ее носителя, которая может совмещать одновременно несколько даже разнонаправленных идентичностей — например, общероссийскую гражданскую идентичность и идентичность иностранного государства.

Выделяют также конституционную идентичность личности или социальной группы как вид социальной идентичности, основанной на отождествлении лицом себя с согражданами или государством [2, с. 90]. Данный вид идентичности близок общероссийской идентичности, поскольку также является разновидностью социальной идентичности личности. Вопрос о соотношении общероссийской гражданской идентичности и конституционной идентичности зависит от содержательного наполнения последней. В науке конституционного права на сегодняшний день отсутствует устоявшееся определение понятия, обозначаемого термином «конституционная идентичность личности». Если данным термином обозначить готовность лица отстаивать Конституцию РФ как ценность и символ Российского государства [2, с. 90], как символ правовой идентичности нации и фактора обеспечения общественного согласия [6, с. 9], тогда конституционную идентичность можно рассматривать как одно из проявлений гражданского самосознания. Возможно понимание конституционной идентичности личности как готовности лица разделять систему ценностных ориентаций и целевых установок, закрепленных на конституционном уровне, и отстаивать их. Тогда гражданская идентичность будет одним из проявлений конституционной идентичности личности.

Заключение

Оценка конституционной реформы 2020 г. свидетельствует о продвижении аксиологического подхода в праве: в конституционном тексте появился концепт общероссийской культурной идентичности, претерпела изменения система культурно-исторических и духовно-нравственных ценностей, заложенная в Конституции РФ, особый акцент сделан на преемственности в контексте исторического континуума. В условиях вызовов современности, когда с точки зрения обеспечения национальных интересов обезличенный космополитизм демонстрирует непродуктивность, попытка Российского государства выстроить национальную государственную политику на концептах общероссийской гражданской и культурной идентичности и системе ценностей, лежащих в их основе, заслуживает высокой оценки. Выбор духовно-нравственной сферы вполне оправдан, поскольку именно эта сфера подвержена наибольшему влиянию извне.

Однако имеется необходимость в огромном массиве работы по претворению в жизнь концептов и ценностей, закладываемых в ходе конституционной реформы 2020 г. Не в полной мере оформлена система ценностей, лежащая в основе общероссийской гражданской идентичности, не разграничены концепты культурной и гражданской идентичности. Требуется внедрить механизмы формирования и сохранения общероссийской гражданской идентичности. Ввиду того, что данный вопрос имеет межотраслевой характер, требуется коррекция государственной политики и органов, ее реализующих, в различных областях, начиная от национальной государственной политики и политики в отношении соотечественников за рубежом и заканчивая государственной политикой в сфере образования, культуры, спорта, туризма, здравоохранения. Наконец, сохраняет свою актуальность этнический вопрос. Выстраивание общероссийской гражданской идентичности на объединяющей роли русского народа вовсе не снимает, а напротив, актуализирует вопросы межнациональных (межэтнических) отношений и поиск механизмов защиты прав этнических сообществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеев Д. А. Конституционно-правовые ценности: понятие, виды и иерархия / Д. А. Авдеев // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Том 6. № 2 (22). С. 73-91. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-2-73-91
2. Блещик А. В. Трансформация конституционной идентичности государства в условиях вызовов современности / А. В. Блещик, Е. Г. Калинина, С. Э. Несмеянова // Правоприменение. 2021. Том 5. № 3. С. 87-100.
3. Верхотурова Н. В. Анализ научных трудов по теме «общероссийская гражданская идентичность» за 2004-2019 гг. / Н. В. Верхотурова // Социальная антропология Сибири. 2020. Том 1. № 4. С. 50-57. DOI: 10.31804/2687-0606-2020-1-4-50-57
4. Виноградова Е. В. Общероссийская идентичность как конституционная ценность в конституционных поправках 2020 года / Е. В. Виноградова, М. В. Раттур // Право и государство: теория и практика. 2020. № 4 (184). С. 22-24.

5. Заковоротная М. В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты / М. В. Заковоротная. Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 1999. 200 с.
6. Зорькин В. Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл / В. Д. Зорькин. СПб.: Конституционный Суд Российской Федерации, 2021. 155 с.
7. Ильин В. А. Стратегия национальной безопасности — 2021: позитивные ощущения и противоречивые ожидания / В. А. Ильин, М. В. Морев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Том 14. № 4. С. 9-32. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.1
8. Карасева И. А. Конкуренция конституционных ценностей в правоприменительной практике России и зарубежных государствах / И. А. Карасева // Сравнительное Конституционное Обозрение. 2014. № 4 (101). С. 75-85.
9. Кравец И. А. Телеологический конституционализм, конституционная идентичность и публичный правопорядок (научное знание, российский, сравнительный и международный контексты) / И. А. Кравец // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. С. 202-215. DOI: 10.17223/15617793/439/28
10. Напсо М. Б. Национальная и этнокультурная идентичность в реалиях постмодерна и метамодерна / М. Б. Напсо // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. Том 11. № 2. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/06SCSK220.pdf> (дата обращения: 18.01.2022).
11. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Российская газета. 2020. 16 марта.
12. Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. (утв. Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666) // Официальный интернет-портал правовой информации. 2012. 19 декабря. № 0001201212190001. URL: www.pravo.gov.ru
13. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400) // Официальный интернет-портал правовой информации. 2021. 3 июля. № 0001202107030001. URL: www.pravo.gov.ru
14. Тишков В. А. Россия в XXI веке: национальная идентичность и межэтническое согласие / В. А. Тишков // Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения. Анализ. Экспертиза. Рекомендации: монография / под общ. ред. акад. М. Ч. Залиханова, проф. МНЭПУ С. А. Степанова; ред. и сост. Г. Р. Исакова. М.: Изд-во МНЭПУ, 2019. С. 106-120.
15. Тишков В. А. Федеральная власть и законодательный ресурс этнокультурного развития / В. А. Тишков // Вестник российской нации. 2011. № 4-5. С. 15-23.
16. Этнические аспекты политических институтов и процессов: монография / под ред. О. И. Зазнаева, М. Х. Фарукшина. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2021. 392 с.

Valentina V. RUDENKO¹

UDC 342.3

**ALL-RUSSIAN CIVIL IDENTITY
AS A CONSTITUTIONAL
AND LEGAL CATEGORY IN RUSSIA***

¹ Cand. Sci. (Jur.), Senior Researcher,
Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg)
emikh.valentina@gmail.com; ORCID: 0000-0002-6641-691X

Abstract

The article aims at carrying out the following tasks: to analyze the meaning of the concept of all-Russian identity; to compare the concept of all-Russian identity and related concepts; to define the role of the all-Russian civil identity as an institution and as a value in the system of constitutional law; to formulate proposals for improving the legislation of the Russian Federation. The axiological approach has had considerable importance for assessing and analyzing the value system of all-Russian identity, the content of these values, as well as for considering the all-Russian identity as a constitutional legal value. The teleological approach has allowed taking into account the goal-setting of the Russian state in the process of constitutionalization of the all-Russian civil identity. The article analyzes the concept of the all-Russian civil identity and its connection with cultural and ethnic identity, the system of values that form the civil identity; determines the place of the civic identity in the system of constitutional law; correlates the civic identity with the concept of constitutional identity. The author suggests a possible way to differentiate the civic and

---

* The research was supported by the Program of basic and applied research “Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening of All-Russian Identity”, 2020-2022 (project “Public Consent in Russia and the Formation of Civic Identity as a Way to Achieve it”, supervised by Academician Viktor N. Rudenko).

Citation: Rudenko V. V. 2022. “All-Russian civil identity as a constitutional and legal category in Russia”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 1 (29), pp. 173-188.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-173-188

cultural identities, options to supplement the system of values that form the civil identity. The author positively assesses the attempts of the Russian state to implement a state national policy on the basis of the concepts of the civil and cultural identities in the face of modern challenges. At the same time, the author identifies a number of issues. The system of values that constitute the all-Russian civil identity is not fully formalized. It is required to introduce mechanisms for the formation and preservation of the all-Russian civil identity and to correct the state policy in various areas, from the national state policy to the state policy in education, culture, and health care. Finally, the ethnic issue in the context of the all-Russian civil identity remains relevant.

Keywords

Identity, Russian nation, culture, continuity, originality, the fundamentals of the constitutional system, constitutional values, constitutional reform of 2020.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-173-188

REFERENCES

1. Avdeev D. A. 2020. "Constitutional legal values: concept, types, and hierarchy". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 6, no. 2 (22), pp. 73-91. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-2-73-91 [In Russian]
2. Bleshchik A. V., Kalinina E. G., Nesmeyanova S. E. 2021. "Transformation of constitutional identity due to contemporary challenges". Law Enforcement Review, vol. 5, no. 3, pp. 87-100 [In Russian]
3. Verkhoturova N. V. 2020. "Analysis of scientific papers on the topic 'All-Russian Civic Identity' for 2004-2019". Social Anthropology of Siberia, vol. 1, no. 4, pp. 50-57. DOI: 10.31804/2687-0606-2020-1-4-50-57 [In Russian]
4. Vinogradova E. V., Rattur M. V. 2020. "All-Russian identity as a constitutional value in the constitutional amendments of 2020". Law and State: The Theory and Practice, no. 4 (184), pp. 22-24. [In Russian]
5. Zakovorotnaya M. V. 1999. Human identity. Socio-philosophical aspects. Rostov-on-Don: Publishing house of the North Caucasian Scientific Center of Higher School. 200 pp. [In Russian]
6. Zorkin V. D. 2021. Constitutional justice: procedure and meaning. Saint Petersburg: Constitutional Court of the Russian Federation. 155 pp. [In Russian]
7. Ilyin V. A., Morev M. V. 2021. "National Security Strategy — 2021: positive experiences and conflicting expectations". Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, vol. 14, no. 4, pp. 9-32. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.1 [In Russian]
8. Karaseva I. A. 2014. "Competition of constitutional values in the law enforcement practice of Russia and foreign states". Comparative constitutional review, no. 4, pp. 75-85. [In Russian]
9. Kravets I. A. 2019. "Teleological constitutionalism, constitutional identity and public order (scientific knowledge, Russian, comparative and international context)". Tomsk State University Journal, no. 439, pp. 202-215. DOI: 10.17223/15617793/439/28 [In Russian]

10. Napso M. B. 2020. "National and ethnocultural identity in realities of postmodern and metamodern". World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies, vol. 11, no. 2. Accessed on 18 January 2022. <https://sfk-mn.ru/PDF/06SCSK220.pdf> [In Russian]
11. Russian Newspaper. 2020. 16 March. On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities: Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation of 14 March 2020 No. 1-FKZ. [In Russian]
12. Official Internet website of legal information (www.pravo.gov.ru). 2012. 19 December. No. 0001201212190001. Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period up to 2025 (Order of the President of the Russian Federation of 19 December 2012 No. 1666). Accessed on 18 January 2022. www.pravo.gov.ru [In Russian]
13. Official Internet website of legal information (www.pravo.gov.ru). 2021. 3 July. No. 0001202107030001. National Security Strategy of the Russian Federation (Order of the President of the Russian Federation of 2 July 2021 No. 400). Accessed on 18 January 2022. www.pravo.gov.ru [In Russian]
14. Tishkov V. A. 2019. "Russia in the 21st century: national identity and interethnic consent". In: Zalikhanov M. Ch., Stepanov S. A., Isakova G. R. (eds.). 2019. Russia in the 21st Century: Global Challenges, Risks and Solutions. Analysis. Expertise. Recommendations: Monograph. Pp. 106-120. Moscow: Izd-vo MNEPU. [In Russian].
15. Tishkov V. A. 2011. "Federal power and legislative resource of ethnocultural development". Russian Nation Herald, no. 4-5, pp. 15-23. [In Russian]
16. Zaznaev O. I., Farukshin M. Kh. (eds.). 2021. Ethnic aspects of political institutions and processes: Monograph. Moscow; Berlin: Direkt-Media. 392 pp. [In Russian]

Елена Леонидовна ИВАНОВА¹
Алексей Александрович ПЕТРОВ²

УДК 340.131.5

**РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ
В ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ
(СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
И ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ В РОССИИ)**

¹ кандидат юридических наук, доцент
кафедры конституционного и административного права,
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)
lenai@list.ru; ORCID: 0000-0002-2733-150X

² доктор юридических наук, профессор
кафедры конституционного и административного права,
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)
petrov-a-irk@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2009-0627

Аннотация

Вопросы предварительного конституционного контроля не относятся к числу глубоко исследованных в науке конституционного права, главным образом в силу относительно небольшого объема соответствующей практики как в Российской Федерации, так и в практике деятельности органов конституционного контроля зарубежных государств. Вместе с тем изменения в правовом регулировании полномочий Конституционного Суда Российской Федерации, произошедшие в рамках конституционной реформы 2020 г., вновь обозначили актуальность исследования предварительного конституционного контроля. Если до этих преобразований компетенция Конституционного Суда Российской Федерации в области предварительного контроля охватывала только не вступившие

Цитирование: Иванова Е. Л. Регулирование предварительного конституционного контроля в постсоветских государствах (сравнительно-правовой анализ и оценка перспектив развития в России) / Е. Л. Иванова, А. А. Петров // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 189-208.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-189-208

в силу международных договоров Российской Федерации и вопросы референдума Российской Федерации, то теперь она включает проверку конституционности федеральных законодательных актов всех видов, в том числе законов о поправках к Конституции Российской Федерации, а также законов субъектов Российской Федерации до их обнародования. В связи с этим представляется важным обращение к соответствующему опыту других стран, и прежде всего тех, которые исторически и географически близки с Российской Федерацией. В статье дается краткий обзор сложившихся в конституционно-правовой науке представлений о предварительном конституционном контроле, его достоинствах и спорных моментах. С использованием сравнительно-правового метода исследуется состояние конституционного и законодательного регулирования предварительного конституционного контроля, осуществляемого конституционными судами и иными аналогичными органами государств постсоветского пространства. Предметом анализа являются подходы к определению объектов такого контроля, а также практика и особенности регламентации рассматриваемых конституционно-контрольных процедур. Несмотря на достаточную развитость и высокое качество правового регулирования по этим вопросам в Российской Федерации, делается вывод о целесообразности заимствования отдельных аспектов из соответствующего опыта государств, возникших на территории бывшего СССР.

Ключевые слова

Органы конституционного контроля, судебный конституционный контроль, предварительный конституционный контроль, конституционность, конституционные поправки, международные договоры, референдум.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-189-208

Введение

Одной из важнейших классификаций конституционного контроля с точки зрения его воплощения в законотворческой и правоприменительной практике является его деление на последующий (*апостериори*) и предварительный (*априори*). В рамках предварительного контроля законы и иные нормативные акты проверяются с точки зрения их соответствия конституции до подписания главой государства или иным уполномоченным лицом и, соответственно, до вступления в силу [1, с. 11].

С точки зрения формы его осуществления предварительный конституционный контроль всегда является абстрактным, а по времени осуществления также делится на допарламентский и постпарламентский. В первом случае предварительному конституционному контролю подлежат не принятые парламентом законы, а их проекты. Не всегда такой контроль осуществляется органом конституционного правосудия, соответственно, и решения, полученные в результате такого контроля, носят факультативный характер. В качестве примера такого вида предварительного конституционного контроля можно привести практику направления законопроектов в Конституционную комиссию Эдускунты (парламента) Финляндии

на основании ст. 74 Конституции Финляндии [22, с. 86; 40]. В Румынии процедура предварительного конституционного контроля предусмотрена в отношении надлежащим образом оформленных инициатив пересмотра Конституции перед обращением в румынский парламент [22, с. 86].

Также получил распространение и постпарламентский предварительный конституционный контроль (Андорра, Венгрия, Польша и др.), который проводится уже после завершения законодательного процесса в парламенте, но до подписания закона главой государства или иным уполномоченным лицом. Такой контроль может быть факультативным (в случае обращения уполномоченных органов и лиц по их собственной инициативе) или обязательным (и тогда он является самостоятельным этапом стадии подписания и обнародования закона [23, с. 68]).

В юридической литературе подчеркивается, что предварительный конституционный контроль является одной из гарантий надлежащего соблюдения прав и свобод человека и гражданина [25, с. 117], позволяет сохранить авторитет законодателя и способствует стабильности национальной правовой системы; отмечают его очевидные преимущества в виде снижения вероятности вступления в силу и действия в течение неопределенного времени нормативного правового акта, не соответствующего конституции [34, с. 243; 37, с. 309-313]. В то же время к недостаткам предварительного конституционного нормоконтроля в науке относят саму идею его осуществления — в том смысле, что она создает неизбежную угрозу вторжения органов конституционного контроля в законодательный процесс, что ведет к нарушению принципа разделений властей [2, с. 38; 6, с. 257]. Критике также подвергаются отдельные особенности данной процедуры. Например, жестко сокращенные, ввиду необходимости их «вписания» в законодательную процедуру, сроки проведения контроля [3, с. 11; 4, с. 187]. Кроме того, в литературе отмечается, что в законодательстве отдельных государств предельные сроки, в течение которых должен быть осуществлен предварительный конституционный контроль, вообще отсутствуют [38, с. 79]. В связи с этим высказываются опасения по поводу рисков злоупотребления данной процедурой со стороны парламентской оппозиции и главы государства. В качестве негативного примера неограниченного использования системы предварительного конституционного нормоконтроля приводится опыт Испании, где в 1983-1985 гг. на неопределенное время были задержаны проводимые испанским правительством реформы [33, с. 56].

Идеи предварительного конституционного нормоконтроля были восприняты и в государствах постсоветского пространства, которые на начальном этапе становления собственной государственности активно обращались к опыту конституционного строительства стран с давними традициями демократии и господства права. Определенное влияние здесь имел и собственно советский опыт, где к числу актов, вопросы о конституционности которых могли рассматриваться Комитетом конституционного надзора СССР, относились проекты законов СССР и иных актов, внесенных на рассмотрение Съезда народных депутатов СССР [26, ст. 10, 12].

В качестве предварительного замечания также представляется важным отметить, что исследования в области конституционной юстиции нередко обходят вниманием вопросы предварительного конституционного контроля [24, с. 19-24; 36]. Вместе с тем конституционные изменения в Российской Федерации, произошедшие в 2020 г., актуализировали исследования на эту тему [5, с. 106-114].

Методы

В российской науке конституционного права вопросы организации и деятельности органов конституционного контроля постсоветских государств уже становились объектом исследований, в том числе в части предварительного контроля [21, 33]. В науке даже предлагалось выделить особую — постсоветскую — модель конституционного контроля [35, с. 9]. Ввиду наделения в 2020 г. Конституционного Суда Российской Федерации полномочиями по предварительному контролю в отношении проектов федеральных законодательных актов и принятых законов субъектов Российской Федерации стало востребованным обращение к соответствующему опыту государств, близких с Россией в географическом и историческом плане. В этой связи предметом настоящей статьи является сравнительно-правовой анализ правового регулирования полномочий конституционных судов и иных органов конституционного контроля в государствах, образовавшихся на территории бывшего СССР (кроме самой Российской Федерации), а также выработка — по результатам этого анализа — предложений по совершенствованию регулирования предварительного конституционного контроля в России.

Результаты

1. Полномочия по осуществлению предварительного конституционного контроля

Полномочия по осуществлению предварительного конституционного контроля имеются у конституционных судов и иных аналогичных органов всех постсоветских государств. Единственным исключением является Туркменистан, где специализированный конституционный контроль вообще отсутствует, а функции по обеспечению правовой защиты Конституции государства возложены на Меджлис — парламент Туркменистана. Согласно п. 1 и 10 ст. 81 Конституции Туркменистана, Меджлис принимает Конституцию и законы, вносит в них изменения и дополнения, осуществляет контроль над их исполнением и их толкование, а также определяет соответствие Конституции нормативных правовых актов органов государственной власти [19]. Указание на «нормативные правовые акты» в данном случае подразумевает уже принятые акты, а не их проекты. Конституция Туркменистана также не предусматривает каких бы то ни было форм и механизмов контроля конституционности международных договоров Туркменистана.

2. Объекты предварительного конституционного контроля

Что касается собственно анализа правового регулирования по вопросам осуществления предварительного конституционного контроля в государствах постсоветского

пространства, то его следует начать с рассмотрения вопроса об объектах такого контроля. Здесь наблюдается значительно меньшее разнообразие в правовом регулировании, чем это имеет место в связи с последующим контролем — основным направлением деятельности специализированных органов конституционного контроля. Тем не менее при обращении к конституционной и законодательной регламентации деятельности данных органов можно обнаружить различные подходы и к определению границ предварительного контроля.

В целом предварительный конституционный контроль в постсоветских государствах осуществляется в отношении следующих объектов контроля (с учетом принципиальных отличий в их обозначении):

1. *Законопроекты о внесении изменений в конституцию государства* (п. 2 ст. 168 Конституции Армении [15], ст. 153 Конституции Азербайджана [11], п. 2 ч. 1 ст. 72 Конституции Казахстана [16], п. 5 ч. 2 ст. 97 Конституции Кыргызстана [13], п. «с» ч. 1 ст. 135 Конституции Молдовы [17], ст. 159 Конституции Украины [20]).

Некоторая неопределенность в этом отношении наблюдается в законодательстве Узбекистана. Конституция этой страны [18] (п. 2 ч. 1 ст. 109) наделяет Конституционный Суд компетенцией по определению соответствия Конституции конституционных законов республики. Однако положения, раскрывающие понятие конституционных законов, в Конституции Узбекистана отсутствуют; более того, само это понятие в Конституции не используется, кроме п. 2 ч. 1 ст. 78, закрепляющей полномочия Олий Мажлиса (парламента) Узбекистана по принятию конституционных законов, и ч. 6 ст. 81, согласно которой при принятии конституционных законов обязательно присутствие не менее двух третей общего числа всех депутатов, сенаторов. При этом законы о внесении изменений в Конституцию Узбекистана упоминаются в ней отдельно (п. 1 ч. 1 ст. 78, ст. 127 и 128), в силу чего их вряд ли можно отождествлять с конституционными законами.

Заслуживает внимания положение ст. 153 Конституции Азербайджана, в силу которого заключение Конституционного Суда по вопросам изменений в Конституции необходимо только тогда, когда изменения инициированы Милли Меджлисом или Президентом; следовательно, в иных случаях соответствующие законопроекты предварительному конституционному контролю не подлежат.

2. *Другие законы до их подписания главой государства* (ст. 129 Конституции Армении, глава 14 Закона Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве» (далее — Закон Беларуси) [31], п. 2 ч. 1 ст. 72 Конституции Казахстана, п. 1 ч. 1 параграфа 15 Закона Эстонии «О судебной процедуре конституционного контроля» (далее — Закон Эстонии) [42]). Предмет регулирования законов, оспариваемых в порядке предварительного конституционного контроля, не ограничивается — такой контроль в перечисленных государствах может осуществляться в отношении любого закона, независимо от содержания.

В Армении, Беларуси и Казахстане допускается проверка конституционности законов, принятых парламентами этих стран (подразумевается завершение парламентской части законодательной процедуры).

Особенностью предварительного конституционного контроля законов в Беларуси является обязательность такого контроля (ч. 1 ст. 98 Закона Беларуси).

Следует также обратить внимание на уникальное для постсоветского пространства предписание ч. 2 ст. 139 Конституции Армении, согласно которому предметом предварительного конституционного контроля могут быть проекты правовых актов ниже уровня закона, а именно проекты правовых актов, направляемые Президенту в порядке обеспечения его полномочий.

3. *Нератифицированные (неутвержденные, не вступившие в силу) международные договоры* (все постсоветские государства, за исключением Молдовы, а также Узбекистана, где предварительный конституционный контроль осуществляется Конституционным Судом в отношении не международных договоров непосредственно, а законов об их ратификации (п. 2 ч. 1 ст. 109 Конституции Узбекистана, п. 2 ст. 4 Закона Республики Узбекистан «О Конституционном Суде Республики Узбекистан» [32]).

В Армении предварительный конституционный контроль за соответствием Конституции обязательств, закрепленных в международном договоре, является обязательным — такой вывод можно сделать из формулировки ч. 1 ст. 74 Конституционного закона Республики Армения «О Конституционном Суде» (далее — Закон Армении) [9], согласно которой Правительство до ратификации договора обращается в Конституционный Суд по вопросу конституционности обязательств, которые закреплены в договоре. Исходя из буквального смысла этого предписания такое обращение в Конституционный Суд является обязанностью Правительства.

Что касается Молдовы, то в этой стране в отношении международных договоров, стороной которых она является, осуществляется только последующий конституционный контроль, т. е. проверка их конституционности может проводиться Конституционным Судом только после их вступления в силу (п. «а» ч. 1 ст. 135 Конституции Молдовы).

4. *Проекты законов и иные вопросы, выносимые на референдум* (п. 2 ст. 168 и ч. 1 ст. 204 Конституции Армении, п. «з» ч. 4 ст. 60 Конституции Грузии [12], абзац второй ч. 3 ст. 34 Конституционного закона Республики Таджикистан «О Конституционном Суде Республики Таджикистан» (далее — Закон Таджикистана) [43], ч. 2 ст. 151 Конституции Украины, п. 4 ч. 1 параграфа 15 Закона Эстонии).

Обозначения соответствующих объектов предварительного конституционного контроля отличаются разнообразием: в Армении это выносимые на референдум проекты правовых актов, включая проекты законов, представленные в порядке гражданской инициативы; в Таджикистане — проекты законов

и иные вопросы, выносимые на национальный референдум; в Украине — вопросы, предлагаемые к вынесению на общенациональный референдум по народной инициативе; в Эстонии — постановление Рийгикогу (парламента) по вопросу вынесения законопроекта или иного национального вопроса на референдум; в Грузии — референдумы, которые должны быть проведены.

3. Процедуры, урегулированные положениями конституций и законов об органах конституционного контроля

На основе перечня видов объектов предварительного конституционного контроля в странах постсоветского пространства можно выделить и соответствующие процедуры, урегулированные положениями конституций и законов об органах конституционного контроля.

3.1. Проверка конституционности законопроектов о внесении изменений в конституцию государства

Участие органов конституционного контроля в процедуре внесения поправок в конституцию в том или ином виде предусмотрено примерно в половине государств постсоветского пространства. При этом в некоторых случаях соответствующие полномочия органов конституционного контроля прямо закреплены в конституциях этих государств (п. 2 ст. 168 Конституции Армении, п. 5 ч. 2 ст. 97 Конституции Кыргызстана и т. д.) и в дальнейшем конкретизируются в положениях законов о таких органах. В других случаях описываемое полномочие на конституционном уровне не закрепляется, а возможность его осуществления содержательно регулируется только законом об органе конституционного контроля, как, например, это сделано в Таджикистане (ст. 89 Конституции Таджикистана и абзац второй ч. 3 ст. 34 Закона Таджикистана). При условии установления в конституции открытого перечня полномочий органа конституционного контроля такой способ правового регулирования допустим. Однако с учетом значимости процедуры принятия конституционных поправок представляется правильным изначально указание на такое полномочие органа конституционного контроля непосредственно в тексте конституции.

Субъекты обращения в орган конституционного контроля по данной категории дел могут варьироваться от единственно возможного (например, в Армении это Национальное Собрание (ч. 2 ст. 169 Конституции), в Украине — Верховная Рада (ст.ст. 157 и 158 Конституции)) до целой группы уполномоченных лиц и органов (например, в Республике Таджикистан такое право имеют Президент и палаты парламента — см. абзац второй ст. 40 Закона Таджикистана).

В Азербайджане, как уже отмечалось, необходимость предварительной проверки на соответствие положениям Конституции предлагаемых изменений в Конституцию зависит от вида субъекта законодательной инициативы, выдвигавшего такие предложения (ст. 153 Конституции).

Отдельного внимания заслуживает подход к регулированию рассматриваемого вопроса в Молдове. Согласно п. «а» ч. 2 ст. 38 Кодекса конституционной

юрисдикции Молдовы [7], обращаться в Конституционный Суд с вопросами о пересмотре Конституции могут только субъекты, определенные ст. 141 Конституции. В соответствии с ней, инициатива пересмотра Конституции может исходить от:

- не менее чем 200 000 граждан Республики Молдова, имеющих право избирать, которые должны представлять не менее половины административно-территориальных единиц второго уровня, и в каждой из них должно быть собрано не менее 20 000 подписей в поддержку инициативы;
- не менее чем одной трети депутатов Парламента;
- Правительства.

Схожие правила о том, что заключение органа конституционного контроля о непротиворечии конституции проекта закона о внесении изменений в действующую конституцию является обязательным условием представления такого законопроекта в парламент, закреплены в ст. 159 Конституции Украины.

Предмет рассмотрения по делам анализируемой категории, как правило, связан с устанавливаемыми в том или ином государстве ограничениями или запретами по внесению изменений в отдельные положения конституций (п. 3.1 ст. 72 Закона Армении, ч. 61.4 ст. 61 Закона Азербайджанской Республики «О Конституционном Суде» [30], ч. 3 ст. 91 Конституции Казахстана, ст. 159 Конституции Украины). В Кыргызстане такие ограничения или запреты не установлены, однако в ч. 3 ст. 17 Конституционного закона Кыргызской Республики «О Конституционном Суде Кыргызской Республики» [8] определено, что соответствующие законопроекты проверяются с точки зрения соответствия фундаментальным правам и свободам человека и гражданина, допустимости их ограничений, принципов демократического, правового, светского государства, а также предусмотренному порядку внесения изменений и дополнений в Конституцию.

В законах об органах конституционного контроля постсоветских государств встречаются отдельные предписания, регламентирующие особенности производства по делам о проверке законопроектов о конституционных поправках. Так, согласно ст. 102 Закона Беларуси, такие дела рассматриваются в порядке устного судопроизводства.

В ч. 1-1 ст. 39 Конституционного закона Республики Казахстан «О Конституционном Совете Республики Казахстан» (далее — Закон Казахстана) [10] предусмотрено, что, если изменения и дополнения в Конституцию не соответствуют ее базовым принципам (ч. 2 ст. 91), то они не могут быть вынесены на референдум или на рассмотрение парламента, и процедура внесения изменений в Конституцию прекращается.

3.2. Проверка конституционности законов до их подписания главой государства

Это направление предварительного конституционного контроля еще только начинает формироваться на постсоветском пространстве и потому не характеризуется единством подходов к его нормативному закреплению. Обычно соответствующее

полномочие органа конституционного контроля закрепляется в рамках общего регулирования его компетенции (п. 2 ч. 1 ст. 109 Конституции Узбекистана, п. 2 ч. 1 ст. 72 Конституции Казахстана). Однако иногда это полномочие в статье конституции, специально посвященной компетенции такого органа, не закрепляется, но предусматривается в конституционных положениях, которые регулируют процедуру подписания и обнародования законов (ст. 168 и 129 Конституции Армении).

С учетом сути рассматриваемого вопроса законодательством постсоветских государств определяются правовые последствия решений органов конституционного контроля по делам о проверке конституционности законов в порядке предварительного контроля. Так, Законом Казахстана определено, что законы, признанные до их подписания не соответствующими Конституции, не могут быть подписаны; признание же такого закона конституционным возобновляет течение срока его подписания (ч. 1 ст. 39). На основании ч. 5 ст. 73 Закона Армении принятый закон, признанный неконституционным, изымается из обращения.

В Законе Беларуси (ст. 98, 101, 104) указано, что не вступивший в силу закон после его представления на подпись Президенту в обязательном порядке направляется Администрацией Президента в Конституционный Суд. Рассмотрение таких обращений осуществляется в порядке письменного судопроизводства. При этом проверка конституционности принятого закона в порядке предварительного контроля не препятствует его проверке в порядке последующего контроля после вступления его в силу (ст. 106 Закона Беларуси).

3.3. Проверка на соответствие основному закону страны нератифицированных (неутвержденных, не вступивших в силу) международных договоров

Правом инициирования рассмотрения дел данной категории, как правило, наделяются глава государства (при этом, например, согласно ст. 107 Закона Беларуси, соответствующим правом наделяется исключительно Президент), парламент (например, ч. 5 ст. 106 Конституции Литвы [14]), группа депутатов парламента (например, ч. 1 ст. 151 Конституции Украины), высший исполнительный орган власти государства (например, п. «д» ч. 4 ст. 60 Конституции Грузии).

В законодательстве некоторых постсоветских стран можно встретить варианты закрепления более широкого круга лиц и органов, наделяемых правом обращения по вопросу конституционности не вступившего в силу международного договора. Так, в Республике Таджикистан наряду с указанным выше субъектами, такое право предоставлено также Верховному Суду, Высшему экономическому суду, Генеральному прокурору, органам законодательной власти Горно-Бадахшанской автономной области, областей и г. Душанбе (абзац третий ч. 1 ст. 40 Закона Таджикистана). В Латвии данным правом наделены также Совет по государственному аудиту, муниципальные советы, суды при рассмотрении гражданских, уголовных и административных дел, а также граждане в случае нарушения их фундаментальных прав, гарантированных Конституцией (ч. 1 ст. 17 Закона Латвийской Республики «О Конституционном Суде») [41].

Особенности рассмотрения дел о проверке конституционности не вступивших в силу международных договоров лишь в отдельных государствах становятся объектом детальной правовой регламентации. Относительно подробное регулирование по данному вопросу можно встретить в Армении, Беларуси и Казахстане.

Так, в Законе Армении помимо обычных для такого регулирования процедурных норм, установлены следующие правила, которые представляют особый интерес:

- 1) исходя из своей загруженности Конституционный Суд может вынести процедурное решение о рассмотрении дел данной категории в следующих друг за другом судебных заседаниях, откладывая после завершения рассмотрения каждого из этих дел принятие по нему постановления по существу до завершения рассмотрения всех упомянутых дел (ч. 2 ст. 74);
- 2) если международный договор существенно затрагивает суверенные права Республики Армения, то заключительная часть постановления Конституционного Суда должна содержать соответствующее указание об этом (ч. 7 ст. 74).

В Законе Беларуси определено, что предварительная проверка не вступившего в силу международного договора не препятствует проверке его конституционности в дальнейшем, уже после вступления в силу (ст. 113). Срок рассмотрения дел данной категории, как правило, не должен превышать одного месяца (ч. 3 ст. 93). Согласно ч. 2 ст. 74 Закона Беларуси, итоговые решения по данной категории дел принимаются в форме заключения Конституционного Суда и, в соответствии с положениями ч. 3 ст. 79, в трехдневный срок со дня его принятия направляются Президенту.

Важные положения содержатся также в ст. 85 Закона Беларуси, посвященной юридической силе решений Конституционного Суда. Части 10-12 этой статьи устанавливают, что в отношении не вступившего в силу договора, признанного не соответствующим Конституции, согласие на обязательность которого для Беларуси еще не выражено, не принимается (не издается) нормативный правовой акт о выражении согласия на обязательность; если же такое согласие выражено, то компетентным органом принимаются меры по прекращению участия Беларуси в таком договоре либо по внесению в него необходимых изменений и (или) дополнений.

Законом Казахстана также отдельно закреплены последствия признания Конституционным Советом не вступивших в силу международных договоров противоречащими Конституции. Согласно положениям ч. 1 ст. 39 указанного Закона такие договоры не могут быть ратифицированы и, соответственно, введены в действие; в то же время признание международных договоров соответствующими Конституции Казахстана возобновляет процесс их ратификации.

3.4. Проверка конституционности проектов законов и иных вопросов, выносимых на референдум

Анализ законодательства тех государств постсоветского пространства, где предусмотрен предварительный конституционный контроль в отношении вопросов

референдума, свидетельствует о том, что процедура рассмотрения органами конституционного контроля дел этой категории характеризуется целым рядом специфических особенностей, что отражается в достаточно обстоятельном регулировании порядка рассмотрения таких дел. Исключение составляет только Таджикистан, где какое бы то ни было регулирование по данному вопросу отсутствует (за исключением определения круга субъектов, наделенных правом обращения в Конституционный Суд по вопросам, выносимым на национальный референдум).

Так, обращает на себя внимание, что правом инициировать рассматриваемую конституционно-контрольную процедуру наделяется весьма узкий круг органов и лиц:

- парламент, а по вопросу проекта закона, выносимого на референдум в порядке гражданской инициативы, — уполномоченный представитель гражданской инициативы (ч. 1 и 2 ст. 72 Закона Армении);
- Президент, группа численностью не менее одной пятой от числа членов парламента и Общественный Защитник (п. «з» ч. 4 ст. 60 Конституции Грузии);
- Президент и палаты парламента (абзац второй ст. 40 Закона Таджикистана);
- Президент и группа численностью не менее 45 депутатов парламента (ч. 2 ст. 151 Конституции Украины);
- Канцлер юстиции¹ (п. 5 ч. 1 параграфа 6 Закона Эстонии).

В ч. 3 ст. 72 Закона Армении и ч. 2 и 3 ст. 22 Органического закона Грузии «О Конституционном Суде Грузии» [27] определены предельные сроки рассмотрения данных дел конституционными судами (соответственно, три месяца и 30 дней).

В Эстонии установлено ограничение предмета конституционного контроля за вопросами референдума: соответствующий запрос Канцлера юстиции в Верховный Суд может касаться только существенных нарушений установленного порядка принятия парламентом решения о назначении референдума, но не собственно содержания вопросов референдума (п. 5 ч. 1 параграфа 6 Закона Эстонии).

В Законе Украины «О Конституционном Суде Украины» [29] особенностям рассмотрения дел о конституционности вопросов, подлежащих вынесению на всеукраинский референдум, посвящена специальная глава 12. В ней, в частности, определен срок подачи обращения в Конституционный Суд (ст. 79), возможность привлечения к участию в конституционном судопроизводстве отдельных лиц (ст. 81), а также содержание резолютивной части решения Конституционного Суда (ст. 82).

Выводы

Таким образом, конституции и законы постсоветских государств содержат достаточно значительный массив разнообразных по своему содержанию нормативных предписаний, регулирующих осуществление предварительного конституционного контроля. Этот опыт может быть полезен и для Российской Федерации, несмотря

---

¹ В соответствии с Конституцией Эстонии [39] (ч. 1 ст. 139), Канцлер юстиции — это независимое должностное лицо, осуществляющее контроль за соответствием Конституции и законам Эстонии правотворческой деятельности органов публичной власти.

на то, что соответствующее регулирование в нашей стране также является весьма развитым, а по ряду аспектов — передовым на постсоветском пространстве (п. «г» ч. 2 и п. «а» и «в» ч. 5.1 ст. 125 Конституции Российской Федерации; подпункт «г» п. 1, п. 5.1 и 5.2 ч. 1 ст. 3, ч. 3 ст. 36, гл. X, XVI и XVII Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» [28]).

Проведенный анализ позволяет сформулировать некоторые соображения по поводу возможных направлений совершенствования предварительного конституционного контроля в Российской Федерации.

Так, не вполне оправдано монопольное закрепление за Президентом Российской Федерации правомочия по инициированию предварительного конституционного контроля за законопроектами и принятыми, но не подписанными законами. Представляется, что правом на обращение в Конституционный Суд по этим вопросам должны быть наделены группы депутатов Государственной Думы или сенаторов Российской Федерации численностью не менее одной пятой от числа членов соответствующей палаты федерального парламента (по аналогии с процедурой последующего абстрактного конституционного контроля). Эта мера укрепит гарантии деятельности парламентской оппозиции в сфере законодательной деятельности, что соответствует принципам демократии (ч. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации).

Кроме того, вполне логично было бы, если бы проверка конституционности законов субъекта Российской Федерации до их обнародования могла осуществляться по запросу высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, а не только Президента Российской Федерации (участие которого в этой процедуре видится даже менее обоснованным).

Наконец, целесообразно законодательно определить предельный срок, в течение которого Конституционный Суд Российской Федерации должен принимать решения по делам о проверке конституционности не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации. В настоящее время такой срок не установлен, в результате чего неопределенность в вопросе о конституционности любого заключенного Российской Федерацией, но не вступившего для нее в силу международного договора может сохраняться неограниченно долго.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарева Е. А. Предварительный конституционный контроль в системе гарантий конституционализма в России и за рубежом / Е. А. Бондарева // Конституционные чтения. Вып. 6: Актуальные проблемы науки конституционного права. К 20-летию Конституции Российской Федерации / под ред. Ю. Г. Просвирнина. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. С. 7-20.
2. Брежнев О. В. Предварительный конституционный контроль и его реализация в России: проблемы теории и практики / О. В. Брежнев // Актуальные проблемы российского права. 2020. Том 15. № 10 (119). С. 36-43.
DOI: 10.17803/1994-1471.2020.119.10.036-043

3. Виноградова Е. В. Поправки 2020 года в Конституцию Российской Федерации. Конституционный контроль «ex ante» как институт отечественного и зарубежного конституционализма / Е. В. Виноградова, И. Л. Данилевская // Государство и право. 2020. № 5. С. 7-18. DOI: 10.31857/S013207690009657-4
4. Газатти А. Г. Предварительный конституционный контроль в Российской Федерации: перспективы развития / А. Г. Газатти // International & Domestic Law: материалы XV Ежегодной всерос. конф. по национальному и международному праву (Екатеринбург, 18 декабря 2020 г.) / под ред. Д. Н. Сергеева. Екатеринбург: Учебно-научная лаборатория «Sapientia», 2020. С. 185-192.
5. Девицкий Э. И. О способах выявления и устранения судами дефектов нормативных правовых актов / Э. И. Девицкий // Академический юридический журнал. 2021. Том 22. № 2 (84). С. 106-114.
6. Караев А. А. Предварительный конституционный контроль законов о местном самоуправлении в Казахстане / А. А. Караев, А. О. С. Касымбек // Институт местного самоуправления в системе публичной власти: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием (Орехово-Зуево, 30 ноября — 1 декабря 2016 г.) / отв. ред. К. В. Крупейников. Орехово-Зуево: Гос. гуманитарно-технологический ун-т, 2016. С. 256-263.
7. Кодекс конституционной юрисдикции Республики Молдова от 16.06.1995 № 502-ХІІІ // Конституционный Суд Республики Молдова: оф. сайт. URL: <https://www.constcourt.md/public/files/file/Baza%20legala/CodJC.rus.pdf> (дата обращения: 27.12.2021).
8. Конституционный закон Кыргызской Республики от 15 ноября 2021 г. № 133 «О Конституционном Суде Кыргызской Республики» // Оф. сайт Президента Кыргызской Республики. URL: http://www.president.kg/ru/apparat_prezidenta/zakonoproekty/o_konstitucionnom_sude_kyrgyzskoy_respubliki (дата обращения: 27.12.2021).
9. Конституционный закон Республики Армения от 27.01.2018 № НО-42-Н «О Конституционном Суде» // Конституционный Суд Республики Армения: оф. сайт. URL: <https://concourt.am/ru/normative-legal-bases/constitutional-law> (дата обращения: 27.12.2021).
10. Конституционный закон Республики Казахстан от 29 декабря 1995 г. № 2737 «О Конституционном Совете Республики Казахстан» // Оф. сайт Правительства Республики Казахстан. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/documents/details/185696?lang=ru> (дата обращения: 27.12.2021).
11. Конституция Азербайджанской Республики // Оф. сайт Президента Азербайджанской Республики. URL: <https://static.president.az/media/W1siZiIsIjIwMTkvMTIvMDQvNjdvdvbm8wNTJ2bF9rb25zdHV0aXN5YV9ydXNfdXBkYXRILnBkZiJdXQ?sha=6f0a333c8a816eee> (дата обращения: 27.12.2021).
12. Конституция Грузии // Законодательный Вестник Грузии: оф. сайт. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/30346?publication=36> (дата обращения: 27.12.2021).
13. Конституция Кыргызской Республики // Жогорку Кенеш Кыргызской Республики: оф. сайт. URL: <http://www.kenesh.kg/ru/article/show/31/konstitutsiya-kirgizskoy-respubliki> (дата обращения: 27.12.2021).
14. Конституция Литовской Республики // Парламент Литовской Республики: оф. сайт. URL: https://www.lrs.lt/home/Konstitucija/Konstitucija_RU.htm (дата обращения: 27.12.2021).

15. Конституция Республики Армения // Национальное Собрание Республики Армения: оф. сайт. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=5805&lang=rus> (дата обращения: 27.12.2021).
16. Конституция Республики Казахстан // Парламент Республики Казахстан: оф. сайт. URL: <https://www.parlam.kz/ru/constitution> (дата обращения: 27.12.2021).
17. Конституция Республики Молдова // Оф. сайт Президентуры Республики Молдова. URL: <https://www.presedinte.md/titul5> (дата обращения: 27.12.2021).
18. Конституция Республики Узбекистан // Законодательная Палата Олий Мажлиса Республики Узбекистан: оф. сайт. URL: <https://parliament.gov.uz/ru/laws/18357> (дата обращения: 27.12.2021).
19. Конституция Туркменистана // Туркменистан: Золотой век: оф. сайт. URL: [https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/27017/konstitutsiya-turkmenistana-\(novaya-redaktsiya\)](https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/27017/konstitutsiya-turkmenistana-(novaya-redaktsiya)) (дата обращения: 27.12.2021).
20. Конституция Украины // Рада: оф. сайт. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/ru/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80#Text> (дата обращения: 27.12.2021).
21. Кургузиков М. С. Конституционный контроль в странах Содружества Независимых Государств: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. С. Кургузиков. Екатеринбург, 2016. 25 с.
22. Масловская Т. С. Виды предварительного конституционного контроля в европейской традиции / Т. С. Масловская // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2011. № 3. С. 85-94.
23. Масловская Т. С. Место обязательного предварительного контроля в законодательном процессе Республики Беларусь (теоретический аспект) / Т. С. Масловская // Право.by. 2010. № 1 (7). С. 67-73.
24. Минникес И. В. Правовая природа законов субъектов Российской Федерации о конституционном (уставном) контроле / И. В. Минникес // Академический юридический журнал. 2019. № 2. С. 19-24.
25. Надин А. Н. Президент РФ и судебная власть в России: механизмы взаимодействия в свете конституционной реформы / А. Н. Надин // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. С. 107-125.
26. О конституционном надзоре в СССР: Закон СССР от 23 декабря 1989 г. № 972-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. № 29. Ст. 572.
27. О Конституционном Суде Грузии: Органический закон Грузии от 31 января 1996 г. № 95-вс // Законодательный Вестник Грузии: оф. сайт. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/32944?publication=29> (дата обращения: 27.12.2021).
28. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (по сост. на 01.07.2021) // Конституционный Суд Российской Федерации: оф. сайт. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/LegalBases/FCL/Pages/default.aspx> (дата обращения: 27.12.2021).
29. О Конституционном Суде Украины: Закон Украины от 13 июля 2017 г. № 2136-VIII // Конституционный Суд Украины: оф. сайт. URL: https://ccu.gov.ua/sites/default/files/law_on_ccu_amended_2017_eng.pdf (дата обращения: 27.12.2021).
30. О Конституционном Суде: Закон Азербайджанской Республики от 23 декабря 2003 г. № 561-ПQ // Конституционный Суд Азербайджанской Республики: оф. сайт. URL: <http://www.constcourt.gov.az/ru/legislation/30> (дата обращения: 27.12.2021).

31. О конституционном судопроизводстве: Закон Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 124-3 // Конституционный Суд Республики Беларусь: оф. сайт. URL: <http://www.kc.gov.by/document-35203> (дата обращения: 27.12.2021).
32. О Конституционном Суде Республики Узбекистан: Конституционный закон Республики Узбекистан от 27 апреля 2021 г. № ЗРУ-687 // Национальный правовой информационный центр «Адолат»: оф. сайт. URL: <https://lex.uz/tu/docs/5391999?ONDATE=28.04.2021%2000#5403315> (дата обращения: 27.12.2021).
33. Садурский В. Конституционный контроль в Европе и США: влияние, парадоксы и сближение / В. Садурский // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 4 (95). С. 49-67.
34. Сажина В. В. Виды конституционного контроля: зарубежный опыт / В. В. Сажина // Юридическая наука: традиции и инновации: сб. материалов Международной науч.-практ. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей (Великий Новгород, 26-27 апреля 2019 г.) / сост.: Е. А. Макарова, Т. Н. Дорошенко, О. Е. Калпинская, В. А. Орлов, М. С. Трофимова; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2019. С. 241-243.
35. Слесарева К. А. Конституционная юстиция государств — членов Содружества Независимых Государств (сравнительно-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / К. А. Слесарева. Тюмень, 2016. 35 с.
36. Таскаев Н. Н. Конституционная юстиция в России: история и современность / Н. Н. Таскаев, А. Д. Олейник // Baikal Research Journal. 2019. Том 10. № 1. DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(1).14
37. Халатова М. Органы конституционного контроля и его виды / М. Халатова // Современные технологии: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. статей XI Международной науч.-практ. конф. (Пенза, 27 ноября 2017 г.) / под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2017. С. 309-313.
38. Шайо А. Конституционализм и конституционный контроль в посткоммунистической Европе / А. Шайо // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1999. № 3 (28). С. 77-80.
39. Constitution of the Republic of Estonia // Official website of the President of the Republic of Estonia. URL: <https://www.president.ee/en/republic-of-estonia/the-constitution/index.html> (дата обращения: 27.12.2021).
40. Constitution of the Republic of Finland // Legal reference system Finlex. URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1999/en19990731.pdf> (дата обращения: 27.12.2021).
41. Constitutional Court Law: Law of the Republic of Latvia of 14 June 1996 // Official website of the Constitutional Court of the Republic of Latvia. URL: <https://www.satv.tiesa.gov.lv/en/2016/02/04/constitutional-court-law> (дата обращения: 27.12.2021).
42. Constitutional Review Court Procedure Act: Act of the Republic of Estonia of 13 March 2002 // Riigi Teataja. 2002. № 29. Art. 174.
43. On the Constitutional Court of the Republic of Tajikistan: Constitutional Law of the Republic of Tajikistan of 26 July 2014 No. 1083 // Official website of the Constitutional Court of the Republic of Tajikistan. URL: <http://constcourt.tj/en/hujatho/the-constitutional-law-of-the-republic-of-tajikistan-on-constitutional-court-of-the-republic-of-tajikistan> (дата обращения: 27.12.2021).

Elena L. IVANOVA¹
Aleksey A. PETROV²

UDC 340.131.5

**REGULATION OF PRELIMINARY CONSTITUTIONAL REVIEW
IN THE POST-SOVIET STATES (COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS
AND EVALUATION OF DEVELOPMENT PROSPECTS IN RUSSIA)**

¹ Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor,
Department of Constitutional and Administrative Law,
Baikal State University (Irkutsk)
lenai@list.ru; ORCID: 0000-0002-2733-150X

² Dr. Sci. (Jur.), Professor,
Department of Constitutional and Administrative Law,
Baikal State University (Irkutsk)
petrov-a-irk@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2009-0627

Abstract

The issues of preliminary constitutional review are not thoroughly researched in the scientific field of constitutional law mainly due to relatively small volume of relevant practice both in the Russian Federation and in affairs of competent bodies of foreign states. At the same time, the changes in the legal regulation of the powers of the Constitutional Court of the Russian Federation, which occurred within the framework of the constitutional reform of 2020, indicated once again the relevance of the study of preliminary constitutional review. Whereas prior to these transformations the competence of the Constitutional Court of the Russian Federation in the field of preliminary review encompassed only international treaties (of the Russian Federation) that did not enter into force and issues on referendums of the Russian Federation, now it also includes verification of the constitutionality of federal legislative acts of all types, including laws on amendments to the Constitution of the Russian Federation, as well as the laws of the constituent entities of the Russian Federation prior

---

Citation: Ivanova E. L., Petrov A. A. 2022. "Regulation of preliminary constitutional review in the post-Soviet states (comparative legal analysis and evaluation of development prospects in Russia)". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 1 (29), pp. 189-208.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-189-208

---

to their promulgation. In this regard, it seems important to refer to the relevant experience of other countries and above all of those that are historically and geographically close to the Russian Federation. The article provides a brief overview of the concepts of preliminary constitutional review developed in constitutional and legal science, its merits and controversial points. Using the comparative legal method, the authors investigate the state of constitutional and legislative regulation of preliminary constitutional review carried out by constitutional courts and other similar bodies of the post-Soviet states. The subject of the analysis includes approaches to determining the objects of such review, as well as practice and features of the regulation of the constitutional review procedures under study. Despite the sufficient development and high quality of legal regulation of these issues in the Russian Federation, the authors come to a conclusion that it is advisable to adopt certain aspects from the relevant experience of the states from the former USSR.

Keywords

Constitutional review bodies, judicial constitutional review, preliminary constitutional review, constitutionality, constitutional amendments, international treaties, referendum.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-189-208

REFERENCES

1. Bondareva E. A. 2014. "Preliminary constitutional review in the system of guarantees of constitutionalism in Russia and foreign countries". In: Yu. G. Prosvirnin (ed.). 2014. Constitutional readings. Vol. 6: Topical issues of constitutional law science. Pp. 7-20. Voronezh: Publishing house of Voronezh State University. [In Russian]
2. Brezhnev O. V. 2020. "Preliminary constitutional review and its implementation in Russia: problems of theories and applications". *Actual Problems of Russian Law*, vol. 15, no. 10 (119), pp. 36-43. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.119.10.036-043 [In Russian]
3. Vinogradova E. V., Danilevskaya I. L. 2020. "Amendments of 2020 to the Constitution of the Russian Federation. Constitutional control 'ea ante' as an institution of domestic and foreign constitutionalism". *State and Law*, no. 5, pp. 7-18. DOI: 10.31857/S013207690009657-4 [In Russian]
4. Gazatti A. G. 2020. "Preliminary constitutional control in the Russian Federation. Expectations and concerns". *Proceedings of the 15th Annual All-Russian Conference on National and International Law "International & Domestic Law"* (18 December 2020, Yekaterinburg). Edited by D. N. Sergeev. Pp. 185-192. Yekaterinburg: Educational and scientific laboratory "Sapientia". [In Russian]
5. Devitsky E. I. 2021. "On methods for identifying and eliminating defects in normative legal acts". *Academical Law Journal*, vol. 22, no. 2 (84), pp. 106-114. [In Russian]
6. Karaev A. A., Kasymbek A. O. S. 2016. "Preliminary constitutional control of laws on local self-government in Kazakhstan". *Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation "Institution of local self-government in the public authority system"* (30 November — 1 December 2016, Orekhovo-Zuyevo). Edited by K. V. Krupeynikov. Pp 256-263. Orekhovo-Zuyevo: State University of Humanities and Technology. [In Russian]

7. Official website of the Constitutional Court of the Republic of Moldova. Code of Constitutional Jurisdiction of the Republic of Moldova of 16 June 1995 No. 502-XIII. Accessed 27 December 2021. <https://www.constcourt.md/public/files/file/Baza%20legala/CodJC.rus.pdf> [In Russian]
8. Official website of the President of the Kyrgyz Republic. On Constitutional Court of the Kyrgyz Republic: Constitutional Law of the Kyrgyz Republic of 15 November 2021 No. 133. Accessed 27 December 2021. http://www.president.kg/ru/apparat_prezidenta/zakonoproekty/o_konstitucionnom_sude_kyrgyzskoy_respubliki [In Russian]
9. Official website of the Constitutional Court of the Republic of Armenia. On the Constitutional Court: Constitutional Law of the Republic of Armenia of 27 January 2018 No. HO-42-N. Accessed 27 December 2021. <https://concourt.am/ru/normative-legal-bases/constitutional-law> [In Russian]
10. Official website of the Government of the Republic of Kazakhstan. On the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan: Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan of 29 December 1995 No. 2737. Accessed 27 December 2021. <https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/documents/details/185696?lang=ru> [In Russian]
11. Official website of the President of Republic of Azerbaijan. Constitution of the Republic of Azerbaijan. Accessed 27 December 2021. <https://static.president.az/media/W1siZiIsIjIwMTkvMTIvMDQvNjdvbm8wNTJ2bF9rb25zdHV0aXN5YV9ydXNfdXBkYXRILnBkZiJdXQ?sha=6f0a333c8a816eee> [In Russian]
12. Legislative Herald of Georgia. Constitution of Georgia. Accessed 27 December 2021. <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/30346?publication=36> [In Russian]
13. Official website of The Supreme Council Constitution of the Kyrgyz Republic. Constitution of the Kyrgyz Republic. Accessed 27 December 2021. <http://www.kenesh.kg/ru/article/show/31/konstitutsiya-kirgizskoy-respubliki> [In Russian]
14. Official website of the Parliament of the Republic of Lithuania. Constitution of the Republic of Lithuania. Accessed 27 December 2021. https://www.lrs.lt/home/Konstitucija/Konstitucija_RU.htm [In Russian]
15. Official website of the National Assembly of the Republic of Armenia. Constitution of the Republic of Armenia. Accessed 27 December 2021. <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=5805&lang=rus> [In Russian]
16. Official website of the Parliament of the of Republic of Kazakhstan. Constitution of the Republic of Kazakhstan. Accessed 27 December 2021. <https://www.parlam.kz/ru/constitution> [In Russian]
17. Official website of the Presidency of the Republic of Moldova. Constitution of the Republic of Moldova. Accessed 27 December 2021. <https://www.presedinte.md/titul5> [In Russian]
18. Official website of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan. Constitution of the Republic of Uzbekistan. Accessed 27 December 2021. <https://parliament.gov.uz/ru/laws/18357> [In Russian]
19. Official website of “Turkmenistan: Golden Age”. Constitution of Turkmenistan. Accessed 27 December 2021. [https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/27017/konstitutsiya-turkmenistana-\(novaya-redaktsiya\)](https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/27017/konstitutsiya-turkmenistana-(novaya-redaktsiya)) [In Russian]
20. Official website of the Rada. Constitution of Ukraine. Accessed 27 December 2021. <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/ru/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80#Text> [In Russian]

21. Kurguzikov M. S. 2016. "Constitutional control in the countries of the Commonwealth of Independent States: a comparative legal study". Cand. Sci. (Jur.) dissertation abstract. Yekaterinburg. 25 pp. [In Russian]
22. Maslovskaya T.S. 2011. "The types of preliminary constitutional review in European heritage". Bulletin of the Constitutional Court of the Republic of Belarus, no. 3, pp. 85-94. [In Russian]
23. Maslovskaya T. S. 2010. "Place of mandatory preliminary control in the legislative process of the Republic of Belarus (theoretical aspect)". Pravo.by, no. 1 (7), pp 67-73. [In Russian]
24. Minnikes I. V. 2019. "Legal nature of the laws of the constituent entities of the Russian Federation on constitutional (statutory) control". *Academical Law Journal*, no. 2, pp. 19-24. [In Russian]
25. Nadin A. N. 2020. "The President of the Russian Federation and the judiciary in Russia: mechanisms of interaction in the light of the constitutional reform". *Issues of Russian justice*, no. 9, pp. 107-125. [In Russian]
26. Vedomosti of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the USSR. 1989. No. 29. Art. 572. On constitutional supervision in the USSR: Law of the USSR of 23 December 1989 No. 972-1. [In Russian]
27. Legislative Herald of Georgia. On the Constitutional Court of Georgia: Organic Law of Georgia of 31 January 1996 No. 95-vs. Accessed 27 December 2021. <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/32944?publication=29> [In Russian]
28. Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation. On the Constitutional Court of the Russian Federation: Federal Constitutional Law of 21 July 1994 no. 1-FKZ (as of 1 July 2021). Accessed 27 December 2021. <http://www.ksrfr.ru/ru/Info/LegalBases/FCL/Pages/default.aspx>. [In Russian]
29. Official website of the Constitutional Court of Ukraine. On the Constitutional Court of Ukraine: Law of Ukraine of 13 July 2017 No. 2136-VIII. Accessed 27 December 2021. https://ccu.gov.ua/sites/default/files/law_on_ccu_amended_2017_eng.pdf [In Russian]
30. Official website of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan. On the Constitutional Court: Law of the Republic of Azerbaijan of 23 December 2003 No. 561-IIQ. Accessed 27 December 2021. <http://www.constcourt.gov.az/ru/legislation/30> [In Russian]
31. Official website of the Constitutional Court of the Republic of Belarus. On constitutional legal proceedings: Law of the Republic of Belarus of 8 January 2014 No. 124-Z. Accessed 27 December 2021. <http://www.kc.gov.by/document-35203> [In Russian]
32. Official website of the National Legal Information Center Adolat. On the Constitutional Court of the Republic of Uzbekistan: Constitutional law of the Republic of Uzbekistan of 27 April 2021 no. ZRU-687. Accessed 27 December 2021. <https://lex.uz/ru/docs/5391999?ONDATE=28.04.2021%2000#5403315> [In Russian]
33. Sadursky V. 2013. "Constitutional review in Europe and the USA: influence, paradoxes and convergence". *Comparative Constitutional Review*, no. 4 (95), pp. 49-67. [In Russian]
34. Sazhina V. V. 2019. "Types of constitutional control: foreign experience". Proceedings of the International Scientific and Practical Conference of undergraduate, master and postgraduate students and professors "Legal Science: Traditions and Innovations" (26-27 April 2019, Veliky Novgorod). Edited by E. A. Makarova, T. N. Doroshenko, O. E. Kalpinskaya, V. A. Orlov, M. S. Trofimova. Pp. 241-243. Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University. [In Russian]

35. Slesareva K. A. 2016. "Constitutional justice of the Member States of the Commonwealth of Independent States (comparative legal research)". Cand. Sci. (Jur.) dissertation abstract. Tyumen. Pp. 35. [In Russian]
36. Taskayev N. N., Oleynik A. D. 2019. "Constitutional justice in Russia: history and modern times". Baikal Research Journal, vol. 10, no. 1, DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(1).14 [In Russian]
37. Khalatova M. 2017. "Bodies of constitutional control and its types". Proceedings of the 11th International Scientific and Practical Conference "Modern technologies: topical issues, achievements and innovations" (27 November 2017, Penza). Edited by G. Yu. Gulyaev. Pp. 309-313. Penza: International Center of Scientific Collaboration "Nauka i Prosveshchenie". [In Russian]
38. Sajo A. 1999. "Constitutionalism and constitutional control in post-communist Europe". Constitutional Law: Eastern European Review, no. 3 (28), pp 77-80. [In Russian]
39. Official website of the President of the Republic of Estonia. Constitution of the Republic of Estonia. Accessed 27 December 2021. <https://www.president.ee/en/republic-of-estonia/the-constitution/index.html>
40. Legal reference system Finlex. Constitution of the Republic of Finland. Accessed 27 December 2021. <https://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1999/en19990731.pdf>
41. Official website of the Constitutional Court of the Republic of Latvia. Constitutional Court Law: Law of the Republic of Latvia of 14 June 1996. Accessed 27 December 2021. <https://www.satv.tiesa.gov.lv/en/2016/02/04/constitutional-court-law>
42. Riigi Teataja. 2002. № 29. Art. 174. Constitutional Review Court Procedure Act: Act of the Republic of Estonia of 13 March 2002.
43. Official website of the Constitutional Court of the Republic of Tajikistan. On the Constitutional Court of the Republic of Tajikistan: Constitutional Law of the Republic of Tajikistan of 26 July 2014 No. 1083. Accessed 27 December 2021. <http://constcourt.tj/en/hujatho/the-constitutional-law-of-the-republic-of-tajikistan-on-constitutional-court-of-the-republic-of-tajikistan>

Дмитрий Леонидович КУТЕЙНИКОВ¹
Осман Аликович ИЖАЕВ²
Сергей Сергеевич ЗЕНИН³
Валериан Алексеевич ЛЕБЕДЕВ⁴

УДК 349:004.8

КЛЮЧЕВЫЕ ПОДХОДЫ К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА *

¹ кандидат юридических наук, доцент
кафедры конституционного и муниципального права,
Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина
kuteynikov@me.com; ORCID: 0000-0003-1448-3085

² кандидат юридических наук,
заместитель директора Института бизнес-права,
Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина
izhaev.osman@gmail.com; ORCID: 0000-0003-3777-8927

³ кандидат юридических наук, доцент,
директор Института государства и права,
проректор Тюменского государственного университета
zeninsergei@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4520-757X

⁴ доктор юридических наук, профессор
кафедры конституционного и муниципального права,
Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина
lebedev_va@bk.ru; ORCID: 0000-0002-7642-1325

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16193.

Цитирование: Кутейников Д. Л. Ключевые подходы к правовому регулированию использования систем искусственного интеллекта / Д. Л. Кутейников, О. А. Ижаев, С. С. Зенин, В. А. Лебедев // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 209-232.
DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-209-232

Аннотация

Целью настоящей статьи является выявление особенностей правовых подходов к регулированию общественных отношений, возникающих в связи с появлением систем искусственного интеллекта, в Европейском союзе, Соединенных Штатах Америки, Китайской Народной Республике и Российской Федерации. Авторами проведен обзор нормативных правовых актов в области функционирования систем искусственного интеллекта, принятых или находящихся на стадии рассмотрения в указанных юрисдикциях. В ходе проведения исследования выявлены ключевые особенности используемых подходов к правовому регулированию.

В работе утверждается, что ЕС планирует использовать риск-ориентированный подход и предъявлять нормативные требования к субъектам в зависимости от того, насколько большую угрозу безопасности и правам человека несет применение искусственного интеллекта. В США предпочитают не создавать превентивную систему правового регулирования, их подход предполагает регламентацию общественных отношений на основе имеющейся нормативной базы. В КНР приняты амбициозные концепции развития в сфере функционирования систем искусственного интеллекта и робототехники, инновации значительно активнее внедряются в общественное пространство, чем в ЕС и США, за счет централизованного регулирования. Вместе с тем делается вывод о том, что в процессе принятия нормативных правовых актов государство оставляет за собой массу возможностей по неограниченному участию в деятельности частных компаний, а также активно внедряет инновации для создания единой системы контроля за всеми сферами общественной жизни. Принятая в Российской Федерации концепция основывается на выделении сквозных юридических проблем, общотраслевых и отраслевых задач правового регулирования. Авторы приходят к заключению о том, что в данной концепции общотраслевые задачи не в полной мере охватывают заявленные проблемы и, соответственно, направлены на их частичное разрешение. В особенности в ней не предусмотрены задачи по обеспечению прозрачности и подотчетности алгоритмов искусственного интеллекта.

Ключевые слова

Искусственный интеллект, правовой режим, права человека, автоматизированная система принятия решений, оборот данных, конфиденциальность, алгоритмы.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-209-232

Введение

Правовое и техническое регулирование использования систем искусственного интеллекта (ИИ) в настоящее время находится на этапе разработки и обсуждений. Многими государствами приняты различные национальные стратегии развития искусственного интеллекта и робототехники, в которых в том числе содержатся общие подходы к регулированию их применения [1]. Перед законодателями государств, которые заявляют о своих намерениях достичь лидерства в данной области, стоит важная задача по выбору концепции правового регулирования,

на которой будет строиться нормативная база. Этот выбор преимущественно предопределяется двумя факторами: необходимостью соблюдения прав человека и стремлением к развитию инноваций. Известно, что эти две ценности в ряде случаев умаляют друг друга [27, с. 53]. При разработке концепции важно стараться создать такой подход, который примирил бы эти два фактора. В Европейском союзе, Соединенных Штатах Америки и Китайской Народной Республике правовое регулирование разрабатывается на основе существенно разных ценностных подходов. С учетом того, что для Российской Федерации также важно своевременное создание благоприятных правовых условий для функционирования и развития систем ИИ, целесообразно рассмотреть отечественного подхода в контексте сравнения политики, проводимой в ЕС, США и КНР.

Методология исследования

Перед авторами статьи стояла цель провести обзор имеющихся в мире основных концептуальных подходов к формированию нормативного правового регулирования в сфере использования систем искусственного интеллекта и робототехники. В данной статье акцент сделан на исследовании концепций такого регулирования в отдельных странах и регионах (ЕС, США, КНР и РФ).

В ходе проведения работы применялся ряд общенаучных и частнонаучных методов. При помощи метода анализа концепции правового регулирования, существующие в каждой юрисдикции, были подвергнуты умозрительному разделению на отдельные части, что позволило детально изучить их структуру и внутренние элементы. Посредством использования метода синтеза внутренние элементы концепций были объединены в единые смысловые блоки, что способствовало получению комплексных знаний об изучаемых объектах. Метод дедукции позволил выделить свойства, присущие всем концепциям, в то время как применяя метод индукции были выявлены соответствующие особенности, отличающие их друг от друга. Благодаря системному подходу знания об объектах исследования были систематизированы и структурированы. При помощи формально-юридического метода изучены положения отдельных нормативных правовых актов, что позволило определить особенности правового регулирования общественных отношений в рассматриваемой сфере. Преимущества и недостатки концепций были выявлены в результате применения сравнительно-правового метода.

В первом разделе настоящей работы изучается правовая основа регулирования применения искусственного интеллекта в странах ЕС. Центральным объектом изучения является проект регламента «О принятии унифицированных правил в сфере искусственного интеллекта (закон об искусственном интеллекте) и внесении изменений в некоторые законодательные акты союза». Во втором разделе рассматриваются особенности регламентации общественных отношений в сфере использования систем искусственного интеллекта в США на уровне федерации и отдельных штатов. Третий раздел посвящен анализу концепции правового регулирования применения искусственного интеллекта в КНР, в частности,

изучен «План развития искусственного интеллекта нового поколения», которым определены ключевые цели и принципы развития данной сферы общественных отношений. В четвертом разделе авторами работы рассмотрены документы стратегического и концептуального характера, принятые в Российской Федерации, которые являются основой российского подхода к правовому регулированию использования систем ИИ в общественном пространстве.

Результаты

1. Правовая основа регулирования применения искусственного интеллекта в Европейском союзе: риск-ориентированный подход

На уровне Европейского союза важнейшим органом власти, который активно осуществляет правовую политику, направленную на развитие искусственного интеллекта, является Европейская комиссия. Она поставила перед собой задачу реализовать комплекс мер, нацеленных на стимулирование развития отрасли с одновременным соблюдением основных прав человека. Указанным органом власти выдвинуты три предложения по превращению Европы в пространство, в котором будут активно развиваться инновации, обеспечиваться безопасное использование технологий и поддержка благоприятных условий для ведения бизнеса. Данные предложения включают в себя разработку: а) правовой концепции регулирования ИИ (опубликована); б) порядка установления ответственности за инциденты с участием ИИ (завершение и опубликование планируется в IV квартале 2021 — I квартале 2022 г.); в) актуального отраслевого законодательства (например, правил техники безопасности, общей директивы по безопасности продукции; опубликование запланировано на II квартал 2021 г.) [11].

Для нас представляет большой интерес правовая концепция, которая комплексно отражена в опубликованном в апреле 2021 г. законопроекте «О принятии унифицированных правил в сфере искусственного интеллекта (закон об искусственном интеллекте) и внесении изменений в некоторые законодательные акты Союза» (“Regulation of the European Parliament and of the Council Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and Amending Certain Union Legislative Acts”) [25]. Ключевой идеей данного документа является предложение применять в регулировании риск-ориентированный подход. Основная его суть заключается в отнесении систем ИИ к различным категориям в зависимости от того, какую степень потенциальной угрозы здоровью, безопасности и основным правам человека создает их использование. Так, системы ИИ могут быть признаны средствами, создающими: а) неприемлемый риск; б) высокий риск; в) низкий риск.

Системы ИИ с неприемлемым риском являются полностью запрещенными, поскольку их применение нарушает общечеловеческие ценности, признанные в Европейском союзе. В частности, не допускается использование различных систем, влияющих на сознание человека против его воли, имеются в виду различные манипулятивные техники, использующие особенности различных уязвимых категорий населения: дети, пожилые, лица с психологическими нарушениями и т. п.

Если предыдущая категория не вызывает каких-либо споров, то следующая представляет интерес в силу своей неоднозначности. Высокорисковые системы ИИ подпадают под целый блок нормативных требований и допускаются на европейский рынок только при условии полного их предварительного соблюдения. Критериями присвоения данной категории конкретной системе ИИ выступают функциональная характеристика, а также ее предназначение. Внутри данной группы они делятся на:

- 1) системы ИИ, предназначенные для использования в качестве компонента безопасности продуктов, подлежащих предварительной оценке соответствия третьей стороной;
- 2) системы ИИ, эксплуатирование которых может влиять на состояние прав человека, конкретный их список указывается в отдельном приложении (например, использование в правоохранительной деятельности, в отправлении правосудия, в обеспечении демократии).

Требования представляют собой систему постоянного управления рисками: наблюдение, выявление и их оценка с учетом имеющихся технических возможностей, тщательное тестирование систем в процессе разработки и до введения в эксплуатацию с учетом предназначения конкретной системы ИИ. Особое внимание необходимо уделять работе с данными: они должны быть актуальными, репрезентативными, корректными и полными.

И, наконец, к третьей категории законопроект предлагает относить системы ИИ с низким риском, в отношении которых не требуется создавать никакого нормативного регулирования. Однако обращается внимание на то, что ответственные субъекты при создании, разработке и использовании таких систем могут на добровольных началах соблюдать кодексы этики по их применению.

Использование систем ИИ поднимает юридические вопросы и на уровне национального законодательства европейских стран. Эти вопросы касаются, в частности, прав человека, конфиденциальности, справедливости, алгоритмической прозрачности и подотчетности. Многие государства подчеркивают необходимость оценки существующей правовой базы и принятия нового законодательства, чтобы обеспечить благоприятные правовые условия для успешного внедрения и эксплуатации систем ИИ.

Так, в Бельгии принят Королевский указ об испытаниях автоматизированных транспортных средств в марте 2018 г. [18]. Аналогичный акт принят в 2017 г. и парламентом Дании, которым внесена поправка в закон о дорожном движении, разрешающая тестирование беспилотных транспортных средств. Кроме того, в Дании внесены изменения в закон «О финансовой отчетности»: актом предусмотрено, что крупнейшие компании, придерживающиеся политики в области этики данных, должны предоставлять информацию о соответствии ей, в то время как компании, не имеющие подобной политики, обязаны объяснить ее отсутствие. В Финляндии в 2020 г. принят новый закон, направленный на развитие бесперебойной работы и безопасности транспорта, создание предпосылок для цифровизации и автоматизации дорожного движения [22]. В Нидерландах

также принят и действует нормативный правовой акт о предотвращении дискриминации при приеме на работу с использованием автоматизированных систем [31]. Наконец, Литва приняла закон об автономном вождении, который разрешает управлять автомобилями без присутствия водителя [20].

Таким образом, страны начинают разрабатывать отраслевые правила для четко определенных областей ИИ, которые в настоящее время не охвачены или недостаточно охвачены действующим законодательством ЕС. Примечательны в этом отношении нормативные правовые акты о беспилотных транспортных средствах. Многие государства приняли акты, позволяющие проводить испытания беспилотных транспортных средств и связанных с ними технологий на дорогах общего пользования. Другими областями регулирования, которым уделяется особое внимание, являются оборот данных (в частности, в здравоохранении) и автоматизированное принятие решений. Норвегия, например, работает над предложениями по внесению поправок в свой закон о регистре здравоохранения, чтобы разграничить использование данных для лечения пациентов и правила получения согласия от отдельных лиц. Словакия также готовит новый закон о данных, чтобы лучше определить правила защиты данных, принципы раскрытия, доступ к данным и правила открытых данных. Многие европейские государства также рассматривают возможность создания специальных правовых режимов для экспериментов с ИИ, например, путем разработки «регуляторных песочниц». Хотя об этом было объявлено в нескольких национальных стратегиях ИИ государств-членов ЕС, в большинстве государств разработка «регуляторных песочниц» всё еще находится в процессе.

Можно отметить, что на уровне национальных государств принимаются различные нормативные правовые акты, разрешающие вопросы в отдельных сферах деятельности человека. По всей видимости, после окончательного завершения формирования европейского законодательства в области применения ИИ государствам-членам ЕС необходимо будет пересмотреть национальное законодательство в целях гармонизации с европейскими актами.

Из всего написанного следует, что Европа находится на пути принятия единого сквозного нормативного акта, который будет затрагивать самые разные сферы общественных отношений. Риск-ориентированный подход фактически построен вокруг человека, т. е. основным критерием в регулировании является степень потенциальной угрозы, которую несет система ИИ правам личности. Положительная сторона такой системы регулирования заключается в том, что она не ограничена какой-то одной сферой и в целом будет направлена на охрану и защиту прав и свобод граждан вне зависимости от области применения систем ИИ. Однако из этого вытекает и отрицательная сторона, связанная с тем, что чрезмерное количество нормативных требований к субъектам, участвующим в разработке, распространении и использовании систем ИИ, может существенно затормозить развитие самой отрасли, что в конечном итоге негативно отразится на качестве жизни граждан, как минимум в экономическом плане. Необходимо также обратить внимание на то, что принятие закона о применении риск-ориентированного

подхода не освободит субъектов соответствующих общественных отношений от обязанности соблюдать все требования, предусмотренные «Общим регламентом по защите данных» (“General Data Protection Regulation”) [26], что может фактически привести к двойному регулированию.

2. Использование систем искусственного интеллекта в Соединенных Штатах Америки: особенности регламентации общественных отношений

В Соединенных Штатах Америки последние несколько лет наблюдается увеличение количества поступающих в федеральный орган законодательной власти проектов нормативных правовых актов в сфере искусственного интеллекта. Так, в Конгресс 115-го созыва (2017-2018 гг.) поступило 50 законопроектов с упоминанием искусственного интеллекта, а в следующем 116-м созыве (2019-2020 гг.) их число достигло уже 175 [19]. Это свидетельствует о существенном повышении интереса со стороны законодателей к регулированию данной области. Вместе с тем стоит отметить, что только 7 из них были приняты и вступили в силу. Кроме того, эти акты концептуально между собой не связаны и посвящены таким разным вопросам, как бюджет, развитие научных центров, оборона и международные отношения.

На федеральном уровне правовое регулирование общественных отношений, связанных с искусственным интеллектом, осуществляется нормативными актами органов исполнительной власти. Важным программным документом является Указ Президента США от 11 февраля 2019 г. № 13859 «Об обеспечении американского лидерства в искусственном интеллекте» (“Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence”) (далее — Указ) [21]. В нем определены пять ключевых принципов, на основе которых планируется разработка государственной политики в сфере развития искусственного интеллекта. В Указе сформулированы следующие принципы государственной политики: а) содействие внедрению технологических прорывов; б) развитие технических стандартов; в) подготовка работников, обладающих навыками развития и применения технологий ИИ; г) повышение доверия граждан к ИИ и обеспечение личных прав человека (в особенности права на неприкосновенность частной жизни); д) развитие международной среды, способствующей поддержке американских разработок и открытию для них новых рынков, с учетом необходимости сокрытия критически важных технологических преимуществ в области ИИ от стратегических конкурентов и соперничающих стран.

На основе Указа администрацией Президента США для министров и глав иных органов исполнительной власти в ноябре 2020 г. было утверждено Руководство по регулированию применения искусственного интеллекта (“Guidance for Regulation of Artificial Intelligence Applications”) [16]. В Руководстве подробно изложены принципы, на основе которых органы исполнительной власти должны разработать нормативные и ненормативные подходы к внедрению и эксплуатации систем ИИ как на общем, так и отраслевом уровне. Данные принципы вытекают из Указа, однако сформулированы более конкретно: создание общественного доверия к системам ИИ; участие общественности в принятии решений; использование

максимально объективной и научно обоснованной информации в деятельности органов исполнительной власти; применение риск-ориентированного подхода в регулировании использования систем ИИ; учет преимуществ и издержек от использования систем ИИ; использование ориентированных на результат гибких подходов к регулированию; анализ возможных дискриминационных последствий от использования систем ИИ; обеспечение прозрачности и подотчетности принимаемых системами ИИ решений; обеспечение безопасности на всех этапах функционирования систем ИИ; осуществление межведомственной координации между различными государственными органами. В этом документе любопытным является положение, в соответствии с которым в случае, если для использования конкретного технологического решения в сфере ИИ достаточно имеющейся нормативной правовой базы либо разработка нового законодательства несоизмерима с прогнозируемой экономической пользой от данного решения, то от его использования необходимо либо отказаться, либо использовать нерегуляторные подходы. К числу последних относятся руководства или программы по осуществлению государственной политики в отдельных секторах экономики, пилотные программы и эксперименты, а также добровольно принятые стандарты и саморегулирование.

Непосредственно вопросы правоприменения в области ИИ относятся к ведению отдельных органов исполнительной власти. Важнейшим таким государственным органом является Федеральная комиссия по торговле (далее — ФКТ), в компетенцию которой входит надзор за соблюдением антимонопольного законодательства и актов в сфере защиты прав потребителей. ФКТ регулярно выпускает разъяснения и рекомендации для технологических компаний по вопросам комплаенса в сфере применения технологий ИИ [14, 17, 29]. В частности, ФКТ в своей практике часто использует следующие акты, релевантные в области ИИ:

- а) раздел 5 (а) Закона «О Федеральной комиссии по торговле» запрещает недобросовестную или вводящую в заблуждение потребителей практику. Данное положение распространяется на продажу или использование, например, алгоритмов, основанных на расовых предубеждениях;
- б) Закон «О справедливой кредитной отчетности» может применяться, когда используется алгоритм, позволяющий отказывать людям в трудоустройстве, жилье, кредитах, страховании или других льготах;
- в) Закон «О равных кредитных возможностях» запрещает компаниям использовать предвзятый алгоритм, который приводит к дискриминации по признаку расы, цвета кожи, религии, национального происхождения, пола, семейного положения, возраста или на основании того, что человек получает государственную помощь.

Одним из ярких примеров, в котором был применен раздел 5 (а) Закона «О Федеральной комиссии по торговле», является резонансное дело 2019 г. *United States of America v. Facebook, Inc*¹. Еще в 2012 г. ФКТ по результатам расследования,

¹ 4 марта 2022 г. Meta Platforms, Inc и ее дочерние компании признаны экстремистскими и запрещены на территории Российской Федерации.

посвященного политике компании «Фейсбук» в отношении конфиденциальности данных пользователей, издала приказ, который запрещал ей искажать сведения: а) о том, в какой степени пользователи могут контролировать конфиденциальность своих данных; б) о мерах, которые пользователи должны предпринять для осуществления такого контроля; в) об объеме информации, передаваемой третьим лицам. В 2019 г. Окружным судом США округа Колумбия было установлено, что компания не обеспечила соблюдение вышеуказанных требований и тем самым нарушила данный приказ [30]. Например, в той или иной мере настройки «Фейсбука» вплоть до 2018 г. допускали разработчикам сторонних приложений, интегрированных в социальную сеть, собирать информацию не только о пользователях, которые установили эти приложения, но также и о друзьях данного пользователя, которые не устанавливали это приложение и, следовательно, не были об этом осведомлены. Это привело к тому, что по меньшей мере в течение нескольких лет различными компаниями фактически тайным образом собирались массивные данные о пользователях социальной сети¹. По итогам расследования ФКТ наложила на компанию «Фейсбук» рекордный штраф в размере 5 млрд долларов США, а также обязала ее существенно изменить систему контроля и надзора за использованием конфиденциальных данных пользователей. Одним из требований стало создание в структуре компании независимого комитета по конфиденциальности, в который не могут входить топ-менеджеры и сотрудники «Фейсбука».

Еще одним делом, в результате разрешения которого ФКТ выработала достаточно важную правовую позицию, является расследование деятельности компании Everalbum [15]. Указанная компания оказывала услуги по хранению фотографий на своих облачных платформах. Пользователи сервиса с помощью функции распознавания лиц могли упорядочивать и сортировать фотографии в соответствии с тем, кто на них был изображен. В июле 2018 г. Everalbum проинформировала пользователей, что она будет применять технологию распознавания лиц к их фотографиям только в том случае, если они дадут на это свое согласие. Тем не менее, как утверждала ФКТ, технология распознавания лиц использовалась по умолчанию практически на всех аккаунтах до апреля 2019 г., только некоторая часть пользователей действительно могла деактивировать распознавание лиц.

Кроме того, Everalbum объединила биометрические данные миллионов лиц, извлеченных из фотографий пользователей, с общедоступными наборами данных и разработала сервис под названием Paravision. Деятельность этого сервиса была направлена на оказание услуг по распознаванию лиц для корпоративных клиентов. В соответствии с заключенным с ФКТ мировым соглашением, Everalbum приняла на себя обязательства удалить: а) фотографии и видео всех пользователей, которые деактивировали свои аккаунты; б) все биометрические данные (сведения, которые могут быть использованы для распознавания лиц),

¹ По состоянию на 2018 г. «Фейсбук» имел 2,2 миллиарда активных пользователей по всему миру.

полученные из изображений пользователей, которые не дали своего явного согласия на их использование; в) любые модели или алгоритмы распознавания лиц, разработанные компанией с использованием фотографий или видео пользователей. В этом решении ФКТ особенно обращает на себя внимание то, что от компании потребовали удаления моделей и алгоритмов, созданных на основе «испорченных» данных. Данная позиция, вероятнее всего, станет важным ориентиром для акторов индустрии ИИ в целом, поскольку содержит однозначное правовое разрешение ситуации, в которой могут оказаться многие. Таким образом, компаниям и отдельным разработчикам, прежде чем приступить к работе по построению моделей и алгоритмов на основе технологий ИИ, стоит удостовериться в «чистоте» данных, используемых для обучения.

На уровне штатов наиболее урегулированным аспектом, связанным с искусственным интеллектом, является регламентация использования беспилотных транспортных средств. Более чем в половине штатов приняты законодательные акты, в той или иной степени разрешающие использование таких транспортных средств на дорогах общего пользования [13].

Рассмотрим далее отдельные законы, действующие в различных штатах. В Иллинойсе принят закон «О видеointервью с искусственным интеллектом» (“Artificial Intelligence Video Interview Act”) [6], обязывающий работодателей уведомлять интервьюируемых, что для их оценки может быть использован искусственный интеллект. Перед собеседованием они должны получить согласие кандидатов, обязаны предоставить информацию о том, как работает искусственный интеллект и какие критерии используются для оценки их профессиональной пригодности. В штате Алабама действуют два закона, которыми признается влияние технологий в сфере искусственного интеллекта на растущее число рабочих мест в штате [7], учреждается государственная комиссия по искусственному интеллекту для рассмотрения и консультирования по всем аспектам развития и использования искусственного интеллекта в различных областях [8]. В Калифорнии принят закон, который обязывает каждое государственное агентство предоставлять информацию общественности до утверждения субсидии на развитие складских распределительных центров, регулярно предоставлять отчет о сокращении или замене рабочих мест из-за автоматизации в Управление бизнеса и экономического развития при Губернаторе [9]. В штате Нью-Йорк законом в 2019 г. была создана временная государственная комиссия до декабря 2020 г. для изучения вопросов регулирования искусственного интеллекта, робототехники и автоматизации [10].

В 2021 г. более чем в 10 штатах внесены проекты законов или резолюций парламентов, связанных с регулированием применения искусственного интеллекта. Все они находятся на стадии рассмотрения и связаны с такими вопросами, как развитие искусственного интеллекта (Алабама); использование государственными органами методов, минимизирующих риск неблагоприятных последствий использования систем автоматизированного принятия решений (Калифорния); налоговые льготы (Гавайи); установление требований по обеспечению справедливости, прозрачности автоматизированных систем принятия решений, используемых государственными

органами, конфиденциальность данных потребителей (Массачусетс); проверка алгоритмов компьютерной системы и логических формул, используемых агентством по безработице (Мичиган); запрет дискриминации отдельных категорий населения автоматизированными системами принятия решений (Нью-Джерси); учреждение комиссии, которая будет следить за влиянием технологий на рынок труда и экономику штата в целом (Нью-Йорк); создание консультативной группы в целях устранения предвзятости программного обеспечения, используемого государственными органами (Вермонт); установление руководящих принципов для осуществления государственных закупок и использования автоматизированных систем принятия решений для защиты потребителей и повышения прозрачности рынка (Вашингтон).

Таким образом, в США как на федеральном, так и на уровне штатов отсутствуют сквозные законы, формирующие единый правовой подход к регулированию рассматриваемой области. Представляется, что это сознательная правовая политика государства, которая базируется на принципе регулирования *ad hoc* и предполагает регламентацию общественных отношений по мере их естественного развития. Именно поэтому действующие в США нормативные правовые акты имеют фрагментированный характер и не являются едиными со смысловой точки зрения. Можно сказать, что регулирование не является комплексным и затрагивает отдельные сферы (например, транспорт и медицину) либо узкие вопросы (к примеру, дискриминация при найме на работу и использование автоматизированных систем принятия решений государственными органами), связанные с разработкой и эксплуатацией систем искусственного интеллекта. Одновременно с этим правоприменительные органы США активно используют антидискриминационные законы и распространяют их положения на общественные отношения в сфере искусственного интеллекта, тем самым защищая права человека.

В целом американский подход прежде всего выгоден с экономической точки зрения, поскольку не предусматривает создания массивного механизма правового регулирования, что позволяет относительно легко разрабатывать, распространять и пользоваться системами ИИ. Иными словами, порог входа в отрасль достаточно низкий, и это безусловно будет стимулировать развитие индустрии. Вместе с тем существует риск и того, что, прежде чем в США сформируется достаточная правоприменительная практика, связанная с применением систем ИИ, и будут выработаны исчерпывающие правовые способы не только разрешения, но и предотвращения нарушения основных прав человека, произойдет значительное количество инцидентов в области взаимодействия человека с данными системами.

3. Концепция правового регулирования применения искусственного интеллекта в КНР

В июле 2017 г. Государственный совет КНР обнародовал стратегию развития ИИ, которая получила название «План развития искусственного интеллекта нового поколения». В данной стратегии перед КНР поставлена цель стать мировым

лидером в области ИИ к 2030 г., а также занять лидирующее место в сфере разработки нормативной базы, этических норм и стандартов для ИИ. Сама концепция представляет лишь общую модель и цели будущего правового регулирования, соответственно, ее необходимо рассматривать в комплексе с массой других нормативно-правовых актов.

В концепции определены три основных этапа развития КНР до 2030 г.:

1. К 2020 г. в КНР предполагалось сохранить конкурентоспособность по сравнению с другими крупными державами и оптимизировать условия для развития ИИ. Также предполагается определить и закрепить основы государственной политики, сформулировать ключевые подходы к правовому регулированию и выработать этические нормы для жизненно важных областей ИИ.
2. К 2025 г. в КНР предполагается достичь значительного технологического прорыва в базовой теории ИИ и стать мировым лидером в некоторых областях применения. КНР также планирует расширить и законодательно закрепить этические стандарты для ИИ.
3. К 2030 г. КНР предполагает занять место мирового центра инноваций в области ИИ. Также ожидается дальнейшее совершенствование нормативных правовых актов и стандартов для решения возникающих вызовов в условиях технологического развития [23].

По мнению группы исследователей из Оксфорда и Института Алана Тьюринга, данная концепция хотя и разработана государством, однако фактическая реализация указанных инноваций и преобразований будет осуществляться частным сектором и местными органами власти [28].

Особенностью нормативного регулирования в КНР также является достаточно быстрая его адаптация под использование новых технологических решений на широком рынке. Так, в КНР, в отличие от уже рассмотренных стран, активно используются беспилотные автомобили на дорогах общего пользования в размеченных территориях, впервые были созданы автоматизированные интернет-суды, создается единая система социального рейтинга.

В КНР утверждена «Концепция развития беспилотного транспорта», которой определен ряд целей до 2025 г. [32]:

1. Крупномасштабное производство беспилотных автомобилей, работающих в определенных условиях, или транспортных средств третьего уровня.
2. Развертывание беспилотных транспортных средств четвертого уровня для конкретных сред (роботакси, беспилотные грузовые и товарные транспортные средства).
3. Полноценные стандарты для беспилотных транспортных средств, охватывающие технологические инновации, инфраструктуру, законодательство, надзор и сетевую безопасность.

Достаточно большую работу проделала КНР и в сфере защиты данных. В 2016 г. был принят «Закон о кибербезопасности КНР», который установил

сходные с ЕС и США требования к регулированию. Однако в связи с тем, что КНР является государством с авторитарной политической системой, защита конфиденциальности в большей мере связана с решениями органов государственной власти, а не созданием единого правового поля, поддерживаемого независимыми судебными решениями.

Данная проблема касается и других сфер общественной и экономической деятельности, свобода частных и общественных организаций достаточно жестко ограничена интересами государства. Принимая нормативные-правовые акты, государство оставляет за собой массу возможностей по неограниченному участию в деятельности частных компаний, а также активно внедряет инновации для создания единой системы контроля за всеми сферами общественной жизни.

Таким образом, с одной стороны, в КНР приняты амбициозные концепции развития в сфере функционирования систем искусственного интеллекта и робототехники, инновации значительно активней внедряются в общественное пространство, чем в ЕС и США, за счет централизованного регулирования, но с другой — фактическая их реализация возложена в большей степени на частные компании и местные органы, а государство сохраняет широкие возможности по контролю во всех сферах.

4. Концепция правового регулирования применения искусственного интеллекта в Российской Федерации

В Российской Федерации реализация политики по разработке правовых условий для благоприятного развития искусственного интеллекта началась с принятия национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [5]. В ее паспорте предусмотрена разработка целого ряда нормативных правовых актов. В частности, после многочисленных дискуссий был принят Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [4], который вступил в силу в 2021 г. Данный закон имеет важное для отрасли значение, поскольку разрешает вводить в оборот в рамках особого правового режима системы ИИ в таких сферах, как медицина, транспорт, сельское хозяйство, финансы, продажа товаров (работ, услуг) дистанционным способом, градостроительство, государственное управление и промышленность.

Основные положения регулирования рассматриваемой области заложены Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490, которым была утверждена «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» [2]. Данной стратегией предусмотрено создание комплексной системы регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта, и перечислены основные ее направления. Во исполнение задач, указанных в стратегии, в 2020 г. распоряжением Правительства РФ утверждена Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники (далее — Концепция) [3].

Положения Концепции в целом отражают отечественный подход к регулированию отрасли. В частности, федеральные органы исполнительной власти должны руководствоваться положениями Концепции при осуществлении функций по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в соответствующих сферах.

В рассматриваемом документе выделен ряд концептуальных проблем, требующих своего правового разрешения. К ним отнесены такие вопросы, как отсутствие доступа к необходимому объему данных для обучения систем ИИ, неопределенность предмета и границ правового регулирования, идентификация ИИ при взаимодействии с человеком, правовое «делегирование» решений ИИ, ответственность за причинение вреда ИИ, правовой режим результатов интеллектуальной деятельности, использование для принятия решений системами ИИ вероятностных оценок и невозможность в ряде случаев полного объяснения принятого ими решения.

Во-первых, недостаточно ясно, что авторами Концепции имеется в виду под проблемой «правовое „делегирование“ решений ИИ». Можно только предположить, что под этим понимается возможность системами ИИ принимать юридически значимые решения. Во-вторых, делегирование принятия решений системами ИИ пересекается по смыслу с другой проблемой: «использование для принятия решений системами ИИ вероятностных оценок...». Представляется, что обе эти проблемы являются частями одной общей проблемы, вытекающей из автономности систем ИИ. Делегирование системам ИИ возможности принятия решений напрямую зависит от того, разрешен ли вопрос с непрозрачностью и неподотчетностью соответствующих алгоритмов. Без предварительного решения данных вопросов не следует предусматривать механизм делегирования принятия системами ИИ решений, порождающих правовые последствия. В противном случае у субъектов соответствующих правоотношений не будет возможности оценить обоснованность и справедливость принятых алгоритмом решений, и тем самым де-факто они лишатся права на их обжалование. Между тем за этой тайной принятия решений могут скрываться высокие риски нарушения прав личности [24, с. 447-453]. В-третьих, идентификация систем ИИ не совсем обоснованно поставлена в один ряд с перечисленными в ней фундаментальными проблемами правового регулирования, поскольку идентификация систем ИИ сама по себе не является сложной и комплексной проблемой. Она решается достаточно легко посредством информирования лиц, взаимодействующих с ИИ.

Следующей важной особенностью подхода, отраженного в Концепции, является выделение общеправовых и отраслевых задач, требующих своего разрешения через принятие нормативных правовых актов. К общеправовым вопросам в сфере регулирования использования технологий ИИ и робототехники Концепция относит упрощенное внедрение конкретных продуктов в оборот; возложение юридической ответственности; совершенствование режима оборота данных; совершенствование режима экспорта; развитие страховых институтов; использование гибкого подхода к терминологиям; обеспечение безопасности;

разработка актов на международном уровне; применение систем ИИ при принятии юридически значимых решений; квалификация систем ИИ и робототехники в качестве товара (работы, услуги); развитие технического регулирования; охрана прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Представляется, что общетраслевые задачи должны быть направлены на разрешение указанных в концепции проблем и соответственно коррелировать с ними. Однако сопоставление проблем и задач показывает, что не в полной мере выстроена логическая связь между этими двумя существенными блоками Концепции. Во-первых, в группе общетраслевых задач отсутствуют какие-либо меры, направленные на разрешение проблемы алгоритмической прозрачности и подотчетности. Между тем именно от решения этой проблемы значительно зависит дальнейшее внедрение и масштабирование систем ИИ в общественном пространстве [12, с. 120-121]. Во-вторых, нет также в Концепции задач, посвященных такой проблеме, как определение предмета и границ регулирования общественных отношений в сфере ИИ. В-третьих, некоторые задачи (упрощенное внедрение конкретных продуктов в оборот; совершенствование режима экспорта; разработка актов на международном уровне и т. п.) с концептуальной точки зрения не связаны напрямую с проблемами правового регулирования, указанными в акте. Данные задачи сами по себе являются, безусловно, актуальными и необходимыми, но вместе с тем при составлении концептуального документа федерального уровня необходимо устанавливать логическую связь между указанными в ней проблемами и перечисленными задачами.

В качестве отраслевых направлений совершенствования регулирования Концепция предусматривает внесение изменений в законодательство в сфере охраны здоровья граждан, государственного (муниципального) управления, транспорта, градостроительства, финансов, космической деятельности, промышленности и некоторых иных. Следует отметить, что Концепция справедливо уделила внимание и отраслевому регулированию. В условиях стремительно и постоянно развивающихся технологий не всегда целесообразно регулировать общественные отношения посредством универсальных сквозных подходов. Регламентация общественных отношений в зависимости от областей применения ИИ позволяет учитывать специфику как отдельных сфер, так и конкретных технологических продуктов.

Заключение

Основным критерием правового регулирования применения систем ИИ в ЕС выступает степень потенциальной угрозы, которую несут соответствующие системы права человека. Положительная сторона такого риск-ориентированного подхода заключается в том, что его распространение не ограничено какой-то одной сферой и в целом может быть направлено на охрану и защиту прав и свобод граждан вне зависимости от области применения систем ИИ. Однако из этого проистекает и отрицательная его сторона, связанная с тем, что чрезмерное количество нормативных требований к субъектам, участвующим в разработке,

распространении и использовании систем ИИ, может существенно затормозить развитие самой отрасли, что в конечном итоге негативно отразится на качестве жизни граждан, как минимум в экономическом плане.

В США как на федеральном, так и на уровне штатов отсутствуют сквозные законы, формирующие единый правовой подход к регулированию рассматриваемой области. Представляется, что это сознательная правовая политика государства, которая базируется на принципе регулирования *ad hoc* и предполагает регламентацию общественных отношений по мере их естественного развития. Именно поэтому действующие в США нормативные правовые акты имеют разнонаправленный характер и не являются едиными со смысловой точки зрения. Нормативное регулирование не отличается комплексностью и затрагивает отдельные сферы (например, транспорт и медицину) либо узкие вопросы (например, дискриминация при найме на работу), связанные с разработкой и эксплуатацией систем ИИ. Данный подход прежде всего выгоден с экономической точки зрения, поскольку не предполагает создания массивного механизма правового регулирования. Вместе с тем существует риск и того, что, прежде чем в США сформируется достаточная нормативная база для регламентации данной сферы, произойдет значительное количество инцидентов в области взаимодействия человека с системами ИИ.

В КНР правовое регулирование основывается на принятом «Плане развития искусственного интеллекта нового поколения», которым определены ключевые цели и принципы развития данной сферы общественных отношений. Данная концепция представляет общую модель будущего правового регулирования, соответственно, ее необходимо рассматривать в комплексе с другими нормативными правовыми актами. С одной стороны, в КНР приняты амбициозные концепции развития в сфере функционирования систем ИИ, инновации значительно активней внедряются в общественное пространство, чем в ЕС и США, за счет централизованного регулирования, но с другой — фактическая их реализация возложена в большей степени на частные компании и местные органы, а государство сохраняет широкие возможности по контролю.

Ключевой характеристикой разработанной в Российской Федерации концепции является то, что она основана на выделении общеотраслевых и отраслевых задач правового регулирования. Такой подход предполагает системность и структурированность, что является преимуществом, поскольку практика правового регулирования будет основываться на теоретических разработках. Вместе с тем в принятой в Российской Федерации Концепции отсутствует необходимая связь между сквозными правовыми проблемами, обусловленными автономностью систем ИИ и их способностью к самообучению, и общеотраслевыми задачами, главной целью которых должно быть разрешение соответствующих проблем. Общеотраслевые задачи направлены на решение не всех фундаментальных проблем в сфере ИИ, в частности, в Концепции не предусмотрены положения, посвященные такому важному вопросу, как обеспечение прозрачности и подотчетности алгоритмов систем ИИ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новые законы робототехники. Регуляторный ландшафт. Мировой опыт регулирования робототехники и технологий искусственного интеллекта / под ред. А. В. Незнамова. М.: Инфотропик Медиа, 2018. 220 с.
2. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Официальный интернет-портал правовой информации. 2019. 11 октября. № 0001201910110003. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003> (дата обращения: 20.11.2021).
3. Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р // Официальный интернет-портал правовой информации. 2020. 26 августа. № 0001202008260005. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202008260005> (дата обращения: 20.11.2021).
4. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. 2020. 31 июля. № 0001202007310024. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310024> (дата обращения: 20.11.2021).
5. Паспорт национального проекта Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. Протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7) // Гарант: справочно-правовая система. URL: <https://base.garant.ru/72296050/> (дата обращения: 11.03.2022).
6. (820 ILCS 42/) Artificial Intelligence Video Interview Act // Illinois Compiled Statutes, Illinois General Assembly. URL: <https://www.ilga.gov/legislation/ilcs/ilcs3.asp?ActID=4015&ChapAct=820%A0ILCS%A042/&ChapterID=68&ChapterName=EMPLOYMENT&ActName=Artificial%20Intelligence%20Video%20Interview%20Act> (дата обращения: 18.11.2021).
7. 2019 AL SJR 45 Act No. 2019-111 // State Net. URL: https://custom.statenet.com/public/resources.cgi?id=ID:bill:AL2019000SJR45&ciq=nsl&client_md=bb713dbb453211342f79eed835dad1c&mode=current_text (дата обращения: 18.11.2021).
8. 2019 AL SJR 71 Act No. 2019-269 // State Net. URL: https://custom.statenet.com/public/resources.cgi?id=ID:bill:AL2019000SJR71&ciq=nsl&client_md=610424f9b68f56669d259f71528bfc54&mode=current_text (дата обращения: 18.11.2021).
9. 2019 CA Assembly Bill No. 485 // State Net. URL: https://custom.statenet.com/public/resources.cgi?id=ID:bill:CA2019000A485&ciq=nsl&client_md=04e7b31dafc05fbee86dcb9e2d5718&mode=current_text (дата обращения: 18.11.2021).
10. 2019 NY S 3971 // State Net. URL: https://custom.statenet.com/public/resources.cgi?id=ID:bill:NY2019000S3971&ciq=nsl&client_md=2f7d69c27aee3b3970517293ccd2ccb4&mode=current_text (дата обращения: 18.11.2021).
11. A European approach to artificial intelligence // Shaping Europe's Digital Future. European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/european-approach-artificial-intelligence> (дата обращения: 18.11.2021).

12. Algorithms and Law / M. Ebers, S. Navas (eds.). Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2020. 319 pp.
13. Autonomous vehicles. Self-driving vehicles enacted legislation // National Conference of State Legislatures. 2020. URL: <https://www.ncsl.org/research/transportation/autonomous-vehicles-self-driving-vehicles-enacted-legislation.aspx> (дата обращения: 18.11.2021).
14. Big Data. A Tool for Inclusion or Exclusion? Understanding the Issues. Federal Trade Commission Report // Official website of the Federal Trade Commission. 2016. URL: www.ftc.gov/system/files/documents/reports/big-data-tool-inclusion-or-exclusion-understanding-issues/160106big-data-rpt.pdf (дата обращения: 18.11.2021).
15. Complaint in the matter of Everalbum, INC., also d/b/a Ever and Paravision, a corporation // Official website of the Federal Trade Commission. URL: www.ftc.gov/system/files/documents/cases/everalbum_complaint.pdf (дата обращения: 18.11.2021).
16. Guidance for Regulation of Artificial Intelligence Applications // Official website of The White House. 2020. URL: www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2020/11/M-21-06.pdf (дата обращения: 18.11.2021).
17. Jillson E. Aiming for truth, fairness, and equity in your company's use of AI / E. Jilson // Official website of the Federal Trade Commission. 2021. URL: <https://www.ftc.gov/news-events/blogs/business-blog/2021/04/aiming-truth-fairness-equity-your-companys-use-ai> (дата обращения: 18.11.2021).
18. Koninklijk besluit betreffende experimenten met geautomatiseerde voertuigen van 18 maart 2018 // Etaamb — raadplegings-motor van het Belgisch Staatsblad. URL: https://etaamb.openjustice.be/nl/koninklijk-besluit-van-18-maart-2018_n2018011160 (дата обращения: 11.03.2022).
19. Legislation // Official website of the Congress of the USA. URL: www.congress.gov (дата обращения: 18.11.2021).
20. Lietuvos Respublikos saugaus eismo automobilių keliais įstatymas // Lietuvos Respublikos Seimo kanceliarija. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.111999/jVBT0vueTG> (дата обращения: 18.11.2021).
21. Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence // Official website of the U.S. Government information. URL: www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2019-02-14/pdf/2019-02544.pdf (дата обращения: 18.11.2021).
22. New Road Traffic Act enters into force on 1 June 2020 // Suomen liikenne- ja viestintäministeriö. 2020. URL: <https://www.lvm.fi/-/new-road-traffic-act-enters-into-force-on-1-june-2020-1194910> (дата обращения: 18.11.2021).
23. Next Generation of Artificial Intelligence Development Plan Issued by State Council // China Science & Technology Newsletter. 2017. No. 17. URL: <http://fi.china-embassy.org/eng/kxjs/P020171025789108009001.pdf> (дата обращения: 14.08.2021).
24. Obermeyer Z. Dissecting racial bias in an algorithm used to manage the health of populations / Z. Obermeyer, B. Powers, C. Vogeli, S. Mullainathan // Science. 2019. Vol. 366. Iss. 6464. Pp. 447-453. DOI: 10.1126/science.aax2342
25. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and Amending Certain Union Legislative Acts // EUR-Lex. 2021. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021PC0206&qid=1646896625407> (дата обращения: 18.11.2021).

26. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (Text with EEA relevance) // Official Journal of the European Union. 2016. L. 119. Vol. 59. Pp. 1-88. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj> (дата обращения: 11.03.2022).
27. Research Handbook on the Law of Artificial Intelligence / W. Barfield, U. Pagallo (eds.). Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2018. 736 pp.
28. Roberts H. The Chinese approach to artificial intelligence: an analysis of policy, ethics, and regulation / H. Roberts, J. Cowsls, J. Morley et al. // AI & Society. 2021. Vol. 36. Iss. 1. Pp. 59-77.
29. Smith A. Using artificial intelligence and algorithms / A. Smith // Official website of the Federal Trade Commission. 2020. URL: <https://www.ftc.gov/news-events/blogs/business-blog/2020/04/using-artificial-intelligence-algorithms> (дата обращения: 18.11.2021).
30. United States of America v. Facebook, Inc. Complaint for civil penalties, injunction, and other relief. Case No. 19-cv-2184 // Official website of the Federal Trade Commission. URL: https://www.ftc.gov/system/files/documents/cases/182_3109_facebook_complaint_filed_7-24-19.pdf (дата обращения: 18.11.2021).
31. Wet toezicht discriminatievrije werving en selectie // Overheid.nl Dutch government information reference system. URL: https://www.internetconsultatie.nl/wet_toezicht_discriminatievrije_werving_en_selectie (дата обращения: 16.03.2022).
32. 智能汽车创新发展战略 [Intelligent Vehicle Innovation and Development Strategy] // Official website of the National Development and Reform Commission, People's Republic of China. URL: https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/tz/202002/t20200224_1221077.html?code=&state=123 (дата обращения: 18.11.2021).

Dmitry L. KUTEYNIKOV¹
Osman A. IZHAEV²
Sergey S. ZENIN³
Valerian A. LEBEDEV⁴

UDC 349:004.8

KEY APPROACHES TO THE LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE*

- ¹ Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor,
Department of Constitutional and Municipal Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
kuteynikov@me.com; ORCID: 0000-0003-1448-3085
- ² Cand. Sci. (Jur.), Deputy Director of the Institute of Business Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
izhaev.osman@gmail.com; ORCID: 0000-0003-3777-8927
- ³ Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor,
Director of the Institute of State and Law, Vice-rector,
University of Tyumen
zeninsergei@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4520-757X
- ⁴ Dr. Sci. (Jur.), Professor,
Department of Constitutional and Municipal Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
lebedev_va@bk.ru; ORCID: 0000-0002-7642-1325

Abstract

The purpose of this article is to identify the features of legal approaches to the regulation of public relations arising in connection with the emergence of artificial intelligence systems

---

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (grant no. 18-29-16193).

Citation: Kuteynikov D. L., Izhaev O. A., Zenin S. S., Lebedev V. A. 2022. "Key approaches to the legal regulation of artificial intelligence". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 1 (29), pp. 209-232.
DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-209-232

---

in the European Union, the United States of America, the People's Republic of China and the Russian Federation. The authors conducted a review of regulatory legal acts in the field of functioning of artificial intelligence systems adopted or under consideration in these jurisdictions. In the course of the study, the key features of the approaches used to legal regulation were identified.

The paper argues that the EU plans to use a risk-based approach and impose regulatory requirements on subjects, depending on the degree of a threat to security and human rights that the use of artificial intelligence poses. The USA prefer not to create a preventive system of legal regulation, their approach involves the regulation of public relations on the basis of the existing regulatory framework. China has adopted ambitious development concepts in the field of functioning of artificial intelligence and robotics, innovations are being introduced into the public space more actively than in the EU and the USA due to centralized regulation. At the same time, the research concludes that in the process of adopting regulatory legal acts, the state reserves a lot of opportunities for unlimited participation in the activities of private companies and also actively introduces innovations to create a unified system of control over all areas of social life. The concept adopted in the Russian Federation is based on the identification of cross-cutting legal problems, industry-wide and sectoral tasks of legal regulation. The authors come to the conclusion that within this concept, industry-wide tasks do not fully cover the stated problems and, accordingly, are aimed at their partial resolution. In particular, it does not provide for the tasks of ensuring transparency and accountability of artificial intelligence's algorithms.

Keywords

Artificial intelligence, legal regime, human rights, automated decision-making system, data sharing, data privacy, algorithms.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-209-232

REFERENCES

1. Neznamov A. V. (ed.). 2018. New laws of robotics. Regulatory landscape. The World's experience in regulating robotics and artificial intelligence technologies. Moscow: Infotropik Media. 220 pp. [In Russian]
2. Official Internet website of legal information (www.pravo.gov.ru). 2019. 11 October. No. 0001201910110003. On the development of artificial intelligence in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 10 October 2019 No. 490 (with "National strategy of the development of artificial intelligence for the period up to 2030"). Accessed 20 November 2021. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003> [In Russian]
3. Official Internet website of legal information (www.pravo.gov.ru). 2020. 26 August. No. 0001202008260005. On approving the Concept of regulation development in the field of artificial intelligence technologies and robotics up to 2024: Order of the Government of the Russian Federation of 19 August 2020 No. 2129-r. Accessed 20 November 2021. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202008260005> [In Russian]

4. Official Internet website of legal information (www.pravo.gov.ru). 2020. 31 July. No. 0001202007310024. On experimental legal regimes in the field of digital innovations of the Russian Federation: Federal Law of 31 July 2020 No. 258-FZ. Accessed 20 November 2021. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310024> [In Russian]
5. Garant legal reference system. 2019. National project data sheet of the National program “Digital economy of the Russian Federation” (approved by the Minutes of the meeting of the Presidium of the Presidential Council for strategic development and national projects of 4 July 2019 No. 7). Accessed 11 March 2022. <https://base.garant.ru/72296050/> [In Russian]
6. Illinois Compiled Statutes, Illinois General Assembly. (820 ILCS 42/) Artificial Intelligence Video Interview Act. Accessed 18 November 2021. <https://www.ilga.gov/legislation/ilcs/ilcs3.asp?ActID=4015&ChapAct=820%A0ILCS%A042/&ChapterID=68&ChapterName=EMPLOYMENT&ActName=Artificial%20Intelligence%20Video%20Interview%20Act>
7. State Net. 2019 AL SJR 45 Act No. 2019-111. Accessed 18 November 2021. https://custom.statenet.com/public/resources.cgi?id=ID:bill:AL2019000SJR45&ciq=nsl&client_md=bb713dbb453211342f79eed835dadc1c&mode=current_text
8. State Net. 2019 AL SJR 71 Act No. 2019-269. Accessed 18 November 2021. https://custom.statenet.com/public/resources.cgi?id=ID:bill:AL2019000SJR71&ciq=nsl&client_md=610424f9b68f56669d259f71528bfc54&mode=current_text
9. State Net. 2019 CA Assembly Bill No. 485. Accessed 18 November 2021. https://custom.statenet.com/public/resources.cgi?id=ID:bill:CA2019000A485&ciq=nsl&client_md=04e7b31dafc05fbee86dcbe9ee2d5718&mode=current_text
10. State Net. 2019 NY S 3971. Accessed 18 November 2021. https://custom.statenet.com/public/resources.cgi?id=ID:bill:NY2019000S3971&ciq=nsl&client_md=2f7d69c27aee3b3970517293ccd2ccb4&mode=current_text
11. Shaping Europe’s Digital Future. European Commission. “A European approach to artificial intelligence”. Accessed 18 November 2021. <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/european-approach-artificial-intelligence>
12. Ebers M., Navas S. (eds.). 2020. Algorithms and Law. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 319 pp.
13. National Conference of State Legislatures. 2020. “Autonomous vehicles. Self-driving vehicles enacted legislation”. Accessed 18 November 2021. <https://www.ncsl.org/research/transportation/autonomous-vehicles-self-driving-vehicles-enacted-legislation.aspx>
14. Official website of the Federal Trade Commission. 2016. Big Data. A Tool for Inclusion or Exclusion? Understanding the Issues. Federal Trade Commission Report. Accessed 18 November 2021. www.ftc.gov/system/files/documents/reports/big-data-tool-inclusion-or-exclusion-understanding-issues/160106big-data-rpt.pdf
15. Official website of the Federal Trade Commission. Complaint in the matter of Everalbum, INC., also d/b/a Ever and Paravision, a corporation. Accessed 18 November 2021. www.ftc.gov/system/files/documents/cases/everalbum_complaint.pdf
16. Official website of The White House. 2020. Guidance for Regulation of Artificial Intelligence Applications. Accessed 18 November 2021. www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2020/11/M-21-06.pdf

17. Jillson E. 2021. "Aiming for truth, fairness, and equity in your company's use of AI". Official website of the Federal Trade Commission. Accessed 18 November 2021. <https://www.ftc.gov/news-events/blogs/business-blog/2021/04/aiming-truth-fairness-equity-your-companys-use-ai>
18. Etaamb — raadplegings-motor van het Belgisch Staatsblad. Koninklijk besluit betreffende experimenten met geautomatiseerde voertuigen van 18 maart 2018. Accessed 11 March 2022. https://etaamb.openjustice.be/nl/koninklijk-besluit-van-18-maart-2018_n2018011160 [In Dutch]
19. Official website of the Congress of the USA. Legislation. Accessed 18 November 2021. www.congress.gov
20. Lietuvos Respublikos Seimo kanceliarija. Lietuvos Respublikos saugaus eismo automobilių keliais įstatymas. Accessed 18 November 2021. <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.111999/jVBTOvueTG> [In Lithuanian]
21. Official website of the U.S. Government Information. Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence. Accessed 18 November 2021. www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2019-02-14/pdf/2019-02544.pdf
22. Suomen liikenne- ja viestintäministeriö. 2020. "New Road Traffic Act enters into force on 1 June 2020". Accessed 18 November 2021. <https://www.lvm.fi/-/new-road-traffic-act-enters-into-force-on-1-june-2020-1194910>
23. China Science & Technology Newsletter. 2017. No. 17. Next Generation Artificial Intelligence Development Plan Issued by State Council. Accessed 18 November 2021. <http://fi.china-embassy.org/eng/kxjs/P020171025789108009001.pdf>
24. Obermeyer Z., Powers B., Vogeli C., Mullainathan S. 2019. "Dissecting racial bias in an algorithm used to manage the health of populations". *Science*, vol. 366, iss. 6464, pp. 447-453. DOI: 10.1126/science.aax2342
25. EUR-Lex. 2021. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and Amending Certain Union Legislative Acts. Accessed 18 November 2021. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021PC0206&qid=1646896625407>
26. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (Text with EEA relevance). *Official Journal of the European Union*, 2016, L. 119, vol. 59, pp. 1-88. Accessed 11 March 2022. <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj>
27. Barfield W., Pagallo U. (eds.). 2018. *Research Handbook on the Law of Artificial Intelligence*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing. 736 pp.
28. Roberts H., Cows J., Morley J. et al. 2021. "The Chinese approach to artificial intelligence: an analysis of policy, ethics, and regulation". *AI & Society*, vol. 36, iss. 1, pp. 59-77.
29. Smith A. 2020. "Using artificial intelligence and algorithms". Official website of the Federal Trade Commission. Accessed 18 November 2021. <https://www.ftc.gov/news-events/blogs/business-blog/2020/04/using-artificial-intelligence-algorithms>

30. Official website of the Federal Trade Commission. United States of America v. Facebook, Inc. Complaint for civil penalties, injunction, and other relief. Case No. 19-cv-2184. Accessed 18 November 2021. https://www.ftc.gov/system/files/documents/cases/182_3109_facebook_complaint_filed_7-24-19.pdf
31. Overheid.nl Dutch government information reference system. Wet toezicht discriminatievrije werving en selectie. Accessed 16 March 2022. www.internetconsultatie.nl/wet_toezicht_discriminatievrije_werving_en_selectie [In Dutch]
32. Official website of the National Development and Reform Commission, People's Republic of China. 智能汽车创新发展战略 [Intelligent Vehicle Innovation and Development Strategy]. Accessed 18 November 2021. https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/tz/202002/t20200224_1221077.html?code=&state=123 [In Chinese]

Виктор Иванович МОРОЗОВ¹
Сергей Геннадьевич ЛОСЕВ²
Андрей Александрович ЧУКРЕЕВ³

УДК 343.35

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

¹ Заслуженный юрист Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин,
Тюменский государственный университет
v.i.morozov@utmn.ru

² кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Тюменский государственный университет
s.g.losev@utmn.ru

³ кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Тюменский государственный университет
a.a.chukreev@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-9502-8860

Аннотация

Определение в Уголовном кодексе Российской Федерации понятия и признаков публичного должностного лица и лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой и иной организации, в первую очередь, имеет значение для разграничения круга тех виновных, которые будут нести уголовную ответственность в соответствии с положениями главы 23 или главы 30 Уголовного кодекса Российской Федерации. Очевидно, что, расширяя или ограничивая признаки должностного лица или лица,

---

Цитирование: Морозов В. И. Эволюция понятия должностного лица в отечественном законодательстве: проблемы и перспективы / В. И. Морозов, С. Г. Лосев, А. А. Чукреев // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 233-248.
DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-233-248

выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, можно влиять на статистические показатели преступности. По данной теме имеется множество трудов, однако настоящая работа посвящена вопросу соотношения объема двух рассматриваемых понятий, которые за историю постсоветского развития уголовного законодательства России неоднократно изменялись.

Целью написания работы является сравнение понятий публичного должностного лица и выполняющего управленческие функции в отечественном уголовном праве, раскрытие эволюции содержания понятия должностного лица в Уголовном кодексе Российской Федерации и выработка предложений по наиболее оптимальному правовому регулированию уголовной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей лицами, руководящими коммерческими организациями.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие при уголовно-правовом регулировании ответственности за ненадлежащее исполнение или неисполнение своих обязанностей должностными лицами.

Предметом исследования является действующее российское и утратившее силу советское уголовное законодательство, регулирующее ответственность должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции.

При написании работы использовались исторический и формально-юридический методы, посредством которых исследована эволюция понятия должностного лица в советский и постсоветский период.

По результатам исследования предлагаются изменения в действующее уголовное законодательство, сутью которых является четкое разграничение признаков должностного лица и лица, выполняющего управленческие функции в коммерческих организациях.

Ключевые слова

Должностное лицо, управленческие функции, коммерческая организация, должностное преступление, публично-правовая компания, уголовная ответственность.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-233-248

Введение

Необходимость проведения исследования обусловлена в первую очередь тем, что в феврале прошлого, 2021 г., в примечание к статье 285 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) были внесены изменения, которые в очередной раз существенно сдвинули рамки объема понятия публичного должностного лица (далее — ПДЛ) за счет того, что к его признакам стали относить и признаки руководителей тех хозяйственных организаций, которые контролируются органами публичной власти. При этом подобный способ регулирования ответственности, на наш взгляд, весьма далек от совершенства просто в силу того, что игнорирует социальный и правовой статус лиц, которые осуществляют руководство коммерческой организацией, основной целью которой является извлечение прибыли, что коренным образом отличает их от обычных чиновников,

для которых основная задача — поддержание существующего административного порядка за счет воспроизводства установленных бюрократических практик в рамках бюджета. Между тем, как будет показано ниже, количество хозяйственных субъектов, которые тем или иным способом контролируются органами государства или местного самоуправления, неизменно растет — идея о том, что рынок сам всё отрегулирует, хороша только для академических споров. При отмеченном обстоятельстве существует необходимость урегулировать особенности уголовной ответственности руководителей, указанных юридических лиц, которая, несомненно, имеет место, однако учтя все юридически значимые особенности их статуса.

В целом по теме понятия должностного лица имеется обширная монографическая литература и статьи в научной периодике, однако по собственно теме библиография не так уж велика — можно отметить работы Д. В. Аксенова, А. С. Борисова, а также А. В. Дёмкиной, Е. И. Рождайкиной [1-2].

Объектом настоящего исследования являются общественные отношения, складывающиеся при регулировании уголовной ответственности за ненадлежащее исполнение или неисполнение своих обязанностей лицами, выполняющими руководящие и иные управленческие функции в хозяйственных субъектах, контролируемых публично-правовыми образованиями Российской Федерации, ее субъектами, муниципальными образованиями и создаваемыми ими органами управления (далее — публично-правовые образования).

Предметом исследования является действующее российское и утратившее силу советское уголовное законодательство, регулирующее ответственность должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции.

Методы

При написании работы использовались традиционные для отечественной юридической литературы методы:

- во-первых, для описания эволюции отечественного уголовного законодательства, определяющего понятие ПДЛ, используется исторический метод, предметом анализа которого выступают тексты уголовных законов России советского периода — 1922, 1926 и 1960 гг.
- во-вторых, для описания правового статуса хозяйствующих субъектов используется догматический метод, заключающийся в анализе действующего законодательства методами лингвистики и компаративистики.

Результаты и обсуждения

В ходе проведенного исследования получены следующие выводы:

- действующая редакция примечания 1 к ст. 285 УК РФ не отвечает действующему гражданскому и административному законодательству, определяющему статус руководителей и иных управленцев в коммерческих юридических лицах, контролируемых органами публичной власти;
- предлагается собственная редакция указанного примечания;

- предлагается проект статьи уголовного закона, предусматривающей ответственность руководителей и иных управленцев в коммерческих юридических лицах, контролируемых органами публичной власти за неисполнение или не надлежащее исполнение своих обязанностей, повлекшее тяжкие последствия.

Обсуждение

Эволюция понятия публичного должностного лица (ПДЛ)

в отечественном уголовном законодательстве

Как представляется, понятие должностного лица, существующее в УК РФ 1996 г. [15], имеет свои корни в уголовном законодательстве России советского периода, в силу чего уместно проследить эволюцию данного понятия.

Уже в первом советском кодифицированном источнике — в Уголовном кодексе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (УК РСФСР) 1922 г. законодатель дал определение «ПДЛ». Оно определялось как лицо, занимающее должности в каком-либо учреждении (предприятии) (постоянно или временно). В качестве места работы ПДЛ выделялись:

- государственное/советское учреждение;
- предприятие;
- организация или объединения, наделенные полномочиями для реализации общегосударственных задач [4].

Редакция УК РСФСР 1926 г. [3] расширила круг должностных лиц за счет управленцев профсоюзов, которые должны были отвечать за совершенные ими должностные преступления только в том случае, если это было санкционировано постановлением профсоюза (отметим, что в УК 1996 г. появилась норма о согласии юридического лица или иной организации для привлечения к ответственности ее управленца).

На наш взгляд, советский законодатель изначально не пытался четко дифференцировать круг лиц, подпадающих под признаки ПДЛ, рассматривая в качестве таковых как лиц, занимающих должности в государственных и советских органах, так и лиц, занимающих должности в общественных организациях (профсоюзы), на предприятиях и иных организациях.

УК РСФСР, принятый в 1960 г., усовершенствовал определение должностного лица в части законодательной техники [16]. Во-первых, УК определял функции представителя власти, организационно-распорядительные или административно-хозяйственные. Во-вторых, в качестве места службы ПДЛ определялись государственные, общественные учреждения, организации или предприятия. И, наконец, в-третьих, законодатель указал порядок исполнения служебных обязанностей — постоянно, временно или при наличии особого полномочия, необходимого для исполнения таких функций.

Чем можно объяснить подобный подход к определению понятия ПДЛ? Как представляется, это объясняется тем, что те лица, которые исполняли функции руководителей предприятий, общественных организаций, мало отличались по своему

правовому статусу от государственных служащих. Особенностью советской системы было то, что все слои общества управлялись как части одной корпорации, без разделения сфер жизни общества на частное и публичное. Вследствие такой особенности фактически не было большой разницы между служащим собственно органов государственной власти и работниками иных организаций.

Существенное изменение социально-экономических условий жизни российского общества потребовало принятия нового уголовного законодательства. УК РФ, принятый в 1996 г., кардинально изменил вопросы уголовной ответственности лиц, выполняющих функции, связанные с управлением в организациях, обладающих признаками хозяйствующих субъектов, что было обусловлено возникновением корпоративного сектора управления экономикой.

УК 1996 г. был вполне консервативен, определив назначение деятельности ПДЛ, указав в качестве их функций: представителя власти, организационно-распорядительные (далее — ОРФ) или административно-хозяйственные (далее — АХФ). Главное нововведение заключалось в том, что было четко определено место службы ПДЛ — этим местом стали органы публичной власти, публичные учреждения, а также военизированные формирования РФ.

Но наиболее радикальным отличием от прежнего уголовного закона было появление категории лица, которое выполняет управленческие функции в коммерческой или иной организации, под которым понималось выполнение ОРФ или АХФ в коммерческой организации любой формы собственности, а также в иной организации, не исполняющей функции органа публичной власти.

Таким образом, авторы Уголовного закона России 1996 г. в его концепции изначально сформулировали две сферы деятельности лиц, выполняющих те или иные административные, управленческие функции — сферу публичного управления, которая относилась к деятельности органов государственной или муниципальной власти, и сферу деятельности частных организаций, чья деятельность изначально не была связана с осуществлением публично-правовых функций; при этом законодатель изначально не смешивал эти сферы деятельности, стараясь развести их признаки как можно дальше.

27 мая 1998 г. были внесены изменения в четвертое примечание к ст. 285 УК РФ, уточняющие ответственность служащих, не относящихся к ПДЛ, распространяющее действие норм главы 30 УК РФ на служащих органов МСУ.

Федеральный закон (ФЗ) от 01.12.2007 № 318-ФЗ расширил перечень субъектов должностных преступлений за счет лиц, выполняющих их функции в государственных корпорациях. Таким образом, можно сказать, что наметилась тенденция к переносу уголовной ответственности из норм, закрепленных в статьях главы 23, в главу 30 УК РФ.

На 2007 г. в России пришелся пик создания государственных корпораций [5-7, 11].

При этом государственные корпорации — это не только крупные хозяйствующие субъекты, нередко они наделяются публично значимыми функциями и даже полномочиями органа публичной власти.

Необходимо отметить, что Верховный суд РФ (ВС РФ) в своем постановлении от 10 февраля 2000 г. № 6 особо указал, что не являются субъектами получения взятки те работники органов публичной власти, которые исполняют обязанности, не связанные с осуществлением ОРФ или АХФ, а также работники, которые выполняют такие функции в организации, целью деятельности которой является извлечение прибыли, любой формы собственности, а также лица, которые представляют интересы государства в органах управления коммерческих организаций, часть акций, долей или вкладов которых контролируется федеральной собственностью. В том случае, если указанные сотрудники незаконно получали имущество или выгоды имущественного характера, то их действия необходимо было квалифицировать по статье 204 УК РФ.

Также в этом постановлении высшая судебная инстанция России повторила положения ст. 113 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), указав, что государственное и муниципальное унитарное предприятие относится к коммерческим организациям.

Аналогично Пленум ВС РФ в своем постановлении от 16 октября 2009 г. № 19 отметил, что субъектами коммерческого подкупа являются только управленцы коммерческой, некоммерческой организации, которая не является органом публичной власти, государственной корпорацией.

Таким образом, до определенного момента в уголовном законодательстве России и судебной практике четко выдерживался принцип разделения сферы действия норм, предусматривающих ответственность должностных лиц, и норм, предусматривающих ответственность лиц, выполняющих функции управления в организациях, не выполняющих функции органов публичной власти, в том числе занимающихся предпринимательской деятельностью.

В связи с присоединением России к международным соглашениям по борьбе с коррупцией статья 285 УК РФ была дополнена пятым примечанием, согласно которому действие норм о должностных преступлениях было распространено на ПДЛ иностранных государств и публичных международных организаций. Указанное примечание привело содержание УК РФ в соответствие с международными обязательствами РФ. Впрочем, решением от 04.05.2011 № 97-ФЗ данное примечание было исключено, предусмотрев ответственность таких лиц только в случае получения взятки.

ФЗ от 05.05.2014 № 96-ФЗ текстуально откорректировал содержание статей главы 30 УК РФ, заменив словосочетание «служащие органов местного самоуправления» термином «муниципальные служащие».

ФЗ от 13.07.2015 № 265-ФЗ еще более расширил перечень тех организаций, в которых исполняют свои функции должностные лица за счет компаний и предприятий, акционерных обществ, контрольный пакет акций которых принадлежит публично-правовым образованиям. Отметим, что, несмотря на то, что указанные организации (кроме государственных компаний), несомненно, являлись коммерческими, с учетом того, что они контролировались органами публичной власти, законодатель счел необходимым вывести лиц, выполняющих

функции управления и руководства этими организациями, из-под действия главы 23 УК РФ, отнеся их к ПДЛ.

Отметим, что изначально в примечании к ст. 285 УК РФ из числа собственно юридических лиц (и, соответственно, их «должностных лиц») упоминались только государственные и муниципальные учреждения (органы публичной власти только наделяются полномочиями юридического лица).

*Эволюция современного российского законодательства,
регулирующего деятельность хозяйственных субъектов
с публично-правовым участием*

Что же касается государственных компаний как места деятельности должностных лиц, то необходимо четко выделять *государственную компанию* как особую организационно-правовую форму некоммерческой организации, которую не стоит смешивать с компанией, принадлежащей или контролируемой государством.

Впервые положения о государственной компании были закреплены в ФЗ от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» путем его дополнения статьей 7.2 «Государственная компания» в 2009 г. Эти дополнения были внесены ФЗ от 17.07.2009 № 145-ФЗ «О государственной компании „Российские автомобильные дороги“ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Тогда же была создана первая (и единственная по сей день, насколько нам известно) государственная компания в России — «Российские автомобильные дороги».

В соответствии с положениями ст. 113-115 ГК РФ, государственные и муниципальные унитарные предприятия — организационно-правовая форма *коммерческих организаций*. Однако фактически такие предприятия в России обычно осуществляют публично значимые функции.

Кроме того, анализируемое примечание было дополнено упоминанием об акционерных обществах, «контрольный пакет акций» которых принадлежит тому или иному отечественному публично-правовому образованию.

Однако стоит заметить, во-первых, понятие *контрольного пакета акций* не определено в законодательстве РФ. Обычно такой пакет определяют как такое количество акций акционерного общества, которое дает их владельцу как минимум простое большинство голосов при голосовании на общем собрании акционеров, т. к. на этом собрании решения принимаются, по общему правилу, большинством голосов акционеров — владельцев голосующих акций. Хотя при этом, как правило, подчеркивается, что на практике в конкретном обществе, в одних случаях и меньший по количеству акций пакет может обеспечивать его обладателю возможность проводить свои решения на указанном собрании и, соответственно, считаться «контрольным». А в других случаях и пакет с количеством, скажем, 50-60% голосующих акций общества может не давать желаемого контроля над обществом его обладателю. Неслучайно ФЗ «Об акционерных обществах» вообще термин «контрольный пакет акций» не использует [13].

Во-вторых, дополнение анализируемого примечания *акционерными обществами* необоснованно оставило за скобками *общества с ограниченной ответственностью*. И, конечно, наши публично-правовые образования вправе по закону участвовать в таких обществах тоже, и участвуют в них на практике. Этот пробел был устранен законодателем только в 2021 г.

В феврале 2021 г. в примечание к ст. 285 УК РФ вновь были внесены существенные изменения федеральным законом от 24.02.2021 № 16-ФЗ, который отнес к местам службы ПДЛ хозяйственные общества, прямо или косвенно контролируемые органами публичной власти.

Таким образом, перечень юридических лиц в примечании 1 ст. 285 УК РФ был снова расширен за счет следующих организационно-правовых форм (разновидностей):

- 1) государственные внебюджетные фонды;
- 2) публично-правовые компании;
- 3) хозяйственные общества, в высшем органе управления которых публично-правовое образование имеет право прямо или косвенно распоряжаться более чем пятьюдесятью процентами голосов либо имеет право назначать (избирать) единоличный исполнительный орган или более пятидесяти процентов состава коллегиального органа управления;
- 4) в акционерных обществах, в отношении которых используется специальное право на участие публично-правовых образований в управлении («золотая акция»).

Государственные внебюджетные фонды в России — Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ и Федеральный фонд обязательного медицинского страхования. Социально-экономическое значение данных фондов очевидно.

Термин «публично-правовая компания» появился в законодательстве РФ не так давно — с 1 сентября 2014 г. Тогда п. 3 ст. 50 ГК РФ, где закреплялся перечень организационно-правовых форм *некоммерческих организаций*, был изложен ФЗ от 05.05.2014 № 99-ФЗ, и в нем, в частности, впервые были упомянуты такие компании. Однако еще довольно долго существовала правовая неопределенность в вопросе о том, что собой представляет данная организационно-правовая форма, так как правовые нормы, определяющие ее статус, у нас отсутствовали. Ситуация прояснилась только с принятием ФЗ от 03.07.2016 № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации». Данный закон дал определение публично-правовой компании, которое достаточно ясно характеризует предназначение такого рода юридических лиц (как, впрочем, уже само название этой организационно-правовой формы), там сказано следующее: «Публично-правовой компанией является унитарная некоммерческая организация, созданная Российской Федерацией в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, наделенная функциями и полномочиями публично-правового характера и осуществляющая свою деятельность в интересах государства и общества» [12].

Как уже было отмечено, прежняя редакция анализируемого примечания не охватывала общества с ограниченной ответственностью. Теперь этот пробел устранен. Действительно, российские публично-правовые образования выступают участниками не только акционерных обществ, но и обществ с ограниченной ответственностью. Собирательное понятие «хозяйственные общества» охватывает обе эти организационно-правовые формы юридических лиц.

Кроме того, отказ законодателя от использования термина «контрольный пакет акций» нельзя не приветствовать. Сегодня необходимые в анализируемом контексте критерии контроля публично-правовых образований над хозяйственными обществами описаны более точно и адекватно — через наличие у соответствующих субъектов права либо прямо или косвенно (через подконтрольных им лиц) распоряжаться более чем 50% голосов в высшем органе управления хозяйственных обществ (то есть в общем собрании акционеров), либо назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более 50% состава коллегиального органа управления (наблюдательного совета или совета директоров).

Кроме того, появилась и такая категория юридических лиц, как акционерные общества, в отношении которых используется особое право на участие публично-правовых образований в управлении («золотая акция»). Такие «золотые акции» применяются в нашей стране еще с 90-х гг. XX в. для сохранения контроля государства над акционерными обществами, акции которых приватизируются, и такое специальное право прямо урегулировано у нас законодательно [8].

Таким образом, гражданское законодательство существенно изменилось за счет норм, расширяющих участие органов публичной власти в экономике. Подобные изменения отразились на содержании Уголовного закона, в связи с чем был внесен законопроект об изменении примечания 1 к ст. 285 УК РФ.

Проблемы определения ПДЛ в действующем уголовном законодательстве России

Авторы законопроекта о расширении признаков понятия ПДЛ в пояснительной записке указали, что, в соответствии с примечаниями к ст. 285 УК РФ, руководители дочерних организаций хозяйственных обществ, подконтрольных публично-правовым образованиям, не являются субъектами злоупотребления должностными полномочиями, получения взятки (очевидно, что они забыли про коммерческий подкуп), служебного подлога, халатности, и, кроме того, последствия от совершенных такими лицами преступных деяний сравнимы с последствиями от должностных преступлений, а уголовное преследование за преступления против интересов службы в организациях осложняется не обращением в правоохранительные органы пострадавших хозяйствующих организаций (что является скорее организационной, а не законодательной проблемой). Таким образом, авторы законопроекта в качестве способа решения отмеченных проблем выдвинули идею расширить перечень лиц, признаваемых должностными, что было рассмотрено выше.

Какие проблемы это порождает?

Во-первых, как представляется, подобные новации ставят в невыгодное положение членов руководящих органов коммерческих организаций, которые контролируются органами публичной власти, налагая дополнительные ограничения на их действия по сравнению с лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих организациях, которые не подвержены угрозе уголовного преследования за многие рискованные действия, неизбежные в условиях конкурентной экономики.

Во-вторых, рассматриваемые изменения игнорируют особенности правового статуса государственных служащих, служащих органов местного самоуправления и статус руководящих лиц в коммерческих и некоммерческих организациях, даже если данные организации и контролируются государством. По сравнению с советской эпохой в обществе имеется устойчивое деление на сферу публичной деятельности и сферу частной деятельности. Вследствие этого на служащих публичных органов власти налагаются дополнительные обязанности и ограничения, по сравнению с частными лицами. Указанные обременения содержатся в первую очередь в нормах административного права, но к ним обращаются и нормы уголовного права.

Наконец, в-третьих, вызывает сомнения применимость некоторых признаков составов должностных преступлений к деяниям руководителей крупных компаний. В первую очередь речь идет о халатности. В соответствии с примечанием к ст. 293 УК РФ, крупным ущербом при халатности является ущерб свыше полутора миллионов рублей, а особо крупным — свыше семи с половиной миллионов рублей. Многие российские корпорации, контролируемые государством, имеют обороты в миллиарды рублей, вследствие чего подобные мелочные ограничения, если их пытаться последовательно воплощать в правоприменительной практике (иначе зачем их надо было вводить в текст Уголовного закона?), неизбежно превратят управленческий аппарат компаний, контролируемых органами публичной власти, в чиновников, которые руководствуются принципом «как бы чего не вышло».

Наглядным примером могут служить положения ст. 289 УК РФ, которая предусматривает ответственность должностного лица в том случае, если он организует коммерческое юридическое лицо, или управляет им, или иным образом вовлечен в осуществление предпринимательской деятельности, при этом предоставляя руководимой организации льготы и преимущества. Для служащих публичных органов власти ограничение на занятие предпринимательской деятельностью естественно, вследствие чего вполне логичным выглядит установление уголовной ответственности за нарушение данного запрета. Из-за изменений в УК РФ от 24 февраля 2021 г. может возникнуть абсурдная ситуация, когда публичное должностное лицо, введенное в руководящие органы коммерческой организации и пытающееся «выбить» для нее какие-либо преференции, используя особенности своего социального положения, неизбежно подпадает под действие ст. 289 УК РФ, даже если оно преследовало общественно-полезные цели.

Отметив указанные недостатки, было бы неправильно ограничиться только их констатацией, не предложив пути их устранения.

Как способ решения проблемы можно вернуться к прежней концепции УК РФ, предусмотрев ответственность руководителей коммерческих организаций, контролируемых публичными органами власти, в главе 23 УК РФ. При этом необходимо дополнить данную главу положениями, расширяющими возможность привлечения к уголовной ответственности в случае совершения служебных преступлений в коммерческих организациях, о которых сейчас идет речь в примечании 1 к ст. 285 УК РФ.

Можно также рассмотреть способ регулирования ответственности должностных лиц, существующий в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ): согласно ст. 2.4 данного акта, установлена ответственность должностных лиц, при этом дифференциация ответственности определяется тем, что в статье выделяются подкатегории должностных лиц и указывается, за какие конкретно правонарушения они несут ответственность. В частности, указано, что совершившие административные правонарушения в связи с выполнением ОРФ или АХФ руководители и другие работники иных организаций, арбитражные управляющие, совершившие правонарушения, предусмотренных статьями КоАП РФ, несут ответственность как должностные лица.

Наконец, можно выделить отдельную категорию «лица, выполняющие управленческие функции, в коммерческих и иных организациях в публичном секторе», указав перечень преступлений из глав 23 и 30 УК РФ, за которые они несут ответственность.

Таким образом, в заключение следует сделать некоторые выводы:

1. В редакции понятия должностного лица исключить признаки лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих организациях, независимо от того, кто их контролирует.

При этом необходимо изменить порядок оценки материального ущерба, причиненного вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения своих служебных обязанностей. Можно принять во внимание положения примечания третьего к ст. 159 УК РФ, определяющего крупный и особо крупный размер ущерба.

2. Следует дополнить ст. 23 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), регулиующую процедуру возбуждения уголовных дел в отношении управленцев коммерческих организаций, положениями о том, что уголовные дела в отношении лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих организациях, контролируемых публичными органами власти, возбуждаются в общем порядке, без получения согласия руководителей таких организаций.
3. Необходимо главу 23 УК РФ дополнить статьей «Ненадлежащее исполнение служебных обязанностей в коммерческой организации» в следующей редакции:

Статья 201.2. Ненадлежащее исполнение служебных обязанностей в коммерческой организации

1. Неисполнение или ненадлежащее исполнение лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой организации, своих служебных обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к ним, если это повлекло причинение крупного ущерба или существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, —
наказывается... (санкция преступления небольшой тяжести).
2. То же деяние, повлекшее причинение особо крупного ущерба, —
наказывается... (санкция преступления средней тяжести).
3. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека, —
наказывается... (санкция тяжкого преступления).

Примечание.

Крупным ущербом в настоящей статье признается ущерб, сумма которого превышает три миллиона рублей, а особо крупным — превышающая двенадцать миллионов рублей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенов Д. В. Понятие должностного лица в Уголовном праве / Д. В. Аксенов, А. С. Борисов // Проблемы защиты прав: история и современность: сб. трудов XV Международной науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 29 октября 2020 г.). СПб.: Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2021. С. 312-316.
2. Дёмкина А. В. К вопросу о понятии должностного лица в Уголовном праве / А. В. Дёмкина, Е. И. Рождайкина // Актуальные вопросы публичного права: материалы XIX Всероссийской науч. конф. студентов и молодых ученых (Екатеринбург, 12-13 ноября 2020 г.). Екатеринбург: Уральский гос. юрид. ун-т, 2020. Выпуск 19. С. 257-264.
3. О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР редакции 1926 года: Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР») // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3274&dst=100001#KNGDJxS560mExbuC> (дата обращения: 27.01.2022).
4. О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР: Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР») // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757375> (дата обращения: 27.01.2022).

5. О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»: Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 317-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 49. Ст. 6078. URL: <https://base.garant.ru/12157441/> (дата обращения: 27.01.2022).
6. О Государственной корпорации по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех»: Федеральный закон от 23 ноября 2007 г. № 270-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 48 (часть II). Ст. 5814. URL: <https://base.garant.ru/12157231/> (дата обращения: 27.01.2022).
7. О государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ»: Федеральный закон от 17 мая 2007 г. № 82-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 22. Ст. 2562. URL: <https://base.garant.ru/12153549/> (дата обращения: 27.01.2022).
8. О приватизации государственного и муниципального имущества: Федеральный закон от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 4. Ст. 251. URL: <https://base.garant.ru/12125505/> (дата обращения: 27.01.2022).
9. О публично-правовой компании «Единый заказчик в сфере строительства» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 435-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 52 (часть I). Ст. 8581. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74998893/> (дата обращения: 27.01.2022).
10. О публично-правовой компании «Единый регулятор азартных игр» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 493-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 1 (часть I). Ст. 32. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056878/> (дата обращения: 27.01.2022).
11. О публично-правовой компании по защите прав граждан — участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 218-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 31 (часть I). Ст. 4767. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71632782/> (дата обращения: 27.01.2022).
12. О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (часть I). Ст. 4169.
13. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 1. URL: <https://base.garant.ru/10105712/> (дата обращения: 27.01.2022).
14. Сергеев А. П. Об ошибочном понимании гражданско-правовых норм в уголовном судопроизводстве / А. П. Сергеев // Закон. 2020. № 1. С. 139-148.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954. URL: <https://base.garant.ru/10108000/> (дата обращения: 27.01.2022).
16. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 27.01.2022).

Viktor I. MOROZOV¹

Sergey G. LOSEV²

Andrey A. CHUKREEV³

UDC 343.35

EVOLUTION OF THE CONCEPT OF AN “OFFICIAL” IN THE DOMESTIC LAW: PROBLEMS AND PROSPECTS

¹ Honored Lawyer of the Russian Federation,
Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Law Disciplines,
University of Tyumen
v.i.morozov@utmn.ru

² Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor,
Department of Criminal Law Disciplines,
University of Tyumen
s.g.losev@utmn.ru

³ Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor,
Department of Criminal Law Disciplines,
University of Tyumen
a.a.chukreev@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-9502-8860

Abstract

Defining the concept and features of a “public official” and of a “person performing managerial functions in a commercial or other organization” in the Criminal Code of the Russian Federation, first of all, is important to distinguishing those offenders who will be held criminally responsible in accordance with the provisions of Chapter 23 or Chapter 30 of the Criminal Code. It is obvious that by expanding or limiting the features of a public official or a person performing managerial functions in a commercial or other organization, it is possible to influence criminal statistics. There is an extensive literature on this topic, but this paper is devoted to the issue of correlation between the scope of the two concepts under

---

Citation: Morozov V. I., Losev S. G., Chukreev A. A. 2022. “Evolution of the concept of an ‘official’ in the domestic law: problems and prospects”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 1 (29), pp. 233-248.
DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-233-248

---

consideration, which has repeatedly changed in the history of the post-Soviet development of criminal legislation of Russia.

The purpose of this work is to compare the concepts of a “public official” and of a “person performing managerial functions in a commercial or other organization” in the domestic criminal law; to reveal the way how the content of the concept of an “official” evolved in the Criminal Code of the Russian Federation; to formulate proposals for the most optimal legal regulation of criminal liability for nonperformance or improper performance of duties by persons governing commercial organizations.

The object of the study is public relations arising during the criminal-legal regulation of responsibility for improper performance or non-performance of duties by officials.

The subject of the research is current Russian as well as null and void Soviet criminal legislation regulating responsibility of an official or a person performing managerial functions. While writing this paper the authors used historical and formal-legal methods, through which the evolution of the concept of an “official” in the Soviet and post-Soviet period was investigated.

Based on the results of the research, the authors propose changes to the existing criminal legislation, the essence of which is the clear distinction of features of an official and a person performing managerial functions in commercial organizations.

Keywords

Official, managerial functions, commercial organization, official malfeasance, public law company, criminal liability.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-233-248

REFERENCES

1. Aksenov D. V., Borisov A. S. 2021. “The concept of an ‘official’ in criminal law”. Proceedings of the 15th International Scientific and Practical Conference “Problems of rights protection: history and modernity” (29 October 2020, Saint Petersburg), pp. 312-316. Saint Petersburg: Pushkin Leningrad State University. [In Russian]
2. Demkina A. V., Rozhdaykina E. I. 2020. “To the question of the concept of an ‘official’ in criminal law”. Proceedings of the 19th All-Russian Scientific Conference of Students and Young Researchers “Current issues of public law” (12-13 November 2020, Yekaterinburg). Volume 19. Pp. 257-264. Yekaterinburg: Ural State Law University. [In Russian]
3. Collection of Laws of the RSFSR. 1926. No. 80. Art. 600. On enactment of the Criminal Code of RSFSR of 1926 edition: Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of 22 November 1926 (with the Criminal Code of RSFSR). Accessed 27 January 2022. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3274&dst=100001#KNGDJxS560mExbuC> [In Russian]
4. Collection of Laws of the RSFSR. 1922. No. 15. Art. 153. On enactment of the Criminal Code of RSFSR: Resolution of the All-Russian Central Executive Committee

- of 1 June 1922 (with the Criminal Code of RSFSR). Accessed 27 January 2022. <https://docs.cntd.ru/document/901757375> [In Russian]
5. Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 49. Art. 6078. On the state atomic energy corporation “Rosatom”: Federal Law of 1 December 2007 No. 317-FZ. Accessed 27 January 2022. <https://base.garant.ru/12157441/> [In Russian]
  6. Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 48 (part 2). Art. 5814. On state corporation for promotion of development, production and export of high-technology industrial products “Rostec”: Federal Law of 23 November 2007 No. 270-FZ. Accessed 27 January 2022. <https://base.garant.ru/12157231/> [In Russian]
  7. Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 22. Art. 2562. On state development corporation “VEB.RF”: Federal Law of 17 May 2007 No. 82-FZ. Accessed 27 January 2022. <https://base.garant.ru/12153549/> [In Russian]
  8. Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 4. Art. 251. On privatization of state and municipal property: Federal Law of 21 December 2001 No. 178-FZ. Accessed 27 January 2022. <https://base.garant.ru/12125505/> [In Russian]
  9. Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 52 (part 1). Art. 8581. On the public law company “Edinyy zakazchik v sfere stroitelstva” and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of 22 December 2020 No. 435-FZ. Accessed 27 January 2022. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74998893/> [In Russian]
  10. Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 1 (part 1). Art. 32. On the public law company “Edinyy regulyator azartnykh igr” and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of 30 December 2020 No. 493-FZ. Accessed 27 January 2022. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056878/> [In Russian]
  11. Collected Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 31 (part 1). Art. 4767. On a public law company to protect the rights of citizens — participants of shared construction in the case of insolvency (bankruptcy) of developers and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of 29 July 2017 No. 218-FZ. Accessed 27 January 2022. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71632782/> [In Russian]
  12. Collected Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 27 (part 1). Art. 4169. On public law companies in the Russian Federation and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of 3 July 2016 No. 236-FZ. [In Russian]
  13. Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 1. Art. 1. On joint stock companies: Federal Law of 26 December 1995 No. 208-FZ (rev. of 2 July 2021). Accessed 27 January 2022. <https://base.garant.ru/10105712/> [In Russian]
  14. Sergeev A. P. 2020. “Misinterpretation of civil law provisions in criminal proceedings”. *Zakon Journal*, no. 1, pp. 139-148. [In Russian]
  15. Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954. Criminal Code of the Russian Federation of 13 June 1996 No. 63-FZ. Accessed 27 January 2022. <https://base.garant.ru/10108000/> [In Russian]
  16. *Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR*. 1960. No. 40. Art. 591. Criminal Code of the RSFSR (approved by the Supreme Soviet of the RSFSR on 27 October 1960). Accessed 27 January 2022. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ [In Russian]

ЭКОНОМИКА

Елена Геннадьевна ТОКМАКОВА¹

Анна Юрьевна КОСМАЧЕВА²

УДК 657

ДИЗАЙН СИСТЕМЫ АНАЛИТИЧЕСКОГО УЧЕТА ДОХОДОВ И РАСХОДОВ УПРАВЛЯЮЩЕЙ КОМПАНИИ В СФЕРЕ ЖКХ

¹ кандидат экономических наук, доцент
кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля,
Тюменский государственный университет
e.g.tokmakova@utmn.ru; ORCID: 0000-0003-4109-5213

² ведущий экономист, ООО «Брусника. Управление домами. Сургут»
kalincheva.anna@mail.ru

Аннотация

Особенность деятельности управляющих компаний ЖКХ весьма существенно влияет на организацию учета доходов и расходов. Различные направления деятельности, многообразие и особенности оказываемых услуг, наличие по некоторым из них льгот по НДС требуют особого дизайна аналитического учета доходов и расходов с целью получения детализированной достоверной информации, необходимой для эффективного управления.

Методология исследования базируется на общепринятой парадигме понимания аналитического учета доходов и расходов как системы формирования информации, необходимой для управления экономическим субъектом, с дальнейшим развитием концепции детализации информации о доходах и расходах, основанной на актуализации этого процесса, исходя из особенностей и реалий деятельности управляющей

Цитирование: Токмакова Е. Г. Дизайн системы аналитического учета доходов и расходов управляющей компании в сфере ЖКХ / Е. Г. Токмакова, А. Ю. Космачева // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 249-268.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-249-268

компании ЖКХ. На основе анализа данных теоретических исследований и практики аналитического учета ООО «Брусника. Управление домами. Тюмень» сделан вывод о необходимости углубления аналитического учета доходов и расходов управляющей компании ЖКХ.

Результатом исследования является представленная система кодировки аналитических счетов управленческого учета для детализации информации о доходах и расходах при оказании услуг в системе ЖКХ. Предложенная методика кодировки аналитических счетов, при ее практическом применении, позволит формировать подробную информацию, необходимую для эффективного менеджмента, управляющей компанией по различным направлениям деятельности.

Ключевые слова

Управленческий учет, аналитический учет, управляющая компания ЖКХ, доходы, расходы, услуги управляющей компании.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-249-268

Введение

Управляющие компании в сфере жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) — это экономические субъекты, которым передаются в управление многоквартирные дома (МКД). Деятельность управляющей компании состоит в оказании услуг, выполнении работ согласно договору по управлению МКД и обязательно лицензируется. При этом установлены обязательные работы и услуги, которые она должна выполнять и оказывать, но управляющая компания может осуществлять и дополнительную деятельность по оказанию услуг и выполнению работ разного содержания, не входящих в обязательный перечень. При этом выполнение определенных обязательных видов работ и услуг не подлежит обложению НДС.

В управление одной управляющей компании могут входить несколько МКД. Разнообразие видов работ и услуг, оказываемых управляющей компанией, и наличие нескольких домов в ее обслуживании, а также ряд других факторов требуют продуманной системы аналитического учета расходов и доходов по осуществлению хозяйственной деятельности управляющей компании, позволяющей формировать детализированную информацию по данным объектам бухгалтерского учета.

Особенность коммерческой деятельности управляющей организации, в частности, состоит в наличии ограничения в получении выручки — дохода, при объективно растущих расходах. Выручка определена тарифами, указанными в договоре, заключенном с жителями. Тарифы на оказание услуг не могут быть изменены оперативно. Это длительный процесс, предполагающий в завершение его согласие собственников жилья.

Для управляющей компании, как коммерческой организации, важно рентабельно работать в постоянно изменяющейся ситуации. Эти изменения, как правило,

объективно увеличивают затраты при неизменной выручке. Актуальный пример такой ситуации — увеличение расходов в условиях пандемии коронавирусной инфекции. Выполнение рекомендаций Роспотребнадзора по проведению дезинфекции в местах общего пользования в МКД привело к увеличению на период пандемии затрат управляющей организации на санитарное содержание общего имущества в МКД, в связи с приобретением дезинфицирующих средств. При этом выручка управляющей компании не увеличилась, так как увеличение затрат на проведение этих работ не было заложено в тариф. Несмотря на то, что из городского бюджета выделялись средства на дополнительные расходы в связи с дезинфекцией мест общего пользования, эти средства не покрывали в полном объеме понесенные расходы.

Данный факт ограничения выручки при увеличении затрат на осуществление деятельности управляющей компании, по нашему мнению, является ключевым аргументом в обосновании необходимости развития методики управленческого учета в организациях ЖКХ, позволяющего формировать данные для эффективного управления, обеспечивающего оптимизацию деятельности управляющей компании ЖКХ. Данную позицию разделяют многие авторы. Так, И. А. Квитко, Е. Р. Синянская изложили в своей статье аргументацию возможности использования методов бухгалтерского учета в системе управления предприятиями ЖКХ [4]. Разработка дизайна системы аналитического учета, нацеленного на получение детализированной информации по разным направлениям получения доходов и осуществления расходов управляющей компании, позволит повысить информативность данных управленческого учета.

Методы

Проведенное исследование базируется на основной парадигме построения управленческого учета любого объекта — целесообразность систематизации данных для получения полной и подробной информации с той степенью детализации, которая позволит при анализе полученной информации принимать соответствующие управленческие решения по повышению эффективности деятельности экономического субъекта.

На первом этапе исследования были изучены и проанализированы результаты теоретических исследований по вопросам учета в ЖКХ на основе публикаций российских и зарубежных ученых. На втором этапе был изучен и проанализирован практический опыт организации управленческого учета доходов и расходов ООО «Брусника. Управление домами. Тюмень».

Результаты

Обзор литературы

Особенности учета доходов и расходов управляющей компании представлены в статье А. Ю. Калинчевой [3]. Ж. М. Дытченковой изложены основные методы учета затрат и формирования себестоимости в сфере услуг ЖКХ [2]. Е. А. Павленко исследованы вопросы автоматизации бухгалтерского и управленческого

учета в организациях ЖКХ [7]. Л. И. Хайруллина проанализировала вопросы формирования учетной политики в условиях развития рыночных отношений в системе ЖКХ [10].

Бухгалтерский управленческий учет каждая организация, в том числе и управляющая компания, вправе организовать по своим правилам, максимально используя его возможности как инструмента информационного обеспечения менеджмента субъекта ЖКХ для оптимизации деятельности в целом и формирования достоверной, раскрывающей существенные аспекты деятельности, информации, необходимой для принятия управленческих решений, позволяющих получить желаемый финансовый результат.

Невозможно переоценить значение управленческого учета как инструмента получения детализированной информации о деятельности любого хозяйствующего субъекта. Роль, функции и дизайн систем управленческого учета и контроля всегда являлись вопросами, которым уделяется значительное внимание в исследованиях, посвященных вопросам бухгалтерского учета. Развитие управленческого учета берет начало в зарубежной практике и научных исследованиях. Б. Спичер, В. Баллев (Barry H. Spicer, Van Ballew) в 1983 г. рассмотрели в своей статье взаимосвязь системы управленческого учета и внутренней экономики организации [17]. А. Давила и Дж. Фостер (Antonio Davila, George Foster) в своей статье рассматривают внедрение управленческого учета экономических субъектов на ранних стадиях их деятельности [16]. Зарубежными учеными Дж. Дж. Уильямсом и А. Э. Симаном (John J. Williams, Alfred E. Seaman) были проведены исследования, подтверждающие, что изменение управленческого учета и контроля влияет на производительность не напрямую, а опосредованно через управленческую информацию [18]. Управленческий учет развивается, несмотря на наличие возможных факторов, препятствующих этому процессу; иранские ученые А. Аллахьяри, М. Рамазани (Akbar Allahyari, Morteza Ramazani) в своей статье исследовали эти факторы на примере предприятий Ирана [12]. Имеющее место развитие управленческого учета демонстрирует, по мнению Дж. Бёрнса и Р. У. Скэпенса (John Burns, Robert W. Scapens), важность организационных процедур и институтов в формировании процессов изменения управленческого учета [14]. Имеются глубокие исследования изменений управленческого учета и их систематизации, что, по мнению К. Буско, П. Кваттроне и А. Риккабони (Cristiano Busco, Paolo Quattrone, Angelo Riccaboni), позволяет осмыслить характер и значение самого управленческого учета [15].

Изучение публикаций по вопросам управленческого учета субъектами, оказывающими жилищно-коммунальные услуги, дает авторам возможность констатировать, что данная тема не так широко представлена в публикациях зарубежных авторов, как результаты теоретических исследований безотносительно сферы деятельности. На оторванность теоретических исследований вопросов управленческого учета от практического их применения указывают Г. Балдвинсдоттир, Ф. Митчелл, Х. Нёрреклит (Gudrun Baldvinsdottir, Falconer Mitchell, Hanne Nørreklit) в своей статье, отмечая, что «в последние десятилетия интерес

академических исследователей к практическим аспектам управленческого учета ослаб»: «за последние несколько десятилетий мы стали свидетелями утверждения управленческого учета в академических кругах как социальной науки. Это означает, что академические исследователи пренебрегли техническим ядром своей дисциплины и ее проблемами и вопросами, имеющими прямое практическое значение» [13].

В свою очередь, российские ученые, занимающиеся вопросами управленческого учета, уделяют серьезное внимание его особенностям в сфере ЖКХ, изучая как теоретические, так и практические их аспекты. В. В. Говдя и С. А. Шулепина в своей статье изложили базовые правила организации учета затрат в управляющих организациях ЖКХ [1]. С. А. Шулепина указывает на возможность применения в качестве объектов управленческого учета в ЖКХ издержки организации и центры ответственности [11]. Д. Ю. Рожкова предложила последовательность действий в учете для расчета возмещения расходов на содержание дома, базируясь на информации, формируемой в предложенном регистре аналитического учета затрат управляющей компании [8]. О. В. Кучерявая, Е. Г. Осташенко обосновывают необходимость разработки номенклатуры статей затрат, адаптированной для целей управления по каждой группе услуг управляющей компании, с учетом отраслевых и технологических особенностей оказания услуг [5]. Также есть исследования по вопросам аналитического учета расчетов с поставщиками услуг для управляющей компании в системе ЖКХ, в частности по недопоставленным услугам (Е. Г. Токмакова, Э. В. Кашкарова [9]).

Для осуществления эффективного управления деятельностью субъекта ЖКХ необходимо располагать детализированной информацией о доходах и расходах хозяйствующего субъекта. При этом данная информация может формироваться по разным направлениям систематизации данных о доходах и расходах управляющей компании, что и влияет на построение системы аналитического учета доходов и расходов — ее дизайн.

Базовый принцип построения системы аналитического учета доходов и расходов управляющей компании ЖКХ — определение объектов учета

При разработке дизайна аналитического учета доходов и расходов управляющей компании необходимо исходить из концепции многоаспектности признаков детализации информации.

В данной статье представлена система управленческого учета доходов и расходов, базирующаяся на изученном практическом опыте организации аналитического учета ООО «Брусника. Управление домами. Тюмень».

ООО «Брусника. Управление домами. Тюмень» — управляющая компания, которая занимается управлением и обслуживанием жилых домов и коммерческой недвижимости в Тюмени.

Как любая коммерческая организация, управляющая компания нацелена на получение максимальной прибыли, при этом система управления должна иметь полную информацию о расходах на осуществление своей деятельности и их

структуре, о доходах и их структуре. Специфика деятельности управляющей компании предполагает необходимость иметь данные не только в целом о доходах и расходах и, соответственно, о финансовом результате, но мониторить и контролировать ситуацию по расходам в сопоставлении с доходами по каждому объекту учета для осуществления эффективного управления своей деятельностью.

Традиционный подход к организации аналитического учета в субъектах ЖКХ — это выбор МКД в качестве основного объекта учета. В управлении у управляющей компании могут находиться МКД, деятельность по обслуживанию которых может быть убыточной или прибыльной. Для того чтобы получить максимальную прибыль, необходимо осуществлять эффективный менеджмент, что в свою очередь возможно при наличии полной информации о доходах и расходах по каждому объекту учета.

Для крупных управляющих компаний их деятельность может быть слишком обширна в одном регионе, поэтому представляется целесообразным проводить группировку домов города по кластерам, в которые будут входить МКД 1, МКД 2 и т. д.

Кластеризация может быть осуществлена по разным признакам. Возможно использование территориального распределения или признака технического оснащения домов (дома с паркингом, дома с собственными газовыми котельными и т. п.); критерием группировки может выступать класс обслуживания (эконом, комфорт-класс, бизнес и т. п.). Также возможно применить как признак классификации тариф обслуживания (ниже муниципального, муниципальный, выше муниципального) или производить группировку по ответственным — управляющим жилыми комплексами, по застройщикам; при этом, если у застройщика уже была произведена классификация домов на некоторые группы, логично сохранить ту же концепцию деления.

Представляется логичным взять за основу кластеризации критерий ответственных за МКД, т. к. группировка важна для контроля расходов и доходов, при этом очевидно, что руководитель, ответственный за МКД (группу МКД), будет получать информацию, соответственно, по находящемуся в его управлении объекту. При такой классификации аппарат управления крупной компании получит возможность определять эффективность работы сотрудника — управляющего жилыми комплексами по вверенным ему объектам.

Однако, по нашему мнению, целесообразно с позиции повышения информативности данных осуществлять группировку МКД по территориальному признаку. При этом логично закрепить за каждым кластером определенного ответственного администратора. Такой концептуальный подход кластеризации позволит объединить два критерия: территориальный признак и административный (по ответственному лицу).

Рассмотрим группировку объектов учета по номенклатурным группам (кластерам) на передовом, по нашему мнению, примере ООО «Брусника. Управление домами. Тюмень». В управлении у ООО «Брусника. Управление домами. Тюмень» по состоянию на 01.12.2021 находится 56 МКД суммарной площадью 684 041,9 м², в т. ч. 10 911 квартир, 424 офисных помещения, 1 191 кладовая

и 1 888 машино-мест [6]. Объекты управления поделены на 5 микрорайонов (подразделений), названия которых были заимствованы у застройщика: Европейский, Европейский квартал, Новин, Видный, Интеллект-квартал, что является логичной концепцией продолжения классификации МКД на уже понятные как жителю, так и застройщику группы. Логически следует, что данные группы уже территориально обособлены, т. е. имеют территориальный признак, и за каждой группой закреплены ответственные сотрудники — управляющие.

Иногда обособленные подразделения могут быть слишком большими, поэтому внутри подразделения можно создать дополнительные подразделения, что позволит осуществлять более детальную аналитику. Например, микрорайон Европейский состоит из 26 домов, что является практически половиной всего обслуживаемого жилого фонда, поэтому вести учет затрат по номенклатурной группе «Европейский» недостаточно для получения подробной аналитической информации — теряется смысл общей логики детального учета, если одна группа составляет 50% от всего жилого фонда. Поэтому в микрорайоне и номенклатурной группе «Европейский» были дополнительно созданы подгруппы, такие как «Альфа», «Бета», «Гамма», «Дельта», «Омега». Данные подразделения были созданы по принципу срока ввода домов и их территориального расположения.

Деление домов на группы внутри кластера позволяет сотрудникам аппарата управления компании понимать, о какой категории домов идет речь и кто за ними закреплен. За каждым подразделением закреплены ответственные работники, например сотрудник расчетного отдела, управляющий, сантехник, электрик, дворник, уборщица и т. п. (конечно, в зависимости от объема работ в микрорайоне может быть несколько сантехников, электриков и т. п.).

Отказ от обезличивания расходов при их учете — важное правило построения аналитического учета управляющей компании ЖКХ

В соответствии с договором управления, у каждого объекта учета своя заранее оговоренная стоимость обслуживания, иными словами, выручка, сумму которой управляющая организация ежемесячно выставляет собственникам жилья в соответствии с тарифным планом и долей владения, т. е. площадью. Калькуляция затрат, в соответствии с жилищным законодательством, устанавливается на 1 м². Если в договоре управления по какому-либо объекту учета установлен тариф на обслуживание лифтового хозяйства 4,0 руб./м², это означает, что по каждому объекту владения собственник уплатит 4,0 руб. с каждого квадратного метра, даже если фактически может не пользоваться данной услугой, он всё равно обязан нести бремя расходов, т. к. владеет долей имущества (например, собственники квартир на 1-м этаже обязаны оплачивать обслуживание лифтового хозяйства).

Также у каждого объекта учета есть свои затраты в соответствии с объемом и сложностью обслуживания, а также общим имуществом, которое необходимо обслуживать. Все услуги, которые управляющая организация обязана оказывать, их периодичность и прочие особенности прописаны в договоре управления.

Для каждого объекта учета (МКД) подрядчик имеет право установить разную цену на обслуживание. Ярким примером дифференциации стоимости обслуживания является тариф на тепловую энергию за 1 гигакалорию (единица измерения, в которой измеряется объем потребленной тепловой энергии при получении такой услуги, как отопление и нагрев воды), которую устанавливает в каждом городе свое структурное подразделение, например, в городе Тюмени это Департамент тарифной и ценовой политики. Так, цена за 1 гигакалорию может быть выше цены в соседнем доме в два раза. Дома, построенные в одном городе, территориально находящиеся в одном районе города, даже находящиеся в радиусе 100 м, имеют разную стоимость за 1 единицу потребления тепловой энергии, при этом ее качество, доступность и прочие характеристики одинаковые.

Для того чтобы в бухгалтерском управленческом учете можно было реально отразить затраты по каждому конкретному объекту, все затраты должны быть отнесены к конкретному дому, т. е. при заключении договора на обслуживание с подрядной организацией необходимо прописать цену услуги (работы) на каждый объект учета (МКД), если она известна заранее, либо обязать подрядчика в акте выполненных работ указывать сумму затрат на каждый объект или к каким объектам она относится. Выручка по оказанию услуг потребителям по каждому дому, как объекту учета, всегда будет выделена, т. к. управляющая компания заключает договор управления с собственниками квартир каждого дома отдельно, на основании которого ежемесячно и выставляет акты собственникам жилья.

Для организации такого детализированного учета затрат представляется целесообразным применять методiku, апробированную на практике в ООО «Брусника. Управление домами. Тюмень», в которой обязательным при заключении договоров на обслуживание, при получении первичной документации является выделение в ней объекта учета — МКД. В случае возникновения разовых затрат, например, которые подотчетное лицо совершило для целей обслуживания, и при этом в чеке или ином оправдательном документе не будет указано, к какому МКД они были отнесены, подотчетное лицо обязано указать, на какие объекты (дома) бухгалтеру следует отнести данные затраты, т. е. в первичном документе — авансовом отчете указывается объект учета затрат (МКД).

Таким образом, применение аналитического бухгалтерского учета по объектам учета позволит формировать корректный финансовый результат по каждому МКД. Чаще всего на практике управляющие компании ведут учет в разрезе объектов учета — МКД, но при этом затраты могут быть распределены не исходя из конкретной стоимости по каждому объекту учета (т. к. она может быть не выделена в договоре по принятым услугам), а исходя из установленной системы распределения затрат (например, пропорционально площади), что не всегда соответствует реальной ситуации и, как следствие, не всегда приводит к корректному финансовому результату по каждому дому. Сложности в практическом ведении бухгалтерского управленческого учета в разрезе групп и подгрупп,

элементами которых являются МКД, не должны возникнуть; единственной трудностью является разовая инвентаризация существующих договоров на обслуживание и составление к ним дополнительных соглашений в части выделения в них объектов учета.

Определение направления деятельности управляющей компании ЖКХ как объекта учета доходов и расходов — важный концептуальный подход в разработке дизайна аналитического учета

Рекомендуем при построении системы аналитического учета осуществлять подробный учет доходов и расходов управляющей компании по каждому направлению деятельности. Направления деятельности управляющей компании можно условно поделить на несколько групп:

- обязательная деятельность;
- дополнительная деятельность;
- деятельность, связанная с управлением;
- деятельность при оказании коммунальных услуг;
- прочая (коммерческая) деятельность.

Обязательная деятельность установлена в Постановлении Правительства РФ от 03.04.2013 № 290 (ред. от 15.12.2018) «О минимальном перечне услуг и работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме, и порядке их оказания и выполнения». Основной (обязательной) деятельностью является уборка земельного участка, относящегося к МКД, содержание в чистоте мест общего пользования, обслуживание лифтов и другого общего оборудования, вывоз снега и т. п. К обязательной деятельности также относятся все работы и услуги, выполняемые УК с целью содержания имущества, входящего в состав МКД, при этом, возможно, эти работы могут быть и не включены в состав обязательных работ по указанному выше Постановлению. Поясним, управляющая организация обязана обслуживать всё, что входит в состав общего имущества. Например, если во дворе дома есть фонтан, то управляющая компания обязана выполнять работы по обслуживанию и этого объекта. Обязательная деятельность не должна быть убыточной, но может быть. Управляющая компания не может ее не оказывать, в противном случае она лишится лицензии.

Дополнительная деятельность — это работы и услуги, которые не входят в минимальный обязательный перечень работ и услуг. Дополнительная деятельность должна быть исключительно прибыльной, иначе для УК, как коммерческой организации, не имеет смысла ее осуществлять. К дополнительной деятельности относят услуги для жителей МКД, оказываемые для повышения уровня комфорта проживания, а также в интересах УК, а именно повышения ее прибыли, например, видеонаблюдение придомовой территории и мест общего пользования, охрана придомовой территории и т. п.

Деятельность, связанная с управлением, имеет особенность для ведения учета по объектам учета: она не может быть применена к конкретному МКД,

а осуществляется в целом, следовательно, затраты на управление распределяются между МКД пропорционально площади либо иным способом, поэтому при оценке эффективности обслуживания конкретного МКД управленческую деятельность не стоит рассматривать.

Деятельность при оказании коммунальных услуг, а именно при снабжении электроэнергией, услуг по водоотведению и др. аналогичных для УК услуг, является посреднической, т. е. УК выступает как посредник между ресурсоснабжающими организациями и собственниками жилья. Эта деятельность должна быть безубыточной.

Существует также и коммерческая деятельность управляющих компаний, которая не является обязательной, при этом должна быть, исходя из логики коммерческой деятельности в условиях рынка, исключительно безубыточной. К данной деятельности можно отнести услуги, которые не будут включены в договор управления с собственниками, но могут быть оказаны им на разовой основе или иным способом. Например, сантехнические, электрические услуги, строительно-монтажные услуги или услуги по поверке счетчиков и т. п. Для управляющей компании это источник дополнительного дохода, а для собственников — комфорт проживания и повышенное доверие к исполнителю услуг.

Таким образом, ведение аналитического учета в разрезе направлений деятельности позволит оценить реальный финансовый результат по каждому направлению, оценить долю каждого направления деятельности в структуре доходов и расходов управляющей компании, а также принять решение по повышению эффективности конкретной деятельности либо ее полному прекращению.

Целесообразно для дальнейшей детализации учета доходов и расходов в разрезе направлений деятельности осуществлять их систематизацию по номенклатурным группам, что позволит детализировать финансовый результат на каждом объекте учета (МКД). Данная система учета приведет к тому, что руководство компании сможет оценить не просто полученную прибыль на конкретном МКД, но и понять, по какому направлению деятельности она получена. Прибыль может быть образована за счет осуществления коммерческой деятельности, при этом основная деятельность может быть убыточной, а это значит, что необходимо повышать выручку или работать над снижением затрат, т. к. коммерческая деятельность не носит постоянного характера, и в следующем отчетном периоде данный МКД может стать убыточным.

Наличие льгот по НДС при выполнении работ и оказании услуг в системе ЖКХ — один из аспектов, учитываемых при разработке дизайна системы аналитического учета

Предприятия ЖКХ являются плательщиками практически всех основных налогов, как и любые другие коммерческие организации в России, находящиеся на общей системе налогообложения, в том числе НДС. Жилищно-коммунальная сфера квалифицируется как социально значимая отрасль, следовательно, для нее определены особые условия налогообложения НДС.

Согласно налоговому законодательству Российской Федерации, предприятиям в сфере ЖКХ предоставлена льгота в части обложения НДС: согласно пп. 29-30 п. 3 ст. 149 НК РФ, не подлежат налогообложению:

- реализация услуг по содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме, выполняемых управляющими организациями, товариществами собственников жилья, жилищно-строительными, жилищными или иными специализированными потребительскими кооперативами, созданными в целях удовлетворения потребностей граждан в жилье и отвечающими за обслуживание внутридомовых инженерных систем, с использованием которых предоставляются коммунальные услуги, при условии приобретения услуг по содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме указанными налогоплательщиками у организаций и индивидуальных предпринимателей, непосредственно выполняющих данные услуги;
- предоставление коммунальных услуг управляющими организациями по стоимости, соответствующей стоимости приобретения этих коммунальных услуг, в том числе с учетом НДС, у организаций коммунального комплекса.

Данный факт — наличие льгот по НДС при оказании услуг в сфере ЖКХ — следует принимать во внимание при разработке системы аналитического учета расходов и доходов, так как формируемая при этом информация будет способствовать эффективному менеджменту в сфере управления доходами и расходами управляющей компании. Во-первых, необходимо детально изучить вопросы налоговой льготы по НДС и минимальный перечень услуг и работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме, порядок их оказания и выполнения. Во-вторых, нужно разделить свою деятельность на два направления: деятельность, которая подлежит льготе, и деятельность, которая льготе не подлежит. В-третьих, рекомендуем составить регламент по выбору поставщиков и подрядчиков для дальнейшего применения в целях повышения эффективности деятельности. Данный регламент должен предусматривать выбор подрядчика (поставщика) в два этапа, представленных в таблице 1.

В рекомендуемом регламенте все виды расходов управляющей организации разделены на 3 категории: расходы на работы, входящие в обязательный перечень, расходы на дополнительный перечень работ и управленческие расходы, в т. ч. расходы на маркетинг и рекламу (не могут входить в минимальный перечень работ и услуг).

Алгоритм использования регламента:

1. Определить, о каком виде работ/услуг идет речь (обязательные / дополнительные / услуги управления, маркетинга и рекламы).
2. Определить, что покупает управляющая компания: услугу или работу, привлекая подрядчика или планируется услугу оказать собственными силами и, следовательно, необходимо закупить материалы, работая с поставщиком.
3. Следовать регламенту при выборе поставщика/подрядчика, работающего на ОСНО или УСН.

Таблица 1

Алгоритм выбора подрядчика и поставщика при выполнении работ/услуг управляющей компанией с целью минимизации налогообложения НДС

Table 1

Algorithm for selecting a contractor and supplier when performing works/services by a management company in order to minimize VAT

1 этап. Определение вида работ, для которых привлекается подрядчик или поставщик по приобретению материалов		
Обязательный перечень работ/услуг: работы, относящиеся к минимальному перечню работ и услуг, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества МКД	Дополнительный перечень работ/услуг: работы, выполняемые сверх минимального перечня работ и услуг	Услуги управления, маркетинг и реклама: — канцелярия, картриджи, оргтехника; — хоз. расходы офиса (кофе, чай, вода); — обучение персонала, медосмотр; — проезд, проживание; — корпоративные мероприятия; — мероприятия для жителей
2 этап. Выбор подрядчика или поставщика		
Подрядчик УСН Поставщик ОСНО	Подрядчик ОСНО Поставщик ОСНО	Подрядчик ОСНО Поставщик ОСНО

Актуализированный дизайн системы аналитического учета доходов и расходов управляющей компании ЖКХ с введением дополнительной кодировки счетов

В основе рекомендуемого к применению дизайна аналитического учета доходов и расходов в управляющей компании ЖКХ следует предусмотреть использование принципа детализации информации по направлениям деятельности. Это необходимо для получения менеджментом полной информации для понимания, насколько эффективно управляющая компания осуществляет ту или иную деятельность.

Ранее мы выделили 5 направлений деятельности управляющей компании: обязательная деятельность, дополнительная деятельность, деятельность, связанная с управлением, деятельность при оказании коммунальных услуг, прочая (коммерческая) деятельность. Для более детализированного учета предлагаем вводить дополнительные коды в аналитические счета. Традиционно, как было отмечено выше, аналитические счета открывают в управляющей компании на каждый объект бухгалтерского учета — МКД. Для детализации аналитических счетов рекомендуем ввести детальную кодировку к каждому аналитическому счету

по МКД. Данные коды могут быть разработаны УК настолько детально, насколько это требуется.

Например, в договоре управления есть услуга по обслуживанию лифтового оборудования и есть закреплённый тариф на данную услугу, т. е. ежемесячно управляющая компания получает по определённому объекту учета (МКД) определённую сумму за обслуживание лифтового оборудования. Сама услуга по обслуживанию лифтового оборудования включает в себя множество подвидов деятельности, каждый из которых может оказывать разный подрядчик:

- техническое обслуживание лифтового оборудования;
- страхование лифтового оборудования;
- техническое освидетельствование лифтового оборудования;
- текущий ремонт лифтового оборудования.

Конечно, можно создать множество направлений статей выручки и затрат, но это иррационально. У собственника в квитанции не может быть более 100 строк. Поэтому к более укрупненным направлениям деятельности рекомендуем ввести аналитические счета.

Данные аналитические счета применимы и к отражению затрат по оплате труда. Например, специалист по обслуживанию слаботочных систем работает на нескольких домах, соответственно, его зарплата и страховые взносы во внебюджетные социальные фонды по этой заработной плате будут распределены пропорционально выбранному способу между этими домами, например, пропорционально их площади. Однако специалист по обслуживанию слаботочных систем оказывает обслуживание домофона, телеметрии, системы видеонаблюдения, телевидения. Не в каждом доме, где работает данный специалист, может быть установлено видеонаблюдение или телеметрия, а значит, что структура выручки в данных домах может отличаться. Для корректного распределения зарплаты и страховых взносов данного сотрудника необходимо оценить вес каждого направления деятельности для каждого дома, или вес каждого дома для каждого направления деятельности.

Не только затраты компании могут требовать детального учета, выручку также можно разбить на аналитические счета с целью детализированного учета. Ранее уже приводили пример про структуру выручки по обслуживанию слаботочных систем, а именно то, что она может быть различна исходя из технического оснащения дома. Разберем иной пример. Для контроля дебиторской задолженности можно детализировать выручку по трем направлениям: собственники, застройщик, прочие.

Конечно, на синтетическом счете 62 «Расчеты с покупателями и заказчиками» детально можно рассмотреть контрагентов, которым оказывались услуги, однако можно изначально ввести группировку таких контрагентов. Также выручку можно разбить с целью применения льготы по НДС, а именно тот объем выручки, по которой была применена льгота по НДС и по которой она не была применена. Данная классификация позволит ежемесячно просматривать динамику применения льготы и объем выручки, по которой она была применена.

Для контроля финансового результата от оказания услуг рекомендуем управляющим компаниям ввести дополнительную кодировку аналитических счетов при отражении данных о выручке и затратах. Коды можно тоже группировать настолько детально, насколько это требуется компании при ведении учета, иными словами, насколько обширна ее деятельность. В таблице 2 представлена кодировка разных видов услуг.

В таблице 2 первая цифра кода означает группировку по видам услуг (обязательные (1), дополнительные (2), коммунальные (3), управленческие (4)). Вторая цифра кода означает, применяется льгота по НДС по данному виду затрат (1) или данная услуга не входит в перечень льготированных (0). Можно вводить дополнительные цифры, которые будут нести свое значение.

Отметим, что детальное отражение выручки и расходов позволяет управляющим компаниям производить расчет (калькуляцию) тарифа по обслуживанию дома, т. к. детальный учет позволяет понять периодичность в потребности проведения тех или иных видов работ и, как следствие, затрат, позволяет понять вес каждого направления деятельности. Самое важное — введение кодировки аналитических счетов позволяет вести более детальный анализ эффективности направления той или иной деятельности, того или иного сотрудника. В одном микрорайоне затраты на вывоз строительного мусора могут составить 5,0 руб./м², а в другом 6,0 руб./м². Знание данного факта для руководителя позволит оценить, насколько эффективнее сотрудник одного микрорайона работает относительно другого при прочих равных условиях.

Таким образом, ведение детального учета доходов и расходов позволит усилить контроль за финансовым результатом каждого объекта учета, принимать локальные управленческие решения как по конкретному направлению деятельности, так и по конкретному МКД.

Таблица 2

Применение кодировки расходов в аналитическом учете на примере затрат по услугам, связанным с вывозом и утилизацией отходов

Table 2

The use of expense coding in analytical accounting on the example of the costs of services related to the removal and disposal of waste

Код/Услуга	Вид услуги	Счет отражения выручки	Счет отражения затрат	Финансовый результат
111/Вывоз ЖБО	Основная услуга	90	20	> 0
112/Вывоз ртутьсодержащих отходов				= 0
				< 0
201/Вывоз КГМ	Дополнительная услуга	90	20	> 0
311/Вывоз ТКО	Коммунальная услуга	90	20	= 0

Заключение

Предлагается при разработке дизайна аналитического учета доходов и расходов управляющих компаний ЖКХ основываться на следующих ключевых моментах:

1. При осуществлении аналитического учета расходов в разрезе МКД необходимо фиксировать фактические затраты при обслуживании подрядными организациями с отражением расходов по каждому МКД согласно договорам с подрядчиком, где детализированы цены на услуги (работы) по каждому МКД, т. е. не использовать обезличенное распределение услуг подрядчика между объектами учета расходов, при этом при разовых затратах — обязательно указывать объект учета (МКД) в первичном оправдательном документе.
2. Применять в управленческом учете систематизацию информации о расходах и доходах по каждому объекту (МКД) в разрезе основных пяти направлений деятельности: обязательная деятельность, дополнительная деятельность, деятельность, связанная с управлением, деятельность при оказании коммунальных услуг, прочая (коммерческая) деятельность.
3. При организации аналитического учета расходов следует предусмотреть возможность систематизации данных о расходах и доходах по видам работ, облагаемых и не облагаемых НДС, а также по расходам на выполнение услуг и работ по льготным видам, выполняемым подрядным способом или собственными силами, что достигается введением соответствующей кодировки в аналитический счет.
4. Применять дополнительные коды аналитического учета при отражении доходов и расходов для получения детализированной информации с целью оценки эффективности различных направлений деятельности управляющей компании по разным объектам учета. В работе предложена система кодировки по видам услуг: первая цифра кодировки определяет вид деятельности исходя из ее статуса (обязательные (1), дополнительные (2), коммунальные (3), управленческие (4)). Вторая цифра кода означает, применяется льгота по НДС по данному виду затрат (1) или данная услуга не входит в перечень льготных (0).

Таким образом, предложенный дизайн аналитического учета позволит формировать достаточно детализированную информацию о доходах и расходах управляющих компаний ЖКХ с целью использования этой информации для повышения эффективности деятельности экономических субъектов жилищно-коммунального хозяйства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Говдя В. В. Основные принципы построения системы учета затрат в управляющих организациях ЖКХ / В. В. Говдя, С. А. Шулепина // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного

- университета. 2015. Том 106 (02). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-printsiyu-postroeniya-sistemy-ucheta-zatrat-v-upravlyayuschih-organizatsiyah-zhkh> (дата обращения: 19.12.2021).
2. Дытченкова Ж. М. Развитие методики учета затрат и формирования себестоимости в сфере услуг ЖКХ / Ж. М. Дытченкова // Экономист года 2017: сб. статей V Международного научно-практического конкурса / под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2017. С. 83-86. URL: <https://naukaip.ru/wp-content/uploads/2017/10/K-61-Сборник.pdf> (дата обращения: 22.12.2021).
  3. Калининцева А. Ю. Учет расходов и доходов по оказанию услуг управляющей компанией / А. Ю. Калининцева // Экономика и бизнес. 2020. № 5-1 (63). С. 192-195.
  4. Квитко И. А. Особенности использования методов бухгалтерского учета в системе управления предприятиями ЖКХ / И. А. Квитко, Е. Р. Синянская // Российские регионы в фокусе перемен: сб. докладов XI Международной конференции (17-19 ноября, 2016 г.). В 2 томах. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. Том 1 / под ред. А. М. Платонова и др. С. 660-667. URL: https://gsem.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_15921/docs2/Sbornik_1_tom.pdf (дата обращения: 18.12.2021).
  5. Кучерявая О. В. Формирование управленческого учета в пределах моделей группировки услуг ЖКХ / О. В. Кучерявая, Е. Г. Осташенко // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2006. № 2. С. 150-152.
  6. ООО «Брусника. Управление домами Тюмень»: оф. сайт. URL: <http://tmn.brusnika.ru/>
  7. Павленко Е. А. Автоматизация бухгалтерского и управленческого учета в организациях жилищно-коммунального хозяйства / Е. А. Павленко // Экономика и предпринимательство: оф. сайт журнала. 2013. № 5 (34). С. 369-371. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19043784> (дата обращения: 22.12.2021).
  8. Рожкова Д. Ю. Особенности системы управленческого учета затрат в управляющих организациях ЖКХ / Д. Ю. Рожкова // Учет. Анализ. Аудит. 2020. Том 7. № 4. С. 33-42. DOI: 10.26794/2408-9303-2020-7-4-33-42
  9. Токмакова Е. Г. Учет расчетов по недопоставленным услугам в жилищно-коммунальном хозяйстве / Е. Г. Токмакова, Э. В. Кашкарова // Вестник Омского государственного университета. Серия: Экономика. 2017. № 1 (57). С. 45-53.
  10. Хайруллина Л. И. Учетная политика в условиях формирования рыночных отношений в системе жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) и применения РАВ-методики / Л. И. Хайруллина // Аудит и финансовый анализ. 2010. № 4. С. 101-104. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15130310> (дата обращения: 23.12.2021).
  11. Шулепина С. А. Развитие методологии и организации управленческого учета в управляющих организациях ЖКХ / С. А. Шулепина // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 102 (08). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-metodologii-i-organizatsii-upravlencheskogo-ucheta-v-upravlyayuschih-organizatsiyah-zhkh/viewer> (дата обращения: 19.12.2021).
  12. Allahyari A. Studying the factors which delay management accounting changes (case study of Iranian manufacturing firms) / A. Allahyari, M. Ramazani // International Journal of Accounting and Financial Reporting. 2011. Vol. 1. No. 1. Pp. 176-189. DOI: 10.5296/ijaf.v1i1.820

13. Baldvinsdottir G. Issues in the relationship between theory and practice in management accounting / G. Baldvinsdottir, F. Mitchell, H. Nørreklit // *Management Accounting Research*. 2010. No. 21. Pp. 79-82. DOI: 10.1016/j.mar.2010.02.006
14. Burns J. Conceptualizing management accounting change: an institutional framework / J. Burns, R. W. Scapens // *Management Accounting Research*. 2000. No. 11. Pp. 3-25. DOI: 10.1006/mare.1999.0119
15. Busco C. Management Accounting Issues in interpreting its nature and change / C. Busco, P. Quattrone, A. Riccaboni // *Management Accounting Research*. 2007. No. 18. Pp. 125-149. DOI: 10.1016/j.mar.2007.04.003
16. Davila A. Management Accounting Systems adoption decisions: evidence and performance implications from early-stage/startup companies / A. Davila, G. Foster // *The Accounting Review*. 2005. Vol. 80. No. 4. Pp. 1039-1068. URL: <https://www.jstor.org/stable/4093116>
17. Spicer B. H. Management accounting systems and the economics of internal organization / B. H. Spicer, V. Ballew // *Accounting, Organizations and Society*. 1983. No. 8 (1). Pp. 73-96.
18. Williams J. J. Management accounting systems change and departmental performance: the influence of managerial information and task uncertainty / J. J. Williams, A. E. Seaman // *Management Accounting Research*. 2002. Vol. 13. No. 4. Pp. 419-445. DOI: 10.1006/mare.2002.0199

Elena G. TOKMAKOVA¹
Anna Yu. KOSMACHEVA²

UDC 657

**DESIGN OF AN ANALYTICAL ACCOUNTING SYSTEM
FOR INCOME AND EXPENSES OF A MANAGEMENT COMPANY
IN THE HOUSING AND UTILITIES SECTOR**

¹ Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Department of Economic Security, System Analysis and Control,
University of Tyumen
e.g.tokmakova@utmn.ru; ORCID: 0000-0003-4109-5213

² Leading Economist, Brusnika. House Management. Surgut
kalincheva.anna@mail.ru

Abstract

The peculiarity of the activities of housing and communal services management companies has a very significant impact on the organization of income and expense accounting. Various areas of activity, the variety and features of the services provided, the availability of VAT benefits for some of them require a special design of analytical accounting of income and expenses in order to obtain detailed reliable information necessary for effective management. The methodology of the study is based on the generally accepted paradigm of understanding analytical accounting of income and expenses as a system for generating information necessary for managing an economic entity, with further development of the concept of detailing information about income and expenses based on updating this process according to the specifics and realities of the housing and utilities management company. Based on the analysis of theoretical research data and the practice of analytical accounting in LLC “Brusnika. House Management. Tyumen”, the authors come to the conclusion that it is necessary to deepen the analytical accounting of income and expenses of the housing and communal services management company.

Citation: Tokmakova E. G., Kosmacheva A. Yu. 2022. “Design of an analytical accounting system for income and expenses of a management company in the housing and utilities sector”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 1 (29), pp. 249-268. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-249-268

The result of the study is the presented coding system of analytical accounts of management accounting for detailing information about income and expenses in the provision of services in the housing and communal services system. The proposed method of coding analytical accounts, with its practical application, will allow the formation of detailed information necessary for efficient management of the management company in various areas of their activity.

Keywords

Management accounting, analytical accounting, housing and utilities management company, income, expenses, management company services.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-249-268

REFERENCES

1. Govdya V. V., Shulepina S. A. 2015. "Main principles of creating of cost manage system in householding companies". Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University, vol. 106 (02). Accessed 19 December 2021. <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-printsipy-postroeniya-sistemy-ucheta-zatrat-v-upravlyayuschih-organizatsiyah-zhkh> [In Russian]
2. Dytchenkova Zh. M. 2017. "Development of the methodology for accounting for costs and the formation of production costs in the service sector". Proceedings of the 5th International Scientific and Practical Competition "Economist of the year". Edited by G. Yu. Gulyaev. Pp. 83-86. Penza: International Center of Scientific Collaboration "Nauka i Prosveshchenie". Accessed 22 December 2021. <https://naukaip.ru/wp-content/uploads/2017/10/K-61-Сборник.pdf> [In Russian]
3. Kalincheva A. Yu. 2020. "Accounting of expenditures and income for the provision of services by the managing company". Journal of Economy and Business, no. 5-1 (63), pp. 192-195. [In Russian]
4. Kvitko I. A., Sinyanskaya E. R. 2016. "Features of use of methods of accounting in the management system of housing and communal services". Proceedings of the 11th International Conference "Russian Regions in the focus of change" (17-19 November 2016). In 2 volumes. Vol. 1. Edited by A. M. Platonov. Pp. 660-667. Yekaterinburg: Publishing house of the UMTs UPI. Accessed 18 December 2021. https://gsem.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_15921/docs2/Sbornik_1_tom.pdf [In Russian]
5. Kucheryavaya O. V. Ostashenko E. G. 2006. "Formation of management accounting within the models of grouping of housing and communal services". Herald of Omsk University. Series: Economics, no. 2, pp. 150-152. [In Russian]
6. Official website of LLC "Brusnika. House Management. Tyumen". <http://tmn.brusnika.ru/> [In Russian]
7. Pavlenko E. A. 2013. "Automation of accounting and management accounting in housing and communal services organizations". Journal of Economy and Entrepreneurship, no. 5 (34), pp. 369-371. Accessed 22 December 2021. <https://elibrary.ru/item.asp?id=19043784> [In Russian]

8. Rozhkova D. Yu. 2020. "Special features of the cost accounting system in managing organizations of the housing and utilities sector". *Accounting. Analysis. Auditing*, vol. 7, no 4, pp. 33-42. DOI: 10.26794/2408-9303-2020-7-4-33-42 [In Russian]
9. Tokmakova E. G. Kashkarova E. V. 2017. "Accounting for underprovided housing and communal services". *Herald of Omsk University. Series: Economics*, no. 1 (57), pp. 45-53. [In Russian]
10. Khayrullina L. I. 2010. "Registration policy in the conditions of formation of market relations in system of housing and communal services (housing and communal services) and RAB-technique applications". *Audit and Financial Analysis*, no. 4, pp. 101-104. Accessed 23 December 2021. <https://elibrary.ru/item.asp?id=15130310> [In Russian]
11. Shulepina S. A. 2014. "Development of methodology and organization of management accounting in household organizations". *Scientific Journal of Kuban State Agrarian University*, no. 102 (08). Accessed 19 December 2021. <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-metodologii-i-organizatsii-upravlencheskogo-ucheta-v-upravlyayuschih-organizatsiyah-zhkh/viewer> [In Russian]
12. Allahyari A., Ramazani M. 2011. "Studying the factors which delay management accounting changes (case study of Iranian manufacturing firms)". *International Journal of Accounting and Financial Reporting*, vol. 1, no. 1, pp. 176-189. DOI: 10.5296/ijafr.v1i1.820
13. Baldvinsdottir G., Mitchell F., Nørreklit H. 2010. "Issues in the relationship between theory and practice in management accounting". *Management Accounting Research*, no. 21, pp. 79-82. DOI: 10.1016/j.mar.2010.02.006
14. Burns J., Scapens R. W. 2000. "Conceptualizing management accounting change: an institutional framework". *Management Accounting Research*, no. 11, pp. 3-25. DOI: 10.1006/mare.1999.0119
15. Busco C., Quattrone P., Riccaboni A. 2007. "Management Accounting Issues in interpreting its nature and change". *Management Accounting Research*, no. 18, pp. 125-149. DOI: 10.1016/j.mar.2007.04.003
16. Davila A., Foster G. 2005. "Management Accounting Systems adoption decisions: evidence and performance implications from early-stage/startup companies". *The Accounting Review*, vol. 80, no. 4, pp. 1039-1068. <https://www.jstor.org/stable/4093116>
17. Spicer B. H., Ballew V. 1983. "Management accounting systems and the economics of internal organization". *Accounting, Organizations and Society*, no. 8 (1), pp. 73-96.
18. Williams J. J., Seaman A. E. 2002. "Management accounting systems change and departmental performance: the influence of managerial information and task uncertainty". *Management Accounting Research*, vol. 13, no. 4, pp. 419-445. DOI: 10.1006/mare.2002.0199

Ирина Николаевна БУЛГАКОВА¹
Татьяна Васильевна АЛЕКСАНДРОВА²
Александр Михайлович ЕЛОХОВ³

УДК 65.014.12

РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ ФОРМИРОВАНИЯ КОМАНДЫ ПРОЕКТА В СИСТЕМЕ HR-МЕНЕДЖМЕНТА ОРГАНИЗАЦИИ

¹ доктор экономических наук, доцент
кафедры системного анализа управления,
Воронежский государственный университет
bulgakova-i-n@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1779-5877

² кандидат экономических наук, доцент
кафедры мировой и региональной экономики,
экономической теории; доцент кафедры менеджмента,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
atvpsu@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0049-1650

³ кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
reader1201@rambler.ru; ORCID: 0000-0003-2781-8112

Аннотация

Разработка и реализация проекта не должна оставлять без внимания такую сферу деятельности, как командная работа. Процесс формирования команды проекта является важной деталью предстартовой подготовки и существенным направлением работы в период реализации проекта. В рамках данного процесса приоритетным направлением становится оптимизация деятельности HR-менеджмента при решении проблемы сочетания специалистов, обладающих разнообразными навыками, ценностями, идеями, и распределения их ролей и обязанностей. Актуальность проблемы совершенствования

Цитирование: Булгакова И. Н. Разработка методики формирования команды проекта в системе HR-менеджмента организации / И. Н. Булгакова, Т. В. Александрова, А. М. Елохов // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 269-287.
DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-269-287

процесса принятия решения в системе HR-менеджмента в условиях цифровой трансформации посредством развития новых моделей деятельности, соединения возможностей технологий и традиционного управления в условиях появления новых информационных продуктов и процессов с принципиально другими качествами определили направленность и структуру исследования. Целью исследования является анализ функциональных возможностей цифровых технологий, используемых в управлении персоналом, обоснование необходимости использования HR-менеджментом автоматизированных систем и методов поддержки принятия решений, а также разработка методического подхода к реализации начальной стадии процедуры командообразования. В процессе исследования использовались метод анализа экспертных данных, процедуры многокритериального выбора, метод анализа иерархий, оптимизационные модели. Предложенный подход предполагает комплексное сочетание формализованного алгоритма экспертного оценивания и задачи оптимизации, а именно последовательное решение задачи оптимального отбора кандидатов и проблемы распределения кандидатов, прошедших рейтинговый отбор. Сделан вывод о том, что разработанная методика формирования проектных команд значительно расширяет возможности HR-аналитики и способствует более эффективному распределению кандидатов по вакансиям проекта, но при этом выступает лишь в качестве инструмента, помогающего эксперту.

Ключевые слова

Проектное управление, команда проекта, цифровая трансформация, информационно-цифровые технологии, HR-менеджмент, метод анализа иерархий, задача о покрытии, принятие решений.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-269-287

Введение

Переход предприятий к проектному управлению предполагает трансформацию существующих процессов и подсистем управления. Логично предположить, что в условиях реструктуризации общего управления процесс управления персоналом также должен быть модифицирован. Являясь важной частью команды проекта, персонал должен обладать необходимыми профессиональными навыками, поведенческими установками, определенными социальными нормами и совместными ценностями. Только в этом случае команда способна обеспечить эффективную реализацию намеченных целей проекта. И здесь трудно переоценить значимость процесса подбора и оценки персонала на этапе инициации проекта. Кроме того, управляя персоналом при проектном ведении работ, следует учитывать основное отличие от обычного текущего процесса, а именно необходимость формирования команды с учетом синхронизации всех поэтапных действий согласно составленному плану или графику проекта [3, 22]. При этом члены команды, работающие в интенсивном режиме и выполняющие нестандартные задачи, должны обладать определенными компетенциями [15].

Основой для стратегических решений в организациях при формировании команды проекта может стать HR-аналитика, отличительной чертой которой является использование актуальных и инновационных инструментов управления, например, внедрение элементов искусственного интеллекта и IT-разработок в процесс управления человеческими ресурсами [17, 18]. Использование цифровых технологий вызвано необходимостью расширения функций служб управления персоналом, проведения оперативного разделения задач и процессов, оперативной оценки видимых результатов и рисков их достижения, повышения общей эффективности деятельности HR-менеджеров [8]. В то же время цифровая трансформация — это прежде всего часть корпоративной философии и необходимость корректировки стратегических задач с учетом развития цифровой и коммуникационной среды. По данным исследований [28], почти каждая третья компания на российском рынке сейчас использует различные системы и инструменты для автоматизации подбора персонала. В основном компании внедряют сторонние сервисы (21%), но есть и такие, которые самостоятельно разрабатывают решения для оптимизации рабочих процессов (9%). При этом 68% опрошенных заявили, что в настоящее время не используют никаких цифровых решений.

Все вышеперечисленные факторы указывают на целесообразность автоматизации процедур принятия решений в сфере управления проектными командами и преимущество использования систем и методов поддержки принятия решений (СППР), основанных на моделях и методах искусственного интеллекта [32, 34].

Целью исследования выступает разработка методики формирования команды проекта, расширяющей возможности HR-аналитики при выполнении данной процедуры. Достижение обозначенной цели возможно за счет решения следующих задач:

- 1) провести анализ функциональных возможностей цифровых технологий, используемых в управлении персоналом;
- 2) обосновать необходимость использования HR-менеджментом систем и методов поддержки принятия решений, основанных на математических моделях и методах искусственного интеллекта;
- 3) предложить методику формирования команды проекта.

Методы

Вопросы применения в процессе управления интеллектуальных систем достаточно широко описаны в современной научной литературе. Теоретические основы построения СППР заложены в работах О. И. Ларичева [13] и А. Б. Петровского [20]. Проблемы, возникающие при структурировании, классификации и обработке больших объемов кадровой статистики, обработке результатов рекрутинговой работы, при нахождении зависимостей между данными, и информационно-технические методы их решения отмечены в работах А. З. Асанова [1], И. Г. Жуковой [5], В. А. Ломазова, Я. Е. Прокушева [14], Л. Ю. Сабадош, Н. В. Косенко, М. А. Гаховой [25], Л. А. Стрельниковой, М. М. Лембриковой [29], Ю. Д. Хижняка [31]. Среди зарубежных исследователей методы принятия прогнозных решений в области управления персоналом, основанные на слабоформализованных процедурах, рассматривались

такими исследователями, как А. Мохаммед (Abdul Quddus Mohammed) [36], П. Рагхуната Редди (P. Raghunatha Reddy), П. Лакшмикирти (P. Lakshmikeerthi) [37], Ш. Томар (S. Tomar), М. Гаур (M. Gaur) [38].

Наряду с этим существующие программные продукты в сфере управления персоналом ориентированы на решение задач с неопределенностью, которым присуща слабоструктурированность и отсутствует возможность выделить объективно наилучшее альтернативное решение [11, 14, 31].

Сравнительный анализ программных продуктов в контексте соответствия функциям управления персоналом (составлен по источникам [9, 10, 12, 14, 21, 26, 27, 31]) и формирования проектных команд (составлен по источникам [14, 31, 35]) приведен на рис. 1 и 2.

Проведенный анализ функциональных возможностей СППР показывает, что процесс автоматизации процедур оценки персонала требует решения широкого спектра специфических проблем, одна из которых — соотношение профессиональной компетентности с другими понятиями (профессиональная пригодность, профессиональная подготовленность, личностные качества кандидата и т. д.). Поэтому важной теоретико-методической задачей в диагностической практике HR-специалистов будет корректное сведение разрозненных показателей к интегральной, результирующей оценке [30].

Для реализации подобных стратегических задач HR-службы при формировании проектных команд предлагается следующий алгоритм (рис. 3). Уточним, что формирование команды по сложившейся практике производится двумя альтернативными способами: преимущественно самим менеджером проекта или с привлечением службы персонала и рекрутинговых агентств. Предлагаемый алгоритм позволяет формализовать процесс формирования проектной команды с помощью службы персонала или внешних рекрутинговых агентств с учетом внутрикорпоративных возможностей.

Реализация алгоритма сводится к двухуровневому процессу принятия решений: решение задачи отбора кандидатов с помощью процедуры многокритериального выбора (методом анализа иерархий) и распределение кандидатов по вакантным направлениям как возможный вариант реализации задачи о покрытии.

Неоспоримым преимуществом метода анализа иерархий (МАИ) является возможность принимать во внимание человеческий фактор при формировании итогового решения [2, 14, 19, 23, 24]. Метод не является достаточно формализованным. Он описывает способ определения рейтинга альтернатив, но не имеет механизма интерпретации полученных рейтингов. Эта задача возлагается на лицо, принимающее решение. МАИ может служить надстройкой над другими методами, которые решают плохо формализованные задачи, основанные на человеческом опыте и интуитивных предположениях. Являясь удобным инструментом учета экспертных оценок при решении различных задач, он позволяет выразить в числовом эквиваленте степень предпочтительности того или иного решения посредством определения рейтинга, а степень согласованности суждений эксперта позволяет установить уровень доверия к полученному экспертом результату.

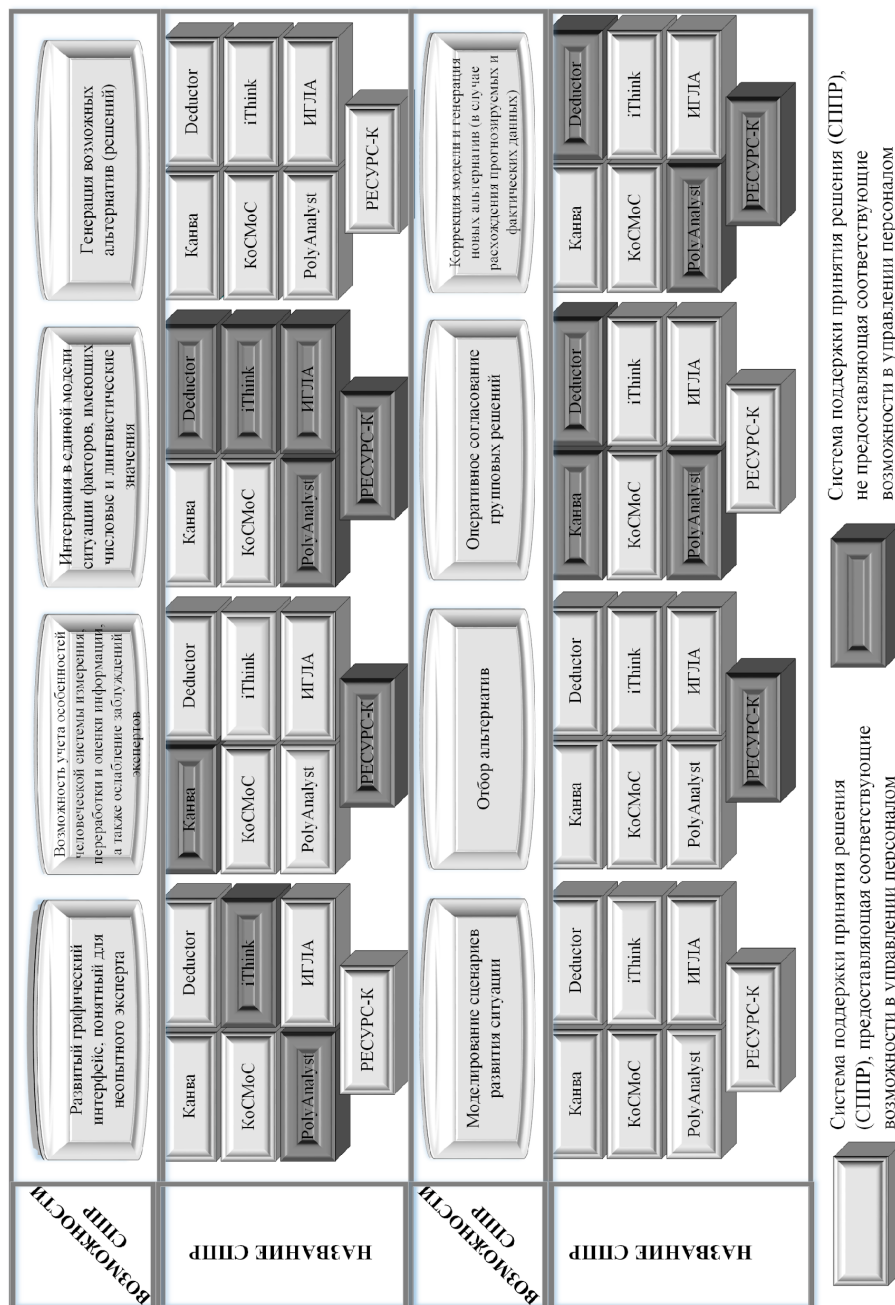

Fig. 1. Analysis of the functionality of the software products in the field of personnel management

Рис. 1. Анализ функциональных возможностей программных продуктов в сфере управления персоналом

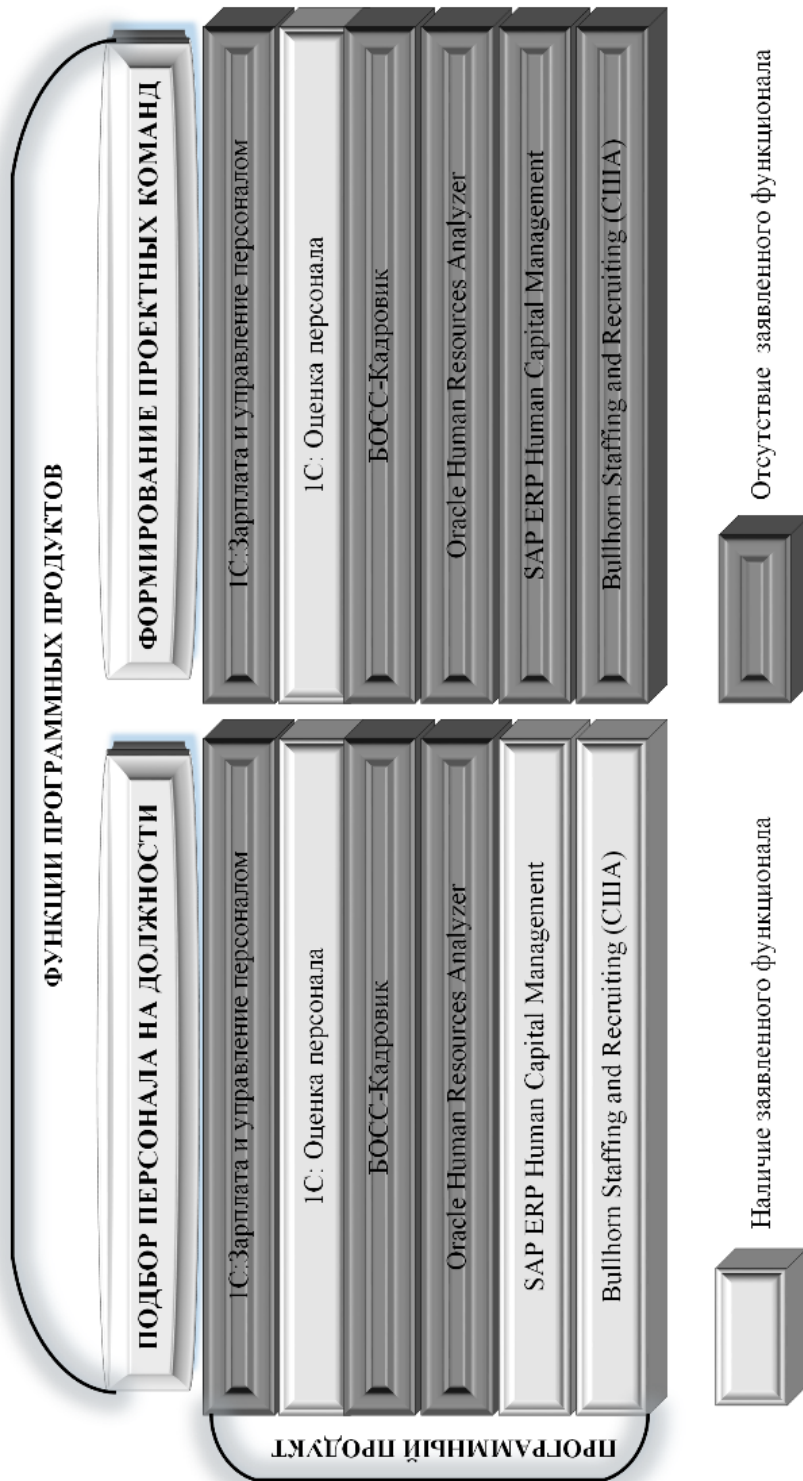

Fig. 2. Comparison of the software products by features for selection and formation of project teams

Рис. 2. Сравнение программных продуктов по функционалам подбора и формирования проектных команд

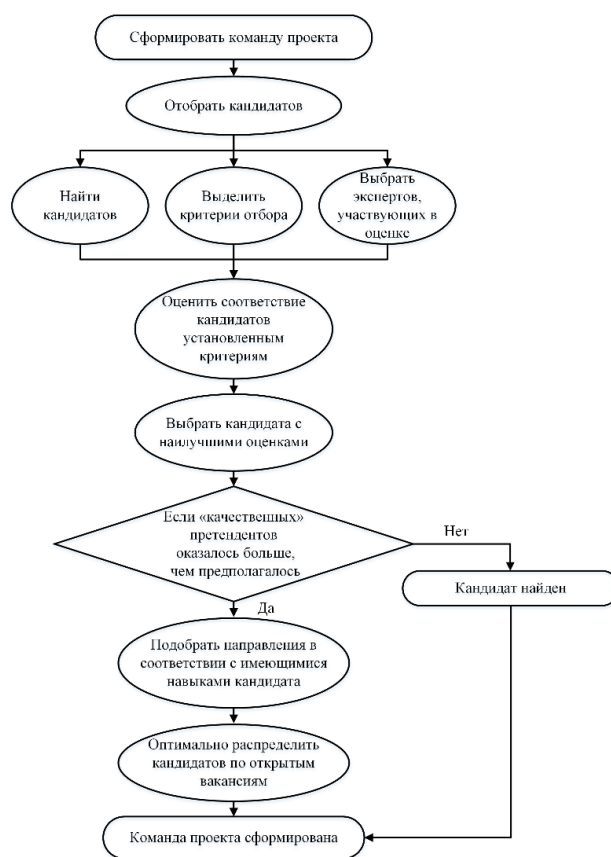

Рис. 3. Алгоритм формирования проектной команды

Источник: разработано авторами.

Fig. 3. Algorithm for project team formation

Source: developed by the authors.

В задачах по найму персонала метод анализа иерархий позволяет определить, какие характеристики рассматриваемых кандидатов являются ведущими, а также дать объективную оценку способностей кандидатов.

Общая схема алгоритма, решающего задачу оптимального набора кандидатов методом анализа иерархий, представлена на рис. 4.

Перед решением данной задачи каждый из специалистов должен собрать предварительную статистику по нужным критериям, проведя собеседование и пообщавшись с каждым из кандидатов. Одновременно должен быть оценен и вес суждений, получаемых от каждого из экспертов. Другими словами, необходимо определить значимость решения каждого из экспертов, это может сделать вышестоящий руководитель. Собранная по каждому кандидату статистика и оценочные веса являются входными параметрами алгоритма. Проверка согласованности позволяет выявить ошибки, которые мог допустить эксперт при заполнении матрицы парных сравнений.

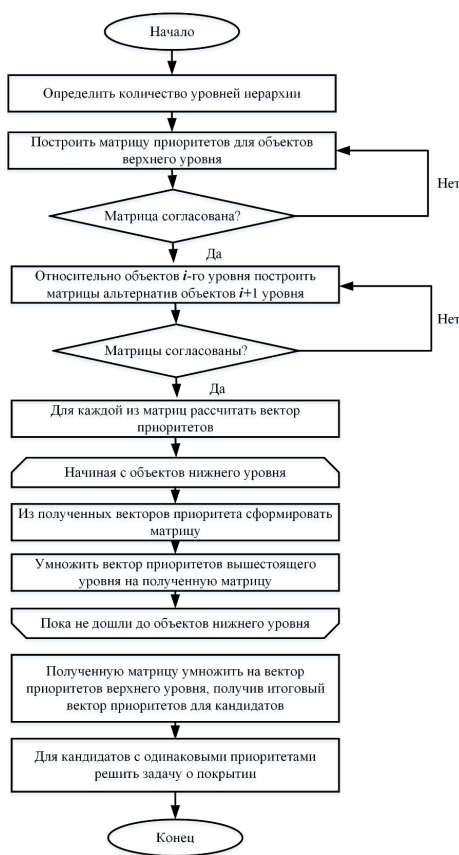

Рис. 4. Общая схема метода анализа иерархий

Источник: разработано авторами.

Fig. 4. General scheme of the hierarchy analysis method

Source: developed by the authors.

После оценивания разными экспертами кандидатов по нескольким характеристикам, как результат, может возникнуть ситуация существования одинаковых или приблизительно равных рейтинговых оценок у нескольких кандидатов. Если у компании имеются дополнительные вакантные места на других проектах с идентичными (или похожими) используемыми технологиями, то возможно закрыть данные позиции людьми, которые уже прошли проверку и имеют высокие рейтинги по требуемым критериям. В таком случае наша задача сводится к задаче о покрытии [3, 7]. Нам необходимо «покрыть» наименьшим количеством людей, уже прошедших рейтинговый отбор, максимальное количество проектов (направлений внутри проектов), в целях сокращения расходов.

Постановки задачи имеет следующий вид [3, 7]:

$$a_{ij} = \{0,1\}, i = \overline{1, m}; j = \overline{1, n}, \quad (1)$$

$$x_{ij} = \{0,1\}, i = \overline{1,m}; j = \overline{1,n}, \quad (2)$$

$$\sum_{j=1}^n a_{ij}x_j \geq 1, \forall i = \overline{1,m}, \quad (3)$$

$$\sum_{j=1}^n x_j \rightarrow \min. \quad (4)$$

Матрица $A = (a_{ij})$, состоящая из нулей и единиц, носит название матрицы покрытий. Формально задача состоит в выборе минимального количества столбцов, объединение которых покрывает все строки матрицы (в каждой строке имеется по крайней мере одна единица). Методы решения данной задачи в большинстве своем основаны на операциях с логическими функциями и подробно изложены в работах А. В. Еремеева [4], Г. И. Забияко [6], Ю. В. Максимова [16].

Алгоритм определения оптимального покрытия показан блок-схемой на рис. 5.

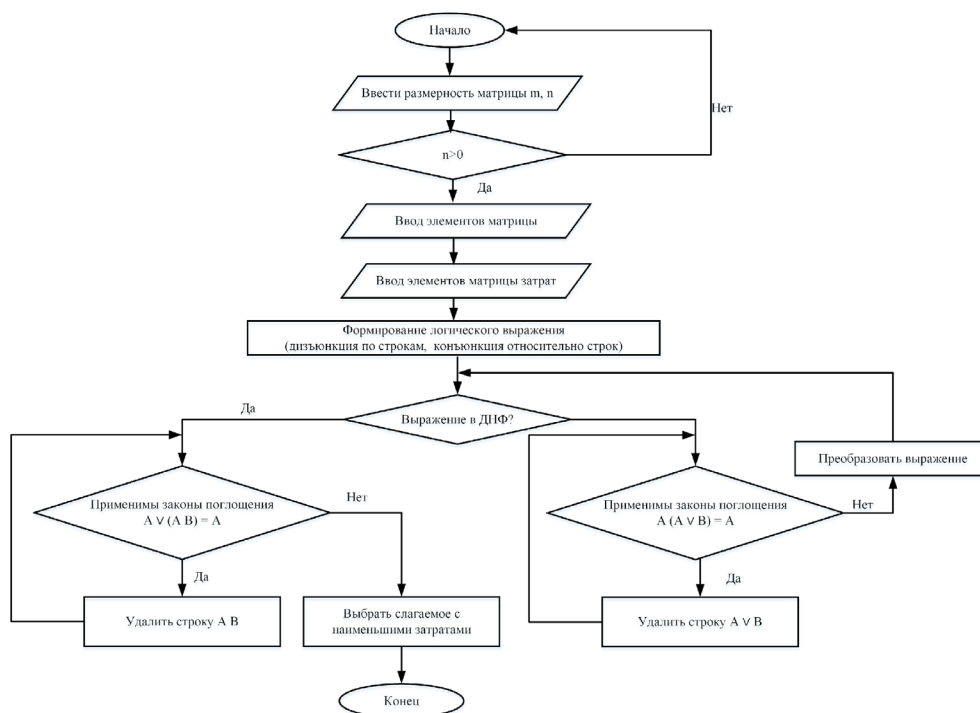

Рис. 5. Алгоритм определения оптимального покрытия
Источник: разработано авторами.

Fig. 5. Algorithm for determining the optimal coverage
Source: developed by the authors.

Результаты и обсуждение

На основе предлагаемых алгоритмов разработана система поддержки принятия решений, связанных с процессом формирования команды проекта. В качестве примера работы предлагаемой СППР рассмотрим трехуровневую иерархическую структуру (рис. 6). Первый (верхний) уровень состоит из экспертов, которые принимают непосредственное участие в подборе нового персонала. К таким экспертам могут относиться:

- менеджер по подбору персонала (для данного эксперта в первую очередь важны личностные качества кандидата, необходимые для работы в социуме);
- руководитель проекта (для него важны все навыки кандидата);
- технический специалист (этот эксперт в первую очередь обращает внимание на профессиональные знания кандидата).

Каждый из экспертов оценивает нового кандидата по нескольким критериям; сами критерии расположены на уровень ниже, чем эксперты.

Уровень альтернатив содержит перечень кандидатов, претендующих на должность.

Кроме того, априори будем моделировать ситуацию, когда кандидатов больше, чем самих проектов (направлений в проектах) и один человек может быть задействован сразу на нескольких направлениях (рис. 7).

Рис. 6. Проблема выбора в виде иерархии

Fig. 6. The problem of choice in the form of a hierarchy

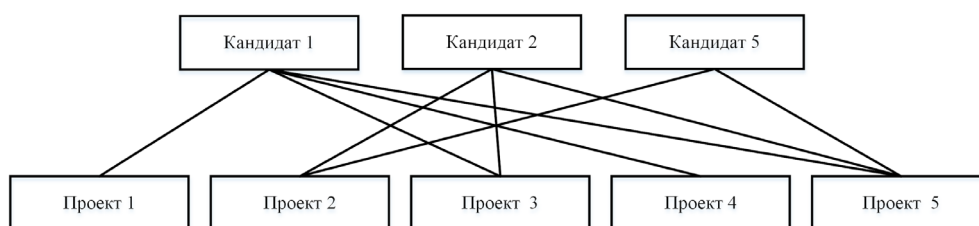

Рис. 7. Возможное распределение кандидатов по проектам (направлениям)

Fig. 7. Possible distribution of candidates by projects (directions of a project)

Реализация двухуровневого алгоритма формирования проектной группы выполнена на языке C#, с использованием пользовательского интерфейса Windows Forms в среде программирования Microsoft Visual Studio 2017 Community Edition.

На начальном этапе СППР предлагает экспертам провести анализ кандидатов по различным параметрам и заполнить матрицы предпочтений (рис. 8).

Программа производит синтез приоритетов и синтез альтернатив и получает итоговый результат с рейтингом кандидатов. Итоговый отбор осуществляется по принципу убывания рейтинговых оценок.

Если же несколько кандидатов получили приблизительно равную рейтинговую оценку, то пользователю будет предложено решить данную задачу как задачу о покрытии (рис. 9).

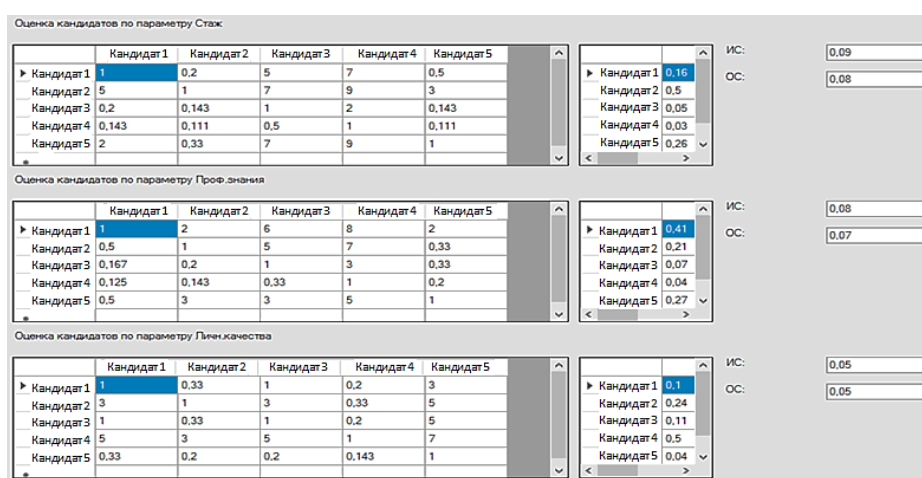

Рис. 8. Оценка кандидатов по разным параметрам

Источник: снимок экрана программного приложения.

Fig. 8. Evaluation of candidates by various parameters

Source: this is a screenshot from the application.

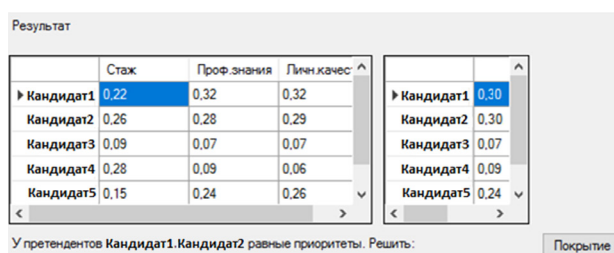

Рис. 9. Переход к задаче о покрытии

Источник: снимок экрана программного приложения.

Fig. 9. Transition to the coverage problem

Source: this is a screenshot from the application.

Количество участников автоматически передается из предыдущей формы, пользователю необходимо определить количество проектов и заполнить матрицу навыков кандидатов (рис. 10).

Логическое выражение, полученное в итоге расчетов, предполагает два альтернативных подхода к выбору кандидатов: *Кандидат1* и *Кандидат2* или *Кандидат1* и *Кандидат3*. Отметим, что при получении итоговых результатов также были приняты во внимание стоимости закрытия вакансий, связанные с каждым кандидатом.

Таким образом, очевидно, что в рамках цифровой трансформации системы HR-менеджмента по-новому могут быть пересмотрены решения многих вопросов, актуальных для данного направления, в частности вопрос подбора участников команд проекта и рациональное определение их функциональных нагрузок. Внедрение системы поддержки принятия решений в план автоматизации службы персонала позволит снизить общую трудоемкость цикла управления командой проекта, обеспечит сохранение кадрового состава и повышение качества информационного сопровождения. Но при этом необходимо отметить, что рассмотренный вариант системы принятия решений, а также аналогичные IT-продукты выступают лишь в качестве инструмента, помогающего эксперту. По-настоящему ценятся разумные решения, полученные при совмещении возможностей цифровых технологий и реальных сотрудников. Не следует забывать, что в качестве объекта исследований рассматривается живой человек, и нельзя полагаться исключительно на результаты моделирования.

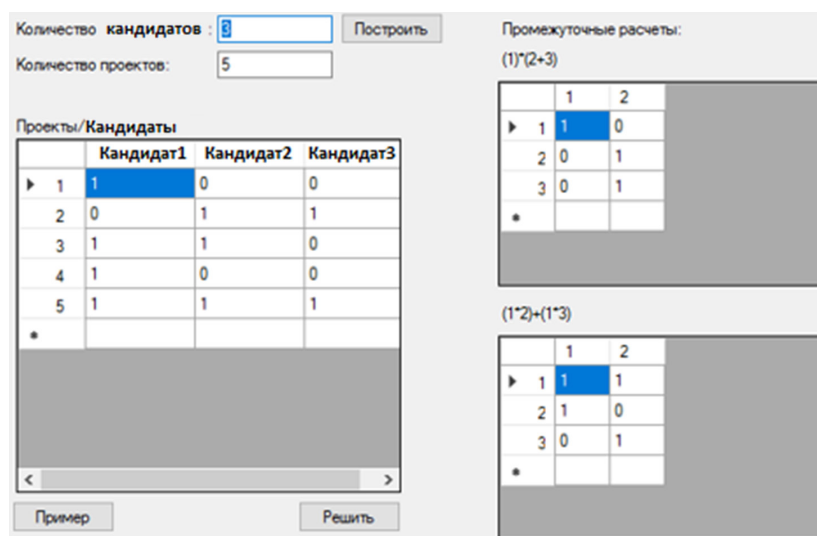

Рис. 10. Результаты решения задачи о покрытии

Источник: снимок экрана программного приложения.

Fig. 10. Results of solving the problem of coverage

Source: this is a screenshot from the application.

Заключение

В заключение отметим, что HR-служба современной компании должна представлять часть корпоративной цифровой культуры. Использование компаниями инструментов онлайн-рекрутинга, создание внутреннего HR-портала, оценки персонала, онлайн-обучения, развития и карьерного продвижения становится базовым направлением развития автоматизации процессов управления.

Разработанный подход к реализации начальной стадии процедуры командообразования обеспечивает иерархическую структурированность критериев принятия решений и оптимизацию принятия решений по формированию кадрового состава проектных команд, расширяя тем самым функции HR-менеджера. Использование в HR-менеджменте систем и методов поддержки принятия решений (СППР), основанных на моделях и методах искусственного интеллекта, открывает новые возможности и преимущества для компаний, а именно позволяет уменьшить субъективизм и предвзятость в принятии решений относительно персонала и предотвратить потерю интеллектуального капитала в результате возможной утраты квалифицированных специалистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асанов А. З. Решение некоторых задач на предприятии на основе информационных моделей профессиональных знаний специалистов и должностей / А. З. Асанов, И. Ю. Мышкина // Вестник УГАТУ. Управление, вычислительная техника и информатика. 2010. Том 14. № 4 (39). С. 185-193.
2. Гоцев П. С. Применение методов предиктивной HR-аналитики в организации процесса принятия решений при формировании проектных команд / П. С. Гоцев, И. Н. Булгакова // Матрица научного познания. 2021. № 6-1. С. 57-66.
3. Дедова В. Е. Особенности управления персоналом при организации проектного управления / В. Е. Дедова // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 5. Ч. 2. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2014/05/34304> (дата обращения: 09.12.2021).
4. Еремеев А. В. Генетический алгоритм для задачи о покрытии / А. В. Еремеев // Дискретный анализ и исследование операций. Серия 2. 2000. Том 7. № 1. С. 47-60.
5. Жукова И. Г. Повышение эффективности работы системы поддержки принятия решений по управлению персоналом / И. Г. Жукова, Д. В. Козлов, М. Б. Кульцова, Д. В. Литовкин // Известия ВолгГТУ. Актуальные проблемы управления, вычислительной техники и информатики в технических системах. 2015. № 14 (178). С. 87-93.
6. Забиняко Г. И. Реализация алгоритмов решения задачи о покрытии множеств и анализ их эффективности / Г. И. Забиняко // Вычислительные технологии. 2007. Том 12. № 6. С. 50-58.
7. Канцедал С. А. Дискретная математика / С. А. Канцедал. М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2018. 222 с.
8. Киреев В. Э. Влияние цифровой экономики на ключевые направления управления персоналом / В. Э. Киреев // Формирование общекультурных и профессиональных компетенций финансиста. Вып. 8. Том 2. Психологическое сопровождение

- профессиональной деятельности специалиста в новой социо-экономической среде / отв. ред. М. В. Полевая, Е. В. Камнева, М. М. Симонова. М.: СВИВТ, 2018. С. 85-93.
9. Компьютерная система оценки компетенций «РЕСУРС-К»: оф. сайт. URL: <http://hr-ocenka.ru/> (дата обращения: 14.09.2021).
  10. Коростелёв Д. А. Система поддержки принятия решений «ИГЛА» / Д. А. Коростелёв, Д. Г. Лагерева, А. Г. Подвесовский // Компьютерные учебные программы и инновации. 2007. № 6. С. 23.
  11. Котковец А. А. Агрегированные показатели трудовых ресурсов IT-проектов и их применение / А. А. Котковец, С. А. Поттосина, Т. Г. Пинчук // Доклады Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники. 2021. Том 19. № 5. С. 79-85. DOI: 10.35596/1729-7648-2021-19-5-79-85
  12. Кулинич А. А. Когнитивная система поддержки принятия решений «Канва» / А. А. Кулинич // Программные продукты и системы. 2002. № 3. С. 25-28.
  13. Ларичев О. И. Вербальный анализ решений / О. И. Ларичев; отв. ред. А. Б. Петровский; Ин-т системного анализа РАН. М.: Наука, 2006. 181 с.
  14. Ломазов В. А. Решение задачи экономичного многокритериального выбора на основе метода анализа иерархий / В. А. Ломазов, Я. Е. Прокушев // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2010. № 7 (78). С. 128-131.
  15. Лоскутникова Н. Построение эффективных команд: применяем организационную психологию / Н. Лоскутникова // Сетевое издание «ПРО КАЧЕСТВО». 2018. 20 июля. URL: <https://kachestvo.pro/kachestvo-upravleniya/proektnoe-upravlenie/postroenie-effektivnykh-komand-primenyaem-organizatsionnuyu-psikhologiyu/> (дата обращения: 15.09.2021).
  16. Максимов Ю. В. Кратчайшие и минимальные дизъюнктивные нормальные формы полных функций / Ю. В. Максимов // Журнал вычислительной математики и математической физики. 2015. Том 55. № 7. С. 1266-1280. DOI: 10.7868/S0044466915070108
  17. Назайкинский С. В. Роль HR-аналитики в принятии управленческих решений в организациях / С. В. Назайкинский, О. Л. Седова // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2017. № 3. С. 9-19.
  18. Носова Д. Д. Системы искусственного интеллекта в сфере управления человеческими ресурсами / Д. Д. Носова // Инновационные стратегии управления человеческими ресурсами: сб. науч. трудов I Всерос. науч.-практ. конф. (Самара, 20 декабря 2018 г.). Самара: Изд-во СНЦ, 2018. С. 156-160.
  19. Павлов А. А. Принятие решений на основе метода анализа иерархий / А. А. Павлов, Е. И. Лищук // Вестник Национального технического университета «ХПИ»: сб. науч. трудов. Тематический выпуск: Системный анализ, управление и информационные технологии. 2007. № 41. С. 69-76.
  20. Петровский А. Б. Теория принятия решений / А. Б. Петровский. М.: Академия, 2009. 400 с.
  21. Платформа Loginom // Оф. сайт Loginom Company ООО «Аналитические технологии». URL: <https://basegroup.ru/deductor/description> (дата обращения: 25.08.2021).
  22. Романова М. М. Особенности управления персоналом при проектной организации деятельности / М. М. Романова // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2011. № 2. С. 30-34.

23. Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий / Т. Саати; пер. с англ. Р. Г. Вачнадзе. М.: Радио и связь, 1993. 278 с.
24. Саати Т. Аналитическое планирование. Организация систем / Т. Саати, К. Кернс; пер. с англ. Р. Г. Вачнадзе; под ред. И. А. Ушакова. М.: Радио и связь, 1991. 224 с.
25. Сабадош Л. Ю. Система поддержки принятия решений по формированию проектной команды / Л. Ю. Сабадош, Н. В. Косенко, М. А. Гахова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2012. № 19 (138). С. 185-189.
26. Силов В. Б. Принятие стратегических решений в нечеткой обстановке / В. Б. Силов. М.: ИНПРО-РЕС, 1995. 228 с.
27. Система Polyanalyst // Оф. сайт Megaputer Intelligence Inc.
URL: <https://www.megaputer.com/ru/polyanalyst/> (дата обращения: 25.08.2021).
28. Совместное исследование облачной CRM-системы для рекрутинга Talantix (входит в HR-экосистему HeadHunter) и сервиса для автоматизации полного цикла подбора персонала Skillaz. 2020. 13 февраля. URL: <https://www.it-world.ru/cionews/want/151444.html> (дата обращения: 28.08.2021).
29. Стрельникова Л. А. Актуализация цифровых технологий в управлении процессом подбора персонала / Л. А. Стрельникова, М. М. Лембрикова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 1. С. 83-89.
30. Сыромятников И. В. Профессиональные компетенции как предмет оценки кандидатов и сотрудников организаций / И. В. Сыромятников // Человеческий капитал. 2015. № 5 (77). С. 102-104.
31. Хижняк Ю. Д. Анализ инструментария поддержки принятия кадровых решений / Ю. Д. Хижняк // Международный студенческий научный вестник. 2018. № 2.
URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=18333> (дата обращения: 15.10.2021).
32. How to successfully implement HR analytics and people analytics in a company // Altexsoft. 2019. 3 октября. URL: <https://www.altexsoft.com/blog/how-to-implement-hr-analytics/> (дата обращения: 10.09.2021).
33. Ithink premium modeling and interactive simulations // Isee Systems: official website.
URL: <https://www.iseesystems.com/store/products/ithink.aspx> (дата обращения: 14.09.2021).
34. Kumar V. How can Big Data transform human resource management / V. Kumar // Toolbox. 2021. 16 декабря. URL: <https://www.toolbox.com/hr/recruitment-onboarding/articles/how-can-big-data-transform-human-resource-management/> (дата обращения: 20.01.2022).
35. Martinez J. Bullhorn Staffing and Recruiting review / J. Martinez, G. Sevilla // PC Magazine. 2019. 25 мая. URL: <https://www.pcmag.com/reviews/bullhorn-staffing-and-recruiting> (дата обращения: 14.10.2021).
36. Mohammed A. Q. HR analytics: a modern tool in HR for predictive decision making / A. Q. Mohammed // Journal of Management. 2019. Vol. 6. No. 3. Pp. 51-63.
DOI: 10.34218/JOM.6.3.2019.007
37. Raghunatha Reddy P. "HR Analytics" — an effective evidence-based HRM Tool / P. Raghunatha, P. Lakshmikeerthi // International Journal of Business and Management Invention. 2017. Vol. 6. No. 7. Pp. 23-34.
38. Tomar S. HR analytics in business: role, opportunities, and challenges of using it / S. Tomar, M. Gaur // Journal of Xi'an University of Architecture & Technology. 2020. Vol. 12. No. 7. Pp. 1299-1306. DOI: 10.37896/JXAT12.07/2441

Irina N. BULGAKOVA¹
Tatyana V. ALEXANDROVA²
Alexandr M. ELOKHOV³

UDC 65.014.12

**DEVELOPMENT OF A METHODOLOGY FOR BUILDING
A PROJECT TEAM IN THE HR-MANAGEMENT SYSTEM
OF AN ORGANIZATION**

¹ Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Department of System Analysis and Management,
Voronezh State University
bulgakova-i-n@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1779-5877

² Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Department of World and Regional Economics, Economic Theory;
Associate Professor, Department of Management,
Perm State National Research University
atvpsu@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0049-1650

³ Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Department of Management,
Perm State National Research University
reader1201@rambler.ru; ORCID: 0000-0003-2781-8112

Abstract

During the development and implementation of a project, such an area of activity as teamwork should not be ignored. The process of forming a project team is an important detail of prelaunch preparation and an essential area of work during the project implementation period. Within the framework of this process, the priority area is the optimization of the activities of HR-management when solving the problem of combining specialists with various skills, values, ideas and the distribution of their roles and responsibilities. The urgency of the problem of improving the decision-making process in the HR management system in the context

---

Citation: Bulgakova I. N., Alexandrova T. V., Elokhov A. M. 2022. "Development of a methodology for building a project team in the HR-management system of an organization". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 1 (29), pp. 269-287. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-269-287

---

of digital transformation through the development of new models of activity, combining the capabilities of technology and traditional management in the face of the emergence of new information products and processes with fundamentally different qualities determined the direction and structure of the study. The aim of the study is to analyze the functional capabilities of digital technologies used in personnel management, to substantiate the need for the use of HR-management automated systems and decision-making support methods, as well as to develop a methodological approach to the implementation of the initial stage of team formation procedure. In the course of the research, the method of analysis of expert data, procedures of multi-criteria selection, the analytic hierarchy process, optimization models were used. The proposed approach involves a complex combination of a formalized algorithm for expert evaluation and of an optimization problem, namely, a sequential solution of the problem of optimal selection of candidates and the problem of distribution of candidates who have passed the rating selection. It is concluded that the developed methodology for the formation of project teams significantly expands the capabilities of HR analytics and contributes to a more efficient distribution of candidates for project vacancies, but at the same time acts only as a tool that helps an expert.

Keywords

Project management, project team, digital transformation, information and digital technologies, HR-management, analytic hierarchy process, set cover problem, decision-making.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-269-287

REFERENCES

1. Asanov A. Z., Myshkina I. Yu. 2010. "Solving some HR tasks of an enterprise on the basis of information models of professional knowledge of specialists and positions". Herald of Ufa State Aviation Technical University. Management, computing technology, and information science, vol. 14, no. 4 (39), pp. 185-193. [In Russian]
2. Gotsev P. S., Bulgakova I. N. 2021. "Application of predictive HR analytics methods in the organization of the decision-making process in the formation of project teams". Matrix of scientific knowledge, no 6-1, pp. 57-66. [In Russian]
3. Dedova V. E. 2014. "Features of personnel management to the project management". Modern Scientific Researches and Innovations, no. 5, part 2. Accessed 9 December 2021. <https://web.snauka.ru/issues/2014/05/34304> [In Russian]
4. Ereemeev A. V. 2000. "Genetic algorithm for the set cover problem". Discrete analysis and operational research. Series 2, vol. 7, no. 1, pp. 47-60. [In Russian]
5. Zhukova I. G., Kozlov D. V., Kultsova M. B., Litovkin D. V. 2015. "Increasing the efficiency of decision-making process in HRM system". Izvestia VSTU. Series "Actual problems of management, computing hardware and informatics in engineering systems", no. 14 (178), pp. 87-93. [In Russian]
6. Zabinyako G. I. 2007. "Implementation of algorithms for solving the set covering problem and analysis of their efficiency". Computational technologies, vol. 12, no. 6, pp. 50-58. [In Russian]

7. Kantsedal S. A. 2018. Discrete mathematics. Moscow: FORUM: INFRA-M. 222 pp. [In Russian]
8. Kireev V. E. 2018. "Influence of digital economics on key areas of personnel management". In: Polevaya M. V., Kamneva E. V., Simonova M. M. (eds.). 2018. Formation of general cultural and professional competencies of a financier. Vol. 2. Iss. 8. The psychological support of the professional activity of a specialist in new socio-economic environment. Pp. 85-93. Moscow: SVIWT. [In Russian]
9. Official website of the Computer system of competences evaluation «RESURS-K». Accessed 14 September 2021. <http://hr-ocenka.ru/> [In Russian]
10. Korostelev D. A., Lagerev D. G., Podvesovskiy A. G. 2007. "Decision-making support system 'IGLA'". Computer educational programs and innovations, no. 6, p. 23. [In Russian]
11. Kotkovets A. A., Pottosina S. A., Pinchuk T. G. 2021. "Aggregated coefficients of IT projects labor resources". Reports of the Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, vol. 19, no. 5, pp. 79-85. DOI: 10.35596/1729-7648-2021-19-5-79-85 [In Russian]
12. Kulinich A. A. 2002. "Cognitive decision-making support system 'Kanva'". Software and systems, no. 3, pp. 25-28. [In Russian]
13. Larichev O. I. 2006. Verbal decision analysis. Edited by A. B. Petrovskiy. Moscow: Nauka, 181 pp. [In Russian]
14. Lomazov V. A., Prokushev Ya. E. 2010. "The decision of the problem the economic multicriterial choice based on the method of the analysis of hierarchies". Scientific journal of Belgorod State University. Series "History. Politology. Economics. Informatics", no. 7 (78), pp. 128-131. [In Russian]
15. Loskutnikova N. 2018. 20 July. "Formation of efficient teams: applying organizational psychology". Online publication "PRO KACHESTVO". Accessed 15 September 2021. <https://kachestvo.pro/kachestvo-upravleniya/proektnoe-upravlenie/postroenie-effektivnykh-komand-primenyaem-organizatsionnyu-psikhologiyu/> [In Russian]
16. Maksimov Yu. V. 2015. "Shortest and minimal disjunctive normal forms of complete functions". Computational Mathematics and Mathematical Physics, vol. 55, no. 7, pp. 1266-1280. DOI: 10.7868/S0044466915070108 [In Russian]
17. Nazaykinsky S. V., Sedova O. L. 2017. "The role of HR-analytics in making the administrative decisions in organizations". RSUH/RGGU Bulletin. Series Economics. Management. Law, no. 3, pp. 9-19. [In Russian]
18. Nosova D. D. 2018. "Artificial intelligence systems in human resource management". Proceedings of the 1st All-Russian Scientific and Practical Conference "Innovational strategies of human resources management" (20 December, Samara), pp. 156-160. Samara: SNC Publishing House. [In Russian]
19. Pavlov A. A., Lishchuk E. I. 2007. "Decision-making based on the Analytic Hierarchy Process". Herald of the Research National Technical University "Kharkiv Polytechnic Institute": collection of scientific works. Topic Issue: System analysis, management, and information technologies, no. 41, pp. 69-76. [In Russian]
20. Petrovskiy A. B. 2009. Theory of decision-making. Moscow: Akademija. 400 pp. [In Russian]
21. Loginom Company «Analiticheskie tekhnologii» LLC. (n. d.). "Loginom platform". Accessed 25 August 2021. <https://basegroup.ru/deductor/description> [In Russian]
22. Romanova M. M. 2011. "Project activity: HR management". Herald of Omsk University. Series "Economics", no. 2, pp. 30-34. [In Russian]

23. Saaty T. 1993. *Decision-Making. The Analytic Hierarchy Process*. Translated from English by R. G. Vachnadze. Moscow: Radio i svyaz. 278 pp. [In Russian]
24. Saaty T., Kearns K. 1991. *Analytical planning: The organization of systems*. Translated from English by R. G. Vachnadze; edited by I. A. Ushakov. Moscow: Radio i svyaz. 224 pp. [In Russian]
25. Sabadosh L. Yu., Kosenko N. V., Gakhova M. A. 2012. "Decision support system for project team forming". *Scientific journal of Belgorod State University. Series "History. Politology. Economics. Informatics"*, no. 19 (138), pp. 185-189. [In Russian]
26. Silov V. B. 1995. *Making strategic decisions in an unclear environment*. Moscow: INPRO-RES. 228 pp. [In Russian]
27. Megaputer Intelligence Inc. (n. d.). "Polyanalyst system". Accessed 25 August 2021. <https://www.megaputer.com/ru/polyanalyst/> [In Russian]
28. IT-World. 2020. "A collaborative study of the Talantix cloud-based CRM recruitment system (included in the HeadHunter HR-ecosystem) and the Skillaz full-cycle recruitment service". Accessed 28 August 2021. <https://www.it-world.ru/cionews/want/151444.html> [In Russian]
29. Strelnikova L. A., Lembrikova M. M. 2019. "Actualization of digital technologies in the management of the process of personnel selection". *State and Municipal Management. Scientific Notes*, no. 1, pp. 83-89. [In Russian]
30. Syromyatnikov I. V. 2015. "Professional competencies as a subject of assessment of candidates and employees of organizations". *Human capital*, no. 5 (77), pp. 102-104. [In Russian]
31. Khizhnyak Yu. D. 2018. "Analysis of tools to support the adoption of personnel decisions". *International student scientific herald*, no. 2. Accessed 15 October 2021. <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=18333> [In Russian]
32. Altexsoft. 2019. 3 October. "How to successfully implement HR analytics and people analytics in a company". Accessed 10 September 2021. <https://www.altexsoft.com/blog/how-to-implement-hr-analytics/>
33. Isee systems. (n. d.). "Ithink premium modeling and interactive simulations". Accessed 14 September 2021. <https://www.iseesystems.com/store/products/ithink.aspx>
34. Kumar V. 2021. 16 December. "How can Big Data transform human resource management". *Toolbox*. Accessed 20 January 2022. <https://www.toolbox.com/hr/recruitment-onboarding/articles/how-can-big-data-transform-human-resource-management/>
35. Martinez J., Sevilla G. 2019. 25 May. "Bullhorn Staffing and Recruiting review". *PC Magazine*. Accessed 14 October 2021. <https://www.pcmag.com/reviews/bullhorn-staffing-and-recruiting>
36. Mohammed A. Q. 2019. "HR analytics: A modern tool in HR for predictive decision making". *Journal of Management*, vol. 6, no. 3, pp. 51-63. DOI: 10.34218/JOM.6.3.2019.007
37. Raghunatha Reddy P., Lakshmikeerthi P. 2017. "'HR Analytics' — an effective evidence-based HRM tool". *International Journal of Business and Management Invention*, vol. 6, no. 7, pp. 23-34.
38. Tomar S., Gaur M. 2020. "HR analytics in business: role, opportunities, and challenges of using it". *Journal of Xi'an University of Architecture & Technology*, vol. 12, no. 7, pp. 1299-1306. DOI: 10.37896/JXAT12.07/2441

Любовь Ивановна ПОПОВА¹

УДК 339.543

ТАМОЖЕННОЕ АДМИНИСТРИРОВАНИЕ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ ОПЕРАЦИЙ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ*

¹ кандидат экономических наук,
доцент кафедры таможенного дела,
Тюменский государственный университет
l.i.popova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-5984-5222

Аннотация

Таможенное администрирование направлено на обеспечение благоприятных условий внешнеэкономической деятельности участников экспортно-импортных сделок, обеспечение полноты и своевременности поступлений пошлин и налогов в бюджет. В свою очередь, случаи уклонения от уплаты таможенных платежей диктуют необходимость совершенствования контроля сведений в документах о перемещаемом товаре. Как результат — повышается эффективность исполнения фискальной функции таможенных органов. В работе определены основные направления таможенного администрирования внешнеэкономических операций: контроль соблюдения запретов и ограничений внешнеэкономической деятельности, контроль таможенной стоимости товаров и правильности заявленного классификационного кода по ТН ВЭД ЕАЭС, а также контроль происхождения товара. В процессе исследования применялись общенаучные методы (формально-логический, системно-структурный, сравнительно-правовой, статистического анализа). Проведен анализ показателей деятельности таможенных органов по выявлению и пресечению фактов недостоверного декларирования, дана оценка результатов их работы, рассмотрены схемы противоправной деятельности

---

* Таможенное администрирование при формировании системы контроля внешнеэкономической деятельности (научная тема, руководитель к. э. н., доцент Л. И. Попова, рег. № НИОКТР АААА-А18-118011040017-0 от 10.01.2018).

Цитирование: Попова Л. И. Таможенное администрирование внешнеэкономических операций: основные направления и результаты / Л. И. Попова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 288-306.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-288-306

участников ВЭД, приведены примеры практических ситуаций. В разрезе региональных таможенных управлений определена динамика выявления преступлений, предусматривающих ответственность в соответствии с УК РФ. Статья актуализирует проблемные вопросы, связанные с вывозом стратегически важных для обеспечения экономической безопасности РФ грузов, приведена судебная практика по случаям их незаконного перемещения, показаны пути снижения риска совершения таможенных операций в отношении таких товаров с применением новых технологий, уделено внимание электронному обмену информацией в рамках межведомственного взаимодействия и межгосударственного сотрудничества.

Ключевые слова

Таможенное администрирование, внешнеэкономическая деятельность, внешнеэкономические операции, таможенный контроль, запреты и ограничения, санкции, недостоверное декларирование, уклонение от уплаты таможенных платежей, межведомственное взаимодействие, цифровые технологии.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-288-306

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в настоящее время участниками внешнеэкономической деятельности совершаются неправомерные действия с целью уклонения от уплаты таможенных платежей, предоставления недействительных документов в части соблюдения запретов и ограничений внешней торговли, занижения таможенной стоимости, заявления недостоверных сведений о классификационном коде товаров в соответствии с Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (ТН ВЭД ЕАЭС) и их происхождении. Для выявления и пресечения противоправных схем необходимо совершенствовать таможенное администрирование внешнеэкономических операций.

Объект исследования — таможенное администрирование перемещаемых через границу товаров.

Предмет исследования — деятельность таможенных органов по обеспечению фискальной функции, выявлению и пресечению фактов несоблюдения норм законодательства ЕАЭС.

Цель работы — исследовать основные направления таможенного администрирования по актуальным вопросам, связанным с недостоверным декларированием при осуществлении участниками ВЭД экспортно-импортных операций.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в возможности применения тезисов и выводов при формировании системы таможенного администрирования и совершенствовании деятельности таможенных органов по выявлению и пресечению фактов нарушения законодательства и повышению эффективности контроля за перемещением стратегически важных товаров через таможенную границу.

Методы

Исследование основных направлений и фактических результатов таможенного администрирования внешнеторговых операций проводилось на основе данных официальных сайтов Евразийской экономической комиссии, Федеральной службы государственной статистики России, Федеральной таможенной службы России. Сбор, анализ и обработка правовой информации осуществлялись на базе справочно-информационной системы «КонсультантПлюс».

При работе над статьей были использованы официальные документы, статистические данные, отчеты о результатах таможенного контроля и материалы судебной практики. Применялись общенаучные методы — формально-логический, системно-структурный, сравнительно-правовой. В целях определения эффективности реализации правоохранительной и фискальной функций таможенных органов РФ проводился статистический анализ ключевых показателей их деятельности по выявлению недостоверного декларирования перемещаемых товаров. Применение указанных методов исследования позволило определить направления и пути совершенствования таможенного администрирования.

Результаты и обсуждение

Таможенное администрирование рассматривается как организационно-управленческая деятельность таможенных органов, направленная на обеспечение соблюдения и применение норм законодательства государств-членов ЕАЭС, реализацию правоохранительной и фискальной функций, повышение качества совершения таможенных операций.

Таможенное администрирование направлено на выявление и пресечение фактов незаконного перемещения товаров, прежде всего связанных с уклонением от уплаты таможенных платежей, и включает следующие направления деятельности таможенных органов: контроль соблюдения запретов и ограничений внешнеторговой деятельности, контроль таможенной стоимости товаров и правильности заявленного классификационного кода по ТН ВЭД ЕАЭС, а также контроль происхождения товара. Вместе с тем целью таможенного администрирования является предотвращение противоправных действий лиц, предусматривающих административную и уголовную ответственность.

Администрирование таможенной стоимости перемещаемого товара

На достижение контрольных показателей при исполнении фискальной функции таможенных органов большое влияние оказывает контроль таможенной стоимости перемещаемого товара, в ходе которого выявляется несоответствие сведений в документах фактически предъявленному товару и принимается решение о внесении корректировки.

Выявленная в ходе исследования динамика количества внесенных изменений в сведения о таможенной стоимости товаров имеет неравномерную тенденцию. Так, в 2019 г. количество внесенных изменений в сведения о таможенной стоимости товаров по результатам контроля таможенной стоимости увеличилось

на 12,3%. В 2020 г. произошло сокращение количества внесенных изменений в сведения о таможенной стоимости, представленных в ДТ, на 9,6% по сравнению с 2019 г. по причине уменьшения объемов международной торговли на фоне пандемии и, как следствие, снижения количества представленных в таможенные органы деклараций.

Ключевым показателем эффективности контроля таможенной стоимости, его непосредственным результатом является объем таможенных платежей, взысканных по результатам проведения контрольных мероприятий.

В результате проведенного таможенными органами контроля таможенной стоимости в федеральный бюджет в 2020 г. было перечислено 20,5 млрд руб., что на 0,2 млрд руб. (-0,5%) меньше по сравнению с 2019 г. В то время как в 2019 г. было перечислено на 0,3 млрд руб. (1,5%) больше, чем в 2018 г.

Отметим, что проведенные корректировки таможенной стоимости в 2018 г. позволили дополнительно довысказать 20,3 млрд руб., что меньше на 10,6%, чем в прошлом году, однако с учетом существенного сокращения сумм возвращаемых платежей сумма перечисленных таможенных платежей по результатам проведенных в прошедший период текущего года на 14% больше аналогичного показателя прошлого года.

Согласно отчетам ФТС России, аналитики констатируют, что в 2020 г.: «Сумма доначисленных таможенных платежей на одну ДТ увеличилась с 112,4 тыс. рублей в 2019 году до 123,8 тыс. рублей в 2020 году при одновременном снижении доли товарных партий с корректировками таможенной стоимости и, как следствие, снижении административной нагрузки на бизнес» [24].

Показательными для оценки эффективности таможенного администрирования выступают случаи из практики деятельности таможенных органов России в ходе проведения контроля таможенной стоимости.

Например, при проведении камеральных таможенных проверок и в ходе анализа декларирования были выявлены такие нарушения, как предъявление документов, не подтверждающих таможенную стоимость товара и не содержащих объективных сведений о причинах отличия стоимости ввезенных товаров от стоимости идентичных и однородных товаров, нарушение порядка оплаты товаров, предусмотренного внешнеэкономическим контрактом, что не позволяло идентифицировать оплату с фактической поставкой. Кроме того, представленный в ходе таможенной проверки прайс-лист производителя не являлся публичной офертой, так как был выставлен в адрес конкретного покупателя и информировал о стоимости товаров для конкретного лица, то есть с учетом определенных условий и обязательств.

Было выявлено, что при переводе экспортной декларации в наименовании товаров не были указаны артикулы продукции, ее количество и стоимость. Точно идентифицировать, какие именно товары указаны в экспортной декларации, не представлялось возможным. С учетом вышеизложенного, таможенным органом принимались решения по определению таможенной стоимости товара по резервному методу на основе информации об однородных товарах. В итоге

корректировки таможенной стоимости только по одному случаю бюджет пополнился на 290 тыс. руб. [24].

Администрирование заявленного классификационного кода товара по ТН ВЭД ЕАЭС

Важным в таможенном администрировании исполнения обязанности по уплате таможенных платежей является проведение контроля правильности заявленного классификационного кода товара по ТН ВЭД ЕАЭС.

В 2019 г. количество принятых решений по классификации товаров сократилось на 8,6%, в 2020 г. — на 24,1%. В 2020 г. снижение количества принятых решений таможенными органами России по результатам контроля правильности заявленного кода ТН ВЭД ЕАЭС можно объяснить сокращением объемов внешней торговли России и ограничениями международных перевозок.

Основным результатом контроля выступает объем доначисленных и довызысканных таможенных платежей. В 2019 г. объем доначисленных таможенных платежей увеличился на 32,9%, в 2020 г. — на 28,6%.

В свою очередь, нами выявлено, что динамика показателя объема взысканных таможенных платежей по результатам контроля правильности классификации товаров имеет неравномерную тенденцию. В 2019 г. объем взысканных таможенных платежей увеличился на 29,2%, в 2020 г. на 5,6% произошло сокращение. Это говорит о том, что результативность контроля таможенных органов за правильностью классификации товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС сократилась в 2020 г. и составила 62,9%, в то время как в 2019 г. составляла 85,7%.

В ходе исследования был рассмотрен еще один важный показатель — количество возбужденных дел об административных правонарушениях по направлению классификации товаров. В итоге выявлено, что количество возбуждаемых дел об административных правонарушениях по данному направлению за исследуемый период имеет тенденцию к сокращению. Так, в 2019 г. количество дел сократилось на 9,1%, в 2020 г. — на 12,8%.

Что касается статистических данных по объему доначисленных и взысканных таможенных платежей по результатам возбужденных дел об АП в части неправильной классификации товаров, ситуация следующая. В 2019 г. объем доначисленных платежей сократился на 10,7%, в 2020 г. произошло увеличение на 37,3%. При этом объем взысканных таможенных платежей и штрафов по результатам возбужденных дел об АП в части неправильной классификации товаров сократился в 2019 г. на 45,9%, в 2020 г. увеличился вдвое.

В качестве примера приведем случай выявленных фактов нарушений при заявлении классификационного кода ТН ВЭД ЕАЭС из практики деятельности таможенных органов Уральского таможенного управления.

Так, перемещаемый товар состоял из составных частей, каждая из которых должна была классифицироваться отдельно. При этом декларант заявил товар как единое целое и, соответственно, определил код по ТН ВЭД и величину таможенных платежей неверно. В ходе проверки таможенный орган определил

товароведные признаки товара, материал его изготовления, согласно информации официального сайта производителя. С учетом основных характеристик товара и в соответствии с Основными правилами интерпретации, были правильно определены товарные субпозиции ТН ВЭД ЕАЭС для каждой из составных частей и ставка ввозной таможенной пошлины. Доначислено и взыскано таможенных платежей на общую сумму 169,89 тыс. руб. [23].

Еще одна проблема проведения контроля правильности заявленного классификационного кода ТН ВЭД ЕАЭС заключается в том, что участники ВЭД заявляют в декларации код ТН ВЭД ЕАЭС, который не соответствует фактически перемещаемому товару. В итоге таможенные платежи уплачивают не в полном размере. Такие вопросы решаются в судебном порядке, где наибольшие административные издержки несут таможенные органы России.

Как считают эксперты компании «Альта-Софт»: «Основные ошибки, допускаемые участниками ВЭД, — это неверное толкование примечаний и пояснений к ТН ВЭД ЕАЭС, игнорирование решений Коллегии Евразийской экономической комиссии о классификации отдельных видов товаров, непредставление или представление не в полном объеме документов, подтверждающих все классификационные признаки товаров по ТН ВЭД ЕАЭС» [16].

Администрирование происхождения товаров

Еще одним важным моментом при исчислении таможенных платежей, правомерности применения льгот по их уплате и тарифных преференций является вопрос о стране происхождения товаров. В ситуации с продлением санкций в отношении товаров из отдельных государств, согласно изменениям Постановления Правительства РФ № 778 от 07.08.2014, вопрос о запрете их ввоза на территорию РФ не теряет своей актуальности. На сегодняшний день участниками ВЭД осуществляются различные схемы незаконного ввоза санкционных товаров на территорию России. Основными способами совершения таких правонарушений являются переупаковка, изменение маркировки и предъявление поддельной документации о стране происхождения товаров.

Таможенными органами выявляются случаи предоставления участниками ВЭД недостоверных и (или) неполных сведений либо недействительных разрешительных документов, подтверждающих соответствие ввозимой продукции. Так, по данным Федеральной таможенной службы России, только в 2020 г. было выявлено более 77 тыс. таких случаев [1].

Анализ статистических данных за период 2018-2020 гг. позволил сделать вывод о положительной динамике показателя выявления случаев представления недействительных документов. Например, если в 2019 г. количество выявленных случаев увеличилось на 4% по сравнению с 2018 г., то в 2020 г. увеличилось уже на 9,7%.

Наибольшее количество выявленных случаев представления недействительных документов по соблюдению запретов и ограничений в 2020 г. приходится на Центральное таможенное управление (ЦТУ), количество составило 11 167 ед. (14,5).

В таблице 1 отражено количество выявленных случаев представления недействительных документов в разрезе таможен и региональных таможенных управлений.

Основным показателем эффективности таможенного администрирования происхождения товаров является количество принятых таможенными органами решений о корректировке сведений о происхождении товаров и суммы доначисленных, в связи с такой корректировкой, таможенных платежей. Так, в 2020 г. по сравнению с 2019 г. количество корректировок сведений о происхождении товаров увеличилось на 10,4%.

Таблица 1

Количество выявленных случаев представления недействительных документов в разрезе таможен и региональных таможенных управлений за 2018-2020 гг., ед.

Table 1

Number of identified cases of invalid documents by customs and regional customs offices in 2018-2020, units

Таможни и региональные таможенные управления	2018	Доля, %	2019	Доля, %	2020	Доля, %
ЦТУ	10 180	15,1	1 201	1,7	11 167	14,5
ДВТУ	17 500	25,9	3 439	4,9	8 296	10,8
СЗТУ	7 398	10,9	7 104	10,1	6 897	8,9
ЮТУ	3 134	4,6	3 265	4,7	2 577	3,3
СТУ	4 160	6,2	2 105	2,9	2 608	3,4
УТУ	3 541	5,2	2 394	3,4	1 057	1,4
ПТУ	968	1,4	649	0,9	2 495	3,2
СКТУ	725	1,1	702	0,01	453	0,6
Внуковская	266	0,4	143	0,2	1	0,1
Домодедовская	1 575	2,3	904	1,3	4	0,1
Шереметьевская	3 360	4,9	4 103	5,8	6 035	7,8
ЦАТ	2 461	3,6	3 029	4,3	6 879	8,9
Крымская	45	0,1	56	0,07	0	0,0
Севастопольская	19	0,02	22	0,03	0	0,0
КОТ	2 129	3,2	1 904	2,7	1 447	1,9
<i>Всего</i>	67 500	100,0	70 200	100,0	77 000	100,0

Источник: составлено на основе [1].

Source: compiled based on [1].

По результатам анализа статистических данных выявлена положительная динамика и по объему доначисленных таможенных платежей. В 2020 г. сумма составила 1 470 млн руб., что на 47,6% больше по сравнению с 2019 г.

Практика деятельности таможенных органов России по выявлению фактов нарушений в ходе проведения контроля происхождения товаров и пресечения ввоза санкционной продукции достаточно обширна.

Так, должностные лица Балтийской таможни в результате таможенного осмотра 20 емкостей с применением инспекционно-досмотрового комплекса обнаружили, что вместо заявленных в таможенных документах химических товаров, ввозимых из Беларуси, в емкостях было сокрыто более 10 тонн овощей, которые были промаркированы с указанием страны происхождения Германия.

Приведем еще один пример задержания санкционных товаров, уже в регионе деятельности Уральского таможенного управления. Должностными лицами Челябинской таможни на подконтрольной территории был пресечен ввоз автомобильным транспортом партии яблок, весом 200 тонн. В соответствии с представленными документами, яблоки были произведены в Киргизии. В ходе проведения контроля были взяты образцы яблок и отправлены на таможенную экспертизу, а также направлен запрос дополнительной документации у перевозчика в целях проверки и установления страны происхождения товара. В результате установлено, что страна происхождения яблок — Польша. Партия груза была изъята [24].

Борьба с контрабандой как направление таможенного администрирования

В целях обеспечения национальных интересов и экономической безопасности РФ важным направлением таможенного администрирования выступает выявление и пресечение контрабанды запрещенных к перемещению товаров и стратегически важных ресурсов.

При этом эффективность такого направления деятельности таможенных органов повышается за счет межведомственного взаимодействия, проведения совместных оперативно-профилактических операций, контролируемых поставок с МВД России, ФСБ России, Минсельхозом России, Минобороны России и Росгвардией.

В частности, в результате операции «Мак — 2020» (май — октябрь 2020 г.), направленной на выявление и уничтожение незаконных посевов наркосодержащих культур, задержание и изобличение изготовителей, перевозчиков и сбытчиков наркотиков, из незаконного оборота изъято более 26 кг наркотических средств растительного происхождения.

В результате операции «Звезда Каспия — 2020» (июль — август 2020 г.), направленной на выявление и перекрытие контрабандных каналов поступления наркотиков, оружия и боеприпасов через акваторию Каспийского моря, из незаконного оборота изъято около 1,5 кг наркотических средств и сильнодействующих веществ [1].

Количество возбужденных уголовных дел является показателем такого важного направления таможенного администрирования.

В 2020 г. из общего количества уголовных дел:

- 209 дел возбуждено по статье 229.1 УК РФ (контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры) (в 2019 г. — 234 дела);
- 832 дела — по статье 226.1 УК РФ (контрабанда сильнодействующих, ядовитых, взрывчатых, радиоактивных веществ, стратегически важных товаров и ресурсов, культурных ценностей, огнестрельного оружия или его основных частей, боеприпасов, иного вооружения, иной военной техники, особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов) (в 2019 г. — 679 дел);
- 105 дел — по статье 200.2 УК РФ (контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий) (в 2019 г. — 51 дело);
- 72 дела — по статье 200.1 УК РФ (контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов) (в 2019 г. — 72 дела) [24].

*Проблемные вопросы таможенного администрирования
внешнеторговой деятельности и пути их решения*

Выявлено, что при проведении таможенного контроля возникает ряд проблемных вопросов в отношении перемещения отдельных видов грузов, входящих в Перечень стратегически важных товаров РФ. Несвоевременные решения таких вопросов приводят к дополнительным административным издержкам как таможенных органов России, так и участников ВЭД.

Проведя анализ данных отчетов правоохранительной деятельности ФТС России, мы пришли к выводу, что участились случаи незаконного перемещения лесоматериалов, товаров военного назначения, грузов, содержащих радиоактивные материалы, объектов интеллектуальной собственности, биоресурсов.

Одна из проблем таможенного контроля лесоматериалов заключается, по мнению экспертов, в том, что «На сегодняшний день единой методики для измерения объема круглых лесоматериалов не принято. Стандарты и методики допускают погрешности измерения при определении объемов круглых лесоматериалов в размере до 3-9%. Для проведения таможенного осмотра применяют штабельный метод определения объема лесоматериалов, которые позволяют производить измерение объема погруженных на транспортное средство круглых лесоматериалов без выгрузки» [25, с. 12].

Еще один проблемный момент. На вывоз некоторых видов лесоматериалов Правительство РФ установило тарифные квоты, в соответствии с которыми лесоматериалы экспортируются по сниженной ставке вывозных пошлин, а сверх квоты должны вывозить с уплатой полной ставки пошлин. Так, например, действуют тарифные квоты на аянскую ель, белокорую пихту и даурскую лиственницу в объеме 4 млн м³ ежегодно. Ставка вывозной пошлины на эти лесоматериалы

в рамках тарифной квоты устанавливается на уровне 6,5%, но не менее 4 евро за 1 м³. Вне квоты ставка вывозной пошлины в размере 25%, но не менее 15 евро за 1 м³. Однако выявлено, что на практике сложно отслеживать объемы экспорта лесоматериалов по тарифной квоте, следовательно, недобросовестные участники ВЭД пользуются этим и вывозят партии лесоматериалов сверх квоты по пониженной ставке [5, 10].

Сущность проблемы в том, что таможенные инспекторы, выезжая на делянку, создают зону таможенного контроля с целью досмотра лесоматериалов, однако в дальнейшем, при вывозе данного груза, на таможенном посту провести в полном объеме повторный таможенный досмотр, измерить лесоматериалы и определить их породу технически невозможно. Проблема осложняется частыми случаями представления таможенному органу поддельных разрешительных документов на товар.

При проведении таможенного контроля товаров военного назначения отмечаются проблемы идентификации такой продукции при ее прибытии или убытии с таможенной территории ЕАЭС. Должностным лицам таможенных органов бывает затруднительно сопоставить фактически предъявленную при досмотре продукцию военного назначения с информацией, указанной в товаросопроводительных документах, которая не содержит подробную характеристику перемещаемого товара. При этом в Письме ФТС России от 16.04.2016 № 01-11/62618 «О методических рекомендациях по вопросам применения законодательства в области экспортного контроля и военно-технического сотрудничества» указано, что при заполнении таможенной декларации необходимо руководствоваться положениями «Инструкции по заполнению таможенных деклараций и формы таможенных деклараций», в соответствии с которой при декларировании в графе 31 декларации на товары указываются «сведения о наименовании (торговое, коммерческое или иное традиционное наименование) товара и сведения о производителе (при наличии сведений о нем), товарных знаках, марках, моделях, артикулах, сортах, стандартах и иных технических и коммерческих характеристиках, а также сведения о количественном и качественном составе декларируемого товара» [2, с. 63].

При проведении контроля таможенной стоимости объектов интеллектуальной собственности возникает проблема, связанная с недостаточной эффективностью межведомственного взаимодействия ФТС РФ с Роспатентом и ФНС РФ. Так, в 2020 г. бюджет РФ недополучил доход от взимания таможенных платежей на 98,5 млрд руб. из-за того, что участники ВЭД не включали лицензионные платежи в структуру таможенной стоимости. Данное нарушение выявила Счетная палата РФ [22].

Проблемным вопросом при проведении контроля происхождения товаров является отсутствие принятия предварительных решений о стране происхождения товаров, что увеличивает административные издержки таможенных органов России и негативно влияет на оптимизацию таможенных операций и скорость прохождения товаров через границу.

Применение новых технологий для решения актуальных вопросов таможенного администрирования

Перечисленные проблемные вопросы, связанные с недостоверным декларированием стратегически важных для РФ товаров и межведомственным взаимодействием, требуют незамедлительного поиска путей их решения. При этом важное значение имеет применение новых информационных технологий, цифровизации.

Для решения проблемы недостоверного измерения лесоматериалов и заявления классификационного кода предлагается «применение методов неразрушающего контроля, к которым относятся спектрофотометрические или колориметрические методы», например, портативный прибор измерения «Кедр». При этом отмечается, что «проблемным вопросом, требующим скорейшего решения, является отсутствие специальной подготовки должностных лиц таможенных органов России для организации работы с прибором во время проведения таможенного досмотра».

По мнению экспертов, прибор «Кедр», который основан на спектрофотометрических или колориметрических методах, не применяется повсеместно, а используется главным образом на Дальнем Востоке. Для решения проблемы отслеживания объемов вывоза лесоматериалов по тарифной квоте необходимо создать единую базу контроля за фактическим вывозом объемов лесоматериалов из России. Для этого необходимо совершенствование методики измерения экспортируемых материалов в ходе проведения таможенного контроля.

В 2020 г. таможенное администрирование развивалось по пути автоматизации процесса получения разрешительных документов в электронном виде. Для решения проблемы проведения контроля таможенной стоимости, связанной со сложностями межведомственного взаимодействия ФТС РФ с Роспатентом и ФНС РФ, необходимо обеспечить получение ФТС сведений о наличии лицензионных договоров от Роспатента на регулярной основе. Необходимо обязать ФНС РФ предоставлять таможенным органам данные, заявляемые налогоплательщиками при расчетах налога на добавленную стоимость и налога на прибыль. Аналогичный порядок в экспериментальном режиме применяется в отношении товаров, лицензируемых Федеральной службой экспортного контроля России. В свою очередь, посредством скоординированных межведомственных мероприятий в Минпромторг России таможенной службой представляется информация об исполнении лицензий.

Важным для повышения эффективности таможенного администрирования является внедрение информационных технологий при принятии предварительного решения по классификации товаров в соответствии с ТН ВЭД. Необходимо развивать практику принятия таких предварительных решений в заявительном порядке. Предварительное решение принимается таможенным органом того государства-члена ЕАЭС, в котором будет производиться выпуск товара при его помещении под таможенную процедуру, за исключением таможенной процедуры таможенного транзита в течение 60 календарных дней со дня регистрации уполномоченным таможенным органом заявления о принятии предварительного решения о классификации товара [19].

Ускорению совершения таможенных операций будет способствовать сокращение перечня требований к представляемым документам и сведениям для принятия предварительных решений по классификации товаров таможенными органами России и уменьшение срока с 60 до 45 дней.

Введение электронной системы верификации сертификатов о происхождении товаров со странами — торговыми партнерами России позволит решить проблему, связанную с проверкой подлинности сертификата о происхождении товаров в ходе проведения контроля. С помощью электронной системы верификации осуществляется проверка факта выдачи сертификата, выполнения критериев происхождения товаров и соблюдения непосредственной закупки.

Преимущества данной системы:

- повышение эффективности таможенного контроля при декларировании товаров;
- уменьшение сроков осуществления таможенных операций;
- сокращение затрат участника ВЭД на оплату услуг СВХ (таможенного склада) и морского порта;
- значительное сокращение сроков проверки сертификатов без осуществления международных запросов;
- в рамках применения электронной системы верификации предусмотрена возможность не представлять оригинал сертификата на бумажном носителе [20].

Ведется работа по внедрению системы электронной верификации с Бельгией (в рамках непреференциальных правил ЕАЭС), с Аргентиной, Египтом, Чили, Марокко, Уругваем, Перу, Парагваем, Эфиопией, Колумбией, в рамках СНГ с Азербайджаном и Молдовой (в рамках Генеральной системы преференций).

Заключение

За последние годы эффективность таможенного администрирования с применением новых информационных технологий, повышением квалификации должностных лиц таможенных органов, межведомственного взаимодействия значительно возросла. Таможенные органы России проводят контроль перемещаемых товаров с целью обеспечения соблюдения запретов и ограничений, контроля правильности заявленной таможенной стоимости, классификационного кода ТН ВЭД ЕАЭС, происхождения товаров.

Проанализировав показатели таможенного администрирования происхождения товаров, выявлено, что в 2019 г. увеличилось количество корректировок сведений о происхождении товаров в десятки раз по сравнению с 2018 г., а в 2020 г. количество увеличилось на 10,4%. В 2019 г. доначислено таможенных платежей в десятки раз больше, чем в 2018 г., что связано с увеличением числа корректировок сведений о происхождении товаров. В 2020 г. было доначислено 1 470 млн руб., что на 47,6% больше по сравнению с 2019 г. Одной из причин положительной динамики показателей является внедрение электронной системы верификации происхождения товаров.

По основным направлениям таможенного администрирования внешнеторговых операций участников ВЭД определено, что результативность деятельности таможенных органов по пресечению нарушений законодательства в сфере таможенного регулирования остается на достаточно высоком уровне. Однако в 2020 г. произошло снижение показателей, главным образом из-за сокращения объема перемещаемых товаров и международных перевозок на фоне пандемии COVID-19.

Проблемные вопросы при проведении таможенного контроля стратегически важных ресурсов: трудности при измерении объема товарных партий лесоматериалов, отсутствие должного контроля за их перемещением по тарифной квоте, сложности идентификации товаров военного назначения в ходе проверки документов и сведений, проблемы межведомственного взаимодействия ФТС РФ и необходимость межгосударственного сотрудничества при проверке подлинности сертификата о происхождении товаров.

Актуализированные в исследовании вопросы, связанные с осуществлением контроля перемещаемых через таможенную границу товаров, требуют скорейшего решения, поскольку приводят к дополнительным издержкам как таможенных органов России, так и участников ВЭД. Предложенные варианты решений предусматривают применение цифровизации, новых информационных технологий, межведомственного взаимодействия и международного сотрудничества, что в результате позволит повысить эффективность таможенного администрирования внешнеторговых операций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ежегодный сборник «Таможенная служба Российской Федерации» // ФТС РФ: оф. сайт. URL: <http://customs.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-rossijskoj-federaczii>
2. Ларионова Д. А. Проблемы перемещения продукции военного назначения и радиоактивных материалов через таможенную границу ЕАЭС / Д. А. Ларионова // Молодой ученый. 2020. № 4. С. 62-67.
3. Методические рекомендации по оформлению экспортконтролируемых товаров и товаров военного назначения при помещении их под таможенные процедуры: Письмо ФТС России от 16.12.2015 № 01-11/62618 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198105/
4. О внесении изменения в Решение Комиссии Таможенного союза от 20 мая 2010 г. № 257 «Об Инструкциях по заполнению таможенных деклараций и формах таможенных деклараций» и дополнения в Решение Комиссии Таможенного союза от 18 июня 2010 г. № 289 «О форме и порядке заполнения транзитной декларации»: Решение Комиссии Таможенного союза от 20.09.2010 № 379 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_105056/

5. О внесении изменений в ставки вывозных таможенных пошлин на товары, вывозимые из Российской Федерации за пределы государств — участников соглашений о Таможенном союзе: Постановление Правительства РФ от 12.12.2017 № 1521 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285177/
6. О мерах по реализации указов Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560, от 24 июня 2015 г. № 320, от 29 июня 2016 г. № 305, от 30 июня 2017 г. № 293, от 12 июля 2018 г. № 420, от 24 июня 2019 г. № 293, от 21 ноября 2020 г. № 730 и от 20 сентября 2021 г. № 534: Постановление Правительства РФ от 07.08.2014 № 778 (ред. от 17.11.2021) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/document/>
7. О мерах нетарифного регулирования: Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.04.2015 № 30 (ред. от 04.10.2021) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_178556/
8. О методических рекомендациях по вопросам применения законодательства в области экспортного контроля и военно-технического сотрудничества: Письмо ФТС России от 16.04.2016 № 01-11/62618 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198105/
9. О методических рекомендациях [по вопросам применения законодательства в области экспортного контроля...]: Письмо ФТС России от 16.12.2015 № 01-11/62618 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198105/
10. О тарифных квотах на отдельные виды лесоматериалов, вывозимых за пределы территории Российской Федерации в третьи страны: Постановление Правительства РФ от 12.12.2017 № 1520 (ред. от 18.03.2021) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285175/
11. Об утверждении Административного регламента Федеральной таможенной службы по предоставлению таможенными органами государственной услуги по принятию предварительных решений о классификации товаров...: Приказ ФТС России от 16.04.2020 № 375 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355487/
12. Об утверждении Административного регламента Федеральной таможенной службы по предоставлению государственной услуги по принятию предварительных решений о происхождении товаров: Приказ ФТС России от 20.04.2020 № 381 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355367/
13. Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об определении видов стратегически важных товаров и ресурсов, для которых крупным размером признается стоимость, превышающая 100 тыс. рублей: Постановление Правительства РФ от 13.09.2012 № 923 (ред. от 08.10.2020) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135376/0a7d6b7d1b61bd81a319b0ba20fca684aa4b449f/
14. Об утверждении Правил определения происхождения товаров из развивающихся и наименее развитых стран: Решение Совета Евразийской экономической комиссии

- от 14.06.2018 № 60 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система.
URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_302985/
15. Об утверждении Правил определения происхождения товаров, ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза (не преференциальных правил определения происхождения...): Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 13.07.2018 № 49 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_302517/
  16. Основные ошибки, допускаемые декларантами при классификации товаров по ТН ВЭД, и их выявление // Альта-софт: сайт. 2019. 12 апреля.
URL: https://www.alt.ru/expert_opinion/67062/
  17. Положение об особенностях проведения таможенного контроля таможенной стоимости товаров, ввозимых на таможенную территорию ЕАЭС: Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 27.03.2018 № 42 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_294628/
  18. Попова Л. И. Организация таможенного контроля товаров и транспортных средств: учебное пособие для вузов / Л. И. Попова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. 237 с.
  19. Применение участниками ВЭД и использование таможенными органами Решений Комиссии ЕЭК по классификации отдельных видов товаров // Альта-софт: сайт. 2020. 23 марта. URL: https://www.alt.ru/expert_opinion/73268/ (дата обращения: 08.04.2021).
  20. Проверка сертификатов о происхождении товаров // Таможня-юриисконсульт: сайт. URL: <http://yuek.ru/info/?p=110>
  21. Садирова И. С. Особенности таможенного контроля при экспорте лесоматериалов / И. С. Садирова // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2018. Том 3. № 4 (14). С. 533-536.
  22. Счетная палата заявила о занижении таможенных платежей на 98,5 млрд рублей // Российская газета: сайт. 2021. 25 февраля. URL: <https://rg.ru/2021/02/25/schetnaia-palata-zaiavila-o-zanizhenii-tamozhennyh-platezhej-na-985-mlrd-rublej.html>
  23. Уральское таможенное управление: оф. сайт. URL: <https://utu.customs.gov.ru/>
  24. Федеральная таможенная служба Российской Федерации: оф. сайт. URL: <https://customs.gov.ru/> (дата обращения: 15.03.2021).
  25. Филиппов В. И. Технические средства идентификации лесоматериалов при экспорте / В. И. Филиппов // Таможня. 2019. № 2. С. 10-15.

Lyubov I. POPOVA¹

UDC 339.543

**CUSTOMS ADMINISTRATION OF FOREIGN TRADE OPERATIONS:
MAIN DIRECTIONS AND RESULTS***

¹ Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Department of Customs Affairs,
University of Tyumen
l.i.popova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-5984-5222

Abstract

Customs administration is aimed at providing favorable conditions for foreign trade activities of participants of export-import transactions, ensuring the completeness and timeliness of duties and taxes to the budget. Whereas, cases of evasion of customs duties dictate the need to improve the control of information in the documents about the transported goods. This results in the increasing effectiveness of the execution of fiscal functions by customs authorities. The paper identifies the main directions of customs administration of foreign trade operations: control of compliance with prohibitions and restrictions on foreign trade activities, control of the customs value of goods and the correctness of the declared classification code under the EAEU Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity, as well as control of origin of goods. The study uses general scientific methods (formal-logical, system-structural, comparative legal, statistical analysis). The article conducts the analysis of indicators of customs authorities' activity in detecting and suppressing the facts of false declaration, assesses the results of their work, studies the schemes of illegal activities of foreign trade participants, as well as provides the examples of practical situations. In the context of regional customs administrations, the dynamics of the detection of crimes involving liability in accordance with

---

* Customs administration in the formation of the control system of foreign economic activity (research topic, research supervisor Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Popova L. I., Research and Technological Development Work No. AAAA-A18-118011040017-0 of 10.01.2018).

Citation: Popova L. I. 2022. "Customs administration of foreign trade operations: main directions and results". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 1 (29), pp. 288-306.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-288-306

the Criminal Code of the Russian Federation is determined. The article updates problematic issues related to the export of goods strategically important for the economic security of the Russian Federation, provides the judicial practice on cases of their illegal movement, demonstrates the ways of reducing the risk of customs operations of such goods with the use of new technologies, highlights the electronic exchange of information within the framework of interagency cooperation and interstate collaboration.

Keywords

Customs administration, foreign economic activity, foreign trade operations, customs control, prohibitions and restrictions, sanctions, false declaration, customs evasion, interagency cooperation, digital technologies.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-288-306

REFERENCES

1. Official website of the Federal Customs Service of the Russian Federation. Annual collection "The Federal Customs Service of the Russian Federation". <http://customs.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-rossijskoj-federaczii> [In Russian]
2. Larionova D. A. 2020. "Problems of moving military products and radioactive materials across the customs border of the EAEU". *Young Scientist*, no. 4, pp .62-67. [In Russian]
3. ConsultantPlus legal reference system. Methodological recommendations on registration of export controlled goods and military goods when placing them under customs procedures: Letter of the Federal Customs Service of Russia of 16 December 2015 No. 01-11/62618. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198105/ [In Russian]
4. ConsultantPlus legal reference system. On amending the decision of the Commission of the Customs Union of 20 May 2010 No. 257 "On the Instruction on the filling in the customs declarations and forms of customs declarations" and additions to the Decision of the Customs Union Commission of 18 June 2010 No. 289 "On the form and procedure for filling in a transit declaration": Decision of the Customs Union Commission of 20 September 2010 No. 379. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_105056/ [In Russian]
5. ConsultantPlus legal reference system. On modification of rates of export customs duties for the goods exported from the Russian Federation outside the states — participants of agreements on the Customs Union: Decree of the Government of the Russian Federation of 12 December 2017 No. 1521. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285177/ [In Russian]
6. ConsultantPlus legal reference system. On measures to implement the decrees of the President of the Russian Federation of 6 August 2014 No. 560, of 24 June 2015 No. 320, of 29 June 2016 No. 305, of 30 June 2017 No. 293, of 12 July 2018 No. 420, of 24 June 2019 No. 293, of 21 November 2020 No. 730 and of 20 September 2021 No. 534: Decree of the Government of the Russian Federation of 7 August 2014 No. 778 (ed. of 17.11.2021). <http://www.consultant.ru/document> [In Russian]

7. ConsultantPlus legal reference system. On measures of non-tariff regulation: Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission of 21 April 2015 No. 30 (revised on 04.10.2021). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_178556/ [In Russian]
8. ConsultantPlus legal reference system. On methodological recommendations on the application of legislation in the field of export control and military-technical cooperation: Letter of the Federal Customs Service of Russia of 16 April 2016 No. 01-11/62618. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198105/ [In Russian]
9. ConsultantPlus legal reference system. On methodological recommendations [on issues of application of the legislation in the field of export control...]: Letter of the Federal Customs Service of Russia of 16 December 2015 No. 01-11/62618. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198105/ [In Russian]
10. ConsultantPlus legal reference system. On tariff quotas for certain types of timber exported outside the territory of the Russian Federation to third countries: Decree of the Government of the Russian Federation of 12 December 2017 No. 1520 (ed. of 18.03.2021). 1. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285175/ [In Russian]
11. ConsultantPlus legal reference system. On approval of the Administrative Regulations of the Federal Customs Service to provide customs authorities with the state service to take preliminary decisions on the classification of goods ...: Order of the Federal Customs Service of Russia of 16 April 2020 No. 375. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355487/ [In Russian]
12. ConsultantPlus legal reference system. On approval of the Administrative Regulations of the Federal Customs Service to provide the state service to take preliminary decisions on the origin of goods: Order of the Federal Customs Service of Russia of 20 April 2020 No. 381. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355367/ [In Russian]
13. ConsultantPlus legal reference system. On approval of the List of strategically important goods and resources for the purposes of Article 226.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as on the definition of types of strategically important goods and resources, for which the value is considered high exceeding 100 thousand rubles: Decree of the Government of the Russian Federation of 13 September 2012 No. 923 (ed. of 08.10.2020). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135376/0a7d6b7d1b61bd81a319b0ba20fca684aa4b449f/ [In Russian]
14. ConsultantPlus legal reference system. On approval of the Rules for determining the origin of goods from developing and least developed countries: Decision of the Council of the Eurasian Economic Commission of 14 June 2018 No. 60. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_302985/ [In Russian]
15. ConsultantPlus legal reference system. On approval of the Rules for determining the origin of goods imported into the customs territory of the Eurasian Economic Union (non-preferential rules for determining origin...): Decision of the Council of the Eurasian Economic Commission of 13 July 2018 No. 49. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_302517/ [In Russian]
16. Alta-soft. 2019. 12 April. "The main mistakes made by declarants when classifying goods according to Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity and their identification". https://www.alta.ru/expert_opinion/67062/ [In Russian]

17. ConsultantPlus legal reference system. Regulations on the peculiarities of customs control of the customs value of goods imported into the customs territory of the EAEU: Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission of 27 March 2018 No. 42. 1. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_294628/ [In Russian]
18. Popova L. I. 2020. Organization of customs control of goods and vehicles: textbook for universities. 3rd Edition, revised. Moscow: Yurait. 237 pp. [In Russian]
19. Alta-soft. 2020. 23 March. "Application by participants of FEA and use by customs authorities of the Decisions of the EEC Commission on the classification of certain types of goods". Accessed 8 April 2021. https://www.alta.ru/expert_opinion/73268/ [In Russian]
20. Customs Legal Advisor. Verification of certificates of origin of goods. <http://yuek.ru/info/?p=110> [In Russian]
21. Sadirova I. S. 2018. "Features of customs control for forest exports". Actual problems of aviation and cosmonautics, vol. 3, no. 4 (14), pp. 533-536. [In Russian]
22. Russian Newspaper. 2021. 25 February. "The Accounts Chamber announced the understatement of customs payments of 98.5 billion rubles". <https://rg.ru/2021/02/25/schetnaia-palata-zaiavila-o-zanizhenii-tamozhennyh-platezhej-na-985-mlrd-rublej.html> [In Russian]
23. Official website of the Ural Customs Administration. <https://utu.customs.gov.ru/> [In Russian]
24. Official website of the Federal Customs Service of the Russian Federation. Accessed 15 March 2021. <https://customs.gov.ru/> [In Russian]
25. Filippov V. I. 2019. "Technical means of identification of timber during export". Customs, no. 2, pp. 10-15. [In Russian]

Елена Александровна ТРОФИМОВА¹
Татьяна Александровна КОЛЬЦОВА²
Татьяна Владимировна БАКУНОВА³
Алена Евгеньевна ЗАБОРОВСКАЯ⁴

УДК 336.2

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В НАЛОГООБЛОЖЕНИИ

¹ кандидат экономических наук, доцент
кафедры финансов, денежного обращения и кредита,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
Elena.Trofimova@urfu.ru; ORCID: 0000-0002-6946-5098

² кандидат экономических наук, доцент
кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля,
Тюменский государственный университет
t.a.kolcova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-7894-5010

³ кандидат экономических наук, доцент
кафедры финансов, денежного обращения и кредита,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
tatyana.bakunova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0398-643X

⁴ кандидат экономических наук, доцент
кафедры финансов, денежного обращения и кредита,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
zaborovskaya.alena@bk.ru; ORCID: 0000-0002-7757-7225

Аннотация

Экономическое развитие России невозможно без повсеместного внедрения облачных и мобильных технологий в налоговой системе. Исследование направлено на выявление

Цитирование: Трофимова Е. А. Современные тенденции в налогообложении / Е. А. Трофимова, Т. А. Кольцова, Т. В. Бакунова, А. Е. Заборовская // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 307-330.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-307-330

аспектов внедрения информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в налоговые процедуры с целью увеличения темпов экономического роста, обоснование значимости применения цифровых технологий в налоговой сфере с учетом необходимости роста налоговых поступлений. Цифровые технологии актуальны в большинстве налоговых правоотношений, в том числе в исчислении и уплате налогов, в процессе реализации налогового контроля со стороны государства. Благодаря развитию цифровых технологий изменяются обязанности налогоплательщиков по исчислению налога и представлению налоговых деклараций, модернизируются процессы уплаты и взыскания налоговых платежей. При проведении исследования применялось сочетание методов научного познания, анализа нормативно-правового материала, историко-системного метода, формально-юридического, метода описания и сравнения, методов индукции и дедукции, а также сравнительно-правовой анализ. Рост собираемости и поступления налогов в бюджетную систему страны не является препятствием для увеличения темпов развития экономики и экономического роста в целом, который выражается в виде ВВП. Соответственно, повышению поступлений налогов в бюджеты разных уровней будет способствовать рост национальной экономики. Предполагается, что в 2022 г. будет наблюдаться рост поступлений в виде налогов и сборов в бюджеты различных уровней. Прогноз строится на ожиданиях увеличения ВВП и количества хозяйствующих субъектов-налогоплательщиков, а также повышения эффективности функционирования ФНС в части администрирования налогов.

Ключевые слова

Экономический рост, налоги, налогообложение, налоговые процессы, налоговая система, цифровизация, цифровая экономика, цифровые технологии.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-307-330

Введение

Цифровая трансформация в современном обществе оказала серьезное воздействие на взаимоотношения субъектов экономики, в том числе из-за повсеместного распространения социальных сетей и осуществления всё большего количества бизнес-операций через Всемирную сеть. Исходя из такой формы реализации экономических отношений, самым ценным активом в современном мире стали не золото или нефть, а данные.

Налоги формируют доходную часть бюджета страны, играя при этом ключевую роль в развитии экономики страны. Государство нуждается в грамотном регулировании налоговой системы, так как ее влияние особо значимо для эффективности экономики. Налоговая система, как известно, представляет собой совокупность действующих налогов, налоговое администрирование и ответственность за несоблюдение налогового законодательства.

Структура налоговой системы страны является важным фактором, определяющим ее экономическое развитие. Хорошо структурированная налоговая система понятна налогоплательщикам и способствует более эффективному взиманию

налоговых платежей. Напротив, плохо структурированные налоговые системы могут быть дорогостоящими, исказить процесс принятия экономических решений и наносить ущерб национальной экономике. Именно признание этого заставило страны реформировать свои налоговые системы. Но даже лучшая налоговая политика ничего не стоит, если ее нельзя эффективно реализовать. Сложность и многофункциональность налоговой системы, существенные финансовые риски и частые изменения в условиях деятельности требуют постоянного совершенствования информационных технологий, обеспечивающих цифровизацию данной сферы. Реформирование налоговой системы РФ показало, что внедрение нововведений не всегда дает результат.

Все функции, в том числе в экономической сфере, реализуемые государством, базируются на законодательных и нормативных актах, принятых в стране. Быстрая и масштабная цифровая трансформация оказала глубокое влияние на экономику и общество, вызвала глобальные дебаты во многих сферах, привела к значительным изменениям. Исключением не стали, в частности, сфера налогообложения и жизнедеятельность российского общества в целом.

Основная цель налогообложения состоит в сборе ресурсов, необходимых государственной власти для реализации своей политики, но система налогообложения на самом деле является политикой сама по себе. Определив, какие операции подлежат налогообложению, а какие нет, правительство может влиять на поведение своих граждан.

Задача налоговой политики — эффективно собрать доходы, то есть получить максимум доходов при минимуме затрат для государства. Те, кто против цифровизации, обычно видят в этом единственную цель функционирования налоговой системы.

Обеспечение соблюдения налогового законодательства является постоянной проблемой для государства. Однако из-за появления новых технологий методы, с помощью которых правительство обеспечивает соблюдение налогового законодательства и с помощью которых отдельные лица и фирмы уклоняются от уплаты налогов, по крайней мере частично со временем меняются. Можно утверждать, что трансформация технологий всё-таки делает уклонение от уплаты налогов всё более трудным для большинства налогоплательщиков. Надо заметить, что в России, да и в других странах, опыт глобального использования цифровых технологий достаточно небольшой, но характерны масштабность и многоуровневость внедряемых цифровых решений. Налоговые органы инвестируют в технологии, чтобы улучшить методы оценки рисков и повысить собираемость налогов. Налоговые службы инвестируют в технологии для улучшения автоматизации, повышения точности и наглядности своих налоговых данных и раскрытия их стратегической ценности. Цифровизация позволяет правительствам осуществлять действия в отношении экономической деятельности на уровне отдельных транзакций и рассматривать новые формы налогообложения деятельности в цифровой сфере. Развитие технологий меняет налогообложение в каждом из этих направлений, и все они ведут к более всестороннему анализу всё большего количества налоговых данных в режиме реального времени.

История цифровизации в России намного короче, чем во многих других странах, однако наша страна впечатляюще быстро развернула программу цифровых налоговых услуг. И у России есть прекрасная возможность создать ведущую цифровую налоговую систему в мире, но стоит позаботиться о том, чтобы осуществить переход осторожно и правильно, не совершая в спешке ошибок.

Ежегодно Министерство финансов РФ определяет налоговую политику страны на следующие три года. Укажем в таблице 1, какие изменения коснулись налоговой политики.

Необходимо отметить, что инициативы Минфина, перечисленные ниже, принимаются бизнес-сообществом без явного одобрения, так как ожидаемых послаблений в сфере налогообложения в них не предусмотрено, а следовательно, предполагаемая эффективность мер может быть не достигнута. При этом стоит признать, что такой подход с целью удачного внедрения цифровых технологий достаточно разумен.

Таблица 1

Характеристика изменений, вносимых в налогообложение, согласно налоговой политике России

Table 1

Characteristics of changes introduced to taxation, according to the tax policy of Russia

№	Вносимое изменение
1	Модернизация налогового администрирования — внедрение оперативного контроля (формы налогового контроля, осуществляющие надзор за исполнением налогоплательщиком своих обязанностей в режиме реального времени, но исключая дополнительное давление на бизнес) в систему налогового контроля и развитие налогового мониторинга (самой распространенной формы оперативного налогового контроля)
2	Включение неналоговых платежей (утилизационный сбор, обязательные отчисления операторов сети связи общего пользования, курортный сбор) в Налоговый кодекс РФ
3	Изменение расчета налога на прибыль и НДФЛ
4	Совершенствование специальных налоговых режимов, упрощая отчетность. Так, например, ФНС разработала новый спецрежим для микропредприятий и малого бизнеса. Налог будут считать инспекторы, а выездных проверок не будет. За работников и за ИП не придется платить взносы в ИФНС, но из-за этого ставка по налогу будет выше — 8% с доходов и 20% с разницы между доходами и расходами. Новую налоговую систему испытают с 1 июля 2022 г. в регионах, где первыми вводили режим для самозанятых, — Москве, Московской и Калужской областях и Татарстане. Применять новый налоговый режим можно будет с начала нового года. Для этого не позднее 31 декабря нужно будет подать уведомление в ИФНС. В законе нет специальных сроков подачи уведомлений для тех, кто захочет опробовать спецрежим в середине 2022 г. Поэтому перейти на АУСН с июля 2022 г. смогут только новые организации и вновь зарегистрированные ИП. Действующие организации и ИП смогут опробовать спецрежим с 2023 г.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Цифровая экономика развивается благодаря распространению информационно-коммуникационных технологий. Она, являясь результатом сочетания технологий с экономикой, меняется день ото дня, и этот процесс не только изменяет традиционные формы бизнеса, но и требует серьезных изменений в традиционных правилах налогообложения.

Так, Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы, которая направлена на использование информационных и коммуникационных технологий, цифровизацию национальной экономики и реализацию национальных приоритетов.

Во исполнение названного Указа распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р была разработана Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», которая касается повышения качества и доступности государственных услуг для населения, увеличения их цифровой грамотности и информированности.

Цифровая экономика представляет собой экономику, готовую направить ресурсы информационно-коммуникационных технологий на благо потребителей, бизнеса и государства, создав высококачественную ИКТ-инфраструктуру [6].

Указанная Программа имела непосредственное отношение и к цифровизации налоговой сферы, установлению регламента отношений между налогоплательщиками и налоговыми инспекциями, в том числе налоговому администрированию.

Позже, для реализации Указов Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» по внедрению цифровых технологий в экономике и социальной сфере, Правительством Российской Федерации одобрена национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», которая утверждена протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7.

В последнее время, из-за усиления требований налогового законодательства и увеличения налоговой нагрузки, проблема налоговой оптимизации и налогового планирования становится всё актуальнее для хозяйствующих субъектов всех сегментов экономики. Перед всеми участниками налоговых отношений стоит важный вопрос о том, какая степень цифровизации является для них наиболее подходящей, на каком уровне цифровизации находится компания и как лучше управлять существующими цифровыми площадками. Нельзя не упомянуть в ходе нашего исследования и разработку ФНС России системы данных о налогоплательщиках, объектах налогообложения и операциях налогоплательщиков на основе «Big Data».

«Big Data», большие данные — это комплексное понятие, применяемое для обозначения современных технологий и методологий, используемых для сбора, сортировки, обработки и анализа массивных, сложных наборов (баз) данных,

подходов, методов и инструментов анализа значительных объемов данных, предполагающих наличие информации, которая поступает из огромного количества источников, в объемах, не поддающихся ручной обработке. Важным преимуществом технологии «Big Data» выступает возможность создания сложных моделей и рассмотрения большего количества различных ситуаций. Собранные данные можно использовать для получения более глубокого представления о национальной экономике и принятия решений в других ведомствах, помимо простого учета данных о налогах.

Большие данные являются одной из наиболее перспективных областей использования в сфере налогообложения, позволяющей существенно изменить операционные процессы. В совокупности с технологиями искусственного интеллекта и машинного обучения, «Big Data» обеспечивают настолько революционную цифровую трансформацию, последствия которой до конца оценить невозможно. Посредством использования обозначенных технологий появляются новые бизнес-процессы и бизнес-модели, осуществляются сложные методы контроля рыночных, операционных и кредитных рисков, формируются инструменты визуализации для анализа финансовых рынков, разрабатываются новые критерии и показатели финансового поведения граждан путем анализа общественных настроений на основе массивных текстовых данных из социальных сетей.

Цель исследования — обоснование значимости применения цифровых технологий в налоговой сфере с учетом необходимости роста налоговых поступлений.

Методы

Методологической базой исследования является сочетание методов научного познания, анализа нормативно-правовых данных, системного метода анализа, методов описания и сравнения, отдельных статистических методов изучения экономических явлений.

Теоретическая и практическая значимость результатов исследования заключается в обосновании дальнейшего внедрения информационных и коммуникационных технологий в налоговые процедуры с целью увеличения темпов экономического роста.

Результаты

На фоне повышения налогов, довольно жесткой фискальной и монетарной политики, российская экономика показала довольно слабый экономический рост в 2020 г., но это было вполне ожидаемо. Контрциклическая бюджетная политика в условиях смягчения денежно-кредитной политики Банка России, но повышенного влияния эпидемиологической ситуации оказывала поддержку внутреннему спросу.

В 2021 г. российская экономика частично смогла окрепнуть после спада 2020 г., одной из причин которого стала пандемия. По предварительным оценкам, объем ВВП РФ по результатам 2021 г. может вернуться к уровню 2019 г. и даже немного его превзойти. Продолжает наблюдаться сокращение уровня безработицы после роста 2020 г. до 6,4 %, а бюджет перестал быть дефицитным. С одной

стороны, поддержка населения и хозяйствующих субъектов с помощью различных мер, принимаемых государством, способствует более быстрому восстановлению экономики, но при этом уровень инфляции по итогам ушедшего года стал рекордным за последнюю пятилетку.

Возможный рост экономической активности в ближайшем будущем продолжит сдерживаться рядом факторов: снижением потребительского спроса (из-за продолжающихся ограничений и падения реальных доходов населения), сокращением инвестиционной активности, ростом числа официально зарегистрированных безработных и др.

Можно констатировать, что ситуация в национальной экономике совпадает с общемировыми тенденциями: слабый экономический рост, умеренная инфляция, низкие темпы и быстрый рост стоимости финансовых активов [1].

На основе имеющихся в свободном доступе информационных и аналитических данных представим в таблице 2 динамику ВВП и налоговых поступлений в бюджет РФ.

На основе данных таблицы 2 можно представить взаимосвязь ВВП и налоговых поступлений в консолидированный бюджет РФ (рис. 1).

Статистическая корреляция отражает соотношение двух базовых экономических показателей, а именно российского ВВП и поступлений налогов в консолидированный бюджет РФ. Результаты расчетов показывают, что связь между рассматриваемыми показателями прямая и очень тесная (коэффициент корреляции $r = 0,995$). При этом увеличение ВВП на 1 млрд руб. позволит увеличить поступления налоговых платежей в консолидированный бюджет страны на 333,6 млн руб. Коэффициент детерминации (0,9908) говорит о том, что поступления в консолидированный бюджет зависят от размеров ВВП практически на 100%.

Таблица 2

Динамика ВВП и поступлений налогов в бюджет РФ

Table 2

Dynamics of GDP and tax revenues to the budget of the Russian Federation

Показатель	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Валовый внутренний продукт, млрд руб.	79 058	83 094	86 014	92 101	103 876	110 362	107 315
Темп роста ВВП, %	100,7	97,7	100,3	101,6	102,3	103,2	97,2
Поступление налогов и сборов в консолидированный бюджет РФ, млрд руб.	12 671,2	13 788,8	14 483,3	17 343,5	21 300,0	22 578,0	24 042,7
Темп прироста, %	—	+8,1	+4,8	+20,0	+23,0	+6,0	+6,5

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

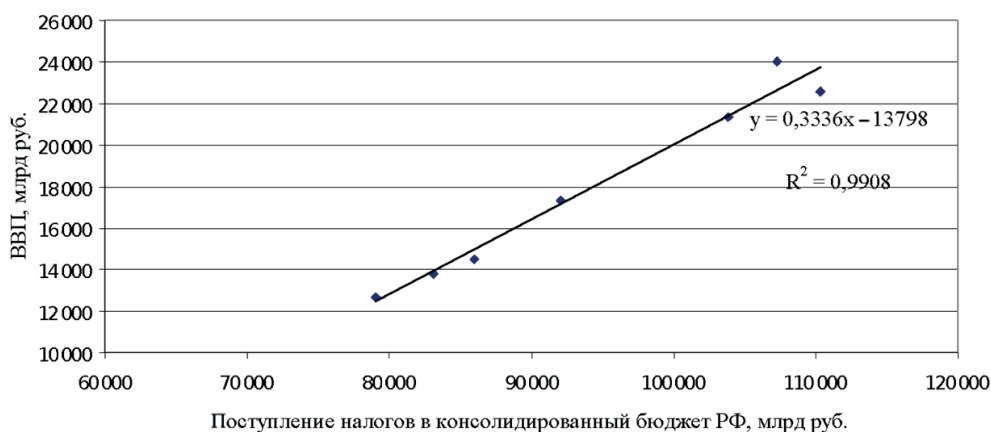

Рис. 1. Зависимость ВВП от налоговых поступлений в консолидированный бюджет РФ

Источник: составлено авторами.

Fig. 1. Dependence of GDP on tax revenues to the consolidated budget of the Russian Federation

Source: compiled by the authors.

Прогноз на 2022 г. относительно налогов состоит в том, что поступления в виде налогов и сборов будут определенно расти. Это будет связано, во-первых, с ростом самой экономики, увеличением количества предприятий, дающих налоговые отчисления в бюджет. И, во-вторых, в связи с ростом эффективного администрирования самих налогов в институциональных рамках Федеральной налоговой службы.

Также в 2022 г. в сфере налогообложения ожидаются следующие нововведения:

1. С 1 января 2022 г. изменятся правила зачета и возврата налогов и взносов: налоги и взносы будут засчитывать между собой. Переплату по налогу смогут зачесть в счет других налогов, сборов и взносов, пеней и штрафов. В свою очередь, переплату по авансовым платежам, сборам, взносам, пеням и штрафам можно будет засчитывать в счет налогов. Вернуть переплату на счет будет возможно только в случае отсутствия долгов перед бюджетом.
2. С 1 января 2022 г. меняются правила учета договоров лизинга. Объект лизинга теперь учитывается лизингодателем в составе своего амортизируемого имущества и амортизируется в общем порядке. Лизингополучатель рассчитывает налог на прибыль с учетом лизинговых платежей. Норма, позволяющая передать предмет лизинга согласно договору на учет лизингополучателю, исключена. Новые правила применяют к договорам лизинга, заключенным с 1 января 2022 г. Учет по договорам, заключенным до 1 января 2022 г., продолжает вестись в прежнем порядке до окончания срока их действия.
3. С 1 января 2022 г. в социальный вычет можно включить оплату расходов на физкультурно-оздоровительные услуги гражданину или его детям в возрасте до 18 лет, если услуга включена в специальный перечень, утвержденный Правительством. В указанный перечень вошли физкультурно-оздоровительные услуги по физической подготовке и физическому развитию,

по обеспечению участия в определенных физкультурных мероприятиях, по разработке программ занятий физической культурой, тренировочных планов. При этом организация или ИП, которые оказывают эту услугу, должны быть включены в перечень Минспорта. Общая величина социального вычета не изменилась, она составляет 120 000 руб. Вычет будут применять к доходам, которые получены начиная с 1 января 2022 г.

4. С 1 июля 2022 г. вводится единый налоговый платеж для организаций и ИП, то есть налоги, страховые взносы и торговый сбор можно будет перечислить одним платежным документом.

Учитывая влияние цифровизации, с 1 января 2022 г. сотрудников компаний, за исключением руководителя, обязали подписывать документы организации только личной электронно-цифровой подписью. Руководители организаций могут подписывать документы электронной цифровой подписью юридического лица. При этом в сертификате электронной подписи можно будет указать не только данные об организации, но и Ф. И. О. руководителя и его должность. Другие сотрудники с 2022 г. обязаны подписывать документы своими личными подписями физлица и прикладывать к ним доверенности. В электронных подписях физлиц будут указаны только личные данные физлица без наименования организации и должности.

По данным прогнозов аналитиков рынка, в текущем году российская экономика будет ускоряться, несмотря на продолжающуюся негативную ситуацию с распространением нового вируса, в том числе за счет использования Фонда национального благосостояния (на конец 2021 г. объем фонда достиг 12% ВВП, превысив таргетированное значение в 7%, после достижения которого правительство предполагало начать активное инвестирование средств фонда) и несмотря на увеличение ставок на кредитные ресурсы.

При этом серьезные проблемы для российской экономики может создать одновременная реализация двух рисков: резкое падение цен на нефть и продолжающийся отток капитала. Каждый фактор в отдельности вряд ли приведет к серьезным последствиям.

Надо сказать, что в современных условиях большое внимание бизнес-структуры уделяют налоговому планированию и налоговой оптимизации, в том числе из-за повышенного внимания со стороны налоговых органов к увеличению рисков, провоцируемых нарушением налогового законодательства.

Одним из элементов налоговой оптимизации и важным этапом цифровизации органов государственного контроля стал налоговый мониторинг — форма взаимодействия налоговых органов и хозяйствующих субъектов. Это один из способов информационного взаимодействия, при котором предприятие добровольно дает налоговой инспекции полный или ограниченный доступ в онлайн-формате к первичным данным своей финансовой отчетности и, благодаря такой открытости, имеет полноправную возможность в неопределенных ситуациях получить от налогового органа мотивированное заключение относительно налоговых последствий реализуемых действий.

Нормативными документами установлено следующее правило: в случае подачи заявления на проведение налогового мониторинга в текущем году до установленной даты, мониторинг будет осуществляться следующий год. Таким образом, процедура налогового мониторинга будет возможна с начала следующего календарного года, а завершится к IV кварталу года, следующего за периодом спецпроцедуры.

Налоговый мониторинг позволяет избежать спорных ситуаций о применении налогового законодательства, а налогоплательщику — избежать доначислений сумм налогов, пеней и штрафов, а также снизить давление налогового контроля. То есть вместо традиционных камеральных и выездных проверок налоговые структуры взаимодействуют с подконтрольными субъектами в онлайн-режиме. Предприятия имеют возможность передавать проверяющим документы и информацию через оператора электронного документооборота либо предоставлять удаленный доступ к своим учетным системам, витрине данных, бухгалтерской и налоговой отчетности. Еще раз подчеркнем, что налоговый мониторинг отличается от других форм налогового контроля добровольность применения его сторонами. Немаловажно, что с середины 2021 г., когда были введены новые критерии для осуществления налогового мониторинга, последний стал доступен для широкого круга компаний.

Также планируется установить возможность соответствия лишь одному из трех, действующих пока в совокупности, критериев перехода на налоговый мониторинг: общая сумма налогов: НДС, акцизов, налога на прибыль и НДСПИ, подлежащих уплате в бюджет РФ без учета налогов, подлежащих уплате в связи с перемещением товаров через таможенную границу Таможенного союза — не менее 100 млн руб., либо доходы — не менее 1 млрд руб., либо активы — не менее 1 млрд руб., по данным бухгалтерской отчетности на 31 декабря.

Увеличение списка потенциальных участников такой формы контроля произойдет с включением сумм НДФЛ и страховых взносов в общую сумму исчисленных налогов и взносов.

Показателями эффективности внедрения и осуществления оперативного налогового контроля за последние несколько лет можно считать объем налоговых поступлений в бюджет, сформированный за счет реализации налоговыми органами текущей контрольно-аналитической работы, рост количества участников налогового мониторинга и доли их налоговых поступлений в бюджет (таблица 3).

На данный момент налоговый мониторинг можно считать самой удобной моделью контроля крупнейших налогоплательщиков. Выгоду получают и организации, и инспекторы налоговой службы. Затраты предприятий на сопровождение мероприятий налогового контроля значительно сокращаются — налоговый мониторинг обеспечивает практически полный отказ от запросов бумажных документов. Юридическое лицо и налоговая инспекция совместно проводят комплексный анализ рисков. При этом оценивается, насколько эффективно работает система внутреннего контроля организации.

Начиная с 2024 г. планируется полномасштабное электронное взаимодействие участников налоговых правоотношений в ходе налогового мониторинга, используя информационные системы хозяйствующего субъекта, с ликвидацией взаимодействия через телекоммуникационные каналы связи или использование бумажных носителей. По мнению многих экспертов, цифровой метод передачи данных обладает большей эффективностью в сравнении с иными способами: сокращается расход материальных и трудовых ресурсов, информация не только передается, но и успешно обрабатывается, сокращается время передачи данных, повышается информационная безопасность. Улучшение количества и качества имеющихся данных следует использовать не только для более эффективного выявления налогоплательщиков, не соблюдающих требования, и проведения целевых проверок, но и для снижения количества ложноположительных результатов, чтобы налогоплательщики, соблюдающие требования, реже подвергались дополнительным неудобствам, связанным с проведением выездных проверок.

Вовлечение налоговых органов в процедуру налогового прогнозирования объясняется тем, что у них содержится детальная информация о поступлении налогов, о влиянии налоговой системы на налогоплательщиков и уровень платежей [4]. Так, например, доступ к данным налогоплательщика в процессе

Таблица 3

Динамика отдельных показателей деятельности ФНС России в связи с проведением контрольно-аналитической работы в 2019-2021 гг.

Table 3

Dynamics of individual performance indicators of the Federal Tax Service of Russia in connection with the control and analytical work in 2019-2021

Показатель	2019 г.	2020 г.	Темп роста, %	2021 г.	Темп роста, %
Количество участников налогового мониторинга, ед.	95	209	220	209	100
Доля налоговых поступлений участников налогового мониторинга, %	30	43	143	47	109
Дополнительно поступило в бюджет в связи с проведением контрольно-аналитической работы, млрд руб.	345	293	85	321	110
Дополнительно поступило в бюджет по результатам комиссий по легализации налогооблагаемой базы, млрд руб.	7,95	13,5	170	32,3	239
Сумма доначислений налога на прибыль организаций, млрд руб.	4,6	4,7	102	10	213

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

налогового мониторинга позволяет снизить количество запрашиваемых налоговой инспекцией документов и акцентировать внимание на проверке тех операций, которые содержат элементы риска. Это позволяет уже на этапе планирования операций и сделок выявить налоговые риски, исключив возникновение спорных моментов. Также налоговые органы могут создавать на электронных платформах автоматические подсказки, которые напоминают налогоплательщикам, когда у них есть обязательства по подаче декларации или уплате налоговых платежей. Эти напоминания могут служить способом повышения удовлетворенности налогоплательщиков (помогая им избежать непреднамеренного нарушения и последующих штрафов), а также позволят повысить уровень соблюдения налоговой дисциплины.

Технологические изменения резко и коренным образом повлияли на поток информации, поступающей и в налоговые органы. Эти изменения, конечно, более сконцентрированы в развитых странах, но имеют место и в развивающихся, особенно с учетом усилий международных организаций. Почти все технологические изменения начинаются с оцифровки (преобразования хранения информации в цифровые форматы). Государственными структурами аккумулирован очень большой массив информации, который можно использовать для прогнозирования в различных сферах, извлекая при этом пользу, но существует проблема его правильного хранения и управления им.

Действительно, с интеграцией оцифровки в большинство аспектов повседневной жизни, часто называемой цифровизацией, появилось множество дополнительных технологических инноваций [3]. Однако необходимо помнить, что электронные каналы связи открыты для потенциальных злоупотреблений. При передаче данных всегда существует угроза утечки информации, фишинга, недобросовестных посредников, социальной инженерии и других нарушений кибербезопасности.

В налоговом администрировании риски высоки, так как информация носит конфиденциальный характер. Большинство взломов происходит из-за человеческого фактора, поэтому налоговые органы должны информировать налогоплательщиков об основных рисках и мерах безопасности при использовании цифровых технологий.

Отдельно от вопроса безопасности, на наш взгляд, стоит вопрос личной и корпоративной конфиденциальности. Даже без доступа к нему третьих лиц государство теоретически может собирать большой объем информации о своих налогоплательщиках посредством того, какой объем данных предоставляется в рамках процесса соблюдения налогового законодательства. Цифровизация значительно увеличивает способность государства анализировать и делать выводы на основе входящей информации, поэтому между правительством и налогоплательщиками должен быть установлен высокий уровень доверия.

В современных условиях неквалифицированное налоговое планирование хозяйствующих субъектов может привести не только к потере ими прибыли, но и к банкротству.

В рамках функционирования налоговых отношений появляются цифровые инструменты, основными из которых являются информационные технологии

процессов российского налогового администрирования. Их можно представить двумя группами:

- 1) информационные технологии, применяемые налоговыми органами с целью контроля;
- 2) информационные технологии, реализуемые налогоплательщиками при выполнении обязанности по уплате налоговых платежей.

Основная платформа организации налоговых отношений — сайт ФНС России [7]. По мнению ФНС, сайт разработан простым в использовании, вся информация должна находиться пользователем «за три клика».

Эффективность работы указанного ресурса может быть оценена такими параметрами, как количество пользователей, пользующихся возможностями сайта; число налогоплательщиков, зарегистрировавших личные кабинеты; актуальность онлайн-сервисов, расположенных на сайте. Также фиксируются данные по количеству обращений к другим сервисам ресурса [2].

Наряду с функционалом официального портала ФНС, ориентированного в основном на плательщиков, в налоговых структурах следует обязательно выделить автоматизированную информационную систему «АИС Налог» на базе современных коммуникационных технологий. По данным ФНС, современная версия системы — это огромная база данных, объем которой непрерывно увеличивается. По мнению многих экспертов, реально это экосистема диджитал-формата, которая компилирует новейшие методы администрирования налогообложения и подробную аналитику, делает более широкими возможности экстерриториальных принципов координации с субъектами, уплачивающими налоги, и предоставления услуг, приспособливает действующее налоговое администрирование к изменениям экономики и бизнес-процессов в реальности цифровой экономики.

Цифровизация дает возможность как государству, так и хозяйствующим субъектам генерировать более качественную (большую по объемам, своевременную и более точную) информацию, лучше анализировать эту информацию. Но при этом цифровизация также предоставляет больше возможностей и для злоупотребления этой информацией. Таким образом, технологические изменения посредством цифровизации открывают перед государством новые возможности для выявления уклонения от уплаты налогов, а налогоплательщикам предоставляют возможности для уклонения от уплаты налогов. Можно только предполагать, как эти технологические изменения повлияют на способность государства собирать налоги, а налогоплательщиков — уклоняться от их уплаты.

Всё большую популярность приобретают цифровые инструменты ведения документации на предприятиях. Предоставление отчетных данных в госструктуры непосредственно из таких систем ведения учета способствует сокращению ошибок при передаче информации и облегчает процесс расчета налоговых платежей. Подобные системы учета облегчат предприятиям ведение налоговых расчетов, сэкономят время и помогут улучшить финансовое планирование. Переход на цифровые технологии также будет способствовать повышению эффективности деятельности.

Многие изменения в налоговой практике предварительно реализуются в отдельных регионах страны. Вместо того чтобы запускать систему сразу для всей налоговой системы, пилотные исследования позволяют протестировать предлагаемую систему в одном конкретном случае — в конкретном географическом регионе или с определенным налогом — и затем оценить и улучшить ее перед внедрением в больших масштабах всей страны. В частности, пилотные исследования проводятся параллельно с существующей налоговой системой и могут быть факультативными для участия налогоплательщиков. Это сводит к минимуму возникновение проблем в апробации и в то же время обеспечивает ценную обратную связь для налоговых органов. Существует несколько различных способов сегментации нововведений: по размеру — начиная с самых крупных предприятий, так как у крупных налогоплательщиков, как правило, есть ресурсы, чтобы справиться с изменениями лучше, чем у мелких; по секторам — начиная с одной отрасли, а затем расширяя внедрение на другие, такой подход актуален, когда конкретный сектор, например, природные ресурсы, является доминирующим в национальной экономике; по географии — внедрение в разных регионах или других субнациональных границах, что особенно важно для больших стран, таких как Россия. Такой подход позволяет налогоплательщикам быстро адаптировать свои собственные системы к новому налоговому режиму прежде, чем он станет обязательным.

Также стоит отметить, что в мировой практике существует понятие BEPS (Base Erosion and Profit Shifting — размывание базы и вывод прибыли), представляющее собой стратегию налогового планирования, применяемую транснациональными корпорациями, которые используют пробелы и несоответствия в налоговых правилах для избежания уплаты налогов, т. е. фактически это вуалирование налогооблагаемой базы и уход от налогообложения прибыли.

То есть компании распределяют прибыль независимо от основной реальной деятельности, чтобы избежать уплаты налогов, генерируя прибыль в странах с высокими налоговыми ставками, а выводя ее в зоны с нулевыми или крайне низкими налогами [5]. По оценкам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), подобные схемы позволяют транснациональным корпорациям снижать налоговое бремя на 5-9%. При этом большинство схем, используемых при BEPS, являются законными.

Основными причинами, позволяющими реализовывать стратегию BEPS, являются действующие режимы налоговых преференций; установление стоимости на основании внутрифирменных цен; онлайн-оказание услуг; различия в законодательстве стран; реализация малоэффективных инструментов в борьбе с «уходом» от налогов. Успешная реализация инициатив BEPS во всём мире требует времени, чтобы должным образом возыметь эффект. Любое несоответствие в глобальных налоговых правилах может препятствовать росту инвестиций из-за неопределенности. Большой риск неопределенности возникает из-за временных решений, которые не применяются последовательно во многих экономиках мира [8].

Подобная практика (по данным ОЭСР) ежегодно в денежном выражении составляет от 100 до 240 млрд долл. США. Для борьбы с уходом от налогов в 2013 г. был представлен план BEPS, а в 2018 г. была создана и подписана конвенция MLI BEPS, положения которой вступили в действие с 1 января 2019 г. В настоящее время конвенция подписана более чем 90 странами, в том числе Россией. Более 135 стран и юрисдикций сотрудничают в реализации пакета BEPS.

Существует широко распространенное мнение о том, что международная налоговая система нуждается в реформе для решения проблемы цифровизации мировой экономики. Так, в октябре 2021 г., после многолетних переговоров, ОЭСР объявила, что 136 стран достигли соглашения о радикальном пересмотре международной налоговой системы, в соответствии с которым для некоторых многонациональных предприятий будет установлена минимальная ставка налога в размере 15%, а также будет перераспределено более 125 млрд долларов США прибыли от примерно 100 крупнейших и самых прибыльных МНП в мире в страны по всему миру. Существующая международная налоговая система в основном была сформирована в начале XX в. и больше не является полностью актуальной, поскольку она адаптирована к менее глобализированной экономике и опирается на физическое присутствие компаний на определенной территории, что позволяет установить связь между этими компаниями и их налоговыми юрисдикциями. Однако в цифровой экономике большая часть прибыли генерируется за счет уникальных нематериальных активов, таких как базы данных, программное обеспечение и алгоритмы, а также за счет маркетинговой деятельности с использованием брендов и товарных знаков, которые являются специфическими и ценными только для данного субъекта бизнеса. В результате цифровые компании (из-за характера своей деятельности) и транснациональные корпорации (в силу своей глобальной деятельности) могут активно использовать правила трансфертного ценообразования для максимизации затрат, которые несут их дочерние компании в юрисдикциях с более высокими налогами, тем самым уменьшая налогооблагаемую прибыль. Параллельно они могут увеличить налогооблагаемый доход, полученный предприятием, расположенным в юрисдикции с более низким налогообложением.

Растущее осознание того, что современные проблемы в налогообложении не могут быть решены с помощью налоговой системы, существующей более 100 лет, помогло совершить прорыв. Таким образом, кажется, был дан ответ на один из основных вопросов, связанных с цифровой экономикой, — как справедливо облагать налогом предприятия, которые в основном зарабатывают на нематериальных активах (эти активы легко перемещать по миру, что облегчает процесс структурирования бизнеса таким образом, чтобы минимизировать его налоговые обязательства) и не имеют или имеют лишь незначительное физическое присутствие в налоговых юрисдикциях, где они работают. ОЭСР выпустила восьмистраничное заявление, в котором обновлен план и включено приложение, в котором приводятся важные сведения о реализации соглашения. Новое заявление повторяет первоначальный план: двухкомпонентная структура,

в которой первый компонент касается прав на налогообложение и распределения прибыли, а второй касается введения глобального минимального налога. Министры финансов G20 выпустили коммюнике по итогам встречи в Вашингтоне, в котором одобрили ключевые компоненты двухкомпонентного подхода к перераспределению прибыли многонациональных компаний и глобальный минимальный налог. Это объявление было встречено с энтузиазмом правительствами многих стран мира. Его сторонники рассматривают его как соглашение, которое восстановит стабильность международной налоговой системы и обновит базу, на которой страны будут конкурировать друг с другом с фискальной точки зрения. Многие технические детали еще предстоит проработать в ближайшие месяцы. Мы ожидаем увидеть больше подробностей и реакции в ближайшие недели и месяцы.

Можно выделить несколько факторов, отражающих влияние цифровизации на налоговые отношения между субъектами:

- 1) использование цифровых технологий позволяет качественно улучшить взаимодействие между налоговыми органами, налогоплательщиками, налоговыми агентами;
- 2) наличие возможности автоматизации процессов обработки данных о хозяйственной деятельности и объектах налогообложения налогоплательщиков, влияющих на размер их налоговой обязанности;
- 3) создание уникальных технологий и интегрированных систем контрольно-аналитической деятельности («Big Data» о налогоплательщиках), позволяющих повысить эффективность деятельности налоговых органов;
- 4) цифровые технологии, основанные на принципах искусственного интеллекта, который обладает способностями к самостоятельному принятию решений на основе полученных данных, меняют содержание налогового контроля;
- 5) цифровизация дает возможность серьезно упростить многие процедуры налогового взаимодействия за счет цифровизации взаимных прав и обязанностей субъектов налоговых правоотношений.

Также возникает вопрос, может ли раскрытие частной информации на уровне государства привести к предполагаемому сокращению уклонения от уплаты налогов. Основной проблемой налогового администрирования всегда было получение информации о налогоплательщиках и их деятельности, и на протяжении большей части истории налоговые органы не располагали полной и своевременной информацией. Даже на протяжении большей части XX в. информация была ограничена по нескольким причинам: многие транзакции проводились наличными, так что не было «бумажного следа», который можно было бы использовать для проверки точности каких-либо отчетов; многие операции просто скрывались, поэтому снова не оставалось «бумажного следа»; многие виды доходов не облагались налогом у источника, что также уменьшало поток информации в налоговые органы; физические и юридические лица скрывали доходы и активы

на офшорных счетах, а транснациональные корпорации переводили прибыль в юрисдикции с низкими налогами. Конечный результат таких действий был предсказуем: уклонение от уплаты налогов (наряду с отмыванием денег) существовало, сохранялось и процветало в большинстве стран мира, главным образом потому, что налоговые органы не располагали информацией, необходимой для предотвращения этой практики.

Заключение

Революция в технологиях позволяет преобразовывать традиционные отрасли и практики с помощью новых финансовых решений, повышая прозрачность операций и увеличивая степень автоматизации процессов, совершенствуя опыт пользователей, одновременно увеличивая эффективность деятельности финансовой сферы в целом и налогообложения в частности.

В общем и целом следует рассматривать налоговую систему как конструкцию, состоящую из четырех взаимосвязанных друг с другом элементов: законодательная база, обуславливающая функционирование системы (то есть применение налогов как инструмента формирования, распределения и перераспределения доходов), виды обязательных платежей, налогоплательщики, административные органы, выполняющие контрольные функции в налоговых вопросах. Существующая система налогообложения существенно влияет на направления развития государства в экономической сфере. Путем установления налоговой базы, налоговых ставок, субъектов и объектов налогообложения, льгот и др., то есть налогов и всех их элементов, государство не только решает социально-экономические задачи, но и повышает доходность своего функционирования.

Однако, как и в любом новшестве, помимо преимуществ, обеспечиваемых цифровизацией, в российском налоговом регулировании и управлении возникают и новые проблемы. Растущее явление цифровизации в экономике, обладающее большим потенциалом, поднимает вопросы о важности и эффективности некоторых базовых концепций, которые составляют основу действующей налоговой системы и принципов ее работы.

Бесспорно, что цифровизация приносит в современную жизнь многочисленные преимущества и возможности, но при этом требует корректировки традиционных правил и систем. Главными причинами внедрения цифровых технологий в финансовую сферу в целом и в сферу налогообложения в частности можно назвать: глобализацию и интеграцию мирового хозяйства, усиление неравномерности экономического развития стран и регионов, рост инвестиционных возможностей, создание эффективной инфраструктуры рынков.

За последние несколько лет модель ведения бизнеса существенно изменилась, а правила налогообложения остались такими же, как и до цифровизации. Поэтому логично предположить, что по мере того, как цифровизация всё больше внедряется в экономику, правила налогообложения также должны корректироваться. Налогообложение напрямую связано с тем, как создается добавленная стоимость на конкретном этапе развития общества и экономики. В цифровую

эпоху это делается не так, как в индустриальную, поэтому налогообложение должно быть максимально прагматичным. И важным аспектом развития выступает способность создавать большую налогооблагаемую базу, чтобы позволить государству достойно финансировать свою деятельность и создавать предпосылки для инклюзивного и устойчивого благосостояния общества. При этом открытым остается вопрос, нужно ли отделять цифровую экономику от экономики в целом. Наше мнение: к цифровой экономике следует относиться так же, как и к любому другому сектору экономики.

Безусловно, цифровизация внесла фундаментальные изменения в функционирование хозяйствующих субъектов, что требует серьезной адаптации правил их работы, в частности, в области налогообложения. При этом однозначно можно утверждать, что цифровая экономика принесла много пользы гражданам и компаниям. Однако рост определенных цифровых видов деятельности и новых бизнес-моделей становится всё более серьезной проблемой для существующих налоговых систем.

Цифровизация стимулирует инновации в бизнес-моделях, создает новые бизнес-экосистемы, способствует передаче знаний и опыта внутри мировой экономики и облегчает доступ к новым рынкам. Соответственно из-за всепроникающего характера цифровых технологий их следует рассматривать не просто как технологические инновации, а скорее как фактор, способствующий развитию экономики и общества в целом.

Феномен цифровизации считается важнейшим событием в экономике со времен промышленной революции, а также одним из основных элементов роста и инноваций. Физические активы теряют свое значение в цифровой экономике, возрастает значимость цифровых денег, а новые бизнес-модели, вызванные цифровизацией, позволяют предприятиям получать большую прибыль, не имея физического присутствия в конкретной стране. Таким образом, важной задачей, стоящей перед налоговыми органами стран мира, становится разработка нового механизма налогообложения продуктов и операций в цифровой экономике. Государство должно работать над адаптацией налоговой системы в целях ее соответствия цифровой эпохе.

Важными аспектами при этом становятся: формирование принципов регулирования и контроля цифровых денежных отношений, однозначная трактовка в законодательстве понятия цифровых финансовых инструментов, координация работы налоговых органов разных стран и разработка многонациональных подходов при регулировании цифровой экономики.

Во взаимосвязи современных экономических отношений и цифровизации экономики следует избегать односторонности принятия решений отдельной страной для избежания двойного налогообложения при трансграничных операциях, но этот вопрос достаточно сложный и трудноразрешимый. Более того, в скором времени может проявиться возможное налоговое неравенство между традиционными и цифровыми бизнес-моделями, а также опасность уменьшения налоговых поступлений в бюджеты различных уровней.

Многие проекты цифровизации полагаются на взаимодействие с индустрией программного обеспечения — например, программное обеспечение, которое налоговые органы и налогоплательщики будут использовать для взаимодействия, разрабатывается внешними провайдерами. Отношения налоговых органов с этими жизненно важными поставщиками необходимо развивать и уделять им должное время для работы над созданием решений, в которых нуждаются налогоплательщики.

В России сейчас крайне необходимо дальнейшее совершенствование системы учета плательщиков налогов на имущество, а также регистрация иностранных компаний — плательщиков НДС, когда речь идет об импорте электронных услуг. Требуется увязка прибыли с соответствующей территорией (регионом), НДСЛ — с местом фактического нахождения физического лица.

Цифровизация регистрационных процедур подразумевает трансформацию как вертикальных процессов системы налоговых органов, так и горизонтальных связей, создание единой цифровой платформы ФНС и системы налогообложения, использующей современные технические средства, искусственный интеллект для обработки базы данных, а в перспективе и квантовые технологии.

Перевод налогового администрирования в диджитал-формат дал возможность отступить от проверок в традиционной форме и реализовать механизм, сделавший невыгодным уклонение от уплаты налогов. Все рискованные операции становятся объектом пристального внимания налоговых органов путем дистанционного мониторинга и компьютерной аналитики с делением налогоплательщиков по зонам риска.

Необходимо отметить, что меры, реализуемые налоговыми органами разных стран, в последнее время приводят к тому, что расходы предприятий на эффективную оптимизацию налогообложения составляют большую величину, чем потенциальная выгода от их применения. Помимо этого, предприятие потенциально рискует из-за повышенного внимания со стороны надзорных органов.

Пандемия COVID-19, несомненно, вызвала организационные изменения, вынудила пересмотреть бизнес-стратегии и послужила катализатором цифровой трансформации во многих секторах экономики, в том числе и в налогообложении. Это подтверждается аналитическими документами, отчетами экспертов и общественным мнением, заявлениями представителей мира науки и бизнеса.

Нельзя не сказать и о том, что пандемия COVID-19, антироссийские санкции, вероятно, снизят ожидаемые налоговые доходы, по крайней мере в краткосрочной перспективе, поскольку кризис сказывается на прибыльности многих предприятий, при условии, что некоторым хозяйствующим субъектам, интенсивно использующим цифровые технологии, удалось сохранить и даже увеличить свою прибыль с момента начала кризиса. При этом однозначно можно утверждать, что пандемия ускорила цифровизацию экономики, увеличив необходимость решения налоговых проблем, связанных с цифровизацией. Ускорение цифровизации — это несомненный факт, хотя только время покажет, оправдаются ли прогнозы темпов роста, поскольку сегодня они так же неизвестны, как и ход самой пандемии.

До сих пор нет единого мнения по вопросу справедливого налогообложения цифровой экономики на международном уровне. Решение налоговых проблем, связанных с цифровизацией, в настоящее время является приоритетом для большинства мировых экономик. Проблемы, связанные с цифровизацией экономики, должны решаться коллективно, а любые промежуточные меры, принимаемые странами в одностороннем порядке, должны быть как можно менее разрушительными. Внедрение цифровых технологий в сферу налогообложения является одним из ключевых моментов планов правительств разных стран, направленных на упрощение процедуры уплаты налогов физическими и юридическими лицами. Цифровизация налогообложения вносит фундаментальные изменения в работу налоговых систем, преобразуя налоговое администрирование таким образом, чтобы оно стало более эффективным для налогоплательщиков и для государства.

По нашему мнению, именно в ходе налогового администрирования цифровизация проявляется в значительной степени. И хотя официальное определение понятия налогового администрирования, целью которого является достижение абсолютной полноты налоговых поступлений, соблюдение субъектами налоговых правоотношений законодательства о налогах и сборах и осуществление эффективной реализации налоговой политики государства, в настоящий момент отсутствует, термин часто используется в программных документах Правительства и Министерства финансов и налоговых органов страны.

Для становления современного цифрового налогового администрирования предстоит преодолеть ряд препятствий.

Актуальная проблема при цифровизации налогового администрирования — это так называемое цифровое «исключение». Оно касается тех пользователей, которые либо не могут, либо не хотят использовать современные цифровые технологии. Причинами этого могут быть «возрастное» восприятие технологий, личные убеждения при обмене информацией с государством, инвалидность, удаленное расположение, высокая стоимость соблюдения требований и др.

Исключение возможно как на определенное время, так и на постоянной основе. Налоговые органы могут предоставлять обучение и ресурсы для лиц, попавших в цифровую изоляцию. Для данной категории налогоплательщиков необходимо предусмотреть не только избежание наказания, но и альтернативу, например, использование традиционного документооборота или развитие сети доступных налоговых агентов, подающих документы от имени налогоплательщика.

Дискуссия о цифровом налогообложении еще далека от завершения, и налоговые органы должны стремиться следовать разумным принципам при разработке, уточнении, а в некоторых случаях и отмене цифровой налоговой политики. Но в любом случае цифровизация в течение некоторого времени изменит все аспекты налогообложения — от начисления и сбора налогов до формирования налоговой базы.

Цифровизация затрагивает все аспекты функционирования ФНС РФ: осуществление функций по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах, работу в области банкротства, государственную регистрацию юридических и физических лиц и др.

Быстрое внедрение цифровых технологий в сферу налоговых отношений создает такие системы налогового администрирования, которые направлены на реализацию бесконтактных взаимоотношений, действующих прав и обязанностей субъектов налоговых правоотношений, с внедрением цифровых технологий, автоматизации деятельности налоговых органов, а также оказания услуг сервисного характера налогоплательщикам.

Цифровые системы налогового администрирования образованы общими элементами, имеющими отношение к администрируемым налогам, такими как учет налогоплательщиков, взывание налога, а также особыми элементами, представляющими собой специфику в рамках администрирования каждого налога, — учет объектов налогообложения, исчисление налога, налоговый контроль.

Есть и базовые факторы, влияющие, на наш взгляд, на цифровизацию налоговых систем. Положительное влияние оказывают универсальная система подачи документов, высокий уровень ответственности налогоплательщиков, а также задача борьбы с теневой экономикой.

Использование цифровых технологий несомненно способствует повышению эффективности функционирования налоговой системы РФ, усиливает ее позицию в международных рейтингах, способствует устойчивому росту российской экономики. Как и большинство других стран, Россия пытается в полной мере воспользоваться преимуществами современных технологий в своей налоговой системе.

Важность и необходимость цифровой трансформации в области налогообложения заключается в осуществлении сложных процессов налогового администрирования с помощью простых цифровых решений. Цифровая трансформация не только упрощает существующую налоговую систему, но также способствует развитию новых инструментов, которые повышают ее производительность и эффективность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева А. И. О методологическом обосновании науки и практики экономического анализа хозяйственной деятельности / А. И. Алексеева // Проблемы управления. 2009. № 5. С. 74-80.
2. Бакунова Т. В. Оптимизация налогообложения субъектов малого предпринимательства / Т. В. Бакунова, Т. А. Кольцова, Е. А. Трофимова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7. № 3 (27). С. 144-159. DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-3-144-159
3. Гончаренко Л. И. Актуальные проблемы налоговой системы в условиях цифровой экономики / Л. И. Гончаренко, Ю. В. Малкова, А. С. Адвокатова // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 11 (2). С. 166-172.
4. Истомина Н. А. Вопросы теории и практики прогнозирования налоговых доходов на региональном уровне / Н. А. Истомина, М. В. Котельникова // Экономика региона. 2009. № 2. С. 236-240.

5. Международное налогообложение: размывание налоговой базы с использованием офшоров: монография / под ред. д-ра экон. наук М. Р. Пинской. М.: ИНФРА-М, 2020. 192 с.
6. Попов Е. В. Социотехнологические драйверы развития цифровой экономики / Е. В. Попов, К. А. Семячков, Д. Ю. Файрузова // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2019. Том 18. № 1. С. 8-26. DOI: 10.15826/vestnik.2019.18.1.001 (дата обращения: 16.01.2022).
7. ФНС России: оф. сайт. URL: <https://www.nalog.gov.ru/>
8. Büttner T. Breaking regime stability? The politicization of expertise in the OECD/G20 Process on BEPS and the potential transformation of international taxation / T. Büttner, M. Thiemann // Accounting, Economics and Law. 2017. March. Vol. 7. Iss. 1. Article number 20160069. DOI: 10.1515/ael-2016-0069

Elena A. TROFIMOVA¹
Tatiana A. KOLTSOVA²
Tatiana V. BAKUNOVA³
Alena E. ZABOROVSKAYA⁴

UDC 336.2

MODERN TRENDS IN TAXATION

- ¹ Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Department of Finance, Monetary Circulation and Credit,
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)
elena.trofimova@urfu.ru; ORCID: 0000-0002-6946-5098
- ² Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Department of Economic Security, System Analysis and Control,
University of Tyumen
t.a.kolcova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-7894-5010
- ³ Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Department of Finance, Monetary Circulation and Credit,
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)
tatyana.bakunova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0398-643X
- ⁴ Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Department of Finance, Monetary Circulation and Credit,
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)
zaborovskaya.alena@bk.ru; ORCID: 0000-0002-7757-7225

Abstract

Economic growth in Russia is impossible without the widespread use of cloud and mobile technologies in the tax system. The study is aimed at identifying aspects of the introduction of information and communication technologies (ICT) in tax procedures in order to increase economic growth rates and at substantiating the importance of using digital technologies in the tax sphere, taking into account the need to increase tax revenues. Digital technologies

---

Citation: Trofimova E. A., Koltsova T. A., Bakunova T. V., Zaborovskaya A. E. 2022. "Modern trends in taxation". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 1 (29), pp. 307-330.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-307-330

are relevant in most tax legal relations, including the calculation and payment of taxes, the process of implementing tax control by the state. Due to the development of digital technologies, the obligations of taxpayers to calculate tax and submit tax returns are subject to change, the processes of paying taxes and collecting tax payments are being transformed. When conducting the study, a combination of methods of scientific knowledge, analysis of regulatory material, historical and systemic method, formal legal method, method of description and comparison, methods of induction and deduction, as well as comparative legal analysis were used. The growth in the collection and receipt of taxes in the country's budget system is not an obstacle to increasing the pace of economic development and economic growth in general, which is expressed in the form of GDP. Accordingly, the growth of the national economy will contribute to the increase in tax payments to the budgets of all levels. It is assumed that in 2022 there will be an increase in revenues in the form of taxes and fees to the budgets of various levels. The forecast is based on expectations of an increase in GDP and the number of economic entities-taxpayers, as well as an increase in the efficiency of the functioning of the Federal Tax Service in terms of tax administration.

Keywords

Economic growth, taxes, taxation, tax processes, tax system, digitalization, digital economy, digital technologies.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-307-330

REFERENCES

1. Alekseeva A. I. 2009. "On the methodological substantiation of theory and practice of business analysis". *Control Sciences*, no. 5, pp. 74-80. [In Russian]
2. Bakunova T. V., Koltsova T. A., Trofimova E. A. 2021. "Optimization of taxation of small business". *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, vol. 7, no. 3 (27), pp. 144-159. DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-3-144-159 [In Russian]
3. Goncharenko L. I., Malkova Yu. V., Advokatova A. S. 2018. "Actual problems of the tax system in the digital economy". *Economy. Taxes. Right*, no. 11 (2), pp. 166-172. [In Russian]
4. Istomina N. A., Kotelnikova M. V. 2009. "Questions of theory and practice of tax revenues prognostication on regional level". *Economy of Regions*, no. 2, pp. 236-240. [In Russian]
5. Pinskaya M. R. (ed.). 2020. *International taxation: erosion of the tax base using offshore companies: monograph*. Moscow: INFRA-M. 192 pp. [In Russian]
6. Popov E. V., Semyachkov K. A., Fairuzova D. Yu. 2019. "Sociotechnological drivers development of the digital economy". *Bulletin of Ural Federal University. Series Economics and Management*, vol. 18, no. 1, pp. 8-26. DOI: 10.15826/vestnik.2019.18.1.001 [In Russian]
7. Official website of the Federal Tax Service of Russia. <https://www.nalog.gov.ru/> [In Russian]
8. Büttner T., Thiemann M. 2017. "Breaking regime stability? The politicization of expertise in the OECD/G20 Process on BEPS and the potential transformation of international taxation". *Accounting, Economics and Law*, vol. 7, iss. 1, art. no. 20160069. DOI: 10.1515/ael-2016-0069

Данила Владимирович ОВЕЧКИН¹
Наталья Брониславовна БОЛДЫРЕВА²

УДК 336.76

ЭКОНОМЕТРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА РИСК-ПРЕМИЙ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ АКЦИЙ*

¹ аспирант, Тюменский государственный университет
dv.ovechkin@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9356-6254

² доктор экономических наук, профессор
кафедры экономики и финансов,
Финансово-экономический институт,
Тюменский государственный университет
naboldyreva@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-1610-6075

Аннотация

Принятие обоснованного инвестиционного решения невозможно без оценки риск-премий, которые являются факторами доходности финансовых активов. На сегодняшний день развития финансовой науки общепризнанным является следующий набор риск-премий: премия за рыночный риск, премия за размер, премия за ценность, премия за норму прибыли, премия за уровень инвестиций и премия за импульс. Кроме того, в контексте современного тренда развития мировой финансовой системы в сторону ответственного инвестирования выделяют премию за ответственность. Важность исследования премии за ответственность обусловлена стремлением Банка России трансформировать российский фондовый рынок в сторону большей ответственности и внедрения ESG-факторов в деятельность институциональных и розничных инвесторов.

Целью данной статьи является идентификация риск-премий, статистически значимых для российского рынка акций. Период исследования: с 01.12.2011 по 31.12.2020. В результате применения двухшаговой эконометрической процедуры Фамы — Макбета,

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 20-310-90060).

Цитирование: Овечкин Д. В. Эконометрическая оценка риск-премий на российском рынке акций / Д. В. Овечкин, Н. Б. Болдырева // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 331-347. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-331-347

включающей регрессию временных рядов и панельную регрессию, делается вывод, что на рассматриваемом периоде статистическую значимость показали премии за рыночный риск и импульс (на уровне 1%), а также премия за норму прибыли (на уровне 5%). При этом данные премии являются положительными. Остальные премии, в том числе премия за ответственность, не показали статистической значимости.

Согласно результатам исследования, только три фактора доходности (премии) следует использовать для составления уравнения доходности активов на российском рынке акций. Данный результат обладает практическим значением в контексте инвестиций в российские акции. Самостоятельным результатом является оценка премии за ответственность для российских акций. Статистическая незначимость премии за ответственность позволяет сделать аргументированное предположение о том, что внедрение ESG-факторов в деятельность российских институциональных и розничных инвесторов не снизит эффективность принимаемых ими инвестиционных решений.

Ключевые слова

Инвестиции, фондовый рынок, уравнение доходности, риск-премии, ответственность, ESG-рейтинг.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-331-347

Введение

Принятие обоснованного инвестиционного решения предполагает оценку ожидаемой доходности финансовых активов. Для этого используются факторные модели, в которых доходность финансового актива рассматривается как функция риск-премий, являющихся ее факторами. На сегодняшний день развития финансовой науки в качестве таких детерминант признается следующий набор риск-премий (факторов доходности):

1. Премия за рыночный риск. Представляет собой разницу доходностей рыночного портфеля и безрискового актива [15].
2. Премия за размер. Представляет собой разницу доходностей акций малой капитализации и акций крупной капитализации [15].
3. Премия за ценность. Представляет собой разницу доходностей акций «высокой ценности» и акций «низкой ценности». В качестве показателя ценности используют определенные финансовые коэффициенты, такие как «балансовая стоимость / цена» или «прибыль/цена» [12, 15].
4. Премия за норму прибыли. Представляет собой разницу доходностей акций эмитентов с высокой нормой прибыли и акций эмитентов с низкой нормой прибыли. В качестве показателя нормы прибыли могут использоваться валовая рентабельность, операционная рентабельность [15, 20].
5. Премия за уровень инвестиций. Представляет собой разницу доходностей акций эмитентов с низким темпом прироста активов и акций эмитентов с высоким темпом прироста активов [15].

6. Премия за импульс. Представляет собой разницу доходностей акций эмитентов с высоким импульсом и акций эмитентов с низким импульсом [12, 13].

Многие исследования подтверждают статистическую значимость приведенных выше премий как на данных по развитым рынкам акций, так и на развивающихся рынках [12, 13, 15, 16, 20]. Работы, посвященные российскому фондовому рынку, также подтверждают значимость некоторых премий [1-4, 7, 11]. В целом наблюдается некоторая фрагментарность исследований, связанных с российским фондовым рынком, которая заключается в том, что авторы крайне редко рассматривают все вышеперечисленные премии вместе. Как следствие, значимая на российском рынке акций премия может быть не выявлена, в то время как значимость других премий может быть завышена относительно истинного положения дел.

На сегодняшний день одним из главных трендов развития мирового финансового рынка является ответственное инвестирование, которое характеризуется внедрением ESG-подходов в деятельность инвесторов и возрастающим влиянием ESG-факторов на глобальные потоки капитала. Инвесторы всё чаще используют ESG-рейтинг¹ как один из ориентиров принятия инвестиционного решения. Как сообщает Bloomberg, в 2021 г. 160 млрд долл. США было инвестировано в фонды, которые ориентируются на ESG-рейтинг эмитента [21].

В связи с этим неудивителен интерес исследователей к вопросу о том, как связаны доходность акций и ESG-рейтинг их эмитента. Как показано в исследовании [18], наблюдается избыточная доходность акций эмитентов с высоким ESG-рейтингом по сравнению с акциями эмитентов с низким ESG-рейтингом, которая лишь отчасти объясняется чувствительностью к премии за норму прибыли и премии за импульс (чувствительность к остальным премиям не обнаружена). Необъясненная доходность акций с высоким ESG-рейтингом позволяет говорить о наличии премии за ESG-рейтинг или, так как ESG-рейтинг характеризует уровень ответственности эмитента, о наличии премии за ответственность.

На данный момент публикации, в которых исследуется премия за ответственность на российском рынке акций, практически отсутствуют. В исследовании [8] можно найти сравнение доходности и риска индексов российских акций с высоким ESG-рейтингом по сравнению с индексом МосБиржи, при формировании которого ESG-рейтинг не учитывается. При этом на данный момент не проведен статистический анализ премии за ответственность совместно с другими премиями.

В то же время важность ответственного инвестирования подчеркивается Банком России и ставится как один из приоритетов в рамках «Основных направлений развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год

¹ Под ESG-рейтингом понимают интегральный показатель, который характеризует деятельность эмитента по защите окружающей среды и в социальной сфере, а также качество корпоративного управления эмитента [8].

и период 2023 и 2024 годов». Банк России ожидает внедрения ESG-факторов в процесс принятия инвестиционных решений российскими институциональными и розничными инвесторами [9]. Это внедрение невозможно без получения оценки премии за ответственность.

Таким образом, цель работы — оценить статистическую значимость риск-премий на российском рынке акций.

Методы

В данной работе используется подход Фамы — Макбета [17], который представляет собой двухшаговую процедуру эконометрической оценки. Первый шаг — регрессия доходности каждого актива на факторы доходности для оценки коэффициентов чувствительности:

$$R_{i,t} - R_{rf,t} = \alpha_i + \sum_{k=1}^n \beta_{i,k} f_{k,t}, \quad (1)$$

где: $R_{i,t}$ — доходность i -го актива за месяц t ; $R_{rf,t}$ — безрисковая доходность за месяц t ; α_i — доходность i -го актива, которая не объясняется чувствительностью к премиям; $\beta_{i,k}$ — оценка коэффициента чувствительности i -го актива к премии k ; $f_{k,t}$ — величина премии k за месяц t .

Второй шаг процедуры — пространственная регрессия средней доходности каждого актива на коэффициенты чувствительности, оценки которых были получены на первом шаге:

$$\bar{R}_i - \bar{R}_{rf} = \gamma_0 + \sum_{k=1}^n \beta_{i,k} f_k, \quad (2)$$

где: $\bar{R}_i - \bar{R}_{rf}$ — превышение средней доходности i -го актива над средней доходностью безрискового актива за рассматриваемый период, которое рассчитывается по формуле:

$$\bar{R}_i - \bar{R}_{rf} = \left(\prod_{t=1}^n (1 + R_{i,t}) \right)^{\frac{1}{n}} - \left(\prod_{t=1}^n (1 + R_{rf,t}) \right)^{\frac{1}{n}}, \quad (3)$$

где: $\beta_{i,k}$ — коэффициент чувствительности i -го актива к премии k ; f_k — оценка премии k .

Для проведения эконометрической процедуры Фамы — Макбета необходимы:

1. Временной ряд доходностей активов.
2. Временной ряд риск-премий.

Доходность i -го актива за месяц t измеряется по следующей формуле:

$$R_{i,t} = \frac{P_t - P_{t-1}}{P_{t-1}}, \quad (4)$$

где: P_t — цена закрытия i -го актива в последнюю торговую сессию в месяце t ; P_{t-1} — цена закрытия i -го актива в последнюю торговую сессию в месяце $t - 1$.

Процесс получения временного ряда риск-премий проводится в несколько этапов.

Этап 1. Выбор показателя, лежащего в основе премии

Наиболее общепринятые в научной литературе показатели, которые будут использованы в данном исследовании, представлены в таблице 1.

В качестве рыночного портфеля традиционно используется какой-нибудь индекс, включающий наибольшее количество компаний, или совокупность таких индексов [15]. В качестве безрискового актива используют государственные облигации с наименьшим сроком до погашения [15]. Для оценки премии за рыночный риск на российском фондовом рынке в качестве рыночного портфеля нами используется индекс МосБиржи, который включает в себя наиболее ликвидные акции [5]. В качестве безрискового актива нами используется индекс краткосрочных государственных облигаций [6].

Рыночный портфель используется не только для измерения премии за рыночный риск. Рыночный портфель является множеством активов, на основе которых измеряются другие премии и проводится эконометрическая процедура Фамы — Макбета. В данном исследовании измерение премий и эконометрическая процедура будет проведена на акциях, которые входят в состав индекса МосБиржи.

Юджин Фама и Кеннет Френч в своем исследовании используют отношение балансовой стоимости собственного капитала к капитализации (BV/P) в качестве

Таблица 1

Премии и их показатели

Премия	Показатель
Премия за рыночный риск	Рыночный портфель — индекс МосБиржи. Безрисковый актив — индекс государственных облигаций с дюрацией меньше 1 года
Премия за размер	Показатель размера — капитализация
Премия за ценность	Показатель ценности — отношение балансовой стоимости собственного капитала к капитализации (BV/P)
Премия за норму прибыли	Показатель нормы прибыли — отношение операционной прибыли к активам (OP)
Премия за уровень инвестиций	Показатель уровня инвестиций — темп прироста активов
Премия за импульс	Показатель импульса — темп прироста курсовой стоимости акции за период с $t-2$ по $t-12$
Премия за ответственность	Показатель ответственности — ESG-рейтинг эмитента. Поставщик ESG-рейтинга — Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП)

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

показателя ценности, операционную рентабельность (ОР) в качестве показателя нормы прибыли и темп прироста активов в качестве показателя уровня инвестиций [15]. Работы этих авторов являются общепризнанными в финансовой науке, и используемые ими показатели можно считать «золотым стандартом».

В качестве показателя импульса используется темп прироста курсовой стоимости акции за предыдущие 12 месяцев без учета последнего, то есть за период $t-1$ — $t-12$ [12, 13].

Отдельного комментария требует премия за ответственность. В качестве показателя ответственности выбран ESG-рейтинг от Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП). С методикой составления рейтинга можно ознакомиться на сайте РСПП [14]. Причина выбора рейтинга от РСПП заключается в том, что он обладает самой длинной историей и составляется с 2014 г., при этом акцент сделан на те российские компании, акции которых находятся в свободном обращении и входят в индекс МосБиржи. Единственный российский аналог — ESG-рейтинг от рейтингового агентства «ЭкспертРА», с методикой которого можно ознакомиться на официальном сайте агентства [10], не обладает столь длинной историей и не включает многие компании, акции которых обращаются на бирже. Зарубежные ESG-рейтинги также не покрывают большинство торгующихся на российской бирже компаний.

На основе своего рейтинга РССП совместно с МосБиржей составляет индекс МосБиржи — РССП «Ответственность и открытость», который состоит из акций эмитентов, входящих в индекс МосБиржи, ESG-рейтинг которых выше порогового значения, заданного РССП. В данном исследовании нами используется индекс «Ответственность и открытость» как индекс акций с высоким ESG-рейтингом. Акции из индекса МосБиржи, не включенные в индекс «Ответственность и открытость», определяются как акции с низким ESG-рейтингом.

Этап 2. Ранжирование акций по значению переменной, которая лежит в основе риск-премии

Ранжирование в порядке убывания проводится по показателям ценности, нормы прибыли и импульса. Так, первыми в ряду акций будут располагаться акции эмитентов с высокими коэффициентами BV/P и ОР, а также с высоким темпом прироста курсовой стоимости.

Ранжирование в порядке возрастания проводится по показателям капитализации и уровня инвестиций. Так, первыми в ряду акций будут располагаться акции малой капитализации и акции эмитентов с низким темпом прироста активов.

Также следует определить частоту ранжирования. В данном исследовании, как в работе Ю. Фамы и К. Френча [15], ранжирование по размеру, ценности, норме прибыли и уровню инвестирования будет производиться один раз в год. Дата ранжирования — последний торговый день мая. Ранжирование по импульсу будет производиться 1 раз в месяц в последний торговый день. Ранжирование по ESG-рейтингу проводит РССП, когда обновляет свой ESG-рейтинг и состав индекса «Ответственность и открытость» в конце каждого календарного года.

В случае премии за рыночный риск ранжирование не требуется. Так как в качестве рыночного портфеля и безрискового актива используются соответственно индекс акций и индекс облигаций, то состав и структура индексов определяются биржей.

Этап 3. Деление акций на равные группы

Традиционно после ранжирования по капитализации выделяют 2 группы акций — малой и высокой капитализации соответственно [15].

В случае премии за ответственность поставщик ESG-рейтинга самостоятельно выделил акции с высоким рейтингом в отдельную группу (индекс «Ответственность и открытость»). Акции, не включенные в индекс «Ответственность и открытость», объединены нами в отдельную группу акций с низким ESG-рейтингом. Таким образом, нами будут использованы 2 группы акций — с высоким и низким ESG-рейтингом соответственно.

Что касается других премий, то в научной литературе встречаются разные варианты. Как утверждают Ю. Фама и К. Френч, количество выделяемых групп может быть любым, это не влияет на конечный результат [15]. Сами авторы делили акции на квартили (4 равные группы). По нашему мнению, на основе архива ребалансировок, который представлен на сайте Московской биржи [5], следует заключить, что количество акций в индексе МосБиржи достаточное для деления на квартили.

Таким образом, общее количество групп, выделенных нами, составляет 20.

Доходность групп используется не только для последующего расчета величины риск-премий за период. При проведении эконометрической процедуры на первом шаге доходность групп используется в качестве доходности i -го актива R_i . Использование групп акций в качестве отдельного актива вместо отдельной акции обусловлено проблемой непостоянности коэффициентов чувствительности, с которой сталкивались ранние исследования. Дело в том, что отдельная акция может иметь разную чувствительность к премиям в разные периоды времени. Так, например, в один период времени эмитент акции может характеризоваться высоким значением коэффициента BV/P , а доходность этой акции — быть положительно чувствительной к премии за ценность. В другой период времени тот же эмитент может характеризоваться очень низким коэффициентом BV/P , а доходность акций этого эмитента — быть отрицательно чувствительной к премии за ценность.

Этап 4. Вычитание доходности последней группы акций из доходности первой группы акций

В случае премии за размер из доходности акций малой капитализации вычитается доходность акций крупной капитализации:

$$Size_t = SC_t - LC_t, \quad (5)$$

где: $Size_t$ — премия за размер за месяц t ; SC_t — доходность группы акций малой капитализации (Small Cap) за месяц t ; LC_t — доходность группы акций крупной капитализации (Large Cap) за месяц t .

Премия за ответственность рассчитывается следующим образом:

$$Resp_t = HR_t - LR_t, \quad (6)$$

где: HR_t — доходность акций эмитентов с высоким ESG-рейтингом (High Responsibility, входят в индекс «Ответственность и открытость») за месяц t ; LR_t — доходность акций эмитентов с низким ESG-рейтингом (Low Responsibility, не входят в индекс «Ответственность и открытость») за месяц t .

Формула премии за ценность выглядит следующим образом:

$$Value_t = ValueQ1_t - ValueQ4_t, \quad (7)$$

где: $Value_t$ — премия за ценность за месяц t ; $ValueQ1_t$ — доходность первого квартиля акций, ранжированных по BV/P, за месяц t ; $ValueQ4_t$ — доходность четвертого квартиля акций, ранжированных по BV/P, за месяц t .

Формула премии за норму прибыли выглядит следующим образом:

$$Prof_t = ProfQ1_t - ProfQ4_t, \quad (8)$$

где: $Prof_t$ — премия за норму прибыли; $ProfQ1_t$ — доходность первого квартиля акций, ранжированных по норме прибыли, за месяц t ; $ProfQ4_t$ — доходность четвертого квартиля акций, ранжированных по норме прибыли, за месяц t .

Формула премии за уровень инвестиций выглядит следующим образом:

$$Inv_t = InvQ1_t - InvQ4_t, \quad (9)$$

где: Inv_t — премия за уровень инвестиций за месяц t ; $InvQ1_t$ — доходность первого квартиля акций, ранжированных по темпу прироста активов, за месяц t ; $InvQ4_t$ — доходность четвертого квартиля акций, ранжированных по темпу прироста активов, за месяц t .

Формула расчета премии за импульс выглядит следующим образом:

$$Mom_t = MomQ1_t - MomQ4_t, \quad (10)$$

где: Mom_t — премия за импульс за месяц t ; $MomQ1_t$ — доходность первого квартиля акций, ранжированных по темпу прироста курсовой стоимости за период $t-2$ — $t-12$, за месяц t ; $MomQ4_t$ — доходность четвертого квартиля акций, ранжированных по темпу прироста курсовой стоимости за период $t-2$ — $t-12$, за месяц t .

Формула расчета премии за рыночный риск выглядит следующим образом:

$$Market_t = R_{m,t} - R_{rf,t}, \quad (11)$$

где: $Market_t$ — премия за рыночный риск за месяц t ; $R_{m,t}$ — доходность индекса МосБиржи за месяц t ; $R_{rf,t}$ — доходность индекса краткосрочных государственных облигаций за месяц t .

Результаты

Для эконометрической оценки премий использованы данные о доходности российских акций, индекса МосБиржи и индекса краткосрочных государственных облигаций с 01.12.2011 по 31.12.2020.

Первый шаг процедуры эконометрической оценки премий — регрессия временных рядов с целью получения оценок коэффициентов чувствительности. Уравнение регрессии выглядит следующим образом:

$$\begin{aligned}
 R_{i,t} - R_{rf,t} = & \alpha_i + \beta_{i,M}Market_t + \\
 & + \beta_{i,S}Size_t + \beta_{i,V}Value_t + \beta_{i,Prof}Prof_t + \\
 & + \beta_{i,Inv}Inv_t + \beta_{i,Mom}Mom_t + \beta_{i,R}Resp_t,
 \end{aligned}
 \tag{12}$$

где: $\beta_{i,M}$ — коэффициент чувствительности доходности i -го актива к премии за рыночный риск; $\beta_{i,S}$ — коэффициент чувствительности доходности i -го актива к премии за размер; $\beta_{i,V}$ — коэффициент чувствительности доходности i -го актива к премии за ценность; $\beta_{i,Prof}$ — коэффициент чувствительности доходности i -го актива к премии за норму прибыли; $\beta_{i,Inv}$ — коэффициент чувствительности доходности i -го актива к премии за уровень инвестиций; $\beta_{i,Mom}$ — коэффициент чувствительности доходности i -го актива к премии за импульс; $\beta_{i,R}$ — коэффициент чувствительности доходности i -го актива к премии за ответственность.

Анализ коэффициентов корреляции (таблица 2) позволяет сделать вывод об отсутствии мультиколлинеарности.

Таблица 2

Корреляционная матрица

Table 2

Correlation matrix

	<i>Market</i>	<i>Size</i>	<i>Value</i>	<i>Prof</i>	<i>Inv</i>	<i>Mom</i>	<i>Resp</i>
<i>Market</i>	1						
<i>Size</i>	-0,14	1					
<i>Value</i>	0,25	0,26	1				
<i>Prof</i>	0,08	-0,40	-0,43	1			
<i>Inv</i>	0,13	-0,08	0,03	0,22	1		
<i>Mom</i>	-0,09	-0,21	-0,51	0,14	-0,007	1	
<i>Resp</i>	-0,15	0,37	0,10	-0,31	-0,18	0,08	1

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Регрессия производится методом наименьших квадратов со стандартными ошибками в форме Ньюи — Уэста [19]. Результат первого шага эконометрической процедуры Фамы — Макбета представлен в таблице 3. Значение коэффициентов чувствительности каждой группы акций к премиям указано в соответствующем столбце. Под полученными оценками коэффициентов чувствительности приведены t -stat и p -значение.

Таблица 3

Результаты первого шага
процедуры Фамы — Макбета

Table 3

Results of the first step
of the Fama — MacBeth procedure

	α_i	$\beta_{i,M}$	$\beta_{i,S}$	$\beta_{i,V}$	$\beta_{i,Prof}$	$\beta_{i,Inv}$	$\beta_{i,Mom}$	$\beta_{i,R}$
<i>SC</i>	0,004	0,78	0,81	0,08	-0,01	0,00	-0,11	0,42
<i>t</i> -stat	2,68	22,43	10,08	2,03	-0,26	0,02	-3,35	5,43
<i>p</i> -value	0,01	0,00	0,00	0,05	0,79	0,98	0,00	0,00
<i>LC</i>	0,004	0,78	-0,19	0,08	-0,01	0,00	-0,11	0,42
<i>t</i> -stat	2,68	22,43	-2,44	2,03	-0,26	0,02	3,36	5,43
<i>p</i> -value	0,01	0,00	0,02	0,05	0,79	0,98	0,00	0,00
<i>HR</i>	0,002	0,91	-0,01	-0,002	-0,005	-0,06	-0,03	0,8
<i>t</i> -stat	1,65	32,65	-0,15	-0,1	-0,13	0,1	-1,37	14,67
<i>p</i> -value	0,1	0,00	0,885	0,98	0,89	1,66	0,174	0,00
<i>LR</i>	0,002	0,91	-0,01	-0,002	-0,005	-0,06	-0,03	0,19
<i>t</i> -stat	1,65	32,65	-0,15	-0,1	-0,13	0,1	-1,37	-3,66
<i>p</i> -value	0,1	0,00	0,885	0,98	0,89	1,66	0,174	0,00
<i>ValueQ1</i>	0,004	0,79	0,28	0,67	-0,02	-0,04	-0,07	0,38
<i>t</i> -stat	2,18	14,58	2,78	11,39	-0,28	0,49	-1,73	4,41
<i>p</i> -value	0,03	0,00	0,01	0,00	0,78	0,62	0,09	0,00
<i>ValueQ2</i>	0,003	0,73	0,38	-0,05	-0,09	0,15	-0,12	0,57
<i>t</i> -stat	1,15	11,13	3,36	-0,64	-1,36	1,68	-2,43	3,91
<i>p</i> -value	0,25	0,00	0,00	0,53	0,17	0,09	0,02	0,00
<i>ValueQ3</i>	0,005	0,79	0,09	0,12	0,18	-0,08	-0,18	0,42
<i>t</i> -stat	1,92	14,22	0,61	1,75	1,98	-0,81	-3,13	2,47
<i>p</i> -value	0,06	0,00	0,54	0,08	0,05	0,42	0,00	0,02
<i>ValueQ4</i>	0,004	0,79	0,28	-0,32	-0,02	-0,04	-0,07	0,39
<i>t</i> -stat	2,18	14,58	2,78	-5,55	-0,28	0,49	-1,73	4,41
<i>p</i> -value	0,032	0,00	0,01	0,00	0,78	0,62	0,08	0,00
<i>ProfQ1</i>	0,004	0,82	0,29	0,03	0,43	-0,01	-0,15	0,36
<i>t</i> -stat	1,97	16,89	3,15	0,51	6,88	0,13	-4,09	4,34
<i>p</i> -value	0,05	0,00	0,00	0,61	0,00	0,9	0,00	0,00

Окончание таблицы 3

Table 3 (end)

	α_i	$\beta_{i,M}$	$\beta_{i,S}$	$\beta_{i,V}$	$\beta_{i,Prof}$	$\beta_{i,Inv}$	$\beta_{i,Mom}$	$\beta_{i,R}$
<i>ProfQ2</i>	0,004	0,75	0,32	-0,002	0,04	-0,05	-0,31	0,41
<i>t-stat</i>	1,79	13,16	2,77	-0,03	0,48	-0,57	-0,63	3,13
<i>p-value</i>	0,07	0,00	0,00	0,98	0,63	0,58	0,53	0,00
<i>ProfQ3</i>	0,005	0,72	0,41	0,24	0,05	0,07	-0,14	0,51
<i>t-stat</i>	1,9	12,24	3,51	3,74	0,76	0,94	-3,01	3,55
<i>p-value</i>	0,06	0,00	0,00	0,00	0,48	0,34	0,00	0,00
<i>ProfQ4</i>	0,004	0,82	0,29	0,025	-0,56	-0,01	-0,15	0,36
<i>t-stat</i>	1,97	16,89	3,15	0,51	-8,93	-0,13	-4,09	4,43
<i>p-value</i>	0,051	0,00	0,00	0,61	0,00	0,9	0,00	0,00
<i>InvQ1</i>	0,00	0,78	0,51	-0,1	0,39	0,45	-0,13	0,39
<i>t-stat</i>	2,9	18,1	5,2	-1,9	5,8	6,88	-2,9	3,55
<i>p-value</i>	0,00	0,00	0,00	0,06	0,00	0,00	0,00	0,00
<i>InvQ2</i>	0,00	0,77	0,12	0,11	-0,08	0,13	0,14	0,43
<i>t-stat</i>	0,36	9,02	0,78	1,29	-0,67	1,1	1,91	3,49
<i>p-value</i>	0,72	0,00	0,44	0,19	0,51	0,27	0,06	0,00
<i>InvQ3</i>	0,005	0,74	0,24	0,34	0,03	0,03	-0,06	0,35
<i>t-stat</i>	1,88	13,4	1,72	5,78	0,3	0,43	-1,3	2,41
<i>p-value</i>	0,06	0,00	0,00	0,00	0,77	0,67	0,19	0,02
<i>InvQ4</i>	0,006	0,8	0,46	-0,1	0,01	-0,55	-0,13	0,39
<i>t-stat</i>	2,78	19,6	4,56	-2,14	-0,11	-8,43	-2,94	3,55
<i>p-value</i>	0,01	0,00	0,00	0,04	0,91	0,00	0,00	0,00
<i>MomQ1</i>	0,005	0,88	0,38	-0,05	-0,07	-0,03	0,32	0,49
<i>t-stat</i>	2,28	17,47	3,63	-0,95	-0,91	-0,4	8,26	5,69
<i>p-value</i>	0,03	0,00	0,00	0,35	0,36	0,69	0,00	0,00
<i>MomQ2</i>	0,006	0,69	0,22	0,07	-0,09	0,04	-0,03	0,19
<i>t-stat</i>	2,63	14,15	1,87	1,25	-1,28	0,55	-0,73	1,62
<i>p-value</i>	0,01	0,00	0,06	0,21	0,20	0,59	0,47	0,11
<i>MomQ3</i>	0,005	0,76	0,32	0,09	-0,01	0,05	-0,21	0,26
<i>t-stat</i>	2,01	14,88	2,54	1,75	-0,18	-0,56	-4,2	2,74
<i>p-value</i>	0,05	0,00	0,01	0,08	0,86	0,574	0,00	0,01
<i>MomQ4</i>	0,005	0,88	0,38	-0,05	-0,07	-0,03	-0,68	0,49
<i>t-stat</i>	2,28	17,47	3,63	-0,95	-0,91	-0,5	-17,2	5,69
<i>p-value</i>	0,03	0,00	0,00	0,35	0,36	0,69	0,00	0,00

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Приведенные в таблице 3 оценки коэффициентов чувствительности используются на втором шаге эконометрической процедуры в следующем уравнении регрессии:

$$\begin{aligned} \bar{R}_i - \bar{R}_{rf} = & \gamma_0 + \beta_{i,M}Market + \\ & + \beta_{i,S}Size + \beta_{i,V}Value + \beta_{i,Prof}Prof + \\ & + \beta_{i,Inv}Inv + \beta_{i,Mom}Mom + \beta_{i,R}Resp, \end{aligned} \quad (13)$$

где: *Market* — оценка премии за рыночный риск; *Size* — оценка премии за размер; *Value* — оценка премии за ценность; *Prof* — оценка премии за норму прибыли; *Inv* — оценка премии за уровень инвестиций; *Mom* — оценка премии за импульс; *Resp* — оценка премии за ответственность.

В том случае, когда коэффициент чувствительности является незначимым на десятипроцентном уровне, его значение приравнивается к нулю.

Период времени, на основе которого рассчитана средняя доходность рыночного портфеля и безрискового актива: с 01.12.2011 по 31.12.2020. Таким образом, используемые периоды времени на первом и втором шагах эконометрической процедуры совпадают. Оценка производится обычным методом наименьших квадратов. Результат второго шага эконометрической процедуры представлен в таблице 4.

Как показано в таблице 4, статистической значимостью на уровне 1% обладают премии за рыночный риск (*Market*) и импульс (*Mom*). Оценка премии за рыночный риск составляет 0,014. Это означает, что месячная доходность рыночного портфеля превышала доходность безрискового актива на 1,4 процентных пункта за рассматриваемый период. Оценка премии за импульс составляет 0,011. Таким образом, за рассматриваемый период месячная доходность акций с самым большим темпом прироста курсовой стоимости за период $t-2$ — $t-12$ превышала доходность акций с самым малым темпом прироста курсовой стоимости на 1,1 процентных пункта.

Статистической значимостью на уровне 5% обладает премия за норму прибыли (*Prof*). Оценка премии за норму прибыли составила 0,006. Таким образом,

Таблица 4

Результаты второго шага
процедуры Фамы — Макбета

Премия	<i>Market</i>	<i>Size</i>	<i>Value</i>	<i>Prof</i>	<i>Inv</i>	<i>Mom</i>	<i>Resp</i>
Оценка	0,014	0,0005	-0,003	0,006	0,0011	0,011	0,003
<i>t</i> -stat	13,19	0,28	-1,37	2,26	0,45	4,74	1,22
<i>p</i> -value	0,00	0,78	0,19	0,043	0,63	0,00	0,23

Table 4

Results of the second step
of the Fama — MacBeth procedure

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

за рассматриваемый период месячная доходность акций эмитентов с высокой нормой прибыли превышала доходность акций эмитентов с низкой нормой прибыли на 0,6 процентных пункта.

Премии за размер, ценность, уровень инвестиций и ответственность не показали статистическую значимость. Таким образом, разница в доходности акций малой и крупной капитализации, с высоким и низким коэффициентом BV/P, с высоким и низким темпом прироста активов, а также с высоким и низким ESG-рейтингом неотличима от 0.

Выводы

На основе проведенного исследования можно сделать вывод: в анализируемом периоде статистически значимыми риск-премиями на российском фондовом рынке являются премии за рыночный риск, норму прибыли и импульс. Только три фактора доходности следует использовать для составления уравнения доходности активов на российском рынке акций:

$$R_i = R_{rf} + \beta_{i,M}0,014 + \beta_{i,Prof}0,006 + \beta_{i,Mom}0,011. \quad (14)$$

Уравнение (14) обладает большой практической значимостью и может быть использовано в оптимизационной модели с целью составления оптимального портфеля российских акций.

Самостоятельным результатом является оценка премии за ответственность для российских акций. Проведенное исследование показало, что премия за ответственность не является статистически значимой. Таким образом, доходность акций российских эмитентов с высоким ESG-рейтингом не отличается от доходности акций российских эмитентов с низким ESG-рейтингом. Данный результат имеет важное значение с точки зрения декларируемого Банком России развития российского фондового рынка в сторону ответственного инвестирования. Результат, полученный для премии за ответственность, позволяет сделать обоснованное предположение о том, что внедрение ESG-факторов в деятельность российских институциональных и розничных инвесторов не снизит эффективность принимаемых ими инвестиционных решений, так как доходности акций российских эмитентов с высоким и низким ESG-рейтингом значимо не отличаются между собой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов А. Е. Эффективность управления портфелями паевых инвестиционных фондов акций и ее оценка / А. Е. Абрамов, А. Д. Радыгин, М. И. Чернова // Экономическая политика. 2019. Том 14. № 4. С. 8-47.
2. Аистов А. В. Использование многофакторных моделей для оценки эффективности паевых инвестиционных фондов / А. В. Аистов, К. Е. Кузьмичев // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2012. № 47. С. 15-23.

3. Аистов А. В. Эмпирический анализ моделей ценообразования активов на российском фондовом рынке / А. В. Аистов, К. Е. Кузьмичев // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2013. № 5. С. 36-44.
4. Галанова А. В. Факторы, определяющие избыточную доходность портфеля ценных бумаг паевых инвестиционных фондов / А. В. Галанова, В. В. Дукова // Корпоративные финансы. 2018. Том 12. № 4. С. 43-60.
5. Индекс МосБиржи и Индекс РТС. URL: <https://www.moex.com/ru/index/IMOEX>
6. Индексы облигаций. URL: <https://www.moex.com/ru/index/RUGBITR1Y>
7. Микова Е. С. Тестирование рыночного риска, ликвидности, размера компаний и моментов более высоких порядков при объяснении доходности российских акций / Е. С. Микова // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2013. № 12. С. 43-51.
8. Овечкин Д. В. Ответственные инвестиции: влияние ESG-рейтинга на рентабельность фирм и ожидаемую доходность на фондовом рынке / Д. В. Овечкин // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2021. № 1. С. 43-53.
9. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов // Банк России: оф. сайт. URL: https://cbr.ru/about_br/publ/onfinmarket/
10. Рейтинг ESG // Эксперт РА: оф. сайт. URL: <https://raexpert.ru/ratings/esg/>
11. Федорова Е. А. Сравнение моделей CAPM и Фамы — Френча на российском фондовом рынке / Е. А. Федорова, А. Р. Сивак // Финансы и кредит. 2012. № 42 (522). С. 42-48.
12. Asness C. S. Value and momentum everywhere / C. S. Asness, T. J. Moskowitz, L. H. Pedersen // The Journal of Finance. 2013. Vol. 68. No. 3. Pp. 929-985.
13. Carhart M. M. On persistence in mutual fund performance / M. M. Carhart // The Journal of Finance. 1997. Vol. 52. No. 1. Pp. 57-82.
14. ESG-индексы и рейтинги РСПП в области устойчивого развития. URL: <https://rspp.ru/activity/social/indexes/>
15. Fama E. F. A five-factor asset pricing model / E. F. Fama, K. R. French // Journal of Financial Economics. 2015. Vol. 116. No. 1. Pp. 1-22.
16. Fama E. F. International tests of a five-factor asset pricing model / E. F. Fama, K. R. French // Journal of Financial Economics. 2017. Vol. 123. No. 3. С. 441-463.
17. Fama E. F. Risk, return, and equilibrium: empirical tests / E. F. Fama, J. D. MacBeth // Journal of Political Economy. 1973. Vol. 81. No. 3. С. 607-636.
18. Madhavan A. Toward ESG alpha: analyzing ESG exposures through a factor lens / A. Madhavan, A. Sobczyk, A. Ang // Financial Analysts Journal. 2021. Vol. 77. No. 1. Pp. 69-88.
19. Newey W. K. Hypothesis testing with efficient method of moments estimation / W. K. Newey, K. D. West // International Economic Review. 1987. Vol. 28. No. 3. Pp. 777-787.
20. Novy-Marx R. The other side of value: the gross profitability premium / R. Novy-Marx // Journal of Financial Economics. 2013. Vol. 108. No. 1. Pp. 1-28.
21. The ESG Market Is Controlled by a Few Big Investors. URL: <https://www.bloomberg.com/news/newsletters/2021-12-01/the-esg-market-is-controlled-by-a-few-big-investors>

Danila V. OVECHKIN¹
Natalia B. BOLDYREVA²

UDC 336.76

ECONOMETRIC ASSESSMENT OF RISK PREMIUMS IN THE RUSSIAN STOCK MARKET*

¹ Postgraduate Student, University of Tyumen
dv.ovechkin@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9356-6254

² Dr. Sci. (Econ.), Professor,
Department of Economics and Finance,
Institute of Finance and Economics,
University of Tyumen
naboldyreva@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-1610-6075

Abstract

Reasonable investing is impossible without assessing risk premiums. In finance, the following set of risk premiums is commonly used: market risk premium, size premium, value premium, profitability premium, investments premium and momentum premium. In addition, in the context of the current trend in the development of the global financial system towards responsible investment, a responsibility premium can be distinguished. The importance of studying responsibility premium in the Russian stock market is due to the desire of the Bank of Russia to transform it towards greater responsibility and introduce ESG factors into the activities of institutional and retail investors. The purpose of this article is to identify risk premiums that are statistically significant for the Russian stock market. The study period: from 01.12.2011 to 31.12.2020. As a result of applying the two-step econometric Fama-MacBeth procedure, which includes time series regression and panel regression, it is concluded that market risk premium and momentum premium (at the level of 1%), as well as profitability

---

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (grant No. 20-310-90060).

Citation: Ovechkin D. V., Boldyreva N. B. 2022. "Econometric assessment of risk premiums in the Russian stock market". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 1 (29), pp. 331-347.
DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-331-347

premium (at the level of 5%) showed statistical significance during the period under consideration. In addition, these premiums are positive. The remaining premiums, including responsibility premium, did not show statistical significance.

According to the results, only three premiums should be used when constructing asset pricing model in the Russian stock market. This result has practical implications in the context of investing in Russian stocks. An independent result is the assessment of responsibility premium for Russian shares. The statistical insignificance of responsibility premium allows us to make a reasonable assumption that the introduction of ESG factors into the activities of Russian institutional and retail investors will not reduce the effectiveness of their investment decisions.

Keywords

Investments, stock market, assets pricing, risk premiums, responsibility, ESG rating.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-331-347

REFERENCES

1. Abramov A. E., Radygin A. D., Chernova M. I. 2019. "Efficiency in portfolio management of equity funds and methods of its evaluation". *Economic Policy*, vol. 14, no. 4, pp. 8-47. [In Russian]
2. Aistov A. V., Kuzmichev K. E. 2012. "Use of multifactor models for estimation mutual fund's performance". *Financial Analytics: Science and Experience*, no. 47, pp. 15-23. [In Russian]
3. Aistov A. V., Kuzmichev K. E. 2013. "Empirical analysis of asset pricing models in the Russian stock market". *Financial Analytics: Science and Experience*, no. 5, pp. 36-44. [In Russian]
4. Galanova A. V., Dukova V. V. 2018. "Determinants of mutual funds performance". *Journal of Corporate Finance Research*, vol. 12, no. 4, pp. 43-60. [In Russian]
5. Moscow Exchange Indices (MOEX Russia Index and RTS Index). <https://www.moex.com/ru/index/IMOEX> [In Russian]
6. Government Bond Indices. <https://www.moex.com/ru/index/RUGBITR1Y> [In Russian]
7. Mikova E. S. 2013. "Testing market risk, liquidity, size and higher order co-moments on the Russian stock market". *Financial Analytics: Science and Experience*, no. 12, pp. 43-51. [In Russian]
8. Ovechkin D. V. 2021. "Responsible investment: Impact of ESG rating on firms' profitability and expected return on the stock market". *Scientific Journal NRU ITMO. Series "Economics and Environmental Management"*, No. 1, pp. 43-53. [In Russian]
9. Official website of the Bank of Russia. "Main directions of development of the Russian Federation financial market for 2022 and the period of 2023 and 2024". https://cbr.ru/about_br/publ/onfinmarket/ [In Russian]
10. Expert RA. Rating ESG. <https://raexpert.ru/ratings/esg/> [In Russian]
11. Fedorova E. A., Sivak A. R. 2012. "Comparison of CAPM and Fama-French model on the Russian stock market". *Finance and Credit*, no. 45 (522), pp. 42-48. [In Russian]

12. Asness C. S., Moskowitz T. J., Pedersen L. H. 2013. "Value and momentum everywhere". *The Journal of Finance*, vol. 68, no. 3, pp. 929-985.
13. Carhart M. M. 1997. "On persistence in mutual fund performance". *The Journal of Finance*, vol. 52, no. 1, pp. 57-82.
14. ESG indices and ratings of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs in the field of sustainable development. <https://rspp.ru/activity/social/indexes/> [In Russian]
15. Fama E. F., French K. R. 2015. "A five-factor asset pricing model". *Journal of Financial Economics*, vol. 116, no. 1, pp. 1-22.
16. Fama E. F., French K. R. 2017. "International tests of a five-factor asset pricing model". *Journal of Financial Economics*, vol. 123, no. 3, pp. 441-463.
17. Fama E. F., MacBeth J. D. 1973. "Risk, return, and equilibrium: Empirical tests". *Journal of Political Economy*, vol. 81, no. 3, pp. 607-636.
18. Madhavan A., Sobczyk A., Ang A. 2021. "Toward ESG alpha: Analyzing ESG exposures through a factor lens". *Financial Analysts Journal*, vol. 77, no. 1, pp. 69-88.
19. Newey W. K., West K. D. 1987. "Hypothesis testing with efficient method of moments estimation". *International Economic Review*, vol. 28, no. 3, pp. 777-787.
20. Novy-Marx R. 2013. "The other side of value: The gross profitability premium". *Journal of Financial Economics*, vol. 108, no. 1, pp. 1-28.
21. Bloomberg. "The ESG market is controlled by a few big investors". <https://www.bloomberg.com/news/newsletters/2021-12-01/the-esg-market-is-controlled-by-a-few-big-investors>

СОДЕРЖАНИЕ ЗА 2021 ГОД

Том 7. № 1 (25)

СОЦИОЛОГИЯ

Тарасов В. Т.

Новый подход к анализу неравенства
в распределении денежных доходов
населения Уральского федерального
округа 6

Ромашкина Г. Ф., Шашкин Д. И.

Лидеры IT-индустрии: опыт
нарративного анализа интервью 25

Голомидова П. С.

Перспективы развития экспорта
российского высшего образования
в Социалистическую Республику
Вьетнам: опыт Северного
(Арктического) федерального
университета 54

ПРАВО

Зайцева Л. В., Алиева О. В.

Конституционные новации
и социальные ценности
государства в контексте
развития прекаризованной
занятости 78

Авдеев Д. А.

Проблемы легитимации публичной
власти в современной России 95

Ключников А. Ю.

Проблема границ динамического
толкования Европейской конвенции
по правам человека 1950 г. на примере
обеспечения социальных прав
осужденных 112

Ясинская-Казаченко А. В.,
Шоломицкая И. В.

Дистанционная занятость как институт
рабочего времени и основной
эволюционный вид занятости
в условиях пандемии 126

Абакумова О. А., Любаненко А. В.

Международные стандарты
экологического менеджмента
как инструмент правового
регулирувания бизнеса 147

ЭКОНОМИКА

Титова И. Н.

Факторный анализ экономического
развития областей Центрально-
Черноземного макрорегиона 168

Тюрина Ю. Г., Баннова К. А.

Концептуальные направления развития
теорий налогообложения через призму
реализации интересов государства
и налогоплательщиков 188

Том 7. № 2 (26)

СОЦИОЛОГИЯ

Вишневецкий Ю. Р., Тарасова А. Н.

Дистанционная и классическая формы
обучения: какова пропорция
оптимального сочетания? 8

Осьмук Л. А., Проноза С. В.
Статусные школы и обычные:
различия в учительской
активности 23

Хузяхметов Р. Р., Давыденко В. А.
Понятие некогнитивных компонентов
человеческого капитала в современной
экономико-социологической
литературе 39

Костко Н. А.
Теоретические основания
исследования социального
пространства города 65

ПРАВО

Чукреев А. А.
Региональное экономическое
взаимодействие в рамках Шанхайской
организации сотрудничества:
становление правовой основы 89

Курсова О. А.
Методы правового регулирования
нетрадиционной занятости:
ориентиры МОТ и опыт
зарубежных стран 106

Теплякова О. А., Костюков А. А.
О статусе совещательных
и координационных органов
в Российской Федерации 122

Поздышев Р. С., Назарычев Д. В.
Проблемы уголовно-правового
характера, возникающие
при расследовании преступлений,
связанных с незаконным выводом
капитала за рубеж (ст. 193 и ст. 193.1
Уголовного кодекса Российской
Федерации) 135

Верхотурова С. В., Павленко О. В.
Актуальные вопросы производства
по уголовным делам в отношении
несовершеннолетних в условиях
современной действительности 152

ЭКОНОМИКА

Лабынцев Н. Т., Шилова Л. Ф.,
Чухрова О. В.
Роль бухгалтерского учета
и контроля в управлении
экономической безопасностью
хозяйствующего субъекта 165

Симонова Л. М., Сафонова Е. И.,
Шабалов А. В.
Сравнительный анализ
международного опыта поддержки
предприятий-экспортеров
в условиях пандемии 179

Салько М. Г.
Развитие инновационного потенциала
цифровой трансформации
предприятий топливно-энергетического
комплекса 200

Дубкова В. Б.
Об особенностях налогообложения
прибыли предприятий
обрабатывающих производств
в условиях дифференцированного
подхода 219

ОБЗОРЫ

Скипин Д. Л., Кольцова Т. А.
Научный обзор материалов Второго
Всероссийского форума
по экономической безопасности
в Тюмени 243

Том 7. № 3 (27)

СОЦИОЛОГИЯ

Пеша А. В., Шавровская М. Н.,
Николаева М. А., Шрамко Н. В.
Существующие возможности
цифровой оценки компетенций
студентов университетов 6

Телепаева Д. Ф., Певная М. В.
Тенденции в исследовании
спортивного волонтерства:
управленческий аспект 20

Акулич М. М., Олалекан О. Г.
Оценка роли религий в Африке
на примере Нигерии 37

Кичерова М. Н., Сурнина В. М.,
Сурнина В. М.
Волонтерская деятельность
как проявление социальной
активности молодежи.....52

Семёнов М. Ю., Качанова П. В.
Мошенничество в сети Интернет:
отношение молодежи 71

ПРАВО

Скачкова Г. С.
Развитие идеи социального государства
и новации статьи 75.1 Конституции
Российской Федерации.....86

Филиппова Н. А.
Асимметричная организация
местного самоуправления
как фактор участия в нем сообществ
коренных малочисленных
народов России.....98

Муталипов Р. Б.
Публичное управление
современным городом 116

Добрецов Г. Б.
Описание объекта закупки
государственным заказчиком 131

ЭКОНОМИКА

Бакунова Т. В., Кольцова Т. А.,
Трофимова Е. А.
Оптимизация налогообложения субъектов
малого предпринимательства..... 144

Шмунк Д. Ю., Гильтман М. А.
Занятость молодежи и лиц старших
возрастов на рынке труда
Тюменской области: анализ
на основе микроданных 160

Том 7. № 4 (28)

СОЦИОЛОГИЯ

Германов И. А., Маркова Ю. С.,
Гордеева С. С.
Организационная справедливость
как фактор формирования
вертикального доверия в организации
(опыт исследования на предприятии
нефтегазовой отрасли) 8

Андрианова Е. В., Елышев Е. И.
Фриланс в цифровых профилях:
опыт контент-анализа.....29

Худякова М. В., Шашкин Д. И.
Сельскохозяйственные бизнесмены
юга Тюменской области: анализ
жизненных историй 46

Тарасова А. Н., Кострова Е. А. Социальные сети как механизм включения жителей в практики социального участия для развития территории 69	Ключников А. Ю. Верховенство права и независимость судебной власти в практике Европейского суда по правам человека 196
Печеркина И. Ф., Кошкина А. А., Хузахметов Р. Р. Территориальная идентичность в социальном пространстве 85	Демченко М. С. Актуальные проблемы правового регулирувания в области защиты населения и территорий в чрезвычайных ситуациях.....220
Кульминская А. В., Забокрицкая Л. Д. Досуг студенческой молодежи: результаты мониторингового исследования 102	Лейс А. В. Местное самоуправление в новых конституционных условиях 235
Батырева М. В., Карагулян Е. А. Оценка использования цифровых сервисов для проявления социально-политической активности жителями Тюменской области 121	ЭКОНОМИКА
ПРАВО	Крюков С. В., Березовская Е. А. Статическая и динамическая сравнительная оценка социально-экономического развития регионов 253
Клеандров М. И. России нужна новая Конституция ...139	Бабурина Н. А., Куцев А. Г., Размашкина Т. А. Тенденции развития брокерской деятельности коммерческих банков в России 270
Комиссарова Е. Г., Краснова Т. В. Личные права детей в предмете конституционно-правового регулирувания 152	Головко В. Б. Институт кредитной потребительской кооперации: ограничения и конкурентные преимущества.....289
Карпенко К. В. Особое мнение в конституционном правосудии и развитие юридической науки.....167	
Болотин С. В., Сидорова Н. В. Уголовно-процессуальные проблемы статуса священнослужителя как участника уголовного судопроизводства.....183	

CONTENTS FOR 2021

Vol. 7. No. 1 (25)

SOCIOLOGY

Tarasov V. T.

A new approach to the analysis of inequality in the distribution of cash incomes of the population of the Ural Federal District 6

Romashkina G. F., Shashkin D. I.
IT-industry leaders: an experience of narrative interview analysis.....25

Golomidova P. S.

The prospects for the development of Russian higher education's export to Vietnam: the case of Northern (Arctic) Federal University 54

LAW

Zaitseva L. V., Alieva O. V.

Constitutional innovations and social values of the state in the context of the precarious employment development.....78

Avdeev D. A.

Legitimation problems of public government in modern Russia 95

Klyuchnikov A. Yu.

The boundaries problem of the 1950 European Convention dynamic interpretation on Human Rights on the example of ensuring the social rights of convicts 112

Yasinskaya-Kazaschenko A. V.,
Sholomitskaya I. V.

Distance employment as an institution of working time and the main evolutionary type of employment in a pandemic.....126

Abakumova O. A., Lyubanenko A. V.

Environmental standards as an international legal regulation instrument of business in the environmental sphere.....147

ECONOMICS

Titova I. N.

Factor analysis of the Central Black Earth macroregion areas economic development.....168

Tyurina Yu. G., Bannova K. A.

Conceptual directions of the taxation theories development through the realizing prism interests of the state and taxpayers.....188

Vol. 7. No. 2 (26)

SOCIOLOGY

Vishnevsky Yu. R., Tarasova A. N.

Distance and classical forms of learning: what is the proportion of the optimal combination? 8

Osmuk L. A., Pronoza S. V.

Status schools versus regular schools: differences in teacher activity.....23

Khuziakhmetov R. R., Davydenko V. A.

Non-cognitive components concept of human capital in modern economic and sociological literature 39

Kostko N. A. Theoretical foundations of the city social space study 65	Simonova L. M., Safonova E. I., Shabalov A. V. Comparative analysis of international experience in supporting exporting enterprises during the pandemic 179
LAW	Salko M. G. Developing the innovative potential of digital transformation of enterprises of the fuel and energy complex 200
Chukreyev A. A. Regional economic interaction within the Shanghai Cooperation Organization: formation of legal basis 89	Dubkova V. B. The peculiarities of industrial enterprises' profit taxation in a differentiated approach 219
Kursova O. A. Legal regulation methods of non-traditional employment: ILO guidelines and experience of foreign countries 106	OVERVIEWS
Teplyakova O. A., Kostyukov A. A. On the status of advisory and coordinating bodies in the Russian Federation 122	Skipin D. L., Koltsova T. A. Scientific review of materials from the 2nd National Forum on Economic Security in Tyumen 243
Pozdishev R. S., Nazarychev D. V. Problems of a criminal-legal nature arising in the investigation of crimes related to the illegal withdrawal of capital abroad (Article 193 and Article 193.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) 135	Vol. 7. No. 3 (27)
Verkhoturova S. V., Pavlenko O. V. Current issues of criminal proceedings against minors in the context of modern reality 152	SOCIOLOGY
ECONOMICS	Pesha A. V., Shavrovskaya M. N., Nikolaeva M. A., Shramko N. V. Existing opportunities for digital assessment of university students' competencies 6
Labyntsev N. T., Shilova L. F., Chukhrova O. V. The role of accounting and control in the management of economic security of an organization 165	Telepaeva D. F., Pevnaya M. V. Trends in sports volunteering research: a management aspect 20
	Akulich M. M., Olalekan O. G. Assessing the role of religions in Africa using the example of Nigeria 37

Kicherova M. N., Surnina V. M.,
Surnina V. M.

**Volunteering as a manifestation
of the young people's social activity** 52

Semenov M. Yu., Kachanova P. V.

**Internet fraud: the attitude
of young people**..... 71

LAW

Skachkova G. S.

**Development of the idea of a social state
and innovations of Article 75.1
of the Russian Federation Constitution** 86

Filippova N. A.

**Asymmetric organization of local
self-government as a factor
of participation in it of communities
of indigenous minorities of Russia**.....98

Mutalipov R. B.

**Public administration
of a modern city**..... 116

Dobretsov G. B.

**Description of the procurement object
by the state customer** 131

ECONOMICS

Bakunova T. V., Koltsova T. A.,
Trofimova E. A.

**Optimization of taxation of small
businesses** 144

Shmunk D. Yu., Giltman M. A.

**Employment of youth and older people
in the labor market of the Tyumen region:
analysis based on microdata** 160

Vol. 7. No. 4 (28)

SOCIOLOGY

Germanov I. A., Markova Yu. S.,
Gordeeva S. S.

**Organizational justice as a factor
in the formation of vertical trust
in an organization (the case of an oil
and gas company)**.....8

Andrianova E. V., Elyshev E. I.

**Freelancing in digital profiles:
A content analysis experience** 29

Khudyakova M. V., Shashkin D. I.

**Agribusinessmen of the Tyumen oblast
south: Life-stories analysis** 46

Tarasova A. N., Kostrova E. A.

**Social networks as a mechanism
for including residents in social participation
practices of territory development**..... 69

Pecherkina I. F., Koshkina A. A.,
Khuziakhmetov R. R.

Territorial identity in social space 85

Kulminskaya A. V., Zabokritskaya L. D.

**Leisure of student youth: Results
of monitoring research**..... 102

Batyreva M. V., Karagulyan E. A.

**Assessment of the use of digital services
for social and political activity
by the residents of the Tyumen region**..... 121

LAW

Kleandrov M. I.

**On the need for a new constitution
of the Russian Federation**..... 139

Komissarova E. G., Krasnova T. V. Personal rights of children in the subject of constitutional and legal regulation 152	Golovko V. B. Institution of credit consumer cooperation: Restrictions and competitive advantages 289
Karpenko K. V. Dissenting opinion in the constitutional justice and the evolution of legal science 167	
Bolotin S. V., Sidorova N. V. Criminal procedure issues of the status of a priest as a participant in criminal proceedings 183	
Klyuchnikov A. Yu. The rule of law and the independence of the Judiciary in the practice of the European Court of Human Rights 196	
Demchenko M. S. Urgent issues of legal regulation in the field of protection of population and territories in emergency situations 220	
Leis A. V. Local self-government in new constitutional conditions 235	
ECONOMICS	
Kryukov S. V., Berezovskaya E. A. Static and dynamic comparative assessment of socio-economic development of regions 253	
Baburina N. A., Kutsev A. G., Razmashkina T. A. Developmental trends in brokerage activities of commercial banks in Russia 270	

Научное издание

ВЕСТНИК
ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
2022. Том 8. № 1 (29)

Редакторы	<i>Д. В. Петелина, А. А. Горбунов</i>
Перевод	<i>А. А. Горбунов</i>
Компьютерная верстка	<i>В. Е. Суслов, Т. П. Сербин</i>
Дизайн обложки	<i>Е. Г. Шмакова</i>
Печать	<i>А. Е. Котлярова, А. В. Башкиров, В. В. Торопов</i>

Дата выхода в свет 31.03.2022
Формат 70×108/16
Бумага Xerox Perfect Print
Обложка Stromcard LI
Гарнитура Times New Roman
Печать электрографическая
31,2 усл. печ. л., 24,9 уч.-изд. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 147

Центр научных периодических изданий
625003, г. Тюмень, ул. Перекопская, 15а
тел./факс: +7 (3452) 59-74-32
vestnik-social-r@utmn.ru

Отпечатано в Издательстве ТюмГУ
625003, г. Тюмень, ул. Ленина, 25